

А.М. Илюшин, С.А. Ковалевский

**КОМПЛЕКС ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ
В ДОЛИНЕ РЕКИ КАСЬМЫ**

Кемерово 2012

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КУЗБАССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ имени Т.Ф. ГОРБАЧЕВА»

ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

*СЕРИЯ: ТРУДЫ КУЗНЕЦКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ.
ТОМ 5*

А.М. Илюшин, С.А. Ковалевский

КОМПЛЕКС ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ В ДОЛИНЕ РЕКИ КАСЬМЫ

МОНОГРАФИЯ

Кемерово 2012

УДК 930.26/930.85
ББК Т4 (2Рос 53-4Ке) 4-431.1
И43

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН
заслуженный деятель науки РФ **А. И. Мартынов**

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор **Н. М. Зиняков**
доктор исторических наук, профессор **Л. М. Плетнева**

И 43 Илюшин А. М., Ковалевский С. А.

**Комплекс археологических поселений в долине реки Касьмы :
монография. – Кемерово : Изд-во КузГТУ, 2012. – 212 с.
ISBN 978-5-89070-880-9**

В монографии публикуются и исследуются материалы раскопок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции на уникальном объекте историко-культурного наследия Кузбасса – комплексе разновременных археологических поселений Торопово-4, который расположен на территории Кузнецкой котловины в долине среднего течения р. Касьмы в Ленинске-Кузнецком районе Кемеровской области. Полевые исследования этого памятника осуществлялись в конце XX – начале XXI вв. Исследование позволило установить, что комплекс археологических поселений Торопово-4 формировался на разных берегах р. Касьмы, на протяжении нескольких тысячелетий, начиная с эпохи энеолита до позднего средневековья. В книге опубликованы материалы раскопок, являющиеся ценным источником по древней и средневековой истории Кузнецкой котловины, Верхнего Приобья, Западной и Средней Сибири.

Книга рассчитана на археологов, этнологов, историков, краеведов и всех интересующихся древней и средневековой историей Кузнецкой котловины, Саяно-Алтая, Центральной и Северной Азии.

ISBN 978-5-89070-880-9

УДК 930.26/930.85
ББК Т4 (2Рос 53-4Ке) 4-431.1
И43
© Илюшин А. М.,
Ковалевский С. А., 2012
© КузГТУ, 2012

*Посвящается 70-летию Кемеровской области
и 25-летию Кузнецкой комплексной
археолого-этнографической
экспедиции*

1. ВВЕДЕНИЕ

В отечественной, и в частности в сибирской, археологии давно сложилась ситуация, когда количество раскопанных памятников доминирует над количеством памятников, которые опубликованы. Последние представляют собой полноценные исторические источники. С их помощью исследуются различные вопросы древней и средневековой истории. Из года в год диспропорция между раскопанными и опубликованными памятниками увеличивается, что ведет к явному снижению качества теоретических работ. Это логически следует из того, что количество разнообразных артефактов неустанно увеличивается в связи с проведением ежегодных полевых исследований, но из-за отсутствия единых подходов к обработке и введению новых археологических источников в научный оборот, они долгое время остаются недоступными для широкой научной аудитории. Задержка с публикацией новых источников, как правило, приводит к их оседанию в различных архивах и фондах и частичной утере, что в свою очередь обедняет их источниковедческую ценность. Такая же критическая ситуация сложилась в археологии Кемеровской области и особенно при исследовании древних периодов истории (эпохи бронзы и раннего железного века) Кузнецкой котловины. Осознавая необходимость оперативного введения новых данных в широкий научный оборот, сотрудники Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭЭ) еще в начале 1990-х годов приняли решение об издании серии своих трудов в форме монографий и сборников статей.

ККАЭЭ с 1988 года ежегодно работает на территории Кузнецкой котловины, занимаясь изучением археологических памятников разных исторических периодов. Одна из полевых исследовательских научных программ, по которым работает ККАЭЭ все это время, называется «Археологические микрорайоны на территории Кузнецкой котловины». Для обследования по этой программе были выбраны долины трех небольших рек левых притоков р. Ини – Бачаты, Ур и Касьма, которые берут свое начало в отрогах Салаирского кряжа и располагаются на административных территориях Беловского, Гурьевского и Ленинска-Кузнецкого районов Кемеровской области. За годы исследований в долинах этих трех рек и их притоков были открыты и обследованы многочисленные археологические памятники.

ки разных хронологических эпох и периодов. Это позволило картографировать разнообразные по своей форме и содержанию археологические памятники, а при их раскопках значительно пополнить базу культурных артефактов по древней и средневековой археологии Кузнецкой котловины. Материалы многих из раскопанных археологических памятников (Сапогово, -1, -2, Шабаново, -1, -3, -4, -6, -8, -9, -10, Торопово-1, -4, -6, -7, Мусохраново, -1, -3, Чудиновка-1, Бирюля-1, Саратовка-4, -6, Подгорное, Ишаново, Раздольный и др.) благодаря труду сотрудников ККАЭЭ были введены в широкий научный оборот и преобразованы в полноценные исторические источники (Илюшин А.М., 1997; 1998; 1999а; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г., 1992; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А., 2001а; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996; Илюшин А.М., Ковтун И.В., 1992; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1995; 1998; 2002; и др.).

Наиболее насыщенным регионом по количеству археологических памятников оказалась долина среднего течения р. Касьмы, где на территориях и в окрестностях сел Шабаново и Торопово на землях колхоза «Заря» было зафиксировано наибольшее количество археологических памятников – курганные могильники, курганные группы, одиночные курганы и поселения. Памятники этой территории входят в Касьминский археологический микрорайон, который в 1994 году выделили А.М. Илюшин и М.Г. Сулейменов по материалам систематических раскопок памятников различных исторических эпох (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1994, с. 39-43). В последующем сотрудник ККАЭЭ С.А. Ковалевский выделил и обосновал локальные особенности ирменских погребально-поминальных памятников этого микрорайона (Ковалевский С.А., 2001, с. 159-160). В число наиболее ярких историко-культурных древностей этого археологического микрорайона традиционно относят погребальные памятники Сапогово, -1, -2 и Торопово-1, материалы которых в 1990-х годах были опубликованы в монографиях. Однако раскопки ККАЭЭ начала XXI века позволяют отнести к числу самых ярких памятников древней культуры этого археологического микрорайона комплекс разновременных поселений Торопово-4, который располагается на площади порядка 3 кв. км на двух берегах р. Касьмы близ села Торопово (рис. 1). Отношение к этому памятнику как комплексу древних поселений формировалось у членов ККАЭЭ на протяжении нескольких лет. Памятник Торопово-4 на момент открытия в 1996 году интерпретировался нами как поселение эпохи поздней бронзы, расположенное на правом берегу реки, и отождествлялся с кругом древностей ирменской археологической культуры (Сулейменов М.Г., 1997). Памятник интенсивно разрушался и находился в аварийном состоянии, поэтому в течение нескольких лет сотрудники ККАЭЭ фиксировали происходившие с ним изменения и производили сборы артефактов. Это нашло отражение в

целом ряде публикаций (Мга В.В., 1997, с. 20-30; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Мга В.В., 1998, с. 107-121; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А., 2001, с. 199-201; и др.). Именно аварийное состояние Торопово-4 явилось причиной более детального обследования памятника и раскопок, наиболее разрушаемых его участков, которые проводились сотрудниками ККАЭЭ в 2001-2002 годах (Илюшин А.М., 2001; 2002; 2003). В процессе обследования памятника с 1996 по 2002 год была сформирована замечательная коллекция археологических артефактов из подъемных сборов и раскопок на обоих берегах реки, которая была передана на хранение в фонды Ленинск-Кузнецкого городского краеведческого музея, где частично представлена в экспозиции. Именно в ходе раскопок удалось выявить многослойный характер памятника и утвердиться во мнении, что этот памятник представляет собой комплекс древних поселений. Были обнаружены закрытые комплексы и отдельные артефакты различных исторических эпох и культур на обоих берегах р. Касьмы, которые свидетельствуют о том, что на этом месте функционировали поселения аборигенов с эпохи энеолита (или ранней бронзы) вплоть до позднего средневековья.

Цель настоящей книги – публикация материалов обследований и раскопок комплекса археологических памятников, расположенного у села Торопово в среднем течении р. Касьмы. В этой связи авторы ставили перед собой несколько задач:

- во-первых, дать полное описание и составить иллюстративное приложение материалов подъемных сборов и раскопанных участков памятника по годам его обследования;
- во-вторых, систематизировать и классифицировать весь накопленный материал по культурно-хронологическим признакам;
- в-третьих, интерпретировать новые источники в русле культурно-исторических процессов, которые имели место на территориях долины р. Касьмы, Кузнецкой котловины, Верхнего Приобья, Западной и Средней Сибири в изучаемые периоды истории.

Процесс и материалы раскопок представлены на фотографиях, чертежах и рисунках приложения. Необходимо отметить, что в приложении на чертежах-схемах раскопов пронумерованы все найденные артефакты, а на иллюстрациях представлены только лишь венчики, днища и орнаментированные фрагменты керамической посуды, а также другие предметы материальной культуры. Находки фрагментов керамической посуды без орнамента в приложение не включены, но их количество в несколько раз превышает те артефакты, которые представлены на рисунках. Это соотношение хорошо видно на чертежах-схемах раскопов различных участков памятника (рис. 19; 52; 54; 58).

Кроме сотрудников ККАЭЭ на этом памятнике в 2001 и 2002 годах работали многочисленные помощники, участники и организаторы трудового оздоровительного археологического лагеря «Родина» на базе стацио-

нарного палаточного городка ККАЭЭ. В их числе были учащиеся школ городов Гурьевск, Кемерово, Ленинск-Кузнецкий и близлежащих деревень Шабаново и Торопово. За что им огромное спасибо!

Особую благодарность хочется выразить руководителям школьных коллективов юных археологов и краеведов – В.А. Борисову, Г.К. Шалыгиной, Т.П. Моржановой, а также работникам управления колхоза «Заря», центра занятости населения Ленинска-Кузнецкого района, Шабановской сельской и Ленинска-Кузнецкой районной администрациям, за участие и помощь в деле спасения и сохранения комплекса поселений Торопово-4 – памятника историко-культурного наследия нашей малой Родины.

2. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК КОМПЛЕКСА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ТОРОПОВО-4

Этот раздел монографии посвящен описанию истории обнаружения комплекса разновременных археологических поселений Торопово-4 в долине среднего течения р. Касьмы и результатов его многолетнего исследования сотрудниками Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции.

2.1. ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА И ПЕРВЫЕ ПОДЪЕМНЫЕ СБОРЫ

Впервые памятник был открыт в 1996 году, когда при проведении стационарных раскопок курганного могильника Торопово-1 сотрудники ККАЭЭ М.Г. Сулейменов, А.Н. Герасимов и А.М. Илюшин обследовали неподалеку сильно разрушаемую левую береговую террасу р. Касьмы и собрали коллекцию подъемных материалов из фрагментов керамической посуды (рис. 2, 1-19). Артефакты были обнаружены на обрыве берега, на дне реки и на незадернованных участках грунтовой дороги, соединяющей с. Торопово и с. Шабаново. Были установлены условные границы памятника, с Ю на С 145 м и с З на В 154 м, и определена его приблизительная площадь 1,233 га, которая в это время использовалась для выпаса частного и колхозного скота. Поселение было подвержено искусственному (распашка всей площади поселения в 1970-х годах, функционирование грунтовых дорог, вытаптывание культурного слоя стадом) и естественному (весенние разливы реки, подмыв береговой террасы и выдувание культурного слоя) разрушению (рис. 1, А, Б). Результаты полевых сборов и обследования памятника позволили оценить его состояние как аварийное, а артефакты отождествить с кругом древностей поздней бронзы (ирменская археологическая культура), раннего железного века и средневековья и интерпретировать его как многослойный (Илюшин А.М., 2005, с. 32-33; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 2004, с. 44-48; Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А., Роговских В.Г., Сулейменов М.Г., 1999, с. 280; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Мга В.В., 1998, с. 110; Сулейменов М.Г., 1997, с. 7; и др.).

В 1999 году во время проведения аварийных раскопок на поселениях Шабаново-5 и -6 на административной территории с. Шабаново Ленинска-Кузнецкого района Кемеровской области местные подростки, из года в год

участвующие в полевых археологических исследованиях ККАЭЭ на территории родного села, информировали нас о том, что ими был обнаружен разрушающийся археологический памятник. В подтверждение своих слов они предъявили результаты своих полевых сборов – фрагменты керамической посуды, которые были собраны на обрывистых берегах р. Касьмы, подмываемых вешними водами. По описаниям подростков и после нашего совместного выезда и осмотра месторасположения археологических сборов было установлено, что фрагменты керамической посуды происходят из ранее известного поселения Торопово-4. Визуальное обследование и составление плана-схемы расположения поселения подтвердили прежний вывод об аварийном состоянии памятника, а подъемные материалы, собранные подростками – жителями с. Шабаново и сотрудниками ККАЭЭ в 1999 году на обрывистом берегу р. Касьмы в ЮЗ части поселения (рис. 1Б; 3, 1-15; 4, 16-27), дополнили коллекцию материалов этого памятника. В местах полевых сборов культурный слой фиксировался в слое гумусированного чернозема, который прослеживался на глубине 0,10-0,53 м и располагался сразу же под дерновым покрытием. Находки 1999 года были представлены фрагментами керамической посуды, которая была датирована эпохой поздней бронзы и отождествлена с кругом древностей ирменской археологической культуры IX-VII вв. до н.э. (Илюшин А.М., 2001, с. 33-34; 2005, с. 32-33; Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А., 2001, с. 248-250; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 2004, с. 44-48; и др.).

В 2000 году по плану работы ККАЭЭ памятник был вновь обследован. На обрывистом левом берегу, в реке и на грунтовой дороге, в местах наибольшего разрушения культурного слоя поселения была собрана большая коллекция фрагментов керамической посуды, найдены бронзовый нож, каменные орудия труда и костяные изделия (рис. 1Б; 5, 1-3; 6, 4-13; 7, 14-23; 8, 24-29; 9, 30-39; 10, 40-55; 11, 56-63). По подъемным сборам 2000 года памятник был датирован эпохами поздней бронзы, раннего железа и раннего средневековья. Кроме этого был сделан вывод и поставлен вопрос о существующей необходимости как можно скорее провести аварийные раскопки близ края разрушаемой береговой террасы. Кроме этого предлагалось провести раскопки отдельных участков памятника для установления точных границ его территории (Илюшин А.М., 2001, с. 8-9; 2005, с. 32-33; Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А., 2001а, с. 229-231; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 2004, с. 44-48; и др.).

2.2. ПОДЪЕМНЫЕ СБОРЫ И РАСКОПКИ 2001 ГОДА

В 2001 году по утвержденному плану работы ККАЭЭ на памятнике должны были начаться аварийные раскопки на наиболее разрушаемых участках. Перед началом раскопок было проведено визуальное изучение обеих береговых террас и собрана коллекция из различных артефактов. По

сложившейся традиции подъемные сборы на левом обрывистом берегу, на дне реки и на грунтовой дороге, в местах наибольшего разрушения культурного слоя, были представлены большой коллекцией фрагментов керамической посуды, каменных орудий труда и костяных изделий (рис. 1Б; 12, 1-28; 13, 29-51; 14, 52-72; 15, 73-80; 16, 81-86). Кроме этого, впервые были обнаружены разрушения культурного слоя и фрагменты неорнаментированной керамической посуды в пределах пойменной террасы на левом и правом обрывистых берегах р. Касьмы. Из числа этих находок два фрагмента керамической посуды были орнаментированы (рис. 1Б; 18, 1, 2). Эти обстоятельства и предопределили закладку трех раскопов на памятнике в 2001 году в местах наибольших разрушений береговых террас и культурного слоя. Два раскопа №1 и №2 были разбиты на левом берегу р. Касьмы, а раскоп №3 на правом (рис. 1). Раскопки этих трех участков поселения осуществлялись по общепринятой методике. Первоначально изучалась стратиграфия, в местах разрушения террасы, а затем были определены границы и площади раскопов, которые разбивались на квадраты (в основе лежал квадрат 4×4 м – А.И.), привязанные к краю береговой террасы и ориентированные стенками по сторонам света. На каждом раскопе определялся нулевой уровень и нивелировалась вся его поверхность. После этого проводились горизонтальная разборка и зачистка, от края, разрушаемого культурного слоя, поочередно всех слоев каждого раскопа, вплоть до материка с фиксацией находок по отношению к нулевому уровню, на чертежах и фото. После чего производилась зачистка профилей стенок раскопа, составлялись их чертежи, и осуществлялась фотофиксация. В процессе раскопок все находки проходили первоначальную камеральную обработку, шифровались, нумеровались и упаковывались. По окончании работ на раскопах №2 и №3 была осуществлена рекультивация грунта и проведен дренаж из кусков срезанного в процессе раскопок дерна, с целью закрепления грунта береговой террасы. На раскопе №1 работы по рекультивации грунта и дренажу были проведены лишь на западном и восточном участке. В центральной части этого раскопа, наиболее разрушаемого и требующего обязательного продолжения аварийных раскопок в следующем полевом сезоне, была осуществлена лишь его консервация (Илюшин А.М., 2002, с. 9-43; 2005а, с. 33-37; Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А., 2002, с. 418-419). Приведем описание результатов работы в 2001 году на каждом из трех раскопов.

2.2.1. РАСКОП №1

Этот раскоп располагается в центральной части памятника на левом берегу р. Касьмы, где поселение вплотную подходит к реке, и активно разрушается под воздействием естественных причин и антропогенного фактора (рис. 1Б). Именно в этом месте в предшествующие годы больше всего

было найдено артефактов из числа подъемных сборов. Площадь разрушения памятника на этом участке была охвачена раскопом лишь частично, так как он был привязан к краю разрушающейся береговой террасы и не захватил территорию, подверженную разрушению грунтовой дорогой, на которой отсутствует дерновое покрытие. Общая площадь раскопа №1 в 2001 году составляет приблизительно 690 кв. м (рис. 1Б; 19).

Стратиграфия исследуемого участка памятника хорошо прослеживалась на обрывистом берегу р. Касьмы до начала раскопок, а после проведения зачистки береговой террасы она стала еще более ярко выраженной. Последующие раскопки и зачистка стенок раскопа лишь в самой незначительной степени позволили уточнить первоначально полученные данные. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что на всем протяжении раскопа стратиграфия одинакова. Она изменяется лишь в величинах отдельных слоев (рис. 19), что объясняется различиями в почвообразовательных процессах, связанных с естественным ландшафтом. Западный и восточный участки раскопа находятся под наклоном, ниже центральной его части и подвержены естественному наплыву грунтов. Именно поэтому на западном и восточном участках присутствуют третий и четвертый слои раскопа, а в центральной части их всего два. Центральная часть раскопа (квадраты, обозначенные на рис. 19 цифрами с 11 до 13 с Ю на С – А.И.) располагается на высокой мысовидной террасе, которая подвержена наибольшему разрушению, как вследствие воздействия паводковых вод, так и под воздействием антропогенного фактора. Дерновое покрытие на этом участке поселения практически полностью отсутствует, а чернозем начинается с уровня современной поверхности, который подстилает слой предматерикового серого суглинка. Сверху вниз слои располагаются следующим образом: дерн – 0-0,07 м; чернозем – 0,37-0,43 м; серый суглинок (предматериковый слой) – 0,04-0,13 м; темный суглинок (материк) – несколько метров до уровня воды. Западный и восточный участки раскопов (квадраты, обозначенные на рис. 19 цифрами с 1 до 10 с Ю на С – А.И.) располагаются на террасах заливных пойм, подступающих с разных сторон к более высокой мысовидной террасе, на которой располагается центральный участок раскопа. Здесь имеется мощный слой дерна, за которым следует слой желтой глины, после чего фиксируется слой чернозема и за ним следует темный суглинок (материк). Сверху вниз слои располагаются следующим образом: дерн – 0,17-0,24 м; желтый суглинок – 0,27-0,60 м; чернозем – 0,19-0,43 см; темный суглинок (материк) – несколько метров до уровня воды. Величины раскопа на западном и восточном участках достигали в самой высокой точке отметки в 0,96 м и в самой низкой 0,57 м, а на центральном участке они зафиксированы на отметках 0,47 м и 0,35 м соответственно (рис. 19). Различия в величинах предопределили тот факт, что центральный участок раскопа был изучен при помощи 1-2-3 слоев раскопа, а западный и восточный – 1-4 слоев.

Описание слоев раскопа. При раскопках горизонтальные слои, величиной до 0,24 м (с учетом зачистки), обозначались цифрами, поочередно, от 1 до 4.

Каждый слой обследовался индивидуально по всей площади раскопа по квадратам, которые поочередно обозначались цифрами с 1 до 13 (с Ю на С) и буквами русского алфавита от А до Э (с З на В) и раскапывались от края раскопа, с юга на север (рис. 19А-Г). Осуществлялась сквозная нумерация находок по слоям раскопа, которая привязывалась к квадратам по направлению с З на В.

Первый слой раскопа (0-24 см) оказался стерильным на предмет находок в квадратах **А6, А7, Б7, Б8, В8, Ш5, Щ5, Щ4, Щ3, Э3, Э2, Э1**, которые находятся на заливаемых пойменных террасах в западном и восточном участках раскопа. В этих местах первый слой представлял собой дерновое покрытие, где не были выявлены какие-либо следы жизнедеятельности человека (рис. 19А).

Основная масса находок была сконцентрирована в квадратах, расположенных в центре раскопа, где отсутствовало дерновое покрытие и находки «выглядывали» из земли.

В квадрате **В9** были найдены 1 зуб и 5 фрагментов костей животных (рис. 19А).

В квадрате **Г9** были найдены 2 фрагмента керамических сосудов и 9 фрагментов костей животных (рис. 19А, 1, 2).

В квадрате **Г10** были найдены 5 фрагментов керамических сосудов, 1 зуб и 3 фрагмента костей животных (рис. 19А, 3-7; 20, 7).

В квадрате **Д9** находок не было (рис. 19А).

В квадрате **Д10** были найдены 5 фрагментов керамических сосудов, 2 зуба и 5 фрагментов костей животных (рис. 19А, 8-12; 20, 10-12).

В квадрате **Е10** были найдены 3 фрагмента керамических сосудов и 4 фрагмента костей животных (рис. 19А, 13-15; 20, 15).

В квадрате **Е11** были найдены 20 фрагментов керамических сосудов, 4 фрагмента челюстей и 13 фрагментов костей животных (рис. 19А, 16-35; 20, 22, 23, 29).

В квадрате **Ж11** были найдены 1 костяной наконечник стрелы, 1 костяное изделие (орнаментир), 59 фрагментов керамических сосудов и 43 фрагмента костей животных (рис. 19А, 36-96; 20, 36, 37, 43, 44, 49, 59-61, 64, 71, 76; 21, 83, 90, 91, 95, 96).

В квадрате **Ж12** были найдены 3 фрагмента керамических сосудов, лежащие одним скоплением 63 игральные кости (альчики), 4 фрагмента челюстей, 3 зуба и 56 фрагментов костей животных (рис. 19А, 97-162; 21, 97-122; 22, 123-154; 23, 155-159, 162).

В квадрате **Ж13** были найдены 8 фрагментов керамических сосудов, 7 фрагментов челюстей и 100 фрагментов костей животных (рис. 19А, 163-170).

В квадрате **311** были найдены 1 бронзовое изделие (так называемая «лапчатая подвеска» – А.И.), 6 фрагментов керамических сосудов и 15 фрагментов костей животных (рис. 19А, 171-177; 23, 171, 172).

В квадрате **312** были найдены 2 костяных изделия, 1 каменное изделие, 32 фрагмента керамических сосудов, 1 игральная кость (альчик), 3 фрагмента челюстей, 6 зубов и 55 фрагментов костей животных (рис. 19А, 178-226; 23, 178, 180, 188, 189, 191, 194, 195, 198, 200, 203, 206, 207, 214-218, 220, 221, 223; 24, 224-226).

В квадрате **313** были найдены 3 игральные кости (альчики), 33 фрагмента керамических сосудов, 1 фрагмент челюсти, 2 зуба и 62 фрагмента костей животных (рис. 19А, 227-263; 24, 231, 236-239, 244, 247, 248, 250, 251, 258-261, 263).

В квадрате **И11** находок не было (рис. 19А).

В квадрате **И12** были найдены 31 фрагмент керамических сосудов, 1 фрагмент каменного изделия, 3 зуба и 31 фрагмент костей животного (рис. 19А, 264-295; 24, 270, 273, 276-278, 287; 25, 282, 284-286, 289, 292, 293, 295).

В квадрате **И13** были найдены 1 игральная кость (альчик), 10 фрагментов керамических сосудов, 4 фрагмента челюстей, 2 зуба крупного травоядного животного и 43 фрагмента костей животных (рис. 19А, 296-306; 25, 296, 299, 304, 306).

В квадрате **К12** были найдены 19 фрагментов керамических сосудов, 2 фрагмента челюстей и 22 фрагмента костей животных (рис. 19А, 307-325; 25, 309-313, 317; 26, 318, 322, 323).

В квадрате **К13** были найдены 27 фрагментов керамических сосудов, 4 фрагмента челюстей и 54 фрагмента костей животных (рис. 19А, 326-352; 26, 326, 328-331, 333-336, 339, 343, 344, 352).

В квадрате **Л12** были найдены 6 фрагментов керамических сосудов, 2 фрагмента челюстей и 21 фрагмент костей животных (рис. 19А, 353-358; 26, 353-355).

В квадрате **Л13** были найдены 17 фрагментов керамических сосудов, 1 фрагмент челюсти, 4 зуба и 76 фрагментов костей животных (рис. 19А, 359-375; 27, 359-362, 368, 373-375).

В квадрате **М12** были найдены 14 фрагментов керамических сосудов, 1 древесный уголь и 20 фрагментов костей животных (рис. 19А, 376-389; 27, 379-382).

В квадрате **М13** были найдены 1 игральная кость (альчик), 23 фрагмента керамических сосудов и 64 фрагмента костей животных (рис. 19А, 390-412; 27, 392, 394, 395, 407-409).

В квадрате **Н12** были найдены 1 железный рыболовный крючок, 1 фрагмент костяного изделия, 3 фрагмента керамических сосудов, 6 древесных угольков, 3 фрагмента челюстей и 31 фрагмент костей животных (рис. 19А, 413-417; 27, 413, 415, 416).

В квадрате **Н13** были найдены 1 костяная проколка, 6 фрагментов керамических сосудов, 9 фрагментов челюстей животных, 2 зуба крупного травоядного животного и 67 фрагментов костей животных (рис. 19А, 418-424; 27, 418, 422; 28, 423, 424).

В квадрате **О12** были найдены 1 костяная проколка, 1 фрагмент каменного изделия, 10 древесных угольков, 4 фрагмента челюстей, 1 зуб крупного травоядного животного и 37 фрагментов костей животных (рис. 19А, 425, 426; 28, 425, 426).

В квадрате **О13** были найдены 1 каменный наконечник стрелы, 6 фрагментов керамических сосудов и 138 фрагментов костей животных (рис. 19А, 427-432; 28, 427, 432).

В квадрате **П12** были найдены 2 фрагмента керамических сосудов, 2 древесных угля, 5 фрагментов челюстей и 17 фрагментов костей животных (рис. 19А, 434, 435; 28, 433).

В квадрате **П13** были найдены 1 игральная кость (альчик), 5 фрагментов керамических сосудов, 1 фрагмент челюсти, 2 зуба и 47 фрагментов костей животных (рис. 19А, 436-441; 28, 437-439, 441).

В квадрате **Р12** были найдены 1 фрагмент каменного изделия, 2 фрагмента керамических сосудов, 4 зуба и 19 фрагментов костей животных (рис. 19А, 442-444; 28, 442, 444).

В квадрате **Р13** были найдены 1 костяная пуговица (застежка), 3 фрагмента керамических сосудов, 2 фрагмента челюстей крупного травоядного животного и 36 фрагментов костей животных (рис. 19А, 445-448; 28, 445, 447, 448).

В квадрате **С12** были найдены 20 фрагментов керамических сосудов, 2 фрагмента челюстей и 8 фрагментов костей животных (рис. 19А, 449-468; 28, 456, 458, 460, 463, 467).

В квадрате **С13** были найдены 13 фрагментов керамических сосудов, 2 фрагмента челюстей, 9 зубов и 68 фрагментов костей животных (рис. 19А, 469-481; 28, 469; 29, 472, 477, 478).

В квадрате **Т11** были найдены 2 фрагмента керамических сосудов и 18 фрагментов костей животных (рис. 19А, 482, 483; 29, 482).

В квадрате **Т12** были найдены 2 костяные проколки, 6 фрагментов керамических сосудов, 1 фрагмент челюсти и 72 фрагмента костей животных (рис. 19А, 484-491; 29, 490, 491).

В квадрате **Т13** были найдены 1 костяная проколка, 21 фрагмент керамических сосудов, 3 фрагмента челюстей, 3 зуба и 50 фрагментов костей животных (рис. 19А, 492-513; 29, 492, 495, 496, 512, 513). Кроме этого в ЮВ части квадрата был зафиксирован прокол от кострища диаметром 1,20 м, который фиксировался на глубину до 0,17 м от уровня современной поверхности (рис. 19А).

В квадрате **У10** были найдены 2 фрагмента керамических сосудов и 10 фрагментов костей животных (рис. 19А, 514, 515; 29, 515).

В квадрате **У11** были найдены фрагменты 1 костяного изделия, 1 фрагмент каменного изделия, 8 фрагментов керамических сосудов, 7 фрагментов челюстей и 45 фрагментов костей животных (рис. 19А, 516-524; 29, 517, 520-524).

В квадрате **Ф9** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 19А).

В квадрате **Ф10** были найдены 6 фрагментов керамических сосудов, 9 фрагментов челюстей и 60 фрагментов костей животных (рис. 19А, 525-530; 29, 526-528).

В квадрате **Ф11** были найдены 34 фрагмента костей животных (рис. 19А).

В квадрате **Х9** были найдены 2 фрагмента челюстей крупного травоядного животного и 18 фрагментов костей животных (рис. 19А).

В квадрате **Х10** были найдены 4 фрагмента челюстей и 41 фрагмент костей животных (рис. 19А).

В квадрате **Ц8** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 19А).

В квадрате **Ц9** были найдены 4 зуба и 17 фрагментов костей животных (рис. 19А).

В квадрате **Ч6** находок не было (рис. 19А).

В квадрате **Ч7** были найдены 5 фрагментов костей животных (рис. 19А).

В квадрате **Ч8** были найдены 1 фрагмент керамического сосуда и 3 фрагмента костей животных (рис. 19А, 531; 29, 531).

В квадрате **Ч9** были найдены 5 фрагментов керамических сосудов и 3 фрагмента костей животных (рис. 19А, 532-536; 29, 532, 533).

В квадрате **Ш6** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 19А).

В квадрате **Ш7** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 19А).

Второй слой раскопа (25-48 см) оказался стерильным на предмет находок лишь в двух квадратах **А6** и **Э1**, которые находятся на окраинах в западном и восточном участках раскопа и культурный слой на которых практически отсутствует (рис. 19Б).

Основная масса находок была сконцентрирована в квадратах, расположенных в центре раскопа, а после зачистки в этой части раскопа на уровне материка были зафиксированы следы 4 жилищных западин и 12 грунтовых ям (рис. 19Б). Раскопки этих объектов были проведены по завершении зачистки всей площади раскопа.

В квадрате **А7** были найдены 4 зуба и 6 фрагментов костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **Б7** были найдены 3 зуба и 10 фрагментов костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **Б8** были найдены 5 фрагментов керамических сосудов, 2 зуба и 64 фрагмента костей животных (рис. 19Б, 1-5).

В квадрате **В8** были найдены 8 фрагментов керамических сосудов и 11 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 6-13).

В квадрате **В9** были найдены 1 фрагмент каменного изделия, 19 фрагментов керамических сосудов, 2 зуба и 39 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 14-33; 30, 15-17, 19, 22-25, 27, 33).

В квадрате **Г9** были найдены 25 фрагментов керамических сосудов и 31 фрагмент костей животных (рис. 19Б, 34-58; 30, 35, 45, 46, 49, 50, 56, 57, 58).

В квадрате **Г10** были найдены 14 фрагментов керамических сосудов, 3 зуба крупного травоядного животного и 27 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 59-72; 30, 65).

В квадрате **Д9** был найден 1 фрагмент косточки животного (рис. 19Б).

В квадрате **Д10** были найдены 1 каменное изделие, 24 фрагмента керамических сосудов и 47 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 73-97; 30, 74, 75, 77, 78, 86, 92-95, 97).

В квадрате **Е10** были найдены 8 фрагментов керамических сосудов и 6 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 98-105; 31, 104, 105).

В квадрате **Е11** были найдены 1 костяная проколка, 2 костяных изделия (вероятно, используемые для орнамента керамики посуды – А.И.), 24 фрагмента керамических сосудов, 3 фрагмента челюстей и 53 фрагмента костей животных (рис. 19Б, 106-132; 31, 106, 109, 110, 112, 115, 118-120, 129-132).

В квадрате **Ж11** были найдены 6 фрагментов керамических сосудов и 15 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 133-138; 31, 133).

В квадрате **Ж12** были найдены 1 фрагмент железного ножа, 1 игральная кость (альчик), 3 фрагмента керамических сосудов, 1 фрагмент челюсти, 1 зуб и 16 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 139-142; 31, 139, 140, 142).

В квадрате **Ж13** были найдены 1 фрагмент железного ножа, 10 фрагментов керамических сосудов, 9 фрагментов челюстей и 52 фрагмента костей животных (рис. 19Б, 143-154; 31, 143, 144, 147, 149; 32, 150, 154).

В квадрате **З11** были найдены 1 игральная кость (альчик), 5 фрагментов керамических сосудов и 12 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 155-160; 32, 155, 156, 158-160).

В квадрате **З12** были найдены 1 костяное изделие (проколка), 13 фрагментов керамических сосудов и 22 фрагмента костей животных (рис. 19Б, 161-174; 32, 161, 162, 167, 174).

В квадрате **З13** были найдены 25 фрагментов керамических сосудов, 4 фрагмента челюсти и 46 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 175-199; 33, 175, 176, 180, 181, 189, 190, 191, 195-199).

В квадрате **И11** был найден 1 фрагмент кости животного (рис. 19Б).

В квадрате **И12** были найдены 1 костяное изделие (накосница), 25 фрагментов керамических сосудов и 29 фрагментов костей животного (рис. 19Б, 200-225; 33, 200-202, 207, 209-212; 34, 213, 214, 217, 220-222, 225).

В квадрате **И13** были найдены 4 фрагмента керамических сосудов и 9 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 226-229).

В квадрате **К12** были найдены 9 фрагментов костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **К13** были найдены 2 фрагмента керамических сосудов, 1 фрагмент челюсти и 8 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 230, 231; 34, 230, 231).

В квадрате **Л12** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **Л13** были найдены 1 фрагмент каменного изделия и 4 фрагмента костей животных (рис. 19Б, 232; 34, 232).

В квадрате **М12** были найдены 5 фрагментов костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **М13** были найдены 7 фрагментов керамических сосудов, 1 зуб крупного травоядного животного и 6 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 233-239; 34, 233, 235, 239).

В квадрате **Н12** были найдены 5 фрагментов костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **Н13** были найдены 1 игральная кость (альчик), 2 фрагмента керамических сосудов, 1 фрагмент челюсти хищной рыбы (налима), 2 фрагмента челюстей животных и 32 фрагмента костей животных (рис. 19Б, 240-242; 34, 242).

В квадрате **О12** были найдены 1 костяной наконечник стрелы, 1 костяное изделие (проколка), 3 фрагмента керамических сосудов и 3 фрагмента костей птицы (рис. 19Б, 243-247; 34, 243-245; 35, 246, 247).

В квадрате **О13** были найдены 6 фрагментов костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **П12** были найдены 12 фрагментов керамических сосудов и 4 фрагмента костей животных (рис. 19Б, 248-259; 35, 250, 259).

В квадрате **П13** были найдены 1 керамическое прясло, 1 фрагмент керамического сосуда и 9 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 260, 261; 35, 260, 261).

В квадрате **Р12** были найдены 13 фрагментов керамических сосудов и 9 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 262-274; 35, 262-267, 270, 272-274).

В квадрате **Р13** были найдены 7 фрагментов костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **С12** были найдены 63 фрагмента керамических сосудов и 24 фрагмента костей животных (рис. 19Б, 275-337; 35, 285, 290, 295, 296; 36, 297, 298, 307, 315, 318, 330-337).

В квадрате **С13** были найдены 3 фрагмента керамических сосудов, 5 зубов и 47 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 338-340; 36, 338-340).

В квадрате **Т11** были найдены 1 костяная проколка, 1 фрагмент керамического сосуда и 10 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 341, 342; 36, 342).

В квадрате **Т12** были найдены 1 костяной наконечник стрелы, игральная кость (альчик), 1 костяное изделие (проколка или наконечник копья), 12 фрагментов керамических сосудов и 23 фрагмента костей животных (рис. 19Б, 343-358; 37, 343-351).

В квадрате **Т13** были найдены 2 фрагмента каменных изделий, 1 костяная проколка, 17 фрагментов керамических сосудов и 37 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 359-378; 37, 359, 366, 367; 38, 368, 372-378).

В квадрате **У10** были найдены 15 фрагментов костей животных (рис. 19).

В квадрате **У11** были найдены 1 каменное изделие, 18 фрагментов керамических сосудов и 63 фрагмента костей животных (рис. 19Б, 379-397; 38, 379, 391, 392, 395).

В квадрате **Ф11** были найдены 4 фрагмента керамических сосудов и 17 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 398-401; 38, 398-401).

В квадрате **Ф10** были найдены 1 фрагмент керамического сосуда и 13 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 402; 38, 402).

В квадрате **Ф9** находок не было (рис. 19Б).

В квадрате **Х10** были найдены 5 фрагментов керамических сосудов и 51 фрагмент костей животных (рис. 19Б, 403-407; 38, 403-405, 407).

В квадрате **Х9** были найдены 4 фрагмента керамических сосудов, 2 зуба и 9 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 408-411; 38, 408, 409).

В квадрате **Ц8** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **Ц9** были найдены 1 фрагмент керамического сосуда, 4 зуба и 16 фрагментов костей животных (рис. 19Б, 412).

В квадрате **Ч9** были найдены 5 фрагментов керамических сосудов и 3 фрагмента костей животных (рис. 19Б, 413-417; 38, 414, 416).

В квадрате **Ч8** были найдены 1 фрагмент керамического сосуда и 3 фрагмента костей животных (рис. 19Б, 418; 38, 418).

В квадрате **Ч7** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **Ч6** находок не было (рис. 19Б).

В квадрате **Ш5** были найдены 1 зуб крупного травоядного животного и 2 фрагмента костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **Ш6** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **Ш7** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **Щ4** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **Щ5** были найдены 1 зуб и 2 фрагмента костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **Э2** были найдены 3 фрагмента костей животных (рис. 19Б).

В квадрате **Э3** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 19Б).

Третий слой раскопа (49-72 см) отсутствовал в центральной части раскопа (с квадрата **Г10** до **Ф11**). В западной и восточной части раскопа этот слой представлял собой желтый суглинок и чернозем, насыщенный разнообразными находками (рис. 19В).

В процессе раскопок и зачистки этого слоя в квадратах **Г9** и **Г10** были зафиксированы следы 1 грунтовой ямы за №8 (рис. 69В). Раскопки этого объекта были проведены по завершении зачистки всей площади раскопа.

В квадрате **А6** были найдены 6 фрагментов костей животных (рис. 19В).

В квадрате **А7** был найден 1 фрагмент керамического сосуда и 13 фрагментов костей животных (рис. 19В, 1; 39А, 1).

В квадрате **Б6** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Б7** были найдены 9 фрагментов керамических сосудов и 13 фрагментов костей животных (рис. 19В, 2-10; 39А, 6, 7, 9, 10).

В квадрате **Б8** были найдены 7 фрагментов керамических сосудов, 1 зуб и 18 фрагментов костей животных (рис. 19В, 11-27; 39А, 11, 12, 15-17, 19, 27).

В квадрате **В8** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 19В).

В квадрате **В9** были найдены 4 фрагмента керамических сосудов и 9 фрагментов костей животных (рис. 19В, 28-31; 39А, 28, 29).

В квадрате **Ф10** были найдены 8 фрагментов костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Х9** были найдены 3 фрагмента костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Х10** были найдены 7 фрагментов костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Ц8** были найдены 3 фрагмента костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Ц9** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Ч6** был найден 1 фрагмент кости животного (рис. 19В).

В квадрате **Ч7** были найдены 6 фрагментов костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Ч8** были найдены 5 фрагментов костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Ч9** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Ш5** были найдены 1 зуб и 6 фрагментов костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Ш6** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Ш7** были найдены 4 фрагмента керамических сосудов и 6 фрагментов костей животных (рис. 19В, 32-35).

В квадрате **Щ4** были найдены 3 фрагмента костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Щ5** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Э3** были найдены 8 фрагментов костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Э2** были найдены 3 фрагмента костей животных (рис. 19В).

В квадрате **Э1** находок не было (рис. 19В).

Четвертый слой раскопа (73-96 см) отсутствовал в центральной и частично в западной и восточной частях раскопа (с квадрата **Б10** до **Ш6**). По заполнению он представлял собой желтый суглинок и чернозем, насыщенный разнообразными находками (рис. 19Г).

В квадрате **А6** находок не было (рис. 19Г).

В квадрате **А7** были найдены 1 фрагмент костяного наконечника стрелы, 16 фрагментов керамических сосудов и 24 фрагмента костей животных (рис. 19Г, 1-17; 39Б, 1, 3, 7-9, 13).

В квадрате **Б6** находок не было (рис. 19Г).

В квадрате **Б7** были найдены 4 фрагмента керамических сосудов и 10 фрагментов костей животных (рис. 19Г, 18-21; 39Б, 19, 21).

В квадрате **Б8** были найдены 6 фрагментов керамических сосудов и 13 фрагментов костей животных (рис. 19Г, 22-27; 39Б, 22).

В квадрате **Ш5** были найдены 1 фрагмент кости животного (рис. 19Г).

В квадрате **Щ5** были найдены 3 фрагмента керамических сосудов и 1 фрагмент кости животного (рис. 19Г, 28-30).

В квадрате **Щ4** был найден 1 фрагмент кости животного (рис. 19Г).

В квадрате **Щ3** был найден 1 фрагмент кости животного (рис. 19Г).

В квадрате **Щ5** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 19Г).

В квадрате **Э3** были найдены 3 фрагмента костей животных (рис. 19Г).

В квадрате **Э2** были найдены 10 фрагментов керамических сосудов, 1 фрагмент челюсти и 1 фрагмент кости животных (рис. 19Г, 31-40; 39Б, 31).

В квадрате **Э1** был найден 1 фрагмент кости животного (рис. 19Г).

Описание жилищных западин и ям. В процессе раскопок и зачисток 2 и 3 слоев были выявлены и зафиксированы 4 западины от жилищ (под

№№1-4) и 13 грунтовых ям (под №№1-13), которые обозначены на общих планах раскопок 3 и 4 слоя поселений (рис. 19В; 19Г). Каждый из этих объектов исследовался индивидуально, поэтому приводим описание результатов их изучения.

Жилище 1 располагалось на центральном участке раскопа в квадратах **М12, Н12, Н13, О12** и **О13** (рис. 19В; 19Г). Большая часть жилища была разрушена по причине обрушения береговой террасы. Судя по зафиксированным контурам можно предполагать, что это была неглубокая полуземлянка, вероятно, подчетыреугольной формы, ориентированная входом на СВ, а углами по сторонам света. Длинной осью жилище было ориентировано по линии ЮЗ-СВ. О параметрах жилища можно судить лишь по величине сохранившейся, практически полностью, СЗ стенки котлована. Ее длина около 8 м. Котлован был врезан в материковый темный суглинок на глубину 0,29-0,35 м. Полom жилища служил материковый темный суглинок. Контурь постройки удалось проследить по ее заполнению, которое выделялось темным пятном на уровне материка и представляло собой черную углистую супесь (рис. 19В; 19Г; 40А).

При разборке заполнения и зачистке котлована жилища в разных местах по всей его площади были сделаны многочисленные находки – 32 фрагмента керамических сосудов, 1 фрагмент костяного изделия, 2 костяные проколки, 1 костяной наконечник стрелы, 9 челюстей и 126 мелких фрагментов колотых костей животных (рис. 40, А, 1-36; 40, 1-7; 41, 15-17, 21-23, 31, 33-35; 42А, 29, 32). Кроме этого в квадрате **О12**, в восточной части исследуемого котлована, были зафиксированы следы кострища в виде четырех обгоревших бревен, вероятно, остатки конструкции жилища, скопления древесных углей и прокала на глубину всего котлована. А в квадрате **О13**, в СВ части жилища, вероятно, рядом со входом, было зафиксировано округлой формы скопление фрагментов разнообразных костей животных в виде неупорядоченного нагромождения высотой 0,17 м от дна котлована и диаметром 1,4 м. При его разборке было выявлено 340 колотых костей животных, 1 фрагмент челюсти и 4 зуба крупного травоядного животного, а также 1 фрагмент черепа мелкого грызуна (рис. 40, А).

Жилище 2 располагалось на центральном участке раскопа в квадратах **К12, К13** и **Л12** (рис. 19В; 19Г). Большая часть жилища была разрушена по причине обрушения береговой террасы. Сохранилась лишь северная часть жилища. Судя по зафиксированным контурам можно предполагать, что это была неглубокая полуземлянка, вероятно, подчетыреугольной формы, ориентированная углами по сторонам света. О параметрах жилища можно судить лишь по величине СВ стенки котлована, которая сохранилась практически полностью. Ее длина около 4,28 м. Котлован был врезан в материковый суглинок на глубину 0,09-0,13 м. Полom жилища служил материковый темный суглинок. Контурь постройки удалось проследить по планиграфии слоя ее заполнения, которое выделялось темным пятном на

уровне материка и представляло собой черную углистую супесь (рис. 19В; 19Г; 42Б).

При разборке заполнения и зачистке котлована жилища в разных местах по всей его площади были найдены 5 фрагментов керамических сосудов и 18 мелких фрагментов колотых костей животных (рис. 42Б, 1-5).

Жилище 3 располагалось на центральном участке раскопа в квадратах **311**, **312**, **И12** и **К12** (рис. 19В; 19Г). Большая часть жилища была разрушена по причине обрушения береговой террасы. Судя по зафиксированным контурам можно предполагать, что это была неглубокая полуземлянка. О размерах и форме этого жилища судить по сохранившимся остаткам конструкции не представляется возможным, так как участок грунта в этом месте раскопа был сильно деформирован. По этой причине контуры постройки, которые удалось проследить по планиграфии слоя ее заполнения, выделяющегося темным пятном на уровне материка и представляющего собой черную углистую супесь, были сильно расплывчаты и аморфны. Котлован был врезан в материк на глубину 0,18-0,27 м. Полom жилища служил материковый темный суглинок (рис. 19В; 19Г; 43А).

При разборке заполнения и зачистке котлована жилища в разных местах по всей его площади были сделаны многочисленные находки – 24 фрагмента керамических сосудов, 3 фрагмента каменных изделий (точило или зернотерки), 7 челюстей и 21 фрагмент колотых костей животных (рис. 43А, 1-27; 43, 2-5, 16, 21, 23; 44А, 26).

Жилище 4 располагалось на центральном участке раскопа в квадратах **С12**, **С13**, **Т12** и **Т13** (рис. 19В; 19Г). Судя по зафиксированным контурам можно предполагать, что это была неглубокая полуземлянка подчетырехугольной формы, ориентированная входом на ЮВ, а углами по сторонам света. Длинной осью жилище было ориентировано по линии СЗ-ЮВ, ее длина составляла 4,46 м, а длина короткой оси 4,02 м. Общая площадь жилища составляет приблизительно 18 кв. м. Восточный угол жилища очень аморфен и не имеет четких контуров. Котлован был врезан в материковый темный суглинок на глубину 0,07-0,14 м. Полom жилища служил материковый темный суглинок. Контуры постройки удалось проследить по слою ее заполнения, который выделялся темным пятном на уровне материка и представлял собой черную углистую супесь (рис. 19В; 19Г; 42В).

При разборке заполнения и зачистке котлована жилища в разных местах по всей его площади были сделаны многочисленные находки – 8 фрагментов керамических сосудов, 6 челюстей, 10 зубов и 75 мелких фрагментов колотых костей животных (рис. 42В, 1-8; 42В, 3, 8).

Яма 1 располагалась в центральной части раскопа в квадрате **П12** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии Ю-С (рис. 19В; 19Г; 44Б). Ее размеры 1,16×1,07 м, а глубина 0,32 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 13 фрагментов керамических со-

судов и 49 мелких фрагментов костей животных (рис. 44Б, 1-13; 44Б, 1, 3, 5, 10-12).

Яма 2 располагалась в центральной части раскопа в пределах квадратов **Л13** и **М13** и представляла собой округлую грунтовую яму диаметром 1,40 м и глубиной 0,32 м (рис. 19В; 19Г; 45, А). Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 1 орнаментированный фрагмент венчика керамического сосуда и 28 фрагментов костей животных (рис. 45, 1).

Яма 3 располагалась в центральной части раскопа в квадратах **М13** и **Н13** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии Ю-С (рис. 19В; 19Г; 46, А). Ее размеры 1,68×1,16 м, а глубина 0,15 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены развал крупного керамического сосуда и 6 фрагментов костей животных (рис. 46, А, 1).

Яма 4 располагалась в центральной части раскопа в квадрате **Н13** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии Ю-С (рис. 19В; 19Г; 47, А). Ее размеры 1,02×0,84 м, а глубина 0,12 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 5 фрагментов костей животных (рис. 47, А).

Яма 5 располагалась в центральной части раскопа в квадрате **М12** и представляла собой округлую грунтовую яму диаметром 0,21 м и глубиной 0,17 м (рис. 19В; 19Г; 47, Б). Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме ничего не было найдено (рис. 47, Б).

Яма 6 располагалась в центральной части раскопа в квадрате **Т11** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии З-В (рис. 19В; 19Г; 47, В). Ее размеры 1,11×1,02 м, а глубина 0,14 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 47, В).

Яма 7 располагалась в центральной части раскопа в квадрате **П13** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии З-В (рис. 19В; 19Г; 48, А). Ее размеры 1,31×1,21 м, а глубина 0,30 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 1 фрагмент костяного изделия, 4 фрагмента керамических сосудов и 4 фрагмента костей животных (рис. 48, А, 1-5).

Яма 8 располагалась в западной части раскопа в квадратах **Г9** и **Г10** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии ЮЗ-СВ (рис. 19Г; 49, А). Ее размеры 1,12×0,87 м, а глубина 0,86 м. По профилю яма в ЮЗ части имела ступень, а стенки полого опускались к дну. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разбор-

ке заполнения и зачистке в яме были найдены 2 фрагмента керамических сосудов и 7 фрагментов костей животных (рис. 49, А, 1, 2).

Яма 9 располагалась в центральной части раскопа в квадрате **Р12** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии Ю-С (рис. 19В; 19Г; 47, Г). Ее размеры 1,49×0,91 м, а глубина 0,11 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 47, Г).

Яма 10 располагалась в центральной части раскопа в квадратах **Ж13** и **З13** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии ЮВ-СЗ (рис. 19В; 19Г; 50, А). Ее размеры 1,43×0,81 м, а глубина 0,09 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 3 костяных изделия (вероятно, орудия для нанесения резных линий при украшении керамической посуды – А.И.), 12 фрагментов керамических сосудов и 4 фрагмента костей животных (рис. 50, А, 1-4).

Яма 11 располагалась в центральной части раскопа в квадрате **Ж12** и представляла собой округлую грунтовую яму диаметром 0,62 м и глубиной 0,18 м (рис. 19В; 19Г; 51, А). Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 1 игральная кость (альчик), 1 орнаментированный фрагмент венчика керамического сосуда, 9 древесных угольков и 10 фрагментов костей животных (рис. 51, А, 1, 2).

Яма 12 располагалась в центральной части раскопа в квадрате **З12** и представляла собой округлую грунтовую яму диаметром 1,20 м и глубиной 0,13 м (рис. 19В; 19Г; 51, Б). Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 2 фрагмента керамических сосудов и 3 фрагмента костей животных (рис. 51, Б, 1, 2).

Яма 13 располагалась в центральной части раскопа в квадрате **М13** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии Ю-С (рис. 19В; 19Г; 47, Д). Ее размеры 0,26×0,22 м, а глубина 0,15 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме ничего не было найдено (рис. 47, Д).

2.2.2. РАСКОП №2

Этот раскоп располагается в западной части памятника на левом берегу р. Касьмы, на пойменной террасе близ устья высохшей речушки, которая активно разрушается паводковыми водами (рис. 1, А, Б). Западная наиболее разрушаемая часть террасы поселения была охвачена раскопом общей площадью приблизительно 42 кв. м (рис. 52). Перед закладкой раскопа на этом разрушаемом участке в 2002 году были подобраны 15 мелких

неорнаментированных фрагментов керамических сосудов (Илюшин А.М., 2002, рис. 13; 130, 1-15).

Стратиграфия исследуемого участка памятника хорошо прослеживалась на обрывистом берегу р. Касьмы. Сотрудникам ККАЭЭ даже не потребовалось осуществлять зачистку береговой террасы для того, чтобы составить ее описание. Последующая зачистка стенок раскопа лишь в самой незначительной степени позволила уточнить первоначально полученные данные. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что на всем протяжении раскопа стратиграфия одинакова. Сверху вниз слои располагаются следующим образом: дерн – 0,19-0,28 м; серый суглинок – 0,12-0,53 м; чернозем – 0,23-0,49 см; желтый суглинок – 0,08-0,19 м; темный суглинок (материк) – несколько метров до уровня воды. На углах А1 и А2 стенок раскопа, в слое чернозема, были зафиксированы прокалы грунта, вероятно, от воздействия открытого очага (кострища). Величина раскопа в самой высокой точке составляла 1,00 м, а в самой низкой 0,89 м. Этот перепад величин объясняется особенностями современного ландшафта, который формировался преимущественно под воздействием заиливания речной террасы паводковыми водами (рис. 52).

Раскопки осуществлялись по единой методике, применяемой для изучения этого памятника. Первоначально изучалась стратиграфия, в местах разрушения террасы, а затем были определены границы и площадь раскопа, которая разбивалась на квадраты 4×4 м, привязанные к краю береговой террасы и ориентированные стенками по сторонам света. Определялся нулевой уровень, и нивелировалась вся поверхность раскопа. После этого проводилась горизонтальная разборка и зачистка от края разрушаемого культурного слоя, поочередно всех слоев, вплоть до материка с фиксацией находок по отношению к нулевому уровню, на чертежах и фото. После чего производилась зачистка и фотографирование профилей стенок раскопа, составлялись их чертежи. В процессе раскопок все находки проходили первоначальную камеральную обработку, шифровались, нумеровались и упаковывались. По окончании раскопок осуществлена рекультивация грунта и проведен дренаж из кусков срезанного в процессе раскопок дерна, с целью закрепления грунта береговой террасы.

Описание слоев раскопа. При раскопках горизонтальные слои, величиной 20-25 см (с учетом зачистки), обозначались цифрами, поочередно, от 1 до 4. Каждый слой обследовался индивидуально по всей площади раскопа по квадратам, которые поочередно обозначались цифрами с 1 до 3 (с С на Ю) и буквами русского алфавита от А до Г (с 3 на В) и раскапывались от края раскопа, с юга на север (рис. 52). Все находки были сделаны при раскопках 2 и 3 слоев. Приводим описание слоев раскопа.

Первый слой раскопа (0-25 см) оказался стерильным на предмет находок. Практически по всей площади раскопа этот слой представлял собой дерновое покрытие и частично прослойки темного суглинка, где не

были выявлены какие-либо культурные артефакты, связанные с жизнедеятельностью человека (рис. 52).

Второй слой раскопа (26-50 см) по заполнению представлял собой серый суглинок в верхних прослойках, а в нижних – чернозем, где и были сделаны отдельные находки (рис. 52).

В квадрате **А1** был найден 1 фрагмент кости животного (рис. 52А).

В квадрате **Б1** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 52А).

В квадрате **Б2** были найдены 3 фрагмента костей животных (рис. 52А).

В квадрате **В2** были найдены 12 неорнаментированных фрагментов керамических сосудов, 5 зубов и 28 фрагментов костей животных (рис. 52А).

В квадрате **В3** были найдены 3 фрагмента костей животных (рис. 52А).

В квадрате **Г3** были найдены 18 фрагментов костей животных (рис. 52А).

Третий слой раскопа (51-75 см) по заполнению представлял собой в верхних прослойках чернозем, где было зафиксировано подавляющее количество находок этого слоя, а в нижних, частично, желтый суглинок, где имели место лишь единичные находки (рис. 52Б).

В квадрате **А1** были найдены 7 фрагментов костей животных (рис. 52Б).

В квадрате **Б1** были найдены 36 фрагментов керамических сосудов (6 из которых были орнаментированы), 7 зубов и 23 фрагмента костей животных (рис. 52Б; 53, 14-16, 46-48).

В квадрате **Б2** был найден 1 фрагмент кости животного (рис. 52Б).

В квадрате **В2** были найдены 3 орнаментированных фрагмента от одного керамического сосуда, 3 зуба и 31 фрагмент костей животных (рис. 52Б; 53, 51).

В квадрате **В3** был найден 1 фрагмент кости животного (рис. 52Б).

В квадрате **Г3** были найдены 5 фрагментов костей животных (рис. 52Б).

Четвертый слой раскопа (76-100 см) по заполнению представлял собой лишь частично в верхних прослойках чернозем, а в нижних – желтый суглинок, но каких-либо находок в нем сделано не было (рис. 52).

2.2.3. РАСКОП №3

Этот раскоп располагается в юго-западной части памятника на правом берегу р. Касьмы, на пойменной террасе, которая активно разрушается паводковыми водами (рис. 1, А, Б; 54). Западная и юго-западная наиболее разрушаемые части террасы поселения были охвачены раскопом общей

площадью приблизительно 234 кв. м (рис. 54). Перед закладкой раскопа на этом разрушаемом участке в 2001 году были найдены 9 различных фрагментов керамических сосудов, два из которых были орнаментированы (Илюшин А.М., 2002, рис. 13; 149, 1-9).

Стратиграфия исследуемого участка памятника хорошо прослеживалась на обрывистом берегу р. Касьмы. Последующая зачистка стенок раскопа лишь в самой незначительной степени позволила уточнить первоначально полученные данные. Лишь в юго-западной части раскопа наблюдаются изменения структуры грунта, что, вероятно, связано с изменениями русла реки в недалеком прошлом и организацией людьми переправы через нее. На всех других участках раскопа стратиграфия одинакова (рис. 54). Сверху вниз слои располагаются следующим образом: дерн – 14-28 см; серый суглинок – 0,12-0,83 см; чернозем – 25-60 см; желтый суглинок – 0,05-0,17 см; темный суглинок (материк) – несколько метров до уровня воды. В квадратах **А10** и **Б10** стратиграфия стенок раскопа характеризуется отсутствием слоев чернозема и желтого предматерикового суглинка. Сразу же под слоем дерна – 0,17-0,25 см, следует слой серого суглинка – 0,75-0,83 м, вплоть до материка. Величина раскопа в самой высокой точке составляет 1,04 м, а в самой низкой 0,88 м. Этот перепад величин объясняется особенностями современного ландшафта, который формировался преимущественно под воздействием паводковых вод (рис. 54).

Раскоп №3 осуществлялся по общепринятой методике. Первоначально изучалась стратиграфия, в местах разрушения террасы, а затем были определены границы и площадь раскопа, который разбивался на квадраты 4×4 м, привязанные к краю береговой террасы и ориентированные стенками по сторонам света. Определялся нулевой уровень, и нивелировалась вся поверхность раскопа. После этого проводилась горизонтальная разборка и зачистка, от края разрушаемого культурного слоя, поочередно всех слоев раскопа поселения, вплоть до материка с фиксацией находок по отношению к нулевому уровню, на чертежах и фото. После чего производилась зачистка профилей стенок раскопа, составлялись их чертежи, и проводилась фотография. В процессе раскопок все находки проходили первоначальную камеральную обработку, шифровались, нумеровались и упаковывались. По окончании раскопок осуществлена рекультивация грунта и проведен дренаж из кусков срезанного в процессе раскопок дерна, с целью закрепления грунта береговой террасы (Илюшин А.М., 2005а, с. 33-37).

Описание слоев раскопа. При раскопках горизонтальные слои, величиной 22-26 см (с учетом зачистки), обозначались цифрами, поочередно, от 1 до 4.

Каждый слой обследовался индивидуально по всей площади раскопа по квадратам, которые поочередно обозначались цифрами с **1** до **10** (с **С** на **Ю**) и буквами русского алфавита от **А** до **И** (с **З** на **В**) и раскапывались от края раскопа, с севера на юг и с запада на восток (рис. 54). В процессе рас-

копок практически все находки артефактов были сделаны при раскопках 2-4 слоев.

Первый слой раскопа (0-26 см) оказался стерильным на предмет находок. Практически по всей площади раскопа этот слой представлял собой дерновое покрытие и частично слой серого суглинка, где не были выявлены какие-либо следы жизнедеятельности человека (рис. 54).

Второй слой раскопа (27-52 см) по заполнению представлял собой в верхних прослойках серый суглинок, а в нижних – чернозем. При исследовании этого слоя было зафиксировано наибольшее количество находок (рис. 54А).

В квадрате **И1** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 54А).

В квадрате **31** находок не было (рис. 54А).

В квадрате **И2** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 54А).

В квадрате **И3** были найдены 1 фрагмент керамического сосуда и 6 фрагментов костей животных (рис. 54А, 1).

В квадрате **И4** были найдены 5 фрагментов керамических сосудов, 2 зуба и 10 фрагментов костей животных (рис. 54А, 2-6; 55, 3-5).

В квадрате **И5** были найдены 6 фрагментов керамических сосудов, 1 челюсть и 5 фрагментов костей животных (рис. 54А, 7-12; 55, 10).

В квадрате **И6** были найдены 1 костяная пуговица (застежка), 10 фрагментов керамических сосудов, 3 зуба и 26 фрагментов костей животных (рис. 54А, 13-23; 55, 15, 16, 19).

В квадрате **И7** были найдены 3 зуба и 10 фрагментов костей животных (рис. 54А).

В квадрате **37** были найдены 1 фрагмент керамического сосуда и 13 фрагментов костей животных (рис. 54А, 24).

В квадрате **И8** были найдены 11 фрагментов костей животных (рис. 54А).

В квадрате **38** были найдены 4 фрагмента керамических сосудов, 1 зуб крупного травоядного животного и 10 фрагментов костей животных (рис. 54А, 25-28; 55, 25-27).

В квадрате **И9** были найдены 2 фрагмента керамических сосудов и 24 фрагмента костей животных (рис. 54А, 29, 30; 55, 30).

В квадрате **39** были найдены 1 челюсть, 4 зуба и 11 фрагментов костей животных. Кроме этого в восточной части квадрата, на глубине 0,35-0,42 м, был обнаружен прокол от кострища округлой формы диаметром 0,62 м (рис. 54А).

В квадрате **Ж9** были найдены 1 челюсть, 4 зуба и 25 фрагментов костей животных (рис. 54А).

В квадрате **Е9** были найдены 1 зуб и 3 фрагмента костей животных (рис. 54А).

В квадрате **И10** были найдены 5 фрагментов керамических сосудов, 1 челюсть, 8 зубов и 68 фрагментов костей животных (рис. 54А, 31-35; 55, 34, 35).

В квадрате **З10** были найдены 2 фрагмента керамических сосудов, 1 зуб и 46 фрагментов костей животных (рис. 54А, 36, 37; 55, 36).

В квадрате **Ж10** были найдены 3 фрагмента керамических сосудов, 2 челюсти, 4 зуба и 40 фрагментов костей животных (рис. 54А, 38-40; 55, 40).

В квадрате **Е10** были найдены 7 фрагментов керамических сосудов, 2 челюсти, 5 зубов и 53 фрагмента костей животных (рис. 54А, 41-47; 55, 41-44).

В квадрате **Д10** были найдены 10 фрагментов керамических сосудов, 1 челюсть, 2 зуба и 40 фрагментов костей животных. Кроме того, в центральной части квадрата, на глубине 0,32-0,45 м, был зафиксирован прокол округлой формы диаметром 0,65 м (рис. 54А, 48-57; 55, 48, 53-57).

В квадрате **Г10** были найдены 12 фрагментов керамических сосудов, 1 челюсть, 4 зуба и 25 фрагментов костей животных (рис. 54А, 58-69; 55, 60).

В квадрате **В10** были найдены 5 фрагментов керамических сосудов, 3 челюсти и 10 фрагментов костей животных. Кроме того, в восточной части квадрата, на глубине 0,42 м было зафиксировано скопление фрагментов бересты, размерами 1,54×1,23 м, вероятно, остатки кровли от некогда функционировавшего наземного жилища (рис. 54А, 70-74; 55, 70, 73, 74).

В квадрате **Б10** был найден 1 фрагмент кости животного (рис. 54А).

В квадрате **А10** ничего не найдено (рис. 54А).

Третий слой раскопа (53-88 см) по заполнению представлял собой преимущественно чернозем, а в нижних прослойках на отдельных участках встречался желтый суглинок. В процессе раскопок и зачистки 3 слоя были сделаны многочисленные находки (рис. 54Б).

В квадрате **И1** были найдены 1 челюсть, 6 зубов крупного травоядного животного и 14 фрагментов костей животных (рис. 54Б).

В квадрате **З1** находок не было (рис. 54Б).

В квадрате **И2** были найдены 14 фрагментов керамических сосудов, 5 зубов и 26 фрагментов костей животных (рис. 54Б, 1-14; 56А, 1, 2).

В квадрате **ИЗ** были найдены 6 фрагментов керамических сосудов, 3 зуба крупного травоядного животного и 29 фрагментов костей животных (рис. 54Б, 15-20; 56А, 15).

В квадрате **И4** были найдены 2 фрагмента керамических сосудов, 4 зуба и 37 фрагментов костей животных (рис. 54Б, 21, 22).

В квадрате **И5** были найдены 8 фрагментов керамических сосудов, 2 челюсти, 5 зубов и 30 фрагментов костей животных. Кроме этого, на границе с квадратом **И6**, на глубине 0,63-0,70 м, был зафиксирован прокол от кострища округлой формы диаметром 0,48 м (рис. 54Б, 23-30; 56А, 25, 27, 28, 30).

В квадрате **И6** были найдены 4 фрагмента керамических сосудов, 3 зуба и 37 фрагментов костей животных (рис. 54Б, 31-34).

В квадрате **И7** были найдены 3 зуба и 7 фрагментов костей животных (рис. 54Б).

В квадрате **37** были найдены 3 фрагмента керамических сосудов и 16 фрагментов костей животных (рис. 54Б, 35-37; 56А, 36, 37).

В квадрате **И8** были найдены 2 фрагмента керамических сосудов и 7 фрагментов костей животных (рис. 54Б, 38, 39; 56А, 38, 39).

В квадрате **38** были найдены 16 фрагментов костей животных (рис. 54Б).

В квадрате **И9** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 54Б).

В квадрате **39** были найдены 6 фрагментов костей животных (рис. 54Б).

В квадрате **Ж9** были найдены 1 челюсть, 4 зуба и 13 фрагментов костей животных (рис. 54Б).

В квадрате **Е9** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 54Б).

В квадрате **И10** были найдены 1 зуб и 6 фрагментов костей животных (рис. 54Б).

В квадрате **310** были найдены 1 фрагмент керамического сосуда, 2 зуба и 32 фрагмента костей животных (рис. 54Б, 40).

В квадрате **Ж10** были найдены 1 челюсть, 5 зубов и 39 фрагментов костей животных (рис. 54Б).

В квадрате **Е10** были найдены 2 челюсти, 4 зуба и 42 фрагмента костей животных (рис. 54Б).

В квадрате **Д10** были найдены 1 челюсть и 20 фрагментов костей животных (рис. 54Б).

В квадрате **Г10** были найдены 1 фрагмент керамического сосуда, 2 челюсти, 1 зуб и 14 фрагментов костей животных (рис. 54Б, 41).

В квадрате **В10** были найдены 1 фрагмент керамического сосуда, 6 зубов крупного травоядного животного и 23 фрагмента костей животных (рис. 54Б, 42).

В квадрате **Б10** были найдены 7 фрагментов костей животных (рис. 54Б).

В квадрате **А10** ничего не найдено (рис. 54Б).

Четвертый слой раскопа (89-104 см) по заполнению представлял собой в верхних прослойках чернозем, где было зафиксировано подавляющее количество находок этого слоя, а в нижних – желтый суглинок, где имели место лишь единичные находки (рис. 54В).

В квадрате **И1** находок не было (рис. 54В).

В квадрате **31** находок не было (рис. 54В).

В квадрате **И2** был найден 1 фрагмент кости животного (рис. 54В).

В квадрате **И3** был найден 1 фрагмент кости животного (рис. 54В).

В квадрате **И4** были найдены 1 фрагмент каменной зернотерки, 3 фрагмента керамических сосудов и 5 фрагментов костей животных (рис. 54В, 1-4; 56Б, 1, 4).

В квадрате **И5** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 54В).

В квадрате **И6** был найден 1 фрагмент кости животного (рис. 54В).

В квадрате **И7** находок не было, но в южной части, на глубине 0,89-0,93 м, был зафиксирован прокол от кострища округлой формы, диаметром 0,79 м (рис. 54В).

В квадрате **37** находок не было (рис. 54В).

В квадрате **И8** были найдены 22 фрагмента костей животных (рис. 54В).

В квадрате **38** был найден 1 мелкий фрагмент кости животного (рис. 54В).

В квадрате **И9** был найден 1 мелкий фрагмент кости животного (рис. 54В).

В квадрате **39** был найден 1 мелкий фрагмент кости животного (рис. 54В).

В квадрате **Ж9** были найдены 1 массивный фрагмент каменной зернотерки и 5 фрагментов костей животных (рис. 54В, 6; 57, 1).

В квадрате **Е9** был найден 1 мелкий фрагмент кости животного (рис. 54В).

В квадрате **И10** были найдены 3 фрагмента костей животных (рис. 54В).

В квадрате **310** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 54В).

В квадрате **Ж10** были найдены 1 фрагмент керамического сосуда и 19 фрагментов костей животных (рис. 54В, 5; 56Б, 5).

В квадрате **Е10** были найдены 14 фрагментов костей животных (рис. 54В).

В квадрате **Д10** были найдены 2 зуба и 9 фрагментов костей животных (рис. 54В).

В квадрате **Г10** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 54В).

В квадрате **В10** были найдены 1 каменное грузило, украшенное рисунками, и 1 фрагмент кости животного (рис. 54В, 7; 57, 7).

В квадрате **Б10** были найдены 1 зуб и 38 фрагментов костей животных (рис. 54В).

В квадрате **А10** ничего не найдено (рис. 54В).

В результате аварийных исследований 2001 года на раскопах за №№1-3 (общая площадь приблизительно 966 кв. м), расположенных на участках береговых, наиболее разрушаемых, террас исследуемого памятника, был подтвержден предварительный вывод о том, что Торопово-4 является мно-

гослойдным и многокомпонентным. Результаты масштабных раскопок позволили исследователям впервые интерпретировать этот памятник не как одно поселение, а как комплекс разновременных поселений. Материалы из раскопа №1, предварительно, были датированы эпохами энеолита, бронзы, раннего железного века и средневековья, а материалы из раскопов №2 и №3 в пределах развитого и позднего средневековья. Любопытно, что на раскопах №2 и №3 не были выявлены конструкции и сооружения, связанные с функционированием этих мест проживания в эпоху средневековья. Предварительно это объяснялось двумя факторами. Во-первых, раскопками ККАЭЭ в 2001 году была исследована очень малая полоса ранее функционировавшего жилого пространства, что предопределило отсутствие сооружений и конструкций на площадях раскопов. Во-вторых, не исключено, что население, оставившее нам в наследие эти участники археологического памятника, пользовалось легкими передвижными жилищами типа чума или юрты, следы которых практически невозможно зафиксировать, так как они не заглублялись в грунт. Жилища и грунтовые ямы, зафиксированные и исследованные на раскопе №1, были сооружены в различные периоды функционирования памятника. Предварительно, по наличию находок, к эпохе бронзы были отнесены жилища 2, 3 и 4, а также яма 7, к эпохе раннего железа – яма 11, к эпохе средневековья – жилище 1 и ямы 1, 2, 3 и 10. Миниатюрные грунтовые ямы 5 и 13 находятся вблизи жилища 1, и в них отсутствуют находки. Это позволяет интерпретировать их как ямы, используемые для сооружения и функционирования жилища 1. В целом, исследования 2001 года на Торопово-4 позволили сделать ряд открытий. В их числе подъемные сборы на левом и правом берегах р. Касьмы, выявлены и обследованы участки, характеризующиеся наличием одного культурного слоя (раскопы №2 и №3), а также раскоп №1, где зафиксированы материалы, предварительно датирующиеся с эпохи энеолита до позднего средневековья (Илюшин А.М., 2002, с. 9-43).

2.3. ПОДЪЕМНЫЕ СБОРЫ И РАСКОПКИ 2002 ГОДА

В 2002 году исследование памятника началось с осмотра устроенных ККАЭЭ дренажных конструкций на месте раскопов №2 и №3. Налицо были успешные результаты опыта. Край поселения был сильно задернован и разрушению не подвергался, что подтвердило эффективность примененного метода для консервации и сохранения культурного слоя поселений, ежегодно подвергающихся воздействию паводковых вод. Кроме этого были осмотрены все участки памятника, где имелись обнажения культурного слоя, с целью выявления границ памятника и сбора археологических артефактов, а также места размывов берегов, расположенных вблизи с местами раскопок предшествующего года. В результате была собрана коллекция находок из 34 артефактов вблизи раскопа №1 на левом обрывистом берегу

р. Касьмы (рис. 17, 1-34), а также были найдены фрагмент керамического сосуда и деревянный поплавок в размыве береговой террасы вблизи раскопа №3 (рис. 18, 3, 4).

Раскопки поселения в 2002 году осуществлялись на левом берегу р. Касьмы, в продолжение раскопа №1, который был заложен и исследовался в предшествующем полевом сезоне, в том месте, где имелись наибольшие разрушения, ведущие к активному разрушению культурного слоя. Именно здесь были сделаны массовые подъемные сборы. В 2002 году исследования проводились в северной и северо-восточной частях раскопа №1. Здесь были размечены и исследованы 18 квадратов общей площадью 288 кв. м (рис. 1, А, Б; 58). Это исследование явилось логичным продолжением раскопок 2001 года на этом участке памятника. Их цель состояла в том, чтобы исследовать место наибольших разрушений памятника.

Раскопки поселения в 2002 году осуществлялись по общепринятой методике. Первоначально была проведена работа по расконсервации раскопа №1 – зачищены стенки в местах предполагаемых раскопок. Затем были определены границы и площадь раскопа 2002 года, который был разбит на 18 квадратов (4×4 м), привязанных южной и западной кромками к северным и восточным краям раскопок, выполненных в 2001 году и ориентированных стенками по сторонам света (рис. 1, Б; 58). После этого был определен единый нулевой уровень для раскопа в 2001 и 2002 годов. После чего была полностью нивелирована вся поверхность площади предполагаемого раскопа. После этого проводилась горизонтальная разборка и зачистка, от края раскопа 2001 года, поочередно всех слоев каждого размеченного квадрата поселения, вплоть до материка с фиксацией находок по отношению к нулевому уровню, на чертежах и фото. После чего производилась зачистка профилей стенок и бровок раскопа, составлялись их чертежи, и осуществлялась фотофиксация. По окончании этой работы бровки окончательно разбирались. Ямы и различные углубления в материк исследовались индивидуально, заполнение разбиралось, и производилась полная зачистка с фиксацией этого процесса на чертежах и фото. В процессе раскопок все находки проходили первоначальную камеральную обработку, шифровались, нумеровались и упаковывались. По окончании раскопок была осуществлена рекультивация грунта с использованием ручных и механических средств.

2.3.1. РАСКОП №1

Этот раскоп располагается в центральной части памятника на левом берегу р. Касьмы, где поселение вплотную подходит к реке, и активно разрушается под воздействием естественных причин и антропогенного фактора (рис. 1, А, Б). Площадь разрушения в 2001 году была охвачена раскопом лишь частично, так как он был привязан к краю разрушающейся береговой

террасы и не захватил территорию, подверженную разрушению грунтовой дорогой, на которой отсутствует дерновое покрытие. Поэтому в 2002 году в этой части памятника были продолжены исследования на раскопе №1 (Илюшин А.М., 2003; Илюшин А.М., Ковалевский, 2003, с. 366-367). Площадь вскрытой поверхности составила 288 кв. м (рис. 1, Б; 58).

Стратиграфия исследуемого участка памятника довольно подробно была описана нами в 2001 году. В 2002 году после проведения зачистки отдельных квадратов, стенок, бровок и всего раскопа полученные ранее данные были лишь уточнены. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что на всем протяжении раскопа стратиграфия одинакова (рис. 58). Она изменяется лишь в малых величинах отдельных слоев. При этом стратиграфия западного и восточного участков поселения отличается от стратиграфии центрального участка. Это объясняется различиями в почвообразовательных процессах. Западная часть раскопа (квадраты, обозначенные на рис. 12 цифрой 14 и буквами Ж, З, И, К – А.И.) располагается на пологом склоне высокой мысовидной террасы, которая подвержена наибольшему разрушению, как вследствие воздействия паводковых вод, так и под воздействием антропогенного фактора. Дерновое покрытие на этом участке поселения практически полностью отсутствует, а чернозем (культурный слой) начинается с уровня современной поверхности, который подстилает слой предматерикового серого суглинка. Сверху вниз слои располагаются следующим образом: дерн – 0-0,07 м; чернозем – 0,37-0,43 м; серый суглинок – 0,04-0,13 м; темный суглинок (материк) – несколько метров до уровня воды. Центральная часть раскопа (квадраты, обозначенные на рис. 58 цифрой 14 и буквами Л, М, Н, О, П – А.И.) располагается наверху высокой мысовидной террасы, которая подвержена наибольшему разрушению, как вследствие воздействия паводковых вод, так и под воздействием антропогенного фактора. Дерновое покрытие на этом участке поселения частично отсутствует или имеет небольшую величину. Под дерном располагается чернозем (культурный слой), а под ним – слой предматерикового серого суглинка. Сверху вниз слои располагаются следующим образом: дерн – 0,05-0,12 м; чернозем – 0,35-0,43 м; серый суглинок – 0,07-0,13 м; темный суглинок (материк) – несколько метров до уровня воды. Восточный участок раскопа (квадраты, обозначенные на рис. 12 цифрой 14 и буквами Р, С, Т, У, Ф – А.И.) располагается на пологом склоне высокой мысовидной террасы, частично, в пределах заливной поймы. Здесь имеются мощный слой дерна, за которым следуют слой чернозема и слой серого суглинка, который подстилает темный суглинок (материк). Сверху вниз слои располагаются следующим образом: дерн – 0,17-0,24 м; чернозем – 0,37-0,43 м; серый суглинок – 0,05-0,18 м; темный суглинок (материк) – несколько метров до уровня воды. Самая высокая точка раскопа составляла +0,18 м к нулевому уровню и располагалась в центральной части раскопа, а самая низкая -1,28 м – в восточной части раскопа (рис. 58). Различия в

величинах предопределили тот факт, что западный и центральный участки раскопа до уровня материка были изучены при помощи 2 слоев раскопа, а восточный при помощи 3 слоев. Различные конструкции и сооружения в материке исследовались индивидуально на 3 и 4 слоях раскопа (рис. 58).

Описание слоев раскопа. При раскопках горизонтальные слои, величиной до 24 см (с учетом зачистки), обозначались цифрами, поочередно, от 1 до 4. Каждый слой обследовался индивидуально по всей площади раскопа по квадратам, которые поочередно обозначались цифрами с 12 до 14 (с Ю на С) и буквами русского алфавита от Ж до Ф (с З на В) и раскапывались от края раскопа, с юга на север (рис. 58). Осуществлялась сквозная нумерация находок по слоям раскопа, которая привязывалась к квадратам по направлению с З на В и с Ю на С.

Первый слой раскопа (0-24 см) характеризуется тем, что основная масса находок сконцентрирована в квадратах, расположенных в западной и центральной частях раскопа. На этих участках в отдельных местах отсутствовал дерновый слой и находки «выглядывали» из земли. По заполнению первый слой раскоп представлял собой дерновое покрытие и чернозем, насыщенный разнообразными находками (рис. 58А).

В квадрате Ж14 были найдены 2 фрагмента венчиков керамических сосудов, 3 игральные кости (альчики), 4 зуба и 57 фрагментов костей животных (рис. 58А, 1-5; 59, 1-5). Кроме этого в ЮВ части квадрата был зафиксирован прокол от кострища диаметром 0,62 м, который фиксировался на глубину до 0,19 м от уровня современной поверхности (рис. 58А).

В квадрате З14 были найдены 14 фрагментов керамических сосудов, 1 игральная кость (альчик), 2 зуба и 53 фрагмента костей животных (рис. 58А, 6-21; 59, 6, 10-15, 21). Кроме этого в ЮВ части квадрата был зафиксирован прокол от кострища диаметром 0,46 м, который фиксировался на глубину до 0,12 м от уровня современной поверхности (рис. 58А).

В квадрате И14 были найдены 4 фрагмента керамических сосудов, 1 фрагмент челюсти и 53 фрагмента костей животных (рис. 58А, 22-25; 59, 24, 25).

В квадрате К14 были найдены 8 фрагментов керамических сосудов, 1 костяная проколка, 1 фрагмент челюсти, 4 зуба крупного травоядного животного и 67 фрагментов костей животных (рис. 58А, 26-34; 59, 32; 60, 33, 34).

В квадрате Л14 были найдены 5 фрагментов керамических сосудов, 1 костяная пуговица и 72 фрагмента костей животных (рис. 58А, 35-40; 60, 39, 40).

В квадрате М14 были найдены 12 фрагментов керамических сосудов и 63 фрагмента костей животных (рис. 58А, 41-52).

В квадрате Н14 были найдены 4 фрагмента керамических сосудов, 1 игральная кость (альчик) и 59 фрагментов костей животных (рис. 58А, 53-57; 60, 57).

В квадрате **О14** были найдены 5 фрагментов керамических сосудов, 1 игральная кость, 1 зуб и 33 фрагмента костей животных (рис. 58А, 58-63; 60, 58-60, 63).

В квадрате **П14** были найдены 2 фрагмента керамических сосудов и 22 фрагмента костей животных (рис. 58А, 64, 65; 60, 65).

В квадрате **Р14** были найдены 1 игральная кость (альчик), 1 зуб крупного травоядного животного и 20 фрагментов костей животных (рис. 58А, 66; 60, 66).

В квадрате **С14** были найдены 4 фрагмента керамических сосудов, 1 игральная кость (альчик) и 29 фрагментов костей животных (рис. 58А, 67-71; 60, 67, 71).

В квадрате **Т14** были найдены 2 фрагмента керамических сосудов, 1 игральная кость (альчик), 1 фрагмент челюсти, 3 зуба и 35 фрагментов костей животных (рис. 58А, 72-74; 60, 74).

В квадрате **У12** были найдены 1 орнаментированный фрагмент керамического сосуда и 38 фрагментов костей животных (рис. 58А, 75; 60, 75).

В квадрате **У13** были найдены 1 игральная кость (альчик), 2 фрагмента челюстей крупного травоядного животного и 13 фрагментов костей животных (рис. 58А, 76; 60, 76).

В квадрате **У14** были найдены 19 фрагментов костей животных (рис. 58А).

В квадрате **Ф12** были найдены 25 фрагментов костей животных (рис. 58А).

В квадрате **Ф13** были найдены 18 фрагментов костей животных (рис. 58А).

В квадрате **Ф14** были найдены 18 фрагментов костей животных (рис. 58А).

Второй слой раскопа (25-48 см) отличался тем, что основная масса находок была сконцентрирована на центральном и восточном участках (рис. 58Б). В западной части раскопа на уровне материка были зафиксированы следы трех грунтовых ям (за №№ 3-5). Раскопки этих объектов были проведены по завершении зачистки всей площади раскопа, и их описания будут приводиться ниже. По заполнению второй слой раскопа представлял собой чернозем и серый суглинок, насыщенный разнообразными находками (рис. 58Б).

В квадрате **Ж14** были найдены 4 фрагмента керамических сосудов и 38 фрагментов костей животных (рис. 58Б, 1-4; 61, 1, 3, 4).

В квадрате **З14** были найдены 1 фрагмент керамического сосуда и 11 фрагментов костей животных (рис. 58Б, 5).

В квадрате **И14** были найдены 3 фрагмента керамических сосудов и 47 фрагментов костей животных (рис. 58Б, 7, 8; 61, 8).

В квадрате **К14** были найдены 1 игральная кость (альчик), 8 фрагментов керамических сосудов, 1 фрагмент челюсти крупного травоядного жи-

вотного и 36 фрагментов костей животных (рис. 58Б, 9-17; 61, 9, 17). Кроме этого в С части квадрата был зафиксирован прокол от кострища диаметром 0,7 м, который фиксировался на глубине 0,30-0,37 м от уровня современной поверхности (рис. 58Б).

В квадрате **Л14** были найдены 1 фрагмент керамического сосуда, 1 костяная пуговица (застежка) и 35 фрагментов костей животных (рис. 58Б, 18, 19; 61, 19). Кроме этого в СВ части квадрата на глубине 0,41-0,48 м от уровня современной поверхности был зафиксирован участок прокала кострища, который был заглублен в материк (рис. 58Б).

В квадрате **М14** были найдены 1 игральная кость (альчик), 14 фрагментов керамических сосудов и 24 фрагмента костей животных (рис. 58Б, 20-34; 61, 20-22, 25, 26). Кроме этого в СЗ части квадрата на глубине 0,41-0,48 м от уровня современной поверхности был зафиксирован участок прокала кострища, который был заглублен в материк, имел овальную форму, длиной осью вытянутую по линии СЗ-ЮВ, размерами 1,92×1,38 м (рис. 58Б).

В квадрате **Н14** были найдены 4 фрагмента керамических сосудов, 1 зуб и 41 фрагмент костей животных (рис. 58Б, 35-38; 61, 35, 38). Кроме этого в ЮЗ части квадрата был зафиксирован прокол от кострища диаметром 0,76 м, который фиксировался на глубине до 0,32-0,46 м от уровня современной поверхности (рис. 58Б).

В квадрате **О14** были найдены 1 игральная кость (альчик) и 41 фрагмент костей животных (рис. 58Б, 39; 61, 39).

В квадрате **П14** были найдены 10 фрагментов керамических сосудов и 38 фрагментов костей животных (рис. 58Б, 40-49; 61, 46, 47).

В квадрате **Р14** были найдены 3 фрагмента керамических сосудов и 23 фрагмента костей животных (рис. 58Б, 50-52).

В квадрате **С14** были найдены 2 игральные кости (альчики), 48 фрагментов керамических сосудов и 66 фрагментов костей животных (рис. 58Б, 53-102; 61, 53, 54, 56, 63, 78; 62, 93-102).

В квадрате **Т14** были найдены 4 игральные кости (альчики), 5 фрагментов керамических сосудов, 3 зуба, 5 фрагментов челюстей и 50 фрагментов костей животных (рис. 58Б, 103-112; 62, 108-112).

В квадрате **У12** были найдены 5 фрагментов керамических сосудов и 21 фрагмент костей животных (рис. 58Б, 113-117; 62, 117).

В квадрате **У13** были найдены 2 игральные кости (альчики) и 31 фрагмент костей животных (рис. 58Б, 118, 119; 62, 118, 119).

В квадрате **У14** были найдены 22 фрагмента керамических сосудов, 3 фрагмента челюстей и 34 фрагмента костей животных (рис. 58Б, 120-141; 62, 120-122, 127, 134, 137; 63, 139-141).

В квадрате **Ф12** были найдены 1 игральная кость (альчик), 2 фрагмента керамических сосудов и 21 фрагмент костей животных (рис. 58Б, 142-144; 63, 144).

В квадрате **Ф13** были найдены 21 фрагмент керамических сосудов, 1 зуб и 19 фрагментов костей животных (рис. 58Б, 145-162; 63, 147, 151-154, 157-159).

В квадрате **Ф14** были найдены 1 игральная кость (альчик), 26 фрагментов керамических сосудов, 1 зуб и 48 фрагментов костей животных (рис. 58Б, 166-192; 63, 166, 167, 169-172, 179, 180, 184-190, 192).

Третий слой раскопа (49-72 см) отсутствовал в западной части раскопа (с квадрата **Ж14** по **К14**). В процессе раскопок и зачистки этого слоя были зафиксированы следы еще 13 грунтовых ям (за №№ 1, 2, 6-16), углубленных в материк. Раскопки этих объектов были проведены по завершении зачистки всей площади раскопа, и их описание будет приводиться ниже. По заполнению в центральной и восточной части третий слой раскопа представлял собой чернозем и серый суглинок, насыщенный разнообразными находками (рис. 58В).

В квадрате **Л14** были найдены 2 фрагмента костей животных (рис. 58В).

В квадрате **М14** были найдены 6 фрагментов костей животных (рис. 58В).

В квадрате **Н14** были найдены 8 фрагментов костей животных (рис. 58В).

В квадрате **О14** были найдены 7 фрагментов костей животных (рис. 58В).

В квадрате **П14** были найдены 4 фрагмента костей животных (рис. 58В).

В квадрате **Р14** были найдены 6 фрагментов костей животных (рис. 58В).

В квадрате **С14** были найдены 3 игральные кости (альчики), 47 фрагментов керамических сосудов, 1 фрагмент челюсти и 50 фрагментов костей животных (рис. 58В, 1-50; 64, 12-19, 21, 33, 34, 36-40, 44, 48-49).

В квадрате **Т14** были найдены 4 фрагмента керамических сосудов, 2 зуба и 26 фрагментов костей животных (рис. 58В, 51-54; 64, 51).

В квадрате **У12** были найдены 4 фрагмента керамических сосудов и 14 фрагментов костей животных (рис. 58В, 55-58; 65, 55-57).

В квадрате **У13** были найдены 7 фрагментов костей животных (рис. 58В).

В квадрате **У14** были найдены 1 игральная кость (альчик), 17 фрагментов керамических сосудов, 4 зуба, 3 фрагмента челюстей и 55 фрагментов костей животных (рис. 58В, 59-77; 65, 63, 64, 66, 68-77).

В квадрате **Ф12** были найдены 6 фрагментов керамических сосудов, 2 зуба, 2 фрагмента челюстей и 60 фрагментов костей животных (рис. 58В, 78-83; 65, 78-83).

В квадрате **Ф13** были найдены 1 фрагмент керамического сосуда, 1 фрагмент челюсти и 31 фрагмент костей животных (рис. 58В, 84).

В квадрате **Ф14** были найдены 14 фрагментов костей животных (рис. 58В).

Четвертый слой раскопа отсутствовал на всех участках раскопа и по своему содержанию представляет собой результаты раскопок грунтовых ям за №№1-16 (рис. 58).

Описание грунтовых ям. В процессе раскопок и зачисток 2 и 3 слоев были выявлены и зафиксированы 16 грунтовых ям (за №№1-16), место расположения которых обозначено на общих планах раскопок 3 и 4 слоя (рис. 58). Каждый из этих объектов исследовался индивидуально, поэтому последовательно приводим описание результатов их изучения.

Яма 1 располагалась в центральной части раскопа в южной части квадрата **М14** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии ЮВ-СЗ (рис. 58В; 66, А). Ее размеры 0,93×0,78 м, а глубина 0,10 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме ничего не было найдено (рис. 66, А).

Яма 2 располагалась в центральной части раскопа в северо-восточной части квадрата **М14** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии ЮВ-СЗ (рис. 58В; 66, Б). Ее размеры 0,82×0,63 м, а глубина 0,13 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме ничего не было найдено (рис. 66, Б).

Яма 3 располагалась в западной части раскопа в юго-западной части квадрата **З14** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии Ю-С (рис. 58В; 66, В). Ее размеры 0,63×0,56 м, а глубина 0,14 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 26 фрагментов кальцинированных костей животных (рис. 66, В).

Яма 4 располагалась в западной части раскопа в восточной части квадрата **З14** и представляла собой округлую грунтовую яму, диаметром 0,58 м, на 0,28-0,30 м углубленную в материк (рис. 58В; 66, Г). Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь, подверженную воздействию огня, и остатки зольника от кострища. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 29 древесных угольков (рис. 66, Г).

Яма 5 располагалась в западной части раскопа в южной части квадрата **К14** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии ЮЗ-СВ (рис. 58В; 67, А). Ее размеры 1,12×0,74 м, а глубина 0,28 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в центральной части ямы были зафиксированы в одном скоплении кости двух черепов и нижние конечности коней (вероятно, останки двух конских шкур – А.И.) и были найдены 2 миниатюрных неорнаментированных фрагмента керамической посуды (рис. 67, А, 1, 2).

Яма 6 располагалась в восточной части раскопа в западной части квадрата **У12** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии ЮЗ-СВ (рис. 58В; 67, *Б*). Ее размеры 1,31×0,72 м, а глубина 0,35 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме ничего не было найдено (рис. 67, *Б*).

Яма 7 располагалась в восточной части раскопа в квадратах **У12** и **У13** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии З-В (рис. 58В; 68, *А*). Ее размеры 1,50×1,05 м, а глубина 0,20 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 3 фрагмента костей животных (рис. 68, *А*).

Яма 8 располагалась в центральной части раскопа в северной части квадрата **Л14** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии ЮВ-СЗ (рис. 58В; 68, *Б*). Ее размеры 1,98×1,20 м, а глубина 0,08 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме ничего не было найдено (рис. 68, *Б*).

Яма 9 располагалась в центральной части раскопа в юго-восточной части квадрата **П14** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии ЮЮЗ-ССВ (рис. 58В; 69, *А*). Ее размеры 1,32×1,26 м, а глубина 0,15 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме был найден 1 фрагмент кости животного (рис. 69, *А*).

Яма 10 располагалась в восточной части раскопа в северо-восточной части квадрата **С14** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии ВЮВ-ЗСЗ (рис. 58В; 69, *Б*). Ее размеры 1,47×1,41 м, а глубина 0,16 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 4 неорнаментированных фрагмента керамических сосудов, 1 фрагмент каменного изделия, 12 мелких фрагментов костей животных и 13 древесных углей (рис. 69, *Б*, 1-5).

Яма 11 располагалась в восточной части раскопа в центральной части квадрата **Ф14** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии ЮВ-СЗ (рис. 58В; 70). Ее размеры 2,05×1,19 м, а глубина 0,18 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 4 фрагмента керамических сосудов, 1 фрагмент челюсти и 18 фрагментов костей животных (рис. 70, 1-4).

Яма 12 располагалась в центральной части раскопа в западной части квадрата **М14** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии ЮЮВ-ССЗ (рис. 58В; 71, *А*). Ее размеры 0,81×0,74 м, а глубина 0,21 м. Заполнение ямы представляет собой темно-

серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме был найден 1 фрагмент копыта животного (рис. 71, А).

Яма 13 располагалась в центральной части раскопа в северной части квадрата **М14** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии ЮЮВ-ССЗ (рис. 58В; 71, В). Ее размеры 0,82×0,65 м, а глубина 0,18 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме был найден 1 фрагмент нижней челюсти животного (рис. 71, В).

Яма 14 располагалась в центральной части раскопа в центре квадрата **Н14** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии ЮВ-СЗ (рис. 58В; 71, В). Ее размеры 1,84×1,15 м, а глубина 0,59 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 16 фрагментов костей животных (рис. 71, В).

Яма 15 располагалась в восточной части раскопа в квадратах **У13**, **Т14** и **У14** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии З-В (рис. 58В; 72, А). Ее размеры 1,67×1,52 м, а глубина 0,14 м. Заполнение ямы представляет собой чернозем и темно-серую супесь. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 1 фрагмент керамического сосуда и 8 фрагментов костей животных (рис. 72, I).

Яма 16 располагалась в центральной части раскопа в квадратах **Л14** и **М14** и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии Ю-С и уходящую под северный край раскопа (рис. 58В; 73, А). Ее размеры, по результатам раскопок 2002 года, 1,53×1,34 м, а глубина 0,19 м. Заполнение ямы представляет собой темно-серую супесь, подверженную воздействию огня, и остатки зольника от кострища. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 6 фрагментов керамической посуды и 31 фрагмент костей животных (рис. 73, А, I-6).

По результатам аварийных исследований в 2002 году на раскопе №1 (общая площадь 288 кв. м), расположенном на левом берегу р. Касьмы, в месте наибольшего разрушения культурного слоя, был подтвержден предварительный вывод о том, что этот памятник является многослойным и многокомпонентным. Правильно его интерпретировать не как одно поселение, а как комплекс разновременных поселений, материалы которых предварительно были датированы с эпохи энеолита до позднего средневековья и этнографической современности (Илюшин А.М., 2002, с. 8, 21).

2.4. ИТОГИ ОБСЛЕДОВАНИЙ И РАСКОПОК

Подводя итоги обследований и раскопок 1996, 1999-2002 годов, можно утверждать, что Торопово-4 – это комплекс археологических памятников, расположенный на левом и правом берегах р. Касьмы, в 0,7 км к СЗ от окраины с. Торопово. Левобережная часть памятника в основном располо-

жена на первой надпойменной террасе, представляющей собой пологий холм, круто обрывающийся к реке, и частично на заливной террасе, а правобережная на первой низкой заливной террасе (рис. 1, А, Б). Отдельные участки памятника подвержены естественному разрушению, вследствие весенних разливов реки, подмыва береговых террас, и искусственному разрушению грунтовыми дорогами и стадом крупнорогатого скота, путь которого к водопою пролегает через центральную часть поселения.

Состояние памятника на момент обнаружения оценивалось как аварийное. Каждый раз при обследовании разрушаемых участков сотрудники ККАЭЭ собирали большие коллекции разнообразных археологических артефактов. В 2001 году ККАЭЭ были обследованы разрушения культурного слоя, собрана коллекция различных артефактов и впервые проведены аварийные раскопки на трех участках, которые располагались вблизи края разрушаемой береговой террасы и были подвержены наибольшему разрушению. С этой целью были заложены три раскопа (за №№1-3) – два на левом берегу и один на правом общей площадью порядка 966 кв. м (рис. 3). По завершении полевых исследований 2001 года раскоп №1 был законсервирован на перспективу проведения дальнейших раскопок, а на раскопах №2 и №3 был применен метод устройства дренажа для укрепления береговых террас и спасения культурного слоя поселений от размыва паводковыми водами (Илюшин А.М., 2002, с. 9-43; 2005а, с. 33-37). В 2002 году сотрудники ККАЭЭ изучали эффективность устройства дренажа для консервации раскопов, обследовали разрушения культурного слоя и проводили сбор археологических артефактов в местах естественных разрушений. Кроме этого были продолжены раскопки на раскопе №1, в местах наибольшего разрушения памятника (Илюшин А.М., 2003; Илюшин А.М., Ковалевский, 2003, с. 366-367).

Всего за время изучения комплекса археологических памятников Торопово-4 раскопками была вскрыта площадь порядка 1254 кв. м (раскоп №1 в 2001 году – 690 кв. м, раскоп №2 в 2001 году – 42 кв. м, раскоп №3 в 2001 году – 234 кв. м и раскоп №1 в 2002 году – 234 кв. м). На памятнике в результате полевых сборов и раскопок была собрана коллекция артефактов материальной культуры общей численностью 1843 экземпляров (полевые сборы 1996, 1999, 2000-2002 годов – 243 экземпляра, раскоп №1 в 2001 году – 1133 экземпляра, раскоп №2 в 2001 году – 51 экземпляр, раскоп №3 в 2001 году – 123 экземпляра и раскоп №1 в 2002 году – 293 экземпляра). Во время раскопок были выявлены и обследованы 12 прокалов грунта (очагов) (8 на раскопе №1 и 4 на раскопе №3), 4 жилищных котлована (все на раскопе №1) и 29 грунтовых ям (все на раскопе №1). Информация об открытых и исследованных на комплексе археологических памятников Торопово-4 артефактах и объектах представлена на чертежах и рисунках в приложении, что позволяет перейти к следующей стадии исследования – их первичному анализу при помощи классификации.

3. КЛАССИФИКАЦИЯ АРТЕФАКТОВ И РАСКОПАННЫХ ОБЪЕКТОВ

В результате подъемных сборов и раскопок на комплексе поселений Торопово-4 в 1996, 1999, 2000-2002 годах была сформирована большая коллекция археологических артефактов и были обследованы различные объекты жизнедеятельности людей в местах их проживания. Это позволяет начать процедуру археологической классификации накопленных материалов.

3.1. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ АРТЕФАКТОВ

В основе классификации культурных артефактов лежит принцип деления на категории по их назначению, а последние в свою очередь на классы, отделы, группы и типы по материалу их изготовления и форме. Среди всей совокупности найденных артефактов на комплексе поселений Торопово-4 по назначению условно можно выделить четыре категории предметов: вооружение, принадлежности одежды и украшения, орудия труда и бытовые предметы, посуда. Классификации подвергаются только те находки, чья степень сохранности позволяет это сделать. При классификации используются различные схемы, предложенные разными авторами и апробированные нами на археологических материалах различных исторических эпох и периодов из Кузнецкой котловины.

3.1.1. ВООРУЖЕНИЕ

Предметы вооружения на Торопово-4 представлены средствами ведения дистанционного и ближнего боя. В основном это единичные изделия наконечников стрел для стрельбы из лука и ножи (рис. 11, 56, 59; 20, 36; 28, 427; 31, 143, 144; 34, 243; 37, 344; 38, 373; 39Б, 1; 41, 33).

Наконечники стрел по материалу изготовления относятся к двум классам – костяные и каменные. Классификация этих артефактов проводится по уже апробированной схеме (Илюшин А.М., 2009, с. 21-28).

Класс 1. Костяные наконечники стрел. По способу крепления среди костяных наконечников стрел выделяется один отдел – черешковые, по сечению пера они делятся на четыре группы, а по форме пера на пять типов.

Группа 1. Трехгранные. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Представлен одним экземпляром из первого слоя квадрата Ж11 раскопа №1 в 2001 году (рис. 20, 36). Особен-

ностью этой находки является овальное сечение и массивная форма черешка.

Группа 2. Треугольные с пазом. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Треугольные с шипами и стоком. Представлен одним экземпляром из второго слоя квадрата **T12** раскопа №1 в 2001 году (рис. 37, 344).

Группа 3. Ромбические. Насчитывает 2 типа.

Тип 1. Удлиненно-ромбические. Представлен одним экземпляром из второго слоя квадрата **O12** раскопа №1 в 2001 году (рис. 34, 243).

Тип 2. Удлиненно-прямоугольные, шипастые. Представлен одним экземпляром из четвертого слоя квадрата **A7** раскопа №1 в 2001 году, острие которого было сломано в древности (рис. 39Б, 1).

Группа 4. Ромбические с пазом. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Удлиненно-треугольные. Представлен одним экземпляром, найденным в заполнении жилища №1 раскопа №1 2001 года, черешок для крепления у которого был обломан в древности (рис. 41, 33).

Класс 2. Каменные наконечники стрел. По способу крепления они относятся к отделу зажимные, по сечению пера они делятся на одну группу, а по форме пера на 2 типа.

Группа 1. Линзовидные. Насчитывает 2 типа.

Тип 1. Лавролистные. Представлен одним экземпляром из подъемных сборов 2000 года в центральной части береговой осыпи в месте будущего раскопа №1, который был обработан по краям мелкой ретушью (рис. 11, 59).

Тип 2. Удлиненно-треугольные. Представлен одним экземпляром из первого слоя квадрата **O13** раскопа №1 в 2001 году, который имел небольшую выемку в месте крепления и по краям был обработан мелкой ретушью (рис. 28, 427).

Кинжал, найденный в Торопово-4, по материалу относится к группе каменные обоюдоострые, но по причине фрагментарности находки отнести его по форме к какому-либо типу не представляется возможным. Фрагмент каменного кинжала был найден во втором слое квадрата **T13** раскопа №1 в 2001 году (рис. 38, 373).

Ножи, найденные в Торопово-4, при классификации образуют две группы по материалу изготовления – железные и бронзовые, для которых имеются принципиально различные классификационные схемы (Илюшин, А.М., 1993, с. 24-25; 2012, с. 36; Членова, 1967; 1972; Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 67; и др.).

Группа 1. Железные ножи по контуру лезвия и конструкции, а также по наличию или отсутствию перекрестья и размерам относятся к одному типу.

Тип 1. Маленькие без перекрестья. Представлен одним экземпляром из второго слоя квадратов **Ж12** и **Ж13** раскопа №1 в 2001 году, который

был сломан в древности на две части (рис. 31, 143, 144). Имеет небольшой черешок для деревянной или роговой рукояти и заметный выступ, отделяющий черешок от лезвия. Дугообразный обушок сильно сужен к лезвию и образует жало.

Группа 2. Бронзовые ножи. Насчитывает 1 тип, который представлен одним экземпляром из подъемных сборов 2000 года на дне р. Касьмы напротив центральной части будущего раскопа №1 (рис. 11, 56).

Согласно существующим классификационным схемам данный нож относится к разряду коленчатообушковых, разделу с уступом, отделяющим рукоять от лезвия, подразделу с двусторонней желобчатой рукоятью, отделу без отверстия в рукояти, типу с округлым монетовидным навершием.

3.1.2. ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНИЯ

К этой категории предметов относятся единичные артефакты – пуговицы, накосница и подвеска.

Пуговицы (застежки). В эту категорию инвентаря можно включить три предмета, найденные в первом слое квадрата **Р13** и втором слое квадрата **Л14** раскопа №1 2001 и 2002 года (рис. 28, 448; 60, 40; 61, 19), и один предмет, найденный во втором слое квадрата **И6** раскопа №3 2001 года (рис. 55, 16). По материалу изготовления их можно отнести к группе костяные.

Накосница по материалу изготовления относится к группе костяные. Это изделие было найдено во втором слое квадрата **О12** на раскопе №1 в 2001 году (рис. 33, 210).

Подвеска по материалу изготовления относится к группе бронзовые, а по конструкции и форме – к типу лапчатые. Это изделие было найдено в первом слое квадрата **З11** на раскопе №1 в 2001 году (рис. 23, 171).

3.1.3. ОРУДИЯ ТРУДА И БЫТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Предметы этой категории можно классифицировать на виды по их функциональному назначению, на группы по материалу изготовления и на типы по форме.

Лоцила происходят как из материалов полевых сборов 2000 года (рис. 11, 60), так и из первого слоя квадрата **Р12**, второго слоя квадратов **Д10** и **Т13** раскопа №1 2001 года и ямы 10 раскопа №1 2002 года (рис. 28, 444; 30, 97; 38, 379; 69, 2). Все они относятся к группе каменные, а по форме можно выделить 3 типа.

Тип 1. Округлые дисковидные. Представлен двумя экземплярами (рис. 11, 60; 38, 379).

3. Классификация артефактов и раскопанных объектов

Тип 2. Овальные дисковидные. Представлен двумя экземплярами (рис. 28, 444; 69, 2).

Тип 3. Округлые шаровидные. Представлен одним экземпляром (рис. 30, 97).

Точила происходят как из полевых сборов 2001 года (рис. 15, 73-78), так и из первого слоя квадратов **З12, И12, О12, У11** (рис. 24, 226; 25, 295; 28, 425; 29, 524), второго слоя квадратов **В9, Л13** (рис. 30, 33; 34, 232; 38, 377) и из жилища 3 раскопа №1 2001 года (рис. 43, 2-4). Есть такие артефакты и в четвертом слое квадратов **И4** и **В10** раскопа №3 2001 года (рис. 56Б, 4; 57, 6). По материалу изготовления (песчаник, кварциты, сланец) все эти находки относятся к группе каменные, а по форме и размерам можно выделить три типа.

Тип 1. Брусковидные. Представлен пятью экземплярами (рис. 15, 77; 24, 226; 25, 295; 30, 33; 38, 377).

Тип 2. Ромбические миниатюрные. Представлен одним экземпляром (рис. 15, 74).

Тип 3. Уплощенные массивные. Представлен девятью экземплярами (рис. 15, 73, 75, 76, 78; 28, 425; 29, 524; 34, 232; 56Б, 4; 57, 6). Некоторые из предметов этого типа, вполне вероятно, могли являться зернотерками.

Астрагалы (игральные кости). Некоторые из них имеют просверленные отверстия, следы шлифования, орнаментированы косой сеткой и прочерченными линиями. Происходят из полевых сборов 2002 года (рис. 17, 30, 31), а также из первого слоя квадратов **Ж12, З13, И13, М13, П13, Ж14, З14, Н14, О14, Р14, С14, Т14, У13** (рис. 21, 97-122; 22, 123-154; 23, 155-159; 24, 225, 258-260; 25, 296; 27, 395; 28, 438; 59, 3-6; 60, 63, 66, 71, 74, 76), из второго слоя квадратов **Ж12, З11, Н13, Т12, К14, М14, О14, С14, Т14, У13, Ф12, Ф14** (рис. 31, 142; 32, 160; 34, 242; 37, 347; 61, 9, 20, 39, 53, 54; 62, 109-112, 118-119; 63, 144, 192), третьего слоя квадратов **С14** и **У14** (рис. 64, 47-49; 65, 63), ямы 11 (рис. 51А, 1) раскопа №1 в 2001 и 2002 годах. Обращает на себя внимание концентрация астрагалов в квадрате **Ж12** раскопа №1 2001 года, что и позволяет их интерпретировать как игральные кости.

По материалу эти находки относятся к группе костяных изделий, а по форме и размерам относятся к двум типам.

Тип 1. Маленькие. Насчитывает 81 экземпляр (рис. 17; 30, 31; 21, 97-122; 22, 123-154; 23, 155-159; 24, 259, 260; 31, 142; 60, 57, 74, 76; 34, 242; 37, 347; 61, 20, 39, 54; 62, 109-111; 63, 144, 192; 64, 49).

Тип 2. Большие. Насчитывает 21 экземпляр (рис. 24, 225, 258; 25, 296; 27, 395; 28, 438; 32, 160; 59, 3-6; 60, 63, 71; 61, 9, 53; 62, 112, 118, 119; 64, 47, 48; 65, 63; 51А, 1).

Проколки. Насчитывается 18 экземпляров. Происходят как из материалов полевых сборов (рис. 16, 81; 17, 33, 34), так и из первого слоя квадратов **Н12, Н13, О12, Т12, Т13, У11, К14** (рис. 27, 416; 28, 424, 426; 29, 490,

491, 513, 523; 60, 34) и из второго слоя квадратов **E11**, **312**, **O12**, **T12**, **T13** (рис. 31, 106; 32, 174; 35, 247; 37, 345; 38, 378), а также жилища 1 (рис. 41, 35, 36) раскопа №1 2001 и 2002 годов. По материалу изготовления все эти изделия относятся к группе костяные.

Крепежная пластина. Прямоугольное изделие удлиненной формы с двумя отверстиями на концах. Происходит из первого слоя квадрата **312** раскопа №1 2001 года (рис. 24, 224). Пластина была сломана в древности. Вероятно, она представляла собой простейшее крепление-карабин для веревки. По материалу это изделие относится к группе костяные, типу удлиненно-подчетыреугольные плоские.

Орудия для нанесения орнамента. Эти предметы предназначались для нанесения гладкого либо гребенчатого штампа на керамической посуде во время ее производства. Происходят из первого слоя квадратов **Ж11** и **312** (рис. 20, 37; 23, 223), из второго слоя квадрата **E11** (рис. 31, 131, 132), жилища 1, ям 7 и 10 (рис. 41, 34; 48, 5; 50, 2-4) раскопа №1 2001 года. По материалу изготовления все они относятся к группе костяные, а по нанесению типовых элементов орнамента можно выделить три типа этих предметов.

Тип 1. Обоюдоострые костяные стержни для нанесения ямочного орнамента, жемчужин и граффити. Насчитывает два экземпляра. Один из двух стержней (рис. 41, 34) был найден в жилище 1, а другой (рис. 48, 5) в яме 7 раскопа №1 2001 года.

Тип 2. Ножевидные пластины для нанесения гладких резных линий. Насчитывает пять экземпляров. Одна из таких пластин была найдена в первом слое квадрата **312** (рис. 23, 223), другая из второго слоя квадрата **E11** (рис. 31, 132), и три пластины были найдены в яме 10 (рис. 50, 2-4) раскопа №1 2001 года.

Тип 3. Плоские пластины для нанесения гребенчатого штампа. Насчитывает два экземпляра. Обе пластины были найдены в первом слое квадратов **Ж11** и **E11** (рис. 20, 37; 31, 131) раскопа №1 2001 года.

Прясло происходит из материалов полевых сборов 2001 года (рис. 12, 15) и второго слоя квадрата **П13** (рис. 35, 261) раскопа №1 в 2001 году. По материалу изготовления и форме относятся к двум группам и типам.

Группа 1. Костяные. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Уплощенное, округлое с отверстием в центре. Насчитывает один экземпляр (рис. 12, 15).

Группа 2. Керамическое. Насчитывает 1 тип.

Тип 1. Уплощенное, округлое с отверстием в центре. Насчитывает один экземпляр (рис. 35, 261).

Горла кожаных сосудов происходят из материалов полевых сборов в районе раскопа №1 2001 года (рис. 11, 57, 58). Данные изделия были заужены в верхней части и имели специальную выемку для крепления к кожаному сосуду (бурдюку). Одно из изделий было заготовкой, а другое бы-

ло заполировано с внешней стороны и готово к использованию. По материалу изготовления они относятся к группе костяные.

Рыболовный крючок происходит из первого слоя квадрата **Н12** раскопа №1 2001 года (рис. 27, 415). По материалу изготовления он относится к группе железные, а по форме и размерам к типу маленькие.

Поплавок происходит из сборов на правом берегу реки близ раскопа №3 2001 года (рис. 18Б, 1). По материалу изготовления он относится к группе деревянные, а по форме к типу цилиндрические с отверстием в центре.

Грузило происходит из четвертого слоя квадрата **В10** раскопа №3 в 2001 году (рис. 57, 7). Представляет собой каменный цилиндр из девонского сланца, несколько зауженный в верхней части, с отверстием по центру. Изделие орнаментировано елочными узорами. По материалу изготовления относится к группе каменные, а по форме и конструкции к типу цилиндрические с отверстием.

3.1.4. ПОСУДА

Посуда, найденная на комплексе поселений Торопово-4, по материалу изготовления относится к одному классу – керамическая. Она представлена находками 778 сосудов, целых и сохранившихся фрагментарно, сделанных во время полевых сборов в 1996, 1999-2002 годах, и при проведении раскопок на трех участках в 2001 и 2002 годах (рис. 2, 1-19; 3, 1-15; 4, 16-27; 5, 1-3; 6, 4-13; 7, 14-23; 8, 24-29; 9, 30-39; 10, 40-55; 11, 61-63; 12, 1-14, 16-28; 13, 29-51; 14, 52-72; 15, 79-80; 16, 82-96; 17, 1-29, 32; 18А, 1, 2; 18Б, 1; 20, 7, 10-12, 15, 22, 23, 29, 43, 44, 49, 52, 59, 60, 61, 64, 71, 76; 21, 83, 90, 91, 95, 96; 23, 162, 172, 178, 180, 188, 189, 191, 194, 195, 198, 200, 203, 206, 207, 214-218, 220, 221; 24, 231, 236, 237, 238, 239, 244, 247, 248, 250, 251, 253, 263, 270, 273, 276, 277, 278, 287; 25, 282, 284-286, 289, 292, 293, 299, 302, 304, 306, 309, 310, 311, 312, 313, 316, 317; 26, 318, 322, 323, 326, 328-331, 333-336, 339, 343, 344, 352-355; 27, 359-362, 368, 373-375, 379-382, 392, 394, 407-409, 413, 418, 422; 28, 423, 432, 433, 439, 441, 442, 445, 447, 456, 458, 460, 463, 467, 469; 29, 472, 477, 478, 482, 492, 495, 496, 512, 515, 517, 520-522, 526-528, 531-533; 30, 15-17, 19, 22-27, 35, 45, 46, 49, 50, 56-58, 65, 74, 75, 77, 78, 81, 82, 86, 92-95; 31, 104, 105, 109, 110, 112, 115, 118-120, 129, 130, 133, 139, 140, 147, 149; 32, 150, 154, 156, 158, 159, 161, 162, 167; 33, 175, 176, 180, 181, 189-191, 195-202, 207, 209, 211, 212; 34, 213, 214, 217, 220-222, 225, 230, 231, 233, 235, 239, 244, 245; 35, 246, 250, 259, 260, 262, 263-267, 270, 272-274, 285, 290, 295, 296; 36, 297, 298, 307, 315, 318, 330-340, 342; 37, 343, 346, 348-351, 359, 366, 367; 38, 368, 374-376, 380, 391, 392, 395, 398-405, 407-409, 414, 416, 418; 39А, 1, 6, 7, 9-12, 15-17, 19, 29-29; 39Б, 3, 7-9, 13, 19, 20, 22, 31; 40, 1-7; 41, 15-17, 21, 22, 23, 31; 42А, 32; 42Б, 5; 42В, 3, 8; 43, 5, 16, 21, 23; 44А, 26; 44Б, 1, 3, 5, 10-12; 45, 1; 46, 1; 48, 1-4;

3. Классификация артефактов и раскопанных объектов

49, 1, 2; 50, 1; 51А, 2; 51Б, 1, 2; 53, 14-16, 46-48, 51; 55, 3-5, 10, 15, 19, 25-27, 30, 34-36, 40-44, 48, 53-57, 60, 70, 73, 74; 56А, 1, 2, 15, 23, 25, 27, 28, 30, 36-39; 56Б, 1, 5; 59, 1, 2, 10-15, 20, 21, 24, 25, 32; 60, 33, 38, 39, 53, 58-60, 65, 67, 75; 61, 1, 3, 4, 8, 17, 21, 22, 25, 26, 35, 38, 46, 47, 56, 78; 62, 93-102, 108, 117, 120-122, 127, 134, 137; 63, 139, 140, 141, 147, 151-154, 157, 158, 159, 163-167, 169-172, 179, 180, 184-190; 64, 12-19, 21, 33, 34, 36-40, 44, 51; 65, 55-57, 64, 66, 68-83; 67, 1, 2; 69, 1-5; 70, 1-4).

Из числа зафиксированных в Торопово-4 сосудов только один сосуд был полностью реконструирован (рис. 46, 1). Все остальные сосуды были представлены фрагментами венчиков, стенок и днищ.

Классификации подвергаются целые сосуды и фрагменты по таким показателям, как форма и орнаментация.

По форме дна все сосуды можно разделить на две группы.

Группа 1. Круглодонные. Выделяется 1 тип.

Тип 1. Горшки, в разном исполнении. Включает один экземпляр из ямы №3 в раскопе №1 2001 года (рис. 46, 1).

Группа 2. Плоскодонные. Выделяется условно, по наличию фрагментов днищ. Насчитывает 37 случаев (рис. 3, 14; 12, 26, 28; 16, 82, 83; 25, 289; 26, 335, 336, 339; 30, 24, 86; 31, 105; 32, 167; 33, 180, 191, 207; 35, 267, 290, 295, 296; 36, 297, 298, 307, 330; 37, 348, 349; 62, 127; 63, 12, 21, 34; 65, 55, 57, 66, 68, 83; 69, 1).

Целые и восстановленные сосуды, а также фрагменты венчиков можно классифицировать на типы по профилю венчиков.

Тип 1. Отогнутые наружу. Зафиксирован в 158 случаях (рис. 2, 2-4, 7, 10-12, 16-19; 4, 17, 25; 5, 3; 6, 10; 7, 17, 20, 22; 8, 24; 11, 63; 13, 36, 44, 45, 47, 49; 14, 52, 53, 61, 63; 17, 2-5, 7, 17, 23, 26, 27; 20, 43, 44, 59, 64, 76; 21, 83, 90, 91; 23, 172, 191, 200, 217, 218, 220, 221; 24, 236, 239, 244, 248, 273, 276-278; 25, 282; 27, 413, 418; 28, 432, 445; 29, 472, 477, 492, 522, 532; 31, 118, 120, 129; 32, 156, 158, 161, 162; 33, 189, 200; 34, 213, 214, 217, 220, 221, 230, 231, 244, 245; 36, 315; 37, 343, 346, 359; 38, 372, 375, 376, 399, 407; 39А, 1, 11; 39Б, 7; 40, 1; 41, 16, 23, 31; 42, 29; 44, 26; 46, 1; 50, 1; 53, 14, 16, 46-48; 55, 3, 4, 10, 25, 27, 30, 35, 40-44, 53, 56, 60, 73; 56А, 1, 2, 23, 30, 37-39; 56Б, 1; 59, 1, 13, 20, 21, 24, 32; 60, 39, 58-60; 61, 22, 25; 63, 184; 64, 13, 17-19, 33, 36; 65, 70).

Тип 2. Прямые. Зафиксирован в 114 случаях (рис. 2, 1, 5, 6, 8, 13-15; 4, 16, 18; 5, 1; 6, 4; 7, 18, 23; 8, 25-27; 9, 36, 37; 10, 40, 42, 44, 45, 47, 49, 51, 52, 54; 12, 3, 11; 13, 43, 46, 48, 50, 51; 14, 55, 57, 58, 60, 62, 64, 65; 16, 84, 88; 17, 11, 15, 16, 19, 21; 18, 1; 20, 29; 23, 162, 188, 189, 194, 214, 215; 25, 284, 286, 293, 299, 304, 313; 26, 343, 353-355; 27, 360, 374, 375, 382, 394; 28, 437; 29, 527; 30, 35, 57, 65, 81, 93, 94; 31, 130, 133; 32, 195, 196, 198, 199, 201, 202; 35, 259, 262, 263, 266, 270, 272, 274; 36, 339; 39А, 10, 16, 28, 29; 39Б, 8, 9; 40, 7; 44, 10; 45, 1; 51, 2; 59, 2; 62, 94, 120, 121; 63, 151, 179, 187, 188).

3. Классификация артефактов и раскопанных объектов

Тип 3. Вогнутые вовнутрь. Зафиксирован в 20 случаях (рис. 20, 7, 52, 60, 61; 21, 95, 96; 25, 306; 27, 368; 28, 469; 29, 517; 33, 212; 35, 260; 44, 1, 5; 62, 93, 95, 97; 64, 40, 51; 65, 69).

Целые и восстановленные сосуды, а также фрагменты венчиков можно классифицировать на типы по форме венчиков.

Тип 1. Округлые. Зафиксирован в 137 случаях (рис. 2, 1-9, 12-14; 4, 16-18, 22; 5, 1; 7, 18, 20; 8, 24, 27; 9, 36, 37; 10, 40, 42, 44, 47-49, 51; 12, 3; 13, 44, 45, 47, 48, 50; 14, 53, 55, 57, 58, 60, 61, 64; 16, 84, 88, 89; 17, 3-5, 15, 17, 21, 23, 27; 20, 7, 29, 59, 60, 61; 23, 191, 200, 215, 221; 24, 236, 239, 277, 278; 25, 282, 284, 286, 293, 299, 312, 313; 27, 360, 382, 394, 413, 418; 28, 432, 433, 469; 29, 517; 30, 65, 81, 93, 94; 31, 120, 129, 130, 133; 33, 195, 199, 201, 202; 34, 213, 217, 220; 35, 259, 260, 262, 263, 266, 270; 37, 343; 39А, 1, 11, 28, 29; 39Б, 8, 9; 41, 15, 22, 23, 31; 44А, 26; 44Б, 1, 5, 10; 51А, 2; 59, 2, 20, 21, 32; 60, 58, 59; 61, 22, 25; 62, 93, 97; 63, 151, 184, 188; 64, 17, 40; 65, 69, 76, 80).

Тип 2. Приостренные. Зафиксирован в 43 случаях (рис. 2, 15; 5, 3, 4, 6; 7, 17, 22, 23; 8, 25, 26; 10, 52; 13, 43, 49; 14, 52, 62, 63; 17, 7, 11; 18А, 1; 21, 90; 24, 276; 26, 346; 29, 472, 477; 32, 156; 33, 196, 200; 34, 221, 230, 231; 35, 274; 38, 376, 399, 407; 39А, 10; 55, 30; 59, 1, 13; 60, 60; 62, 95, 102; 63, 179; 64, 13, 36, 51).

Тип 3. С плоским краем. Зафиксирован в 111 случаях (рис. 2, 10, 11, 16-19; 6, 10; 7, 15; 10, 54; 11, 63; 12, 2, 11; 13, 36, 39, 46, 51; 14, 54, 65; 17, 2, 16, 19, 26; 20, 43, 52, 64, 76; 21, 83, 91, 95, 96; 23, 162, 172, 188, 189, 214, 217-220; 24, 248, 261, 263; 25, 306; 26, 353-355; 27, 368, 374; 29, 492, 522, 532; 31, 115, 118, 130; 32, 158, 161, 162; 33, 189, 198, 212; 34, 244, 245; 36, 315, 339; 37, 346, 359; 38, 372, 375; 39Б, 7; 40, 1, 7; 41, 16; 42, 29; 45, 1; 46, 1; 50, 1; 53, 14, 16, 46-48; 55, 3, 4, 10, 25, 27, 35, 40-44, 56, 60, 73; 56А, 1, 2, 23, 30, 37-39; 56Б, 1; 59, 24; 60, 39, 67; 62, 94, 120, 121; 64, 33; 65, 79).

Преимущественно вся посуда была орнаментирована. Орнамент наносился на венчик, шейку и тулово, а иногда и на придонную часть сосудов. Имеющиеся источники позволяют классифицировать орнамент по таким категориям, как способ нанесения орнамента, элемент и мотив.

По способу нанесения орнамента на керамические сосуды и фрагменты выделяются три типа.

Тип 1. Штампованный. Зафиксирован на 328 сосудах (рис. 2, 1-3, 8, 10, 11, 14-18; 3, 1, 3, 6, 10, 11; 4, 16, 19, 21, 24, 25; 5, 1-3; 6, 8-11; 7, 20, 22, 23; 8, 24, 26-29; 9, 34, 36, 37, 39; 10, 41, 43, 45, 50, 54, 55; 11, 62; 12, 1-3, 11-13, 20; 13, 33, 34, 36, 39, 42, 44, 47; 14, 52-54, 59, 62, 63, 65; 16, 86, 90, 92; 17, 3-5, 9, 10, 14-18, 22, 25, 26-29; 18А, 1, 2; 20, 12, 43, 52, 60, 61, 64, 76; 21, 83, 91, 96, 99; 23, 162, 172, 188, 189, 191, 214, 217-220; 24, 231, 236, 237, 247, 248, 250, 251, 261, 276; 25, 299, 306, 309, 310, 312, 313; 26, 322, 323, 334, 354, 355; 27, 360, 368, 373, 413; 28, 423, 432, 447, 456, 460, 463, 467, 469; 29, 472, 477, 482, 495, 496, 512, 515, 520, 521, 527, 533; 30, 25, 27, 35, 56, 65, 77, 92, 93; 31, 109, 112, 115, 118, 120, 130, 133, 139; 32, 154, 156, 161,

3. Классификация артефактов и раскопанных объектов

162; 33, 189, 190, 198, 199, 200, 211, 212; 34, 220, 221, 244, 245; 35, 246, 250, 259, 264, 265, 273, 274; 36, 331, 332-339, 342; 37, 343, 346, 350, 351, 359; 38, 372, 374-376, 380, 399, 401, 404, 407-409, 418; 39А, 1, 10, 28, 29; 39Б, 7-9, 19, 22, 31; 40, 1; 41, 16, 17, 23, 31; 42, 8, 29; 44А, 26; 44Б, 10; 45, 1; 48, 4; 50, 1; 51Б, 1; 53, 14-16, 46-48, 51; 55, 3, 4, 10, 19, 25-27, 35, 40-44, 56, 60, 70, 73; 56А, 1, 2, 15, 23, 25, 28, 30, 36-38; 56Б, 1, 5; 59, 1, 2, 13, 15, 20, 21, 24, 25; 60, 33, 38, 39, 60, 67, 75; 61, 1, 4, 22, 25, 47; 62, 94, 97, 117, 120-122; 63, 151, 157, 158, 163-166, 171, 179, 180, 186, 188, 190; 64, 13, 15, 16, 33, 36, 40, 44; 65, 64, 70, 77-83).

Тип 2. Резной. Зафиксирован на 441 сосуде (рис. 2, 1-9, 14; 3, 1-13, 15; 4, 16-21, 23-27; 5, 1-3; 6, 5-7, 11, 12, 13; 7, 14, 16-23; 8, 24-29; 9, 30-34, 36-39; 10, 40-44, 46-53; 11, 61, 62; 12, 1, 3, 5-9, 12-14, 16-25, 27; 13, 30-33, 35, 38-41, 43, 44, 47, 48, 50; 14, 52, 53, 55-60, 62-72; 15, 79; 16, 84, 85, 87-96; 17, 1, 3-9, 11-13, 15-17, 20-23, 25, 27, 32; 18Б, 1; 20, 10, 11, 15, 22, 29, 43, 44, 49, 52, 59, 71; 21, 90, 91, 95; 23, 178, 180, 191, 195, 198, 200, 203, 206, 207, 215, 216, 221; 24, 236, 238, 250, 253, 270, 273, 276-278, 287; 25, 282, 284-286, 292, 293, 299, 302, 304, 306, 309, 312, 313, 316, 317; 26, 318, 322, 326, 328, 329, 331, 333, 334, 343, 344, 352, 353-355; 27, 359-362, 368, 375, 380-382, 392, 394, 407-409, 413, 418, 422; 28, 432, 439, 441, 442, 458; 29, 478, 522, 526, 528, 531, 532; 30, 15-17, 19, 22, 23, 45, 46, 49, 50, 56, 58, 74, 75, 77, 78, 81, 82, 93-95; 31, 104, 110, 112, 115, 119, 120, 129, 130, 133, 140, 149; 32, 150, 156, 158; 33, 175, 176, 181, 190, 195-197, 200-202, 209, 211; 34, 213, 214, 220-222, 225, 230, 231, 233, 235, 244, 245; 35, 266, 285; 36, 318; 37, 343, 350, 351, 359, 366, 367; 38, 368, 376, 391, 392, 395, 398, 399, 401, 402, 405, 414, 416; 39А, 1, 6, 7, 9-12, 15-17, 19, 27, 28; 39Б, 3, 7-9, 13, 20, 22; 40, 1-6; 41, 15-17, 21-23, 31; 42А, 29; 42Б, 5; 42В, 3; 43, 5, 16, 21, 23; 44А, 26; 44Б, 3, 11, 12; 48, 4; 55, 15, 48, 70, 74; 56А, 25; 59, 2, 10-15; 60, 38, 53, 58-60, 75; 61, 1, 3, 17, 21, 22, 38, 46, 47; 62, 96, 108, 134, 137; 63, 139, 147, 151-154, 159, 166, 179, 180, 184, 187, 188, 190; 64, 13-15, 36-40; 65, 69, 72-75; 70, 3, 4).

Тип 3. Рельефно-налепной. Зафиксирован на восьми сосудах (рис. 2, 1; 5, 1; 14, 54, 65; 24, 248; 27, 361; 34, 245; 63, 170).

По элементам орнамента, нанесенного на керамические сосуды, выделяется девять типов.

Тип 1. Округлые ямки. Зафиксирован на 97 сосудах (рис. 2, 2, 3, 10, 11, 16; 4, 25; 5, 3; 8, 26, 27, 29; 9, 36, 37; 10, 43, 50; 12, 1, 3; 13, 36, 43, 44, 47; 14, 52, 59, 62; 16, 85, 90, 92; 17, 4, 22, 23; 16А, 1, 2; 20, 43; 21, 95, 96; 23, 172, 214; 24, 276; 25, 306; 27, 368, 373, 413; 30, 56, 93, 94; 31, 112, 130, 133; 32, 161, 162; 34, 220, 221, 244, 245; 35, 250; 37, 343, 346, 350, 359; 38, 401, 407; 39А, 1; 40, 1; 41, 17; 46, 1; 48, 4; 50, 1; 53, 14, 15; 55, 3, 10, 19, 25-27, 35, 40-44, 56, 60, 73; 56А, 1, 2, 15, 28, 30; 56Б, 1, 2; 60, 38; 62, 94; 63, 165, 166, 179, 180; 65, 78, 83).

Тип 2. «Жемчужины». Зафиксирован на 107 сосудах (рис. 2, 1, 2, 8, 14, 15; 4, 16, 25; 5, 1; 6, 10; 7, 20, 22, 23; 8, 24, 27-29; 9, 34, 39; 10, 45, 50; 11, 62;

3. Классификация артефактов и раскопанных объектов

12, 1, 3, 12; 13, 33, 44; 14, 53, 54, 63, 65, 70; 17, 4, 5, 9, 10, 15, 27; 20, 52, 60, 61, 64, 76; 21, 83, 91; 23, 218; 24, 276; 25, 299, 309, 312, 313; 26, 334, 354, 355; 27, 360, 368, 373; 28, 432, 469; 29, 472, 477, 527; 30, 77, 81, 92, 94; 31, 112, 115, 118, 120; 32, 156; 33, 189, 195, 199, 200, 211; 35, 274; 37, 343; 38, 375, 376, 399; 39А, 10, 28; 39Б, 9; 41, 16, 23, 31; 42, 29; 44А, 26; 44Б, 10; 51А, 2; 53, 51; 59, 1, 20, 21; 61, 1, 22, 25, 47; 62, 97; 63, 151, 188; 64, 13, 15, 16, 36, 40; 65, 70).

Тип 3. Резные линии, в разном исполнении. Зафиксирован на 424 сосудах (рис. 2, 1-9; 3, 1-15; 4, 16-18, 20, 21, 23-27; 5, 1-3; 6, 6, 7, 11-13; 7, 14, 17-23; 8, 24-29; 9, 30-34, 36-39; 10, 40, 43, 44, 46-53; 11, 61, 62; 12, 1, 3, 6-9, 12-14, 16-25, 27; 13, 30, 32, 33, 35, 38-41, 43, 44, 47, 48, 50; 14, 52-60, 62-72; 15, 79, 80; 16, 84-96; 17, 1, 3-5, 7-9, 11-13, 15-17, 20-23, 25, 27, 32; 18А, 1; 20, 10, 11, 15, 22, 29, 43, 44, 49, 52, 59, 71; 21, 90, 91, 95; 23, 178, 191, 195, 198, 200, 203, 206, 207, 215, 216, 221; 24, 236, 238, 239, 250, 253, 270, 273, 276-278, 287; 25, 282, 284-286, 292, 293, 299, 302, 304, 306, 309, 311-313, 316; 26, 318, 326, 328-331, 333, 334, 346, 352-355; 27, 359, 360-362, 368, 375, 379-382, 392, 394, 407-409, 413, 418, 422; 28, 432, 439, 441, 442, 458; 29, 478, 522, 526, 528, 531; 30, 15-17, 19, 22, 23, 45, 46, 74, 75, 77, 78, 81, 82, 92-95; 31, 104, 112, 115, 120, 129, 130, 133, 140; 32, 150, 156; 33, 175, 176, 181, 190, 195-197, 200-202, 209, 211; 34, 213, 214, 220-222, 225, 230, 231, 233, 235, 239, 244, 245; 35, 266; 36, 318; 37, 343, 350, 351, 359; 38, 368, 376, 391, 392, 395, 398-402, 405, 414, 416; 39А, 1, 6, 7, 9-12, 15-17, 19, 27, 28; 39Б, 3, 8, 9, 13, 20, 22; 40, 1, 2, 4-7; 41, 15-17, 21-23, 31; 42А, 32; 42Б, 5; 43, 5, 16, 21, 23; 44А, 26; 44Б, 3, 11, 12; 48, 4; 55, 48, 70, 73, 74; 59, 2, 10-12, 13-15; 60, 58-60, 75; 61, 1, 3, 8, 17, 21, 26, 38, 46, 47; 62, 96; 63, 151-154, 159, 166, 179, 180, 184, 187, 188, 190; 64, 13-15, 36-40; 65, 72-75, 82; 70, 3).

Тип 4. Валики. Зафиксирован на восьми сосудах (рис. 2, 1; 5, 1; 14, 54, 65; 24, 248; 27, 361; 34, 245; 63, 170).

Тип 5. Насечки, в разном исполнении. Зафиксирован на 104 сосудах (рис. 2, 1, 9, 14, 19; 3, 1, 3, 6, 10, 11; 3, 16; 4, 1, 2; 5, 5, 11-13; 6, 16, 20, 22, 23; 9, 34, 39; 10, 44; 11, 62; 12, 12, 13; 14, 33, 37; 15, 63; 17, 5, 9, 16, 17; 20, 43, 60, 61, 64; 21, 96; 23, 172, 180, 188, 189, 191; 24, 236, 244, 250; 25, 299, 312, 313, 317; 26, 334, 344, 354, 355; 27, 359-361; 29, 522, 531; 30, 58, 74; 31, 115, 120, 130, 133; 32, 154, 156; 33, 189, 198, 200; 34, 244, 245; 38, 343, 359; 38, 375; 39Б, 9, 22; 40, 1; 41, 16, 22; 42, 29; 45, 1; 46, 1; 50, 1; 51, 1; 53, 16, 46, 48; 55, 10, 35, 43, 44; 56А, 1, 2, 23, 37, 38; 59, 1; 60, 39, 60; 61, 1, 3, 22; 63, 151).

Тип 6. Оттиски гребенчатого штампа, в разном исполнении. Зафиксирован на 107 сосудах (рис. 2, 15-18; 4, 19; 6, 8-10; 10, 41, 54, 55; 12, 2; 13, 42; 14, 54, 65; 16, 86; 17, 14, 17, 18, 26, 28, 29; 18, 1; 20, 12, 76; 21, 83, 91; 23, 162, 214, 217, 218, 220; 24, 231, 237, 247, 248, 251; 25, 310; 26, 322, 323; 28, 423, 447, 456, 460, 467; 29, 482, 495, 496, 512, 515, 520, 521, 533; 30, 25, 35; 31, 139; 33, 199, 212; 35, 246, 250, 259, 264, 265, 273; 36, 331, 332-338;

3. Классификация артефактов и раскопанных объектов

38, 372, 374, 375, 380, 403, 404, 408, 409, 418; 39А, 29; 39Б, 19, 31; 55, 4; 56А, 36; 59, 25; 60, 33, 75; 62, 117, 120-122; 63, 157, 158, 163, 164, 171, 186; 64, 13; 65, 64, 77, 79-82).

Тип 7. Семечковидные вдавления. Зафиксирован на пяти сосудах (рис. 13, 34; 32, 154; 63, 165; 65, 78, 83).

Тип 8. Оттиски уголка лопаточки, в разном исполнении. Зафиксирован на 17 сосудах (рис. 17, 27; 28, 432, 469; 29, 472, 527; 33, 190, 212; 30, 65; 35, 259; 36, 339; 60, 67; 62, 94, 97; 63, 190; 64, 13, 16; 65, 82).

Тип 9. Каннелюры. Зафиксирован на четырех сосудах (рис. 23, 188, 189; 32, 154; 62, 121).

По мотивам орнамента, нанесенного на керамические сосуды, или его отсутствию выделяется 22 типа.

Тип 1. Двойной заштрихованный зигзаг. Зафиксирован на 50 сосудах (рис. 2, 1, 5; 4, 21, 23, 26, 27; 5, 1, 2; 6, 11; 7, 14, 22; 9, 32; 10, 41, 43, 46, 49, 50, 53, 54; 11, 61, 62; 12, 3, 7, 14, 17, 23; 14, 72; 17, 8, 23; 20, 10; 21, 90; 23, 206; 25, 285, 302; 27, 368; 31, 110, 119; 33, 181, 209; 34, 214; 38, 402; 39А, 12, 27; 40, 1, 4-6; 41, 17, 21; 55, 48).

Тип 2. Тройной зигзаг. Зафиксирован на 17 сосудах (рис. 8, 24; 13, 44; 17, 25; 20, 44, 52; 21, 91, 95; 25, 306; 31, 130; 33, 176, 199; 38, 376; 40, 1, 5; 41, 16, 31; 42, 29).

Тип 3. Ряд заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вниз. Зафиксирован на 25 сосудах (рис. 7, 21; 11, 62; 17, 1, 13; 23, 162; 24, 270, 276, 277; 25, 293; 26, 326, 328, 334; 27, 368, 380, 381, 392; 34, 233, 235; 39А, 11, 19; 43, 16, 23; 48, 4; 63, 180; 64, 37).

Тип 4. Ряд заштрихованных ромбов. Зафиксирован на одном сосуде (рис. 10, 52).

Тип 5. Ряд заштрихованных треугольников, соединенных вершинами. Зафиксирован на 50 сосудах (рис. 2, 2, 3; 4, 17, 18, 21, 24; 5, 3; 7, 17; 8, 26; 9, 36, 37; 10, 40, 44, 47; 11, 61; 12, 21; 13, 43, 47, 48; 14, 52, 53, 55, 62; 16, 85, 90; 20, 59; 23, 215, 221; 25, 299; 27, 375; 30, 81, 94; 31, 133; 33, 195, 200-202, 211; 34, 220; 37, 343; 39А, 9, 10, 28; 39Б, 9; 41, 22; 60, 59, 60; 63, 151, 179, 184).

Тип 6. Ряд заштрихованных взаимопроникающих треугольников. Зафиксирован на восьми сосудах (рис. 2, 8; 7, 22; 10, 55; 13, 38; 14, 64; 16, 84; 24, 278; 39А, 11).

Тип 7. Ряд заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вверх. Зафиксирован на 55 сосудах (рис. 2, 4, 7; 4, 16, 25; 7, 18, 21, 23; 8, 25, 27, 28; 9, 31, 38; 10, 51; 14, 57, 58; 17, 3-5, 7, 11; 20, 29; 23, 191, 200; 24, 236, 239, 273; 25, 282, 284, 286, 292, 304, 309; 26, 343, 354, 355; 27, 360, 418; 30, 35, 93; 31, 104, 115, 120; 32, 156; 33, 196; 34, 213, 221; 38, 399; 39А, 1; 39Б, 8, 22; 44, 26; 60, 58; 61, 1; 63, 188).

Тип 8. Елочные узоры. Зафиксирован на 87 сосудах (рис. 2, 1, 9; 3, 1-11; 5, 1; 7, 19; 9, 30, 33; 12, 1, 9, 12, 13; 13, 39, 40, 50; 14, 66, 67; 16, 86; 17,

3. Классификация артефактов и раскопанных объектов

7, 18, 22, 28, 29; 23, 180; 26, 326, 328, 330, 331, 333, 344; 27, 359, 361, 409; 28, 447, 458; 29, 515, 521, 528, 531; 30, 23, 92; 31, 112, 133, 139; 33, 175; 35, 246, 250, 285; 36, 332-335, 337, 338; 37, 350, 366, 367; 38, 368, 395, 403, 404; 39А, 29; 39Б, 19; 44А, 26; 45, 1; 55, 35, 44, 54; 56, 25; 59, 12, 25; 61, 22, 46; 63, 163, 171; 65, 74, 79, 80).

Тип 9. Ряд «жемчужин» с разделителями в форме насечек. Зафиксирован на 33 сосудах (рис. 2, 1; 4, 16, 25; 5, 1; 6, 11; 7, 20, 22, 23; 9, 34, 39; 11, 62; 12, 12; 13, 33; 14, 63; 17, 5, 9; 25, 299, 312, 313; 26, 334, 354, 355; 27, 360; 31, 115, 120; 33, 200; 39Б, 9; 51А, 2; 61, 1, 22, 47; 63, 151; 64, 40).

Тип 10. Ряд «жемчужин» с разделителями в форме ямок. Зафиксирован на 15 сосудах (рис. 2, 2; 8, 27, 29; 10, 50; 12, 1, 3; 17, 3, 4; 24, 250, 276; 27, 368, 373; 30, 94; 31, 112; 37, 343).

Тип 11. Ряд «жемчужин» с разделителями в форме уголка лопаточки. Зафиксирован на 12 сосудах (рис. 14, 53; 17, 10, 27; 25, 309; 28, 432, 469; 29, 472, 527; 33, 211; 44-А, 26; 64, 13, 16).

Тип 12. Ряд «жемчужин» без разделителей. Зафиксирован на 47 сосудах (рис. 2, 8, 14, 15; 6, 10; 8, 24, 28; 10, 45; 13, 44; 14, 54, 65; 20, 49, 52, 60, 61, 64, 76; 21, 83, 91; 23, 218; 29, 477; 30, 77, 81, 92; 31, 118; 32, 156; 32, 156; 33, 189, 195, 211; 35, 274; 38, 375, 376, 399; 39-А, 10; 41, 16, 23, 31; 42, 29; 53, 51; 59, 1, 20, 21; 61, 25; 62, 97; 63, 188; 64, 15, 36; 65, 70).

Тип 13. Ряд горизонтальных линий. Зафиксирован на 79 сосудах (рис. 2, 1, 4; 3, 8, 15; 6, 6; 8, 24; 9, 39; 10, 48, 50; 11, 62; 17, 7, 9; 20, 11, 15, 44, 52; 21, 91, 95; 23, 195, 207; 24, 253, 276; 25, 306, 312; 26, 328; 27, 361, 368, 413, 422; 28, 439, 441, 442; 30, 16, 56; 31, 140; 32, 156; 33, 176, 181, 195, 211; 34, 214, 225, 244; 37, 343, 350, 351, 359; 38, 376, 398, 399, 401, 414, 416; 40, 1, 7; 41, 16, 23, 31; 42А, 29; 43, 16; 44А, 26; 48, 4; 59, 15; 60, 60, 75; 61, 1, 3, 38, 47; 62, 96, 134, 137; 63, 139, 152, 190; 64, 13, 15, 40; 65, 75; 70, 3).

Тип 14. Ряд насечек. Зафиксирован на 75 сосудах (рис. 2, 14; 3, 1, 3, 6, 10, 11; 4, 16; 6, 5, 12, 13; 7, 16, 23; 10, 44; 12, 12, 13; 13, 31; 14, 69; 17, 9, 16, 17; 20, 23, 43, 60, 61, 64; 21, 96; 23, 172, 188, 189, 191; 24, 236; 25, 317; 27, 362, 407; 29, 522, 532; 30, 15, 58; 31, 130, 149; 32, 150, 156, 158, 161; 34, 225, 244, 245; 37, 343, 359; 38, 375; 39Б, 7; 40, 1; 41, 22; 42, 29; 45, 1; 46, 1; 50, 1; 53, 16, 46-48; 55, 3, 10; 56, 1, 2, 23, 27, 37, 38; 59, 1; 60, 39, 60; 63, 140, 147, 154).

Тип 15. Ряд ямок. Зафиксирован на 70 сосудах (рис. 2, 10, 11, 16; 4, 21, 24; 5, 3; 8, 26; 9, 36, 37; 12, 11; 13, 36, 47; 14, 52, 59, 62; 16, 90, 92; 18А, 1, 2; 20, 43; 21, 95, 96; 23, 172, 214; 25, 306; 27, 418; 30, 56, 93; 31, 109, 130, 133; 32, 161, 162; 33, 212; 34, 220, 221, 244, 245; 35, 250; 37, 346, 359; 38, 401, 407; 39А, 1; 40, 1; 41, 17; 46, 1; 50, 1; 53, 14, 15; 55, 3, 10, 25-27, 35, 40-44, 56, 60; 56А, 15, 28, 30; 56Б, 1, 2; 60, 38; 62, 94).

Тип 16. Ряд оттисков гребенчатого штампа. Зафиксирован на 30 сосудах (рис. 2, 16-18; 6, 9, 10; 12, 2; 14, 54; 17, 26; 18А, 1; 20, 76; 21, 83, 91; 23,

214, 217, 218, 220; 24, 248, 261; 29, 512, 520; 33, 212; 35, 246, 264, 265; 37, 372, 375; 55, 4; 62, 120, 121; 64, 13).

Тип 17. Косая сетка. Зафиксирован на 10 сосудах (рис. 7, 20; 12, 6, 16, 24; 14, 60; 23, 178; 25, 312, 313; 27, 408; 31, 129).

Тип 18. Каплевидные вдавления, образующие различные сочетания. Зафиксирован на пяти сосудах (рис. 13, 34; 32, 154; 33, 198; 65, 78, 83).

Тип 19. Ряд горизонтальных каннелюр. Зафиксирован на четырех сосудах (рис. 23, 188, 189; 32, 154; 62, 121).

Тип 20. Ряд оттисков уголка лопаточки. Зафиксирован на девяти сосудах (рис. 30, 65; 33, 190, 212; 35, 259; 60, 67; 62, 94, 97; 63, 190; 65, 82).

Тип 21. Ряд ромбовидных вдавлений. Зафиксирован на одном сосуде (рис. 36, 339).

Тип 22. Без орнамента. Зафиксирован на 21 сосуде (рис. 11, 63; 13, 45, 46, 49, 51; 14, 61; 17, 2; 29, 492; 34, 217; 35, 260, 262, 263, 270, 272; 36, 315; 55, 30, 53; 56, 39; 59, 32; 62, 93, 95).

3.2. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В эту категорию археологических артефактов попадают сами поселения, образующие археологический комплекс памятников Торопово-4, жилища на них, прокалы от кострищ (очаги) и грунтовые ямы, углубленные в материк, выявленные при проведении раскопок.

3.2.1. ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

По существующим классификационным схемам все поселения, которые в разное время функционировали на территории комплекса археологических памятников Торопово-4, относятся к группе неукрепленные. Отдельные типы неукрепленных поселений обычно выделяют по таким критериям, как место расположения, размеры, планировка и мощность культурного слоя. По результатам полевых исследований и раскопок можно сделать вывод, что все поселения на Торопово-4 по своему расположению относятся к одному речному типу заселения, а по расположению жилищ на поселениях к типу прибрежных, вытянутых вдоль береговой террасы.

До начала проведения аварийных археологических раскопок на трех участках комплекса поселений следы жилищных западин не были зафиксированы. Лишь в ходе раскопок на уровне материка были выявлены факты наличия четырех жилищных котлованов глубиной от 0,07 до 0,35 м на раскопе №1 в 2001 году и их отсутствие на раскопах №2 и №3 (рис. 19; 52; 54). Это позволяет ставить вопрос о наличии на памятнике двух типов жилищ – наземных и полуназемных.

В силу того, что на памятнике не было обнаружено ни одной ямки, вырытой для опорной столбовой конструкции, все жилища по конструктивному решению, наиболее вероятно, можно отнести к группе срубных сооружений, а по их форме к типу подчетырёхугольных.

Количество наземных жилищ на раскопанном пространстве, судя по количеству выявленных наземных и ямных очагов, могло достигать двенадцати построек (8 в пределах раскопа №1 и 4 в пределах раскопа №3). Однако не факт, что все очаги находились внутри жилищного пространства. Некоторые могли использоваться в хозяйственных целях за пределами жилого пространства.

Из четырех полуназемных жилищ (полуземлянок) лишь три были разрушены в результате обрушения береговой террасы. Линии контуров сохранившихся стенок котлованов петляющие, что, вероятно, связано с подмывом береговой террасы и отсутствием строгих границ котлованов при их сооружении. По своим размерам полуземлянки можно отнести к двум типам.

Тип 1. Большие полуземлянки. К этому типу относятся два жилища – жилище 1, которое располагалось на центральном участке раскопа №1 в квадратах **М12, Н12, Н13, О12 и О13**, и жилище 3, которое тоже располагалось на центральном участке раскопа №1 в квадратах **С12, С13, Т12 и Т13** (рис. 19В; 19Г; 40, А; 43, А). Размеры стенок этих жилищ достигают 8 м, а глубина котлованов составляла 0,29-0,35 и 0,07-0,14 м.

Тип 2. Малые полуземлянки. К этому типу относятся два жилища – жилище 2, которое располагалось на центральном участке раскопа №1 в квадратах **К12, К13 и Л12**, и жилище 4, которое тоже располагалось на центральном участке раскопа №1 в квадратах **З11, З12, И12 и К12** (рис. 19В; 19Г; 42, Б, В). Размеры стенок этих жилищ колеблются от 4,28 до 4,46 м, а глубина котлованов составляет 0,09-0,13 и 0,18-0,27 м.

По ориентации к сторонам света все полуземлянки относятся к одному типу – ориентированные углами по сторонам света (рис. 19В; 19Г; 40, А; 42, Б, В; 43, А).

По расположению входа в жилище можно выделить три типа.

Тип 1. Вход, ориентированный на СВ. К этому типу относится жилище 1 (рис. 19В; 19Г; 40, А).

Тип 2. Вход, ориентированный на ЮВ. К этому типу относится жилище 4 (рис. 19В; 19Г; 42, В).

Тип 3. Наличие входа не фиксируется. К этому типу относятся жилища 2 и 3 (рис. 19В; 19Г; 42, Б; 43, А).

3.2.2. ПРОКАЛЫ ОТ КОСТРИЦ

При раскопках на комплексе поселений Торопово-4 были выявлены и обследованы двенадцать прокалов от кострищ, которые являются в основ-

ной массе очагами, используемыми для хозяйственных нужд. Из этого количества восемь прокалов от кострищ располагались на раскопе №1 2001 и 2002 годов (3 в первом слое, 2 во втором слое, 1 в жилище и 2 в грунтовых ямах) и четыре на раскопе №3 2001 года (2 во втором слое, 1 в третьем слое и 1 в четвертом слое). В основе классификации прокалов от кострищ (очагов) лежит схема, которая была предложена Е.А. Сидоровым и О.И. Новиковой (Сидоров Е.А., Новикова О.И., 1991, с. 83-84) с небольшими изменениями и дополнениями. Группы выделяются по расположению очага относительно древней дневной поверхности, а типы по месту их расположения.

Эта схема позволяет все зафиксированные на комплексе поселений Торопово-4 прокалы от кострищ отнести к одной группе очагов наземного типа, которые конструктивно являются наиболее простой их формой, и выделить три их типа.

Тип 1. Очаги, расположенные в жилищах. Остатки очагов фиксируются во всех четырех жилищах (рис. 19В; 19Г; 40А; 42Б; 43А; 42В) в виде углистой прослойки. Однако наиболее явно очаг прослежен только в одном случае, в жилище 1, где он фиксируется в В части в виде обгоревших четырех бревен (рис. 19В; 19Г; 40, А). Не исключено, что это кострище является свидетельством возгорания жилища.

Тип 2. Очаги, расположенные в ямах. Зафиксированы в трех случаях, предположительно, в грунтовой яме 11 раскопа №1 2001 года и грунтовых ямах 4 и 16 раскопа №1 2002 года (рис. 19В; 51, А; 58В; 66, Г; 73, А).

Тип 3. Очаги, расположенные на уровне древней дневной поверхности. Зафиксированы в девяти случаях в квадратах **Т13, Ж14, З14, К14, Л14, М16, Н14** раскопа №1 2001 и 2002 годов (рис. 19А; 58А; 58Б) и в квадратах **И5, И6 и И7** раскопа №3 2001 года (рис. 54).

3.2.3. ГРУНТОВЫЕ ЯМЫ

Грунтовые ямы можно классифицировать на уровне типов в зависимости от их предполагаемого назначения.

Тип 1. Ямы для поддержания огня. Характерной чертой этих объектов является наличие следов прокала и древесных углей. Зафиксированы в трех случаях, предположительно, грунтовая яма 11 раскопа №1 2001 года и грунтовые ямы 4 и 16 раскопа №1 2002 года (рис. 19В; 51, А; 58В; 66, Г; 73, А).

Тип 2. Ямы для разнообразных хозяйственных нужд. Характерной чертой этих объектов является их стерильность или наличие каких-либо артефактов повседневной хозяйственной деятельности. Этот тип ям зафиксирован в двадцати шести случаях. Это ямы 1-10 и 12, 13 раскопа №1 2001 года и ямы 1-3, 6-16 раскопа №1 2002 года (рис. 19В; 19Г; 44, Б; 45, А; 46,

3. Классификация артефактов и раскопанных объектов

A; 47, A, B, B, Г, Д; 48, A; 49, A; 50, A; 51, B; 58В; 66, A, B, B; 67, B; 68, A, B; 69, A, B; 70, A; 71, A, B, B; 72, A).

Тип 3. Ямы для совершения культовых действий. Характерной чертой этих объектов является наличие следов совершения культовых действий и жертвоприношений. Этот тип ям зафиксирован в одном случае. Это яма 5 в квадрате **К14** в центральной части раскопа №1 2002 года (рис. 58В; 67, *A*). При разборке заполнения и зачистке в центральной части ямы были зафиксированы в одном скоплении кости двух черепов и нижние конечности коней (вероятно, останки двух конских шкур – А.И.) и были найдены 2 фрагмента керамической посуды (рис. 67, *A, 1, 2*).

После проведения первичного анализа археологических материалов комплекса поселений Торопово-4 путем классификации артефактов и объектов жизнедеятельности появилась возможность проведения более глубокого исследования, посвященного изучению культурно-хронологических комплексов этого памятника.

4. КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Этот раздел монографии посвящен анализу классифицированных артефактов и объектов жизнедеятельности на комплексе поселений Торопово-4 для определения времени их появления и историко-культурной интерпретации. В основе этого исследования лежит метод сравнительно-исторического анализа. В качестве источников для решения поставленной задачи выступают археологические материалы с Кузнецкой котловины и сопредельных территорий Западной и Средней Сибири.

4.1. ДРЕВНОСТИ ЭНЕОЛИТА И ЭПОХИ БРОНЗЫ

Материалы эпохи энеолита и эпохи бронзы на Торопово-4 представлены большой коллекцией находок и отдельными объектами жизнедеятельности. При этом насыщенность материалом различных исторических периодов не равнозначна. Это обстоятельство и определяет структуру повествования проведенного исследования.

4.1.1. АРТЕФАКТЫ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА, РАННЕЙ И РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ

К числу наиболее древних артефактов можно отнести каменные предметы вооружения – два наконечника стрелы и фрагмент кинжала (рис. 11, 59; 28, 427; 38, 373), которые могли быть изготовлены в эпоху энеолита или ранней бронзы.

Каменный лавролистный наконечник стрелы, обработанный с двух сторон мелкой ретушью (рис. 11, 59), видимо, является наиболее архаичной находкой на Торопово-4. Это изделие происходит из подъемных сборов 2000 года. Оно было обнаружено в центральной части береговой осыпи раскопа №1. Известно, что подобные изделия бытовали на протяжении длительного времени – с эпохи мезолита до эпохи развитой бронзы на юге Западной Сибири (см. напр.: Васильев С.А., 2000, с. 72-74; Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 21, 52, рис. 39, 16-21; 68, 17, 18, 27; 2004, с. 20, рис. 9, 3, 4; 39, 13-20; Косарев М.Ф., 1987, рис. 85, 3; 90, 2; 93, 1, 4; 1987а, рис. 103, 5; Молодин В.И., 1985, с. 22, рис. 7, 35, 36; 2001, с. 93; Шмидт А.В., 2000, рис. 1, 8; и др.).

Второй *каменный наконечник стрелы* из первого слоя квадрата **O13** раскопа №1 2001 года (рис. 28, 427) имеет подтреугольную форму и небольшую выемку в основании. Он был обработан по краям мелкой рету-

шью. Подобные изделия в юго-западной части Западной Сибири появляются в период энеолита (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с. 21, 41, рис. 35, 9, 19, 20; 37, 10-17; 39, 22; 68, 7-16; 2004, рис. 9, 1, 2; и др.). По наблюдениям В.А. Заха, в пределах Присалаирья наконечники стрел этого типа были широко распространены в культурах доандроновской бронзы самусьско-сейминского круга и андроновских памятниках (Зах В.А., 1997, с. 49). Подобные каменные наконечники стрел известны и в памятниках эпохи поздней бронзы – Осинки, Красная Горка-1, Саратовка-6, Милованово-3 (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А., 2001, рис. 1, 18; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А., 2001а, рис. 6, 7; Сидоров Е.А., Новикова О.И., 2004, рис. 7, 1, 2; Членова Н.Л., 1994, рис. 10, 1-12; и др.). Не исключено, что подобные изделия изготавливались и употреблялись и позднее.

Каменный кинжал, найденный во втором слое квадрата **T13** раскопа №1 2001 года (рис. 38, 373), имеет аналогии в археологических древностях Западной Сибири начиная с неолита и до эпохи развитой бронзы (Косарев М.Ф., 1987, рис. 93, 5; 1987а, рис. 103, 1).

Костяной трехгранный наконечник стрелы удлиненно-треугольной формы из первого слоя квадрата **Ж11** раскопа №1 2001 года (рис. 20, 36) можно включить в число артефактов периода ранней бронзы. Он изготовлен из рога животного, отличается массивностью, тщательной полировкой изделия и овальным сечением черешка с приостренным окончанием. Типологически близкие изделия известны в древностях кротовской культуры в Барабинской лесостепи и елунинской культуры степного и лесостепного Алтая (Молодин В.И., 1985, с. 50-51, рис. 20, 32-54; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., 2001, рис. 2; и др.).

Керамическая посуда периода развитой бронзы на Торопово-4 представлена фрагментами, которые можно отнести к кругу древностей андроновской культурно-исторической общности. Все эти артефакты были выявлены на левом берегу р. Касьмы в результате подъемных сборов 1996, 1999-2002 годов (рис. 2, 9; 4, 19; 10, 41, 54, 55; 13, 34, 39; 17, 14, 18), а также в первом слое квадратов **Ж12** и **312** (рис. 23, 162, 188, 189), во втором слое в квадратов **Г9**, **Ж13**, **313**, **П12**, **Р12**, **С13**, **Х10**, **Ч8**, **У12**, **Ф14** (рис. 30, 35; 32, 154; 33, 198; 35, 259, 273; 36, 339, 340; 38, 404, 405, 418; 62, 117; 63, 190), в третьем слое квадратов **А7** и **Ф12** (рис. 39А, 1; 65, 78-80, 82, 83) и в четвертом слое квадратов **Б7** и **Э2** (рис. 39Б, 19, 31) раскопа №1 2001 и 2002 годов.

Наибольшее количество фрагментов андроновской керамической посуды происходит из второго слоя (12 фрагментов), третьего и четвертого слоев (8 фрагментов). Из первого слоя известно только 3 фрагмента. Прслеживается тенденция нахождения андроновской керамики на низких, относительно уровня реки, частях раскопа №1 (рис. 1Б; 19; 58). Такие участки, как правило, были перекрыты более поздними речными отложениями.

Определенной концентрации андроновской керамики в какой-либо части раскопа №1 не прослеживается. Можно лишь отметить, что наибольшее количество такой керамики (5 фрагментов) было зафиксировано в третьем слое квадрата **Ф12**, расположенного в восточной части раскопа №1 2002 года (рис. 58).

Андроновская керамика фрагментирована, что позволяет нам лишь отметить ее некоторые особенности. Керамическая посуда (горшки и банки) были плоскодонными. Сосуды украшались елочными узорами, выполненными гладким штампом, зигзагами, «косыми» и равнобедренными треугольниками, выполненными мелкозубым гребенчатым штампом, треугольниками и рядами, состоящими из «семечковидных», треугольных или полулунных вдавлений, каннелюрами, косыми оттисками гребенчатого штампа. В целом, профилировка и орнаментация керамики типична для андроновской керамики поселений юга Западной Сибири (Молодин В.И., 1985, рис. 43, 1-7; 44, 1-7; 45, 1-7; 46, 1-6; 47, 1-6; 48, 1-5; 49, 1-11; 50, 1-13; 51, 1-15; 52, 1-10; 53, 1-10; Косарев М.Ф., 1987б, рис. 104, 5-11; 105, 1-18; 106, 7-17; 107, 20-26).

Необходимо отметить, что андроновская керамика на Торопово-4 сильно фрагментирована. Из элементов и орнаментальных мотивов можно выделить оттиски крупнозубой и мелкозубой гребенки, образующие елочные композиции и геометрические фигуры (косые и равнобедренные треугольники, ломаные линии), каннелюры, заполненные рядами овальных косых вдавлений, каннелюры без орнаментального заполнения, треугольные и полулунные вдавления, формирующие линии, и «свисающие» треугольники.

По комбинации классифицированных элементов (особенностям профилировки и орнаментации) можно выделить пять видов андроновской керамической посуды, и поискать аналогии на разных территориях.

Вид 1. Фрагменты банок, орнаментированные каннелюрами, в большинстве случаев поверх которых (либо рядом с которыми) нанесены наклонные оттиски гладкого штампа (рис. 23, 188, 184; 32, 154; 33, 198; 65, 83). Аналогии известны в Кузнецком Присалаирье на андроновских поселениях Куделька и Куделька-2 (Зах В.А., 1997, рис. 7, 7, 11, 13; 17, 7, 11, 13, 19; 18, 9, 14). Известна такая посуда и в более поздней по отношению к андроновской корчажкинской культуре в Кузнецкой котловине (Ковалевский С.А., Илюшин А.М., 2008, рис. 6).

Вид 2. Фрагменты сосудов, орнаментированные вертикальными елочными узорами, выполненными прочерчиванием или оттисками гребенчатого штампа (рис. 2, 9; 10, 41; 38, 404; 39Б, 1). Аналогии известны на андроновских поселениях Куделька и Куделька-2 в Кузнецком Присалаирье (Зах В.А., 1997, рис. 7, 4, 10; 18, 7, 10).

Вид 3. Фрагменты сосудов, орнаментированные горизонтальными елочными узорами, выполненными прочерчиванием (рис. 13, 39; 17, 25; 23,

162). Аналогии известны на андроновском поселении Куделька в Кузнецком Присалаирье (Зах В.А., 1997, рис. 7, 7; 17, 23).

Вид 4. Фрагменты сосудов, орнаментированные треугольниками, выполненными мелкой гребенкой (рис. 10, 54, 55; 30, 35; 38, 418; 39А, 1). Аналогии известны на андроновском поселении Куделька в Кузнецком Присалаирье (Зах В.А., 1997, рис. 18, 20; 19, 1-4, 6, 7).

Вид 5. Фрагменты сосудов, орнаментированные рядами полулунных вдавлений в сочетании с оттисками гребенчатого штампа (рис. 35, 259; 62, 117; 63, 190; 65, 82). Аналогии известны на андроновском поселении Куделька в Кузнецком Присалаирье (Зах В.А., 1997, рис. 7, 5, 12; 17, 3, 12, 22).

Несмотря на то, что объектов жизнедеятельности эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы во время раскопок обнаружено не было, можно предполагать, что место (или места) проживания населения в это время располагалось на левом высоком берегу р. Касьмы на мысовидной террасе близ устья сухого ручья (рис. 1, Б). Вероятно, это было сезонное поселение с использованием легких наземных жилищ и хозяйственных построек, с очагами, сооруженными на дневной поверхности.

4.1.2. АРТЕФАКТЫ И ОБЪЕКТЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Артефакты и объекты жизнедеятельности периода поздней бронзы на комплексе поселений Торопово-4 представлены материалами корчажкинской и ирменской археологических культур.

Керамическая посуда корчажкинской археологической культуры представлена одним фрагментом из второго слоя квадрата П12 раскопа №1 2001 года (рис. 35, 250). Толстостенный фрагмент был орнаментирован ямкой и оттисками гребенчатого штампа. Подобная керамика известна как в более ранней по отношению к андроновской большеларьяжской культуре, относимой к так называемой доандроновской бронзе, так и в постандроновских еловской и корчажкинской культурах. Аналогии исследуемому фрагменту керамической посуды есть, как на большеларьяжском поселении Иня-11, так и корчажкинском поселении Заречное-3 в Кузнецком Присалаирье (Зах В.А., 1997, рис. 6, 5; 26, 9). Хотя стоит отметить, что на корчажкинской керамике ямки в сочетании с оттисками гребенчатого штампа явление более редкое, чем, например, на еловской посуде, где это сочетание типично.

Несмотря на единичность фрагмента корчажкинского сосуда, можно сделать вывод о том, что долина р. Касьмы входила в ареал расселения корчажкинского населения. Подтверждением этому является более представительное количество фрагментов корчажкинской посуды, зафиксированное на поселении Красная Горка-1, расположенном в долине нижнего течения р. Касьмы.

Основная масса археологических материалов поздней бронзы и вообще на комплексе поселений Торопово-4 принадлежит ирменской археологической культуре. Вероятно, это количественное превосходство во многом определялось таким феноменом в истории Западной Сибири, как ирменская культурно-историческая общность, выделяемая по археологическим материалам. К этому времени на исследуемом археологическом комплексе поселений относятся разрушенные жилища 2, 3 и 4 (рис. 42; 43), а также ямы 1 и 7 (рис. 44; 48), о чем свидетельствуют аналогии найденным в них артефактам. К этому же историко-культурному образованию периода поздней бронзы принадлежит значительное количество артефактов, зафиксированных во время полевых сборов 1996, 1999-2002 годов, а также при стационарных исследованиях в раскопе №1 в 2001 и 2002 годах.

Из объектов жизнедеятельности периода поздней бронзы фиксируется наличие остатков жилища и грунтовых ям.

К моменту начала раскопок ирменские жилища, стоящие на краю левой береговой террасы р. Касьмы, были почти полностью уничтожены. Были зафиксированы остатки лишь одного из них.

Жилище №3 располагалось на центральном участке раскопа в квадратах **311**, **312**, **И12** и **К12** (рис. 19В; 19Г; 43, А). Судя по зафиксированным контурам можно предполагать, что это была неглубокая полуземлянка. В жилище был зафиксирован закрытый предметный комплекс из фрагментов точил и керамических сосудов (рис. 43А, 1-27; 43, 2-5, 16, 21, 23; 44, А, 26), который позволяет на основании аналогий, предварительно, датировать его ирменским временем (X(IX)-VII вв. до н.э.).

Грунтовая яма 7 для хозяйственных нужд располагалась в квадрате **П13** в центральной части раскопа №1 2001 года (рис. 19В; 19Г; 48, А). При разборке заполнения в яме был найден закрытый предметный комплекс (рис. 48, А, 1-5). По орнаментации одного из фрагментов керамических сосудов яму можно относить к ирменской археологической культуре.

Грунтовая яма 3 располагалась в квадрате **К14** в центральной части раскопа №1 2002 года (рис. 58В; 67, А) и была использована для совершения культовых действий. В ней были зафиксированы одним скоплением кости двух черепов и нижние конечности лошадей (вероятно, останки двух конских шкур – А.И.) и были найдены 2 фрагмента керамической посуды (рис. 67, А, 1, 2). Аналогичные захоронения конских черепов и шкур близ входа в жилище и рядом с очагами зафиксированы в материалах ирменской и карасукской археологических культур поздней бронзы Новосибирского Приобья и Минусинской котловины (Матвеев А.В., 1993, с. 32-63; Вадецкая Э.Б., 1986, с. 53-61), что связано с традицией совершения ритуальных конских погребений у населения носителей этих культур (Ковалевский С.А., 2007, с. 85-89).

Основная масса ирменских находок была зафиксирована в первом слое в квадратах **Д10**, **Е10**, **Е11**, **Ж11**, **Ж12**, **Ж14**, **311**, **312**, **313**, **314**, **И12**,

И13, К12, К13, Л12, Л13, Л14, М12, М13, Н13, О14; во втором слое в квадратах В9, Г9, Д10, Е10, Е11, Ж11, Ж14, З11, З13, И12, И14, К13, К14, М13, М14, Р12, С12, Т12, У11, Ф10, Ф11, Ф13, Ф14; в третьем слое в квадратах Б7, Б8, В9, С14; в четвертом слое в квадратах А7, Б7, Б8 (рис. 19; 58). Можно отметить, что концентрация ирменских находок приходится на квадраты, где были расположены ирменские жилища и ямы, а также на близлежащие квадраты. По мере удаления от них количество ирменских находок резко снижается.

В группу ирменских артефактов входят такие категории предметов, как вооружение (наконечник стрелы и нож), принадлежности одежды и украшения (пуговицы, наконечник, подвеска), орудия труда и бытовые предметы (лощила, точила, астрагалы, проколки, орудия для нанесения орнамента керамической посуды и прясла) и посуда (фрагменты керамики).

Костяной наконечник стрелы из четвертого слоя квадрата А7 раскопа №1 2001 года (рис. 39Б, 1), острие которого было сломано в древности, можно включить в круг ирменских древностей Кузнецкой котловины. Аналогичный наконечник стрелы был нами найден в ирменском кургане №17 могильника Сапогово-1 (Илюшин А.М. и др., 1996, рис. 54, 7). Необходимо отметить, что костяные наконечники стрел – редкая находка в памятниках ирменской культуры. В ирменских могильниках, кроме указанного, такие случаи нам не известны, за исключением ирменского парного погребения из кургана №19 (могила 2) и парного погребения из кургана №92 могильника Преображенка-3, которое В.И. Молодин и Т.А. Чикишева датировали эпохой бронзы (Молодин В.И., Чикишева Т.А., 1988, с. 130, 149). Черешковые, ромбические в сечении наконечники стрел с шипами эпизодически встречаются на поселениях ирменского времени Заковряшино-1, Жарково-1, Ирмень-1 и Еловское (Шамшин А.Б., 1991, рис. 1, 10; Памятники истории..., 1990, рис. 18, 5; Сидоров Е.А., 1989, рис. 2, 3; Ураев Р.А., Косарев М.Ф., 1963, табл. V, 3; Матющенко В.И., Игольникова Л.Г., 1966, с. 194). Известны они и в памятниках переходного времени от бронзы к железу и раннего железного века (Молодин В.И., 1985, рис. 85, 2; Членова Н.Л., 1994, рис. 28, 11-13; Кулемзин А.М., 1976, с. 36-37).

Бронзовый нож (рис. 11, 5б) уже на предварительной стадии исследования был отнесен к кругу артефактов ирменской археологической культуры периода поздней бронзы (Ковалевский С.А., 2001а, с. 268-270). Визуальный осмотр ножа выявил, что он был отлит в двусторонней форме, а его лезвие имеет следы односторонней заточки. Изделие было обожжено в древности. Рукоять тороповского ножа имеет небольшое углубление, являющееся продолжением желоба рукояти и навершия. Углубление могло выполнять функцию кровостока. На других ирменских ножах такого элемента нам не известно. Анализ аналогий этому ножу позволил сделать вывод о том, что территорией их бытования является Кузнецкая котловина и Верхнее Приобье (Ковалевский С.А., 2001а, с. 268-270). Наиболее близкой

аналогией тороповскому ножу является экземпляр из ирменского кургана №19 (могила 2) могильника Сапогово-1, датированного VII-VI вв. до н.э. (Илюшин А.М. и др., 1996, с. 85; рис. 62, 1), расположенного в долине нижнего течения р. Касьмы, в пределах одного Касьминского археологического микрорайона. На территории Верхнего Приобья дугообразно-обушковый бронзовый нож с монетовидным навершием известен из кургана №18 (могила 2) ирменского могильника ЕК-2 (Матющенко В.И., 1974, рис. 88, 5). Зафиксирован нож с монетовидным навершием и на территории Омского Прииртышья в могильнике Калачевка-2 (Могильников В.А., 1968, рис. 43, 2). Коленчатый обушок тороповского ножа вызывает ассоциации с ножами карасукской культуры. На наш взгляд, прообразом ирменских ножей с монетовидными навершиями могли быть карасукские ножи с подобными навершиями (см. напр.: Кызласов Л.Р., 1979, рис. 19б).

Костяные пуговицы (застежки) из первого слоя квадрата **P13** и второго слоя квадрата **L14** раскопа №1 2001 и 2002 годов (рис. 28, 448; 60, 40; 61, 19) по аналогиям могут быть отнесены к эпохе поздней бронзы. Подобные изделия, только с отверстиями, известны из материалов могильника эпохи поздней бронзы Осинки и ирменского поселения Чингис-1 (Членова Н.Л., 1994, рис. 12, 7, 8; Матвеев А.В., 1993, табл. 2, 10).

Костяная накосница из второго слоя квадрата **O12** раскопа №1 2001 года (рис. 33, 210) имеет близкие аналогии на ирменских поселениях Чингис-1 и Ирмень-1 (Матвеев А.В., 1993, табл. 2, 23; 9, 25), что позволяет его отнести к кругу артефактов этого времени.

Бронзовая лапчатая подвеска, найденная в первом слое квадрата **311** раскопа №1 2001 года (рис. 23, 171). Первоначально состояла из двух частей, так как верхняя часть подвески была отломлена в древности. Однако в раскопе были найдены два ее фрагмента, и она была реставрирована. На территории Кузнецкой котловины известно 12 экземпляров лапчатых подвесок на ирменских памятниках, таких как могильники Титово, Танай-7, Ваганово-2 и поселение Куделька-2 (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., Ермоленко Л.Н., 2000, рис. 1, 4-7; Бобров В.В., 2001, с. 204-207; Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П., 2004, рис. 9; Зах В.А., 1997, рис. 28, 9). На сопредельных территориях лапчатые подвески встречены в единичных экземплярах на поселениях эпохи поздней бронзы Милованово-3 (Новосибирское Приобье) (Сидоров Е.А., Новикова О.И., 2004, рис. 5, 9), Моховое-3 (Степной Алтай), Майма-3 (Горный Алтай) и Омской стоянке (Бобров В.В., 1992, с. 18; Цивцина О.А., 2001, с. 265). Гораздо чаще лапчатые подвески встречаются в карасукских памятниках Минусинской котловины (Гришин Ю.С., 1971, табл. 15, 10-17; Членова Н.Л., 1972, табл. 17; 18; 27).

По информации Э.Б. Вадецкой, лапчатые подвески имели разнообразное применение: в косах, ожерельях, нагрудниках и даже обуви (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 58). Н.Л. Членова вслед за М.Д. Хлобыстиной полагает, что

лапчатые подвески первоначально схематически передавали изображение человеческой фигуры, которое в дальнейшем все более геометризировалось (Членова Н.Л., 1972, с. 49-50). Д.Г. Савинов и В.В. Бобров считают исследуемые лапчатые подвески позднекарасукскими (Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1981, с. 134).

На территории Тувы лапчатая подвеска встречена в позднекарасукском кургане №7 могильника Куйлуг-Хем-1, датированном VIII-VII вв. до н.э. (Дэвлет М.А., 1988, с. 121). Встречаются они в Туве и в раннескифское время (Кызласов Л.Р., 1979, с. 31). Есть лапчатые подвески и на территории Центрального Казахстана в памятниках эпохи поздней бронзы (Маргулан А.Х., 1979, рис. 226, 65-69; Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж., 1992, с. 107, 115).

Астрагалы, которые мы рассматриваем как игральные кости, довольно частая находка на Торопово-4, как среди полевых сборов (рис. 17, 30, 31), так и из первого слоя квадратов **Ж12, З13, И13, М13, П13, Ж14, З14, Н14, О14, Р14, С14, Т14, У13** (рис. 21, 97-122; 22, 123-154; 23, 155-159; 24, 225, 258-260; 25, 296; 27, 395; 28, 438; 59, 3-6; 60, 63, 66, 71, 74, 76), второго слоя квадратов **Ж12, З11, Н13, Т12, К14, М14, О14, С14, Т14, У13, Ф12, Ф14** (рис. 31, 142; 32, 160; 34, 242; 37, 347; 61, 9, 20, 39, 53, 54; 62, 109-112, 118-119; 63, 144, 192), третьего слоя квадратов **С14** и **У14** (рис. 64, 47-49; 65, 63) и ямы 11 (рис. 51А, 1) в раскопе №1 2001 и 2002 годов. Некоторые из них имеют просверленные отверстия, подшлифованы и орнаментированы кривой сеткой и прочерченными линиями. Обращает на себя внимание находка скопления астрагалов (63 экземпляра) в первом слое квадрата **Ж12** в западной части раскопа №1 2001 года (рис. 19).

В Кузнецкой котловине на ирменских памятниках астрагалы встречаются нечасто. Так одним скоплением астрагалы были найдены в могильнике Сапогово-1 (36 экземпляров, один из них с отверстием) и в единичных случаях на могильнике Заречное-1 (Илюшин А.М. и др., 1996, рис. 59, 2-37; Зах В.А., 1997, рис. 31, 23). Помещение ирменцами астрагалов в курганы и погребения не было характерно, хотя на ирменских поселениях (Куделька-2, Линево-1, Каргат-6, Быстровка-4, Ирмень-1, Милованово-3, Казенная Заимка и др.) альчики периодически встречаются (Зах В.А., 1997, рис. 28, 5, 8; 29, 9; Молодин В.И., 1985, с. 129; Матвеев А.В., 1993, табл. 5, 17-19; 10, 17-20; 19, 4-5; Сидоров Е.А., Новикова О.И., 2004, рис. 10, 6; Шамшин А.Б., 2005, рис. 3, 13).

Сводку по находкам астрагалов дают Н.Л. Членова, а также В.И. Молодин и Н.С. Ефремова (Членова Н.Л., 1994, с. 33; Молодин В.И., Ефремова Н.С., 1998, с. 300-309). Согласно данным, которые они приводят, находки астрагалов в погребениях на территории юга Западной Сибири появляются начиная со II тыс. до н.э. в погребениях окуневской, самусьской и кротовской культур. В кротовском могильнике Сопка-2 зафиксировано большое количество астрагалов козули и барана, а также бабок лошади. По

наблюдению В.И. Молодина, в ряде случаев эти предметы были дополнительно обточены и шлифованы, а иногда имеют просверленные отверстия или украшены насечками (Молодин В.И., 1985, рис. 85, 2).

По данным, которые приводят Ю.Ф. Кирюшин, С.П. Грушин и А.А. Тишкин, астрагалы известны в елунинской культуре – в могильнике Телеутский Взвоз-1 и на поселении Березовая Лука, а также в андроновских могильниках Минусинской котловины. При этом алтайские исследователи делают интересное наблюдение о преимущественном помещении альчи́ков в погребения детей, заключая, что данные предметы были связаны с игровым, гадальным или иным культовым предназначением (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003, с. 95-97). Иную точку зрения высказали Н.Ю. Кунгурова и В.С. Удодов, установившие при помощи трасологического анализа, что астрагалы с андроновских поселений и поселений бурлинского типа являлись орудиями металлообработки (Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С., 1997, с. 76-79).

В эпоху поздней бронзы астрагалы известны в еловской части могильника ЕК-2, карасукском могильнике Малые Копены-3, корчажкинском могильнике Осинки и бегазы-дандыбаевском могильнике Бегазы (Матюшенко В.И., 1974, рис. 65, 12, 13; Зяблин Л.П., 1977, с. 48; Членова Н.Л., 1994, рис. 12, 4; Маргулан А.Х., 1979, с. 260). Широкое распространение традиция использования астрагалов получает в переходное время от бронзы к железу. В Алтайском Приобье «большереченцы», оставившие могильники Ближние Елбаны-7 и -12, помещали астрагалы в погребения детей (Грязнов М.П., 1956, с. 59, 63, 65, 71). Часто встречаются астрагалы и на других памятниках переходного времени – поселениях Ближние Елбаны-1, Мыльниково, Маяковом городище и Елунинском культовом месте (Грязнов М.П., 1956, табл. IX, 14; XV, 21-24, 36-38; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005, рис. 18, 5; Ширин Ю.В., 1986, с. 103; Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1993, рис. 6, 2-4). Некоторые из них украшены резными линиями и имеют отверстия.

Находки астрагалов в Кузнецкой котловине датируются широким хронологическим диапазоном от эпохи бронзы до эпохи средневековья, поэтому к ирменскому культурно-хронологическому комплексу в Торопово-4 можно однозначно отнести лишь скопление астрагалов в первом слое квадрата Ж12 раскопа №1 2001 года (рис. 21, 97-122; 22, 123-154; 23, 155-159).

Костяные проколки из материалов полевых сборов 2001 и 2002 годов (рис. 16, 81; 17, 33, 34), из первого слоя квадратов Н12, Н13, О12, Т12, Т13, У11, К14 (рис. 27, 416; 28, 424, 426; 29, 490, 491, 513, 523; 60, 34), из второго слоя квадратов Е11, З12, О12, Т12, Т13 (рис. 31, 106; 32, 174; 35, 247; 37, 345; 38, 378) раскопа №1 2001 и 2002 годов, наиболее вероятно, являются культурными артефактами эпохи поздней и, частично, переходного времени об бронзы к железу. Именно в эти периоды такие изделия

были широко распространены в материалах археологических культур (преимущественно ирменской) поздней бронзы Западной Сибири (Молодин В.И., 1985, рис. 65, 3-5; Матвеев А.В., 1993, табл. 2, 4-7; 5, 25; 8, 12-14; 9, 1-11; 17, 5; 20, 8; Сидоров Е.А., Новикова О.И., 2004, рис. 6, 3; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005, рис. 18, 6, 7; 19, 1-9; 20, 11; и др.). Некоторые из найденных в Торопово-4 костяных проколов были разломлены и, вероятно, могли употребляться в качестве полой рукояти, в которую вставлялось металлическое шило. Изготавливались проколки преимущественно из метакарпальной кости лошади или крупного рогатого скота.

Отдельные *костяные изделия* для нанесения гладкого либо гребенчатого штампа (орнаменты), найденные в первом слое квадратов **Ж11** и **312** (рис. 20, 37; 23, 223) и втором слое квадрата **Е11** (рис. 31, 131) раскопа №1 2001 года, имеют аналогии в материалах ирменских памятников Верхнего Приобья. Так крупный орнамент с тремя зубцами (рис. 31, 131) находит аналогию в ирменских материалах поселения Ирмень-1 (Матвеев А.В., 1993, табл. 2, 22). Орнамент меньших размеров с мелкими зубцами (рис. 20, 37) имеет аналогии на поселении ирменской культуры Чингис-1, поселении переходного времени от бронзы к железу Фирсово-18 и в могильнике раннего железного века Фирсово-9 (Матвеев А.В., 1993, табл. 2, 22; Шамшин А.Б., Цивцина О.А., 2001, рис. 1, 5; Фролов Я.М., Шамшин А.Б., 1999, рис. 2, 8). Орнаменты для нанесения гладкого штампа (рис. 23, 223) известны из материалов поселения корчажкинской культуры Саратовка-6 (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А., 2001а, рис. 6, 11, 12). Обоюдоострый костяной стержень для нанесения ямочного орнамента и жемчужин (рис. 48, 5) и выполнения граффити на керамической заготовке, по находкам фрагментов ирменской керамической посуды в закрытом комплексе – грунтовой яме 7 на раскопе №1 2001 года тоже можно отнести к ирменскому времени. Костяные ножевидные пластины для нанесения гладких резных линий из первого слоя квадрата **312**, второго слоя квадрата **Е11** (рис. 31, 132) и из ямы 10 (рис. 50, 2-4) раскопа №1 2001 года (рис. 23, 223; 31, 132; 50, 2-4) имеют близкие аналогии на поселениях Верхнего Приобья, датируемых поздней бронзой и переходным временем от бронзы к железу, Ирмень-1, Еловское, Казенная Заимка, Мыльниково, Чича-1, Большой Лог (Матвеев А.В., 1993, табл. 4, 6; Матющенко В.И., 1974, рис. 47, 12-15, 17; Шамшин А.Б., 2005, рис. 1, 6; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005, рис. 17, 3; Молодин В.И. и др., 2001, рис. 20, 14; Генинг В.Ф., Стефанов В.И., 1993, рис. 17, 9-15; и др.).

Костяное и керамическое прясла из полевых сборов 2001 года и второго слоя квадрата **П13** раскопа №1 в 2001 году (рис. 12, 15; 35, 261) относятся к ирменской археологической культуре. Первое имеет близкие аналогии в Верхнем Приобье среди материалов эпохи поздней бронзы Еловского поселения и поселений Ирмень-1 и Быстровка-4 (Матющенко В.И., 1974, рис. 45, 17, 21; Матвеев А.В., 1993, табл. 10, 10-16; 14, 13). Керами-

ческое прясло и заготовка для его изготовления, вероятно, из плоского дна крупного сосуда (рис. 32, 155; 35, 261) имеют аналогии в материалах ирменских поселений Линево-1, Казенная Заимка, Ирмень-1, Милованово-3 (Зах В.А., 1997, рис. 29, 23; Шамшин А.Б., 2005, рис. 1, 10; 2, 4, 12-18; 3, 11; Матющенко В.И., 1974, рис. 29, 5-7; Матвеев А.В., 1993, табл. 5, 10; 6, 10-12; 8, 5; Сидоров Е.А., Новикова О.И., 2004, рис. 6, 4) Верхнего Приобья. Существует мнение, что подобные изделия выполняли функции скребков или лоцил (Шамшин А.Б., 2005, с. 97).

Каменные лоцила всех трех типов – округлые дисковидные, овальные дисковидные и округлые шаровидные (рис. 11, 60; 28, 444; 30, 97; 38, 379; 69, 2), вероятно, являются артефактами периода поздней бронзы. Подобные изделия известны в материалах раскопок поселения Саратовка-6 в Кузнецкой котловине, датируемых периодом поздней бронзы (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А., 2001а, рис. 6, 3, 6).

Отдельные экземпляры уплощенных массивных каменных точил третьего типа из полевых сборов 2001 года (рис. 15, 73, 75, 76, 78), первого слоя квадрата У11 (рис. 425; 29, 524), второго слоя квадрата Л13 (рис. 34, 232) и из жилища 3 раскопа №1 2001 года (рис. 43, 2-4) можно отнести к ирменской археологической культуре по аналогиям находкам керамической посуды в закрытом комплексе (жилище 3) и датировать периодом поздней бронзы. Некоторые из числа перечисленных предметов этого типа, вполне вероятно, могли являться зернотерками.

Керамическая посуда ирменской культуры на комплексе поселений Торопово-4 представлена самой большой коллекцией находок. Фрагменты ирменской керамической посуды зафиксированы в числе подъемных сборов 1996, 1999-2002 годов (рис. 2, 1-8; 3, 1-13, 15; 4, 16-18, 20, 21, 23-27; 5, 1-3; 6, 5-7, 11-13; 7, 14, 16-23; 8, 25-29; 9, 31-34, 36-39; 10, 40, 41, 43, 44, 46-53; 11, 61, 62; 12, 1, 3, 6-9, 12-14, 16-19, 21-25, 27; 13, 30-33, 35, 37, 38, 40, 41, 47, 48; 14, 52, 53, 55, 57-60, 62-64, 66-72; 15, 79-80; 16, 84, 85, 87-96; 17, 1, 3-9, 11-13, 20-23, 27), в первом слое квадратов Д10, Е11, Ж11, Ж14, З12, З13, З14, И12, И13, К12, К13, Л12, Л13, Л14, М12, М13, Н13, О14, Ч8 (рис. 20, 10, 22, 29, 49, 59, 71; 21, 90; 23, 178, 180, 191, 195, 198, 200, 203, 206, 207, 215, 216, 221; 24, 236, 238, 239, 250, 270, 273, 276-278; 25, 282, 284-286, 292, 293, 299, 302, 304, 309, 312, 313, 316; 26, 318, 326, 328-330, 333, 334, 344, 352-355; 27, 359-361, 368, 373, 375, 380-382, 392, 394, 407-409, 418, 422; 29, 531; 59, 2, 10-14; 60, 38, 58-60), втором слое квадратов В9, Г9, Г10, Д10, Е10, Е11, Ж11, Ж12, Ж14, З11, З13, И12, И14, К13, М13, М14, П12, Р12, С12, Т12, Ф10, Ф11, Ф13, Ф14, Х10 (рис. 30, 15-17, 19, 22, 23, 45, 46, 49, 50, 56, 74, 75, 77, 78, 81, 82, 93-95; 31, 104, 110, 112, 115, 119, 120, 129, 133, 140, 149; 32, 150, 156; 33, 175, 181, 195, 196, 200-202, 209, 211; 34, 213, 214, 220-222, 230, 231, 233, 235, 239; 35, 266; 36, 318; 37, 343, 350, 351; 38, 398, 399, 401, 402, 405; 61, 1, 3, 8, 21, 22, 26; 63, 151, 179, 180, 184, 188), в третьем слое квадратов Б7, Б8, С14 (рис. 39А, 6, 7, 9,

10-12, 15-17, 19, 27, 28; 64, 15, 36-39), в четвертом слое квадратов А7, Б7, Б8 (рис. 39Б, 8, 9, 20, 22), жилище 1 (рис. 41, 21, 22), жилище 3 (рис. 43, 5, 16, 21, 23; 44, 26), яме 7 (рис. 48, 4) и яме 11 (рис. 70, 73) раскопа №1 в 2001 и 2002 годах.

Наибольшее количество ирменской керамики происходит из материалов полевых сборов (153 фрагмента). При исследовании на раскопе №1 в 2001 и 2002 годах в первом слое были найдены 83 фрагмента, во втором слое – 72 фрагмента, в третьем слое – 17 фрагментов и четвертом слое – 4 фрагмента ирменской керамической посуды. Эти данные, а также наличие разрушенных жилищ, косвенно указывают на то, что ирменское поселение находилось на левом берегу р. Касьмы близ края береговой террасы и к началу раскопок большая часть его культурного слоя уже была уничтожена под воздействием природного и антропогенного факторов.

Ирменская керамика комплекса поселений Торопово-4 представлена преимущественно сосудами горшковидной формы, которые можно разделить на крупные, толстостенные корчаги, предназначенные для хранения продуктов и приготовления пищи, и небольшие тонкостенные горшочки, которые использовались в качестве столовой посуды. Наряду с горшками есть фрагменты ирменского кувшина и банки (рис. 5, 2; 27, 368).

Цвет поверхностных слоев ирменской керамики варьируется от светло-коричневого до красновато-коричневого, разлома – от черного до буровато-черного. Тесто плотное, хорошо промешанное. Древними мастерами была использована ожелезненная, естественно-запесоченная глина с широким интервалом спекания. В качестве примесей использовался крупнозернистый песок, дресва и мелкий гравий, взятые со дна реки и предварительно просеянные. Обжиг глиняной посуды производился в примитивных печах с регулируемой низкой температурой (500-600°C) в окислительной среде в течение достаточно длительного времени (40-50 минут). Средняя плотность керамики – 1,69 г/см³, пористость – 27,2 %, твердость – 95,4 НВ (*исследования технологии производства ирменской керамики сделаны старшим научным сотрудником ККАЭЭ к.и.н. В.А. Борисовым*).

Вся ирменская посуда, зафиксированная на Торопово-4, как правило, орнаментирована в резной технике. Коллекция этой посуды позволяет исследовать наличие культурной традиции в орнаментации ирменской керамики на этом памятнике и провести сравнительный анализ полученных результатов с результатами аналогичных исследований ирменской керамики по материалам других памятников Кузнецкой котловины, Верхнего Приобья и Ачинско-Мариинской лесостепи (табл. 1-3). Культурная традиция нанесения орнамента на ирменской керамике из Торопово-4 анализируется нами по трем выделенным орнаментальным зонам на керамических сосудах.

Зона венчика (84 экземпляра). В данной зоне доминируют два орнаментальных мотива – треугольники, соединенные вершинами, и треуголь-

4. Культурно-хронологический анализ археологических материалов

ники, обращенные вершинами вверх (все по 38,1 %). Реже встречается заштрихованный зигзаг (9,5 %). Все остальные мотивы (треугольники, обращенные вершинами вниз, взаимопроникающие треугольники, косая сетка и елочка) – единичны (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика орнамента ирменской керамики поселений юга Западной Сибири (зона венчика)

Мотив	Поселение										
	Торопово-4	Люкус	Речкуново-3	Красный Яр-1	Батурино-1	Быстровка-4	Ирмень-1	Улыбино	Умна-1	Чучка-7	Тамбар
	38,1 %	20 %	8,5 %	50 %	9,5 %	21,9 %	30,3 %	43,4 %	13,2 %	-	7,4 %
	38,1 %	11,3 %	18,9 %	23,6 %	23 %	34,5 %	32,3 %	43,3 %	45,4 %	11,1 %	38,9 %
	4,8 %	20 %	3,8 %	4 %	21,4 %	7,6 %	5,9 %	3,3 %	1,9 %	11,1 %	11,1 %
	3,6 %	16,9 %	-	16 %	8,7 %	8,7 %	4,3 %	-	3,8 %	-	7,4 %
	3,6 %	11,8 %	25,5 %	7,6 %	11,2 %	7,2 %	17 %	-	4,7 %	49 %	12,9 %
	-	1,4 %	16 %	2,4 %	1,6 %	1,7 %	0,5 %	-	2,8 %	2,2 %	10,2 %
Без орнамента	-	18,7 %	16 %	3,2 %	3,2 %	7 %	3,9 %	6,8 %	1,9 %	2,2 %	5,6 %
	2,4 %	-	7,6 %	0,8 %	2,4 %	2,3 %	1,3 %	-	-	-	-
	9,5 %	-	-	2 %	1,6 %	6 %	2,9 %	3,3 %	13,1 %	11,1 %	1,8 %
	-	-	-	-	1,6 %	-	0,1 %	-	-	-	-
	-	-	-	-	2,4 %	-	0,2 %	-	0,9 %	-	-
	-	-	-	1,2 %	4,7 %	1,9 %	0,8 %	-	-	-	0,9 %

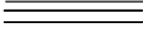

В зоне шейки (64 экземпляра) основным орнаментальным мотивом является «жемчужник» (86 %) как с разделителями, так и без них (табл. 2). Наиболее часто шейка ирменских сосудов орнаментировалась «жемчуж-

4. Культурно-хронологический анализ археологических материалов

ником» с насечками (31,2 %), реже с ямками (17,2 %) или оттисками угла лопатки (6,2 %). Чистый «жемчужник» известен в единичных случаях (3,1 %). Среди других орнаментальных мотивов чаще всего встречены ямки (17,2 %), реже – насечки (9,4 %) и прочерченные линии (7,8 %). Отдельные шейки сосудов были не орнаментированы (7,8 %).

Таблица 2

Сравнительная характеристика орнаментации ирменской керамики поселений юга Западной Сибири (зона шейки)

Мотив	Поселение										
	Торопово-4	Люсус	Речкуново-3	Красный Яр-1	Багурино-1	Быстровка-4	Ирмень-1	Улыбино	Умна-1	Чучка-7	Тамбар
	82,8 %	64,3 %	63,7 %	71,5 %	61,2 %	52,3 %	56,3 %	81,9 %	88,8 %	70,8 %	28,7 %
	3,1 %	-	2,2 %	9,8 %	0,9 %	10,2 %	7,5 %	4,5 %	1,1 %	-	3,7 %
	17,2 %	-	2,8 %	3,8 %	-	6,6 %	7,9 %	-	1,1 %	-	5 %
	7,8 %	20,6 %	23,9 %	5,1 %	29,1 %	22,5 %	16,5 %	9,1 %	-	8,4 %	41,2 %
	-	13,7 %	-	-	0,9 %	-	-	-	1,1 %	-	-
	9,4 %	-	-	5,1 %	4,9 %	4,5 %	5 %	-	4,5 %	2,1 %	7,5 %
Без орнамента	7,8 %	0,8 %	-	4,7 %	2,9 %	3,9 %	6,8 %	5,5 %	3,4 %	18,7 %	7,5 %
	-	1,5 %	-	-	-	-	-	-	-	-	1,25 %

В зоне плечика (36 экземпляров) доминируют геометрические мотивы (табл. 3). Чаще всего встречены треугольники, обращенные вершинами вниз (25 %), и штрихованный зигзаг (16,7 %). Есть и треугольники, соединенные вершинами (5,5 %). Часто зона плечика не несла орнаментальных построений (19,4 %). Среди негеометрических мотивов преобладают елочные узоры (25 %), единичные насечки (5,5 %) и косая сетка (2,8 %).

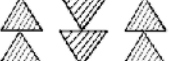

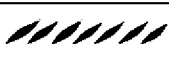

Сравнение ирменской поселенческой посуды из Торопово-4 и ирменской погребально-поминальной керамики из памятников Кузнецкой котловины, характеристика которой давалась одним из авторов в специальной

4. Культурно-хронологический анализ археологических материалов

статье (Ковалевский С.А., 2002, с. 65-67), позволяет нам сделать предварительные выводы.

Таблица 3

Сравнительная характеристика орнамента ирменской керамики поселений юга Западной Сибири (зона плечика)

Мотив	Поселение										
	Топопово-4	Лискус	Речкуново-3	Красный Яр-1	Батурино-1	Быстрикск-4	Ирмень-1	Улыбино	Умна-1	Цучка-7	Тамбар
	25 %	51,2 %	21,2 %	6,3 %	22,3 %	18,7 %	27,1 %	20 %	8,6 %	25,8 %	42 %
	-	-	-	1,1 %	0,8 %	0,2 %	-	-	-	-	-
	-	-	-	0,3 %	-	-	-	-	-	-	6 %
	5,5 %	-	-	-	0,8 %	0,6 %	0,6 %	5 %	-	-	2 %
	-	-	-	-	0,8 %	0,4 %	1 %	-	0,9 %	3 %	-
	-	-	-	-	-	-	0,8 %	-	-	-	-
	-	-	-	5,6 %	2,3 %	2 %	5,4 %	5 %	4,8 %	12,1 %	6 %
	16,7 %	22 %	-	55,1 %	26,8 %	39,6 %	34,5 %	45 %	48,5 %	10,6 %	10 %
	-	-	-	2,1 %	0,8 %	0,4 %	-	-	5,7 %	-	6 %
	-	-	-	1,7 %	30,7 %	5,2 %	2,3 %	-	1,9 %	9,1 %	2 %
	5,5 %	4,8 %	29,4 %	8 %	2,3 %	8,3 %	6 %	-	5,7 %	-	2 %
	25 %	22 %	20 %	6,6 %	4,5 %	9,1 %	4,7 %	-	2,9 %	10,6 %	8 %
	2,8 %	1,6 %	22,4 %	4,5 %	0,8 %	9,9 %	15,8 %	10 %	3,8 %	9,1 %	4 %
Без орнамента	19,4 %	10,6 %	-	2,8 %	3,1 %	4 %	3,1 %	5 %	3,8 %	6,1 %	4 %

Очень велико сходство ирменской поселенческой и погребальной посуды, что проявляется как в одинаковых формах сосудов, так и в орнамен-

тальном оформлении (включая преобладание тех или иных геометрических мотивов) зоны венчика и плеча. Прослеживаются и определенные различия. Так в могильниках почти не встречаются крупные толстостенные корчаги, характерные для поселений, а если изредка и встречаются, то, как правило, не в могилах, а лишь как элемент сопроводительных ритуально-жертвенных комплексов в пределах сакрального подкурганного пространства (см. напр.: Зах В.А., 1997, рис. 31, 28). Различается и орнаментальное оформление зоны шейки сосудов. Так если на поселенческой посуде преобладает «жемчужник» (86 %), то на погребальной посуде «жемчужник» встречается редко (11,07 %), а преобладают прочерченные линии (52,46 %). В оформлении зоны плечика поселенческой посуды часто использовались елочные узоры (25 %), а на погребальной посуде они редки.

Сравнение орнаментации ирменской посуды поселения Торопово-4 и поселений Алтайского Приобья (Речкуново-3), Новосибирского Приобья (Быстровка-4, Ирмень-1, Красный Яр-1, Улыбино, Умна-1, Чучка-7), Томского Приобья (Батурино-1), среднего Притомья (Люскус) и Ачинско-Мариинской лесостепи (Тамбар), отраженное в табл. № 1-3, дало следующие результаты. Наибольшую близость ирменская керамика Торопово-4 демонстрирует с ирменскими поселениями Новосибирского Приобья – Ирмень-1, Улыбино и др., датируемыми Т.Н. Троицкой развитым этапом ирменской культуры (Троицкая Т.Н., 1974, с. 43). А.В. Матвеев также относит эти памятники к развитой поре ирменского этапа ирменской культуры (Матвеев А.В., 1993, с. 123-125). В несколько меньшей степени ощущается сходство с ирменскими поселениями Люскус (Среднее Притомье) и Тамбар (Ачинско-Мариинская лесостепь). Интересно, что с ирменскими поселениями Верхнего Приобья тороповскую керамику сближает орнаментация зоны венчика и шейки, а с Люскусом – орнаментация плечиков, для которых характерны елочные узоры. Наибольшие различия выявляются между Торопово-4 и наиболее поздними ирменскими поселениями Верхнего Приобья – Речкуново-3 и Чучкой-7, для которых характерно преобладание в орнаментации сеток, елочек и насечек над геометрическими мотивами, состоящими из различных сочетаний треугольников и зигзагов.

Таким образом, ирменская керамика поселения Торопово-4 выглядит достаточно культурно однородной. На хронологической шкале ирменских древностей керамика из Торопово-4 располагается в пределах развитого этапа ирменской культурно-исторической общности. В пользу этого свидетельствуют находки бронзовых изделий в культурном слое поселения – лапчатой подвески и коленчатого ножа с выделенной желобчатой рукоятью и округлым монетовидным навершием (рис. 11, 56; 23, 171).

Однако есть и факты, указывающие на более поздний возраст ирменской керамики. Во-первых, в ирменской манере орнаментированы не только горшки и кувшины, но и один фрагмент банки или чаши (рис. 27, 368). Во-вторых, один из ирменских сосудов украшен по венчику орнаментом в

андроноидной манере (сочетание треугольников и зигзага), а по шейке – в позднеирменской (чередование «жемчужин» и пяти вертикальных наколов) (рис. 7, 22). Еще три фрагмента сосудов украшены с нарушением ирменского орнаментального канона в синкретичной манере (рис. 4, 16; 7, 23; 32, 156). В-третьих, в одном культурном слое с ирменской керамикой залегает керамика переходного времени от бронзы к железу. Поэтому, на основании всей совокупности приведенных фактов, ирменское поселение на Торопово-4 можно отнести к инскому варианту ирменской культурно-исторической общности и датировать VIII в. до н.э.

Судя по количеству артефактов и объектов жизнедеятельности, период поздней бронзы был очень насыщенным на Торопово-4. Вероятно, функционировало крупное поселение ирменской археологической культурно-исторической общности, которое располагалось на левом высоком берегу р. Касьмы на мысовидной террасе близ устья сухого ручья (рис. 1, Б), частично на месте, где ранее располагались поселения эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы. Это было стационарное место проживания, где протекала повседневная жизнь членов человеческого коллектива во всех ее проявлениях. В качестве жилищ использовались большие полуземляные жилища с наземными несущими каркасами, отапливаемые внутри очагами. Для хозяйственных и производственных нужд использовались грунтовые ямы и очаги под открытым небом либо под легкими навесами. Отдельные участки мест проживания наделялись особым сакральным смыслом.

4.2. МАТЕРИАЛЫ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Находки переходного времени от бронзы к железу и раннего железного века на комплексе поселений Торопово-4 располагались на левом берегу р. Касьмы в северной части памятника (рис. 1Б). Они представлены единичными артефактами (костяная пластина, астрагалы и фрагменты керамической посуды), а также объектами жизнедеятельности этого времени (грунтовые ямы 11 и 16 на раскопе №1 2001 и 2002 годов).

Миниатюрный трехгранный *костяной наконечник стрелы* треугольной формы с шипами и стоком, найденный во втором слое квадрата Т12 раскопа №1 2001 года (рис. 37, 344), может быть отнесен к переходному времени от эпохи бронзы к эпохе железа или раннему железному веку. Внешне он напоминает копию трехперого бронзового наконечника стрелы. Точные аналогии этому изделию нам неизвестны, но типологически близкие костяные наконечники стрел есть в памятниках переходного времени от бронзы к железу и раннего железного века Кузнецкого Присалаирья и Верхнего Приобья (Зах В.А., 1997, рис. 33, 8; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992, рис. 3, 12; Фролов Я.М., 1999, рис. 2, 27, 28), в материалах Новотроицкого некрополя каменной археологической куль-

туры V-III вв. до н.э. на р. Чумыш (Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А., 2009, с. 150-151, рис. 111, 1-4), а также в синхронных материалах большереченской культуры лесостепного Приобья (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 35, табл. XIII, 2; XV, 7; XX, 6; и др.). Наибольшую близость демонстрируют находки в материалах пазырыкской культуры V-IV вв. до н.э. скифской эпохи на Горном Алтае (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004, с. 62-63, рис. 27, 1-4, 12-15, 19-39).

Находка *астрагала* в закрытом комплексе – яме 11 раскопа 2001 года (рис. 51, А, 1), датированной нами переходным периодом от эпохи бронзы к эпохе железа, позволяет отнести эту игральную кость к этому же историческому периоду. Этот артефакт относится к типу больших игральных костей. Это позволяет предполагать, что и многие другие аналогичные артефакты на Торопово-4 могут быть отнесены к этому времени. В пользу этого свидетельствуют аналогичные находки в Кузнецкой котловине на археологических памятниках раннего железного века (Ширин Ю.В., 2004, рис. 18, 13, 14).

Костяную крепежную пластину, найденную в первом слое квадрата **312** в центральной части раскопа №1 2001 года (рис. 24, 224), предположительно, можно отнести к переходному периоду от эпохи бронзы к эпохе железа. Похожее изделие было найдено в Барнаульском Приобье на поселении Мыльниково переходного времени от бронзы к железу и интерпретировано авторами публикации как накладка на ножны (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005, с. 43; рис. 18, 8).

Фрагменты керамической посуды переходного времени от бронзы к железу и раннего железного века на комплексе поселений Торопово-4 были зафиксированы не только в ямах 11 и 16 (рис. 51, А, 2; 73, А, 1-6), но и в первом слое квадратов **313**, **О13**, **С13**, **С14** и **Ф10**, втором слое квадратов **М14**, **П14**, **Р12** и **С14** и в третьем слое квадратов **С14** и **У14** (рис. 10, 45; 14, 54, 65; 17, 15; 24, 248; 28, 432, 469; 29, 472, 477, 527; 33, 190; 59, 1, 20, 21; 60, 67; 61, 25, 47; 62, 94, 97; 64, 13, 16, 40) на раскопе №1 2001 и 2002 годов. Всю керамическую посуду этого времени по комбинации классифицированных элементов (особенностям профилировки и орнаментации) условно можно разделить на двенадцать видов и привести им аналогии.

Вид 1. Фрагменты горшков с короткими или высокими, прямыми венчиками. Обнаружено три экземпляра (рис. 14, 54, 65; 24, 248). Срез верхнего края этих сосудов был намеренно уплощен. Особенностью этого типа посуды является нанесение на шейку или венчик наклепных валиков, орнаментированных косыми оттисками гребенчатого штампа. В двух случаях венчики были дополнительно украшены одним рядом разряженного «чистого» жемчужника.

На территории Среднего Притомыя керамика, орнаментированная жемчужником, в сочетании с горизонтальными, широкими наклепными валиками, встречается на поселениях раннего железного века, датированных

И.В. Окуновой V-I вв. до н.э. (Окунева И.В., 1990, с. 7-9). В южной части Кузнецкой котловины керамика с валиками известна из материалов поселений Красулино-1, Мамонтовка-1, Бардино-3, Карлык, Блиновское и Тайменка. И.В. Окунева и Ю.В. Ширин пишут о том, что керамика с широкими наклепными валиками тяготеет по формам и орнаментальному стилю к керамике выделенной ими третьей группы. Исследователи предполагают, что валиковый комплекс в керамике третьей группы является наиболее поздним. Однослойные поселения в Притомье с такой керамикой, планиграфически и ландшафтно, часто не совпадают с памятниками, орнаментальная керамическая традиция которых восходит к памятникам переходного этапа. Типологически сходные с третьей группой керамические комплексы в Верхнем Приобье встречены на поселениях, относимых к гунно-сарматскому времени (Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, с. 11-12). Ю.В. Ширин связывает появление керамики с горизонтальными наклепными валиками на юге Кузнецкой котловины с включением Томь-Кондомских предгорий в сферу влияния предгорного населения бассейна Верхней Оби (быстрянская культура) (Ширин Ю.В., 2004, с. 38-39).

Вместе с тем материалы сопредельных территорий свидетельствуют как раз о более раннем возрасте валиковой керамики. На западной периферии Кузнецкой котловины В.А. Зах производились раскопки на поселении Линево-1, где было полностью исследовано жилище переходного времени от бронзы к железу (Зах В.А., 1986, с. 94-95). В.А. Зах отнес материалы жилища к раннему, линево-скому этапу завьяловской культуры, которая, по его мнению, синхронна позднеирменскому этапу ирменской культуры (Зах В.А., 1997, с. 93). Небольшая часть линево-ской керамики была украшена валиками. В.А. Зах указывает, что наибольшее количество посуды с валиками (12 %) известно из поселения Ближние Елбаны (Барнаульско-Бийское Приобье), тогда как на поселениях Линево-1 (Кузнецкая котловина) и Завьялово-5 (Новосибирское Приобье) такие валики единичны (Зах В.А., 1997, с. 89). Это может указывать на направление культурных связей в переходный период.

Н.Л. Членова относит композицию из валика и жемчужника к ирменско-большереченской (переходной) группе орнаментов. Согласно ее исследованию, керамика с такими композиционными построениями известна на поселениях VII-VI вв. до н.э. Ближние Елбаны (Барнаульско-Бийское Приобье), Большой Лог-1 (Омское Прииртышье) и Туруновка-4 (Барабинская лесостепь), ощутивших на себе влияние населения казахстанских степей (Членова Н.Л., 1994, с. 77; рис. 1, 5; 23, 7; 30, 9).

Вместе с тем, валиковая керамика из Торопово-4 отличается от позднеирменской и завьяловской керамики с валиками и жемчужником. Последняя имеет уже явно синкретичный облик, косвенно указывающий на идущие процессы метисации разнокультурных групп населения. Тороповская керамика позднеирменских мотивов не содержит. Поиск территори-

ально более отдаленных аналогий заставляет нас обратиться к памятникам Центрального, Северного и Восточного Казахстана.

Сходная по некоторым показателям керамическая посуда зафиксирована на территории Центрального и Северного Казахстана. В.В. Евдокимов и В.В. Варфоломеев относят такую посуду к *донгальскому типу* и считают типологически очень поздней, датируя IX в. до н.э. Исследователи указывают, что сооружения с донгальской керамикой прорезают саргаринско-алексеевские слои на поселениях Кент и Трушниково и, следовательно, являются более поздними. Донгальскому этапу бегазы-дандыбаевской культуры соответствуют загаринские и поздние алексеевские комплексы Притоболья (Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В., 2002, с. 57; рис. 24). По мнению М.А. Демина и С.М. Ситникова, донгальские комплексы относятся к завершающей стадии существования саргаринско-алексеевской культуры лесостепного и степного Алтая и датируются IX-VIII вв. до н.э., с возможным заходом в VII в. до н.э. (Демин М.А., Ситников С.М., 2002, с. 35-36). Даты, предложенные М.А. Деминым и С.М. Ситниковым, для керамики донгальского типа кажутся нам более приемлемыми. Вместе с тем валиковая керамика из Торопово-4, несмотря на сходство с донгальской керамикой, напрямую к ней не относится, хотя, вероятно, восходит к ней генетически. Тороповская керамика, в отличие от керамики донгальского типа, имеет более поздний облик.

На территории южной части Кулунды (Степной Алтай) алтайскими археологами был обследован комплекс древних поселений – Горелый Кордон, где была найдена керамика, орнаментированная валиками и жемчужником, почти полностью аналогичная тороповской. Исследователи считают, что по своему характеру подобная орнаментация занимает промежуточное положение между декором саргаринской посуды (эпоха поздней бронзы) и орнаментом сосудов скифского времени в степной зоне Алтая (Фролов Я.В., Ведянин С.Д., Изоткин С.Л., 1999, с. 67; рис. 3, 4, 6).

В более поздней публикации материалов поселения Горелый Кордон-I, Я.В. Фролов, Д.В. Папин и А.Б. Шамшин выделяют отличительные признаки его керамического комплекса (один ряд жемчужника по краю венчика, линия редко поставленных жемчужин без разделителей), указывающие на близость материалов этого поселения и памятников эпохи поздней бронзы юга Кулунды. По их мнению, керамический комплекс поселения Горелый Кордон-I от керамики саргаринско-алексеевских поселений поздних этапов отличает отсутствие сосудов, украшенных геометрическим орнаментом, елочкой, и общее упрощение орнаментальной схемы, что характерно уже для керамики раннего железного века. В качестве направления культурных связей авторы публикации указывают на улубаевско-гасмолинские памятники и, в частности, на поселение Кеноткель-X, исследованное в степном Приишимье (Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2002, с. 136, 138).

П.И. Шульга в публикации материалов поселения Куротинский Лог-I приводит различные точки зрения о времени появления посуды с валиками и жемчужником на посуде пазырыкской и быстрианской культуры Алтая и его предгорий. Исследователь предполагает ее происхождение от поздне-бронзовой валиковой керамики Казахстана и степного Алтая, просуществовавшей до VIII-VII вв. до н.э. (Шульга П.И., 1997, с. 75-76).

Данные аналогии указывают на то, что валиковая керамика из Торопово-4 своим происхождением связана с населением Северо-Восточного Казахстана и Степного Алтая и должна датироваться не ранее рубежа VIII-VII вв. до н.э. Отдельные группы населения собственно саргаринско-алексеевской культуры проникали на территорию Верхнего Приобья еще в эпоху поздней бронзы, что было зафиксировано исследователями на материалах ирменских поселений Казенная Заимка, Заковряшино-1, Фирсово-18 и Милованово-3 (Шамшин А.Б., 2005, с. 98; Шамшин А.Б., Цивцина О.А., 1999, с. 50-52; Новикова О.И., 1998, с. 18-20).

Уточнить датировку тороповской керамики с валиками помогает наблюдение Д.В. Папина и А.Б. Шамшина, сделанное в монографии, посвященной изучению древней истории Барнаульского Приобья в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Авторы пишут, что: «усиление взаимодействия населения лесостепного Приобья со степным регионом, а скорее всего, и проникновение отдельных групп западного населения, следует отнести к VII в. до н.э., когда в материалах поселения Ближние Елбаны-I резко увеличивается число сосудов, орнаментированных валиком» (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005, с. 65). Думается, что этим временем и следует датировать валиковую керамику на Торопово-4.

Вид 2. Фрагмент горшка, с коротким, отогнутым венчиком с уплощенным срезом, орнаментированный по шейке рядом жемчужин без разделителей, а по шейке и венчику – рядами косых насечек (рис. 59, 1). Сходные экземпляры известны из материалов поселений переходного времени Инберень-5, Маяк и Красная Горка-1 (Членова Н.Л., 1994, рис. 5, 10; Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, рис. 7, 9; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1999, рис. 1, 15).

Вид 3. Сосуд с низким, отогнутым венчиком, украшенный резной линией по верхнему краю венчика и жемчужником с разделителями в форме полулунного оттиска угла пластины – по шейке (рис. 28, 432). Подобный орнамент известен из материалов поселения бийского типа Бийск-Скотобойня, датированного VII-VI вв. до н.э. (Фролов Я.В., 1999, рис. 2, 3, 4). Похожий сосуд есть и в Новосибирском Приобье, на поселении V-IV вв. до н.э. Батурино-2 (Троицкая Т.Н., Назарова О.Е., 1999, рис. 1, 9). Характерен такой орнамент для поселенческой посуды переходного времени (Маяк) и раннего железного века (Старочервово-2) Кузнецкой котловины (Членова Н.Л., 1994, рис. 50, 4; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1999, рис. 1, 2-6). Однако такие признаки, как короткий, отогнутый венчик сосуда (по

типологии Н.Л. Членовой сосуд имеет ирменско-большереченский профиль), крупные жемчужины и оттиски угла пластины свидетельствуют, скорее, о принадлежности сосуда к переходному времени от бронзы к железу.

Вид 4. Фрагмент слабо профилированного горшка или чаши (рис. 64, 13). Венчик орнаментирован оттисками косо поставленного мелкозубого гребенчатого штампа, шейка – жемчужником с разделителями в форме оттиска угла лопатки, плечо – четыремя прочерченными линиями. По орнаментации сосуд имеет аналогии только среди поселенческой керамики переходного времени Кузнецкой котловины (Глинка), Омского Прииртышья (Большой Лог-1), Барнаульско-Бийского Приобья (Ближние Елбаны, Усть-Аллак, МГК-1/3) и Новосибирского Приобья (Завьялово-5) (Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, рис. 4, 16; Членова Н.Л., 1994, рис. 1, 1; 20, 1; 39, 12; Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В., 2004, рис. 1, 6; 4, 4).

Вид 5. Фрагменты сосудов с низкими отогнутыми венчиками, орнаментированные по шейке или венчику рядом жемчужин без разделителей (рис. 29, 477; 59, 20, 21; 61, 25; 73, 1). Аналогии хорошо известны на поселениях Кузнецкой котловины (Лачиново, Курья-2, Маяк, Старочервово-2, Красная Горка-1), в материальном слое как переходного времени, так и раннего железного века (Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, рис. 3, 9, 14; 8, 2; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1999, рис. 1, 14, 16).

Вид 6. Фрагменты банок, орнаментированные по шейке или венчику рядом жемчужин с разделителями в форме треугольного оттиска лопатки (рис. 28, 469; 29, 472; 64, 16). Аналогичные сосуды известны на поселениях Кузнецкой котловины (Маяк, Аил) и Новосибирского Приобья (Ордынское-9, Ирмень-5), датируемых переходным временем и ранним железным веком (Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, рис. 6, 1, 3, 15; 7, 6; 8, 3, 4, 6; 10, 2; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, табл. IV, 15; VIII, 13).

Вид 7. Фрагмент сосуда, орнаментированный по венчику рядом жемчужин с разделителями в форме вертикальной насечки (рис. 51, 2). Близкие аналогии есть в материалах переходного времени таких поселений Кузнецкой котловины, как Маяк и Красная Горка-1 (Членова Н.Л., 1994, рис. 49, 8; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1999, рис. 1, 17).

Вид 8. Фрагмент банки, орнаментированный в верхней части рядом жемчужин и рядами лунок (рис. 62, 97). Подобные сосуды известны из материалов переходного времени и раннего железного века (Маяк, Курья-4А, Красулино-1, Старочервово-2) (Ширин Ю.В., 2004, рис. 3, 10; Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, рис. 4, 6; 5, 8; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1999, рис. 1, 2-6).

Вид 9. Фрагмент банки, орнаментированный в верхней части треугольными оттисками уголка лопатки (рис. 60, 67). Похожий фрагмент сосуда известен из поселения Люскус и датируется ранним железным веком (Бобров В.В., 1979, рис. 19, 2).

Вид 10. Фрагмент банки, орнаментированный в верхней части рядом ямок и треугольными оттисками уголка лопатки (рис. 62, 94). Точная аналогия известна в Новосибирском Приобье из материалов городища VII-VI вв. до н.э. Завьялово-1 (Троицкая Т.Н., 1972, рис. 1г).

Вид 11. Фрагмент банки, орнаментированный по венчику жемчужинами и прочерченными линиями, образующими зигзаг (рис. 17, 15). Сосуды с подобным орнаментом есть на поселениях переходного времени – Тайменка, Маяк и Мереть (Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, рис. 7, 7; 10, 8; Членова Н.Л., 1994, рис. 41, 10; 49, 15).

Вид 12. Фрагменты банки, орнаментированные по венчику жемчужинами, а также горизонтальными и вертикальными прочерченными линиями (рис. 61, 47; 64, 40). Точные аналогии нам не известны, однако сочетание жемчужин и горизонтальных прочерченных линий характерно именно для посуды переходного времени от бронзы к железу.

Фрагменты керамической посуды переходного времени от бронзы к железу и раннего железного века на комплексе поселений Торопово-4 были зафиксированы в ямах 11 и 16 (рис. 51, А, 2; 73, А, 1-6), что позволяет относить эти объекты к этому культурно-хронологическому комплексу археологических материалов.

Грунтовая яма 11 располагалась в квадрате **Ж12** в центральной части раскопа №1 2001 года (рис. 19В; 19Г; 51, А). Она представляла собой округлую грунтовую яму диаметром 0,62 м и глубиной 0,18 м, внешне напоминающую углубленный в материк очаг. Однако следов прокала в яме выявлено не было, но были зафиксированы 9 древесных угольков. Это позволяет предполагать, что в яме разводили огонь и периодически ее чистили. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 1 игральная кость (альчик), 1 орнаментированный фрагмент венчика керамического сосуда и 10 фрагментов костей животных (рис. 51, А, 1, 2). По форме и орнаментации венчика керамического сосуда (рис. 51, 2), найденного в яме 11 раскопа №1 2001 года, этот объект можно отнести к кругу древностей переходного периода от эпохи бронзы к эпохе железа. Близкие аналогии этому фрагменту керамики есть в материалах переходного времени таких поселений Кузнецкой котловины, как Маяк и Красная Горка-1 (Членова Н.Л., 1994, рис. 49, 8; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1999, рис. 1, 17).

Грунтовая яма 16 располагалась в квадратах **Л14** и **М14** в центральной части раскопа и представляла собой овальную грунтовую яму, длинной осью вытянутую по линии Ю-С и уходящую под северный край раскопа №1 2002 года (рис. 58В; 73, А). Поэтому она была раскопана лишь частично. В яме были зафиксированы следы воздействия огня и остатки зольника от кострища. Это позволяет предполагать, что это сооружение представляет собой углубленный в грунт очаг. При разборке заполнения и зачистке в яме были найдены 6 фрагментов керамической посуды и 31 фрагмент костей животных (рис. 73, А, 1-6). Фрагмент венчика сосуда с

низкими отогнутыми венчиками, который был орнаментирован по шейке рядом жемчужин без разделителей (рис. 73, б), имеет широкий круг аналогий на поселениях Кузнецкой котловины (Лачиново, Курья-2, Маяк, Старочервово-2, Красная Горка-1) в материалах, датируемых переходным временем от эпохи бронзы к эпохе железа и раннего железного века (Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, рис. 3, 9, 14; 8, 2; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1999, рис. 1, 14, 16; и др.). Это позволяет отнести этот объект к кругу древностей переходного периода от эпохи бронзы к эпохе железа или раннего железного века.

Обе грунтовые ямы относятся к типу ям для поддержания огня, что, вероятно, связано с культурной традицией имевшей место на памятнике в переходное время от бронзы к железу и раннем железном веке. На этом же основании к этому же культурно-хронологическому пласту можно отнести яму-кострище 4, расположенную в квадрате **314** в западной части раскопа №1 2002 года, несмотря на отсутствие в ней находок (рис. 58В; 66, Г).

Железный нож из второго слоя квадратов **Ж12** и **Ж13** раскопа №1 2001 года (рис. 31, 143, 144) по своим типологическим признакам на территории Кузнецкой котловины имеет ближайшие аналогии в материалах грунтового могильника Усть-Абинский фоминской археологической культуры II-IV вв. н.э. (Ширин Ю.В., 2003, с. 55, табл. LXI, 7; LXX, 18; XCVII, 35).

Не исключено, что к этому же культурно-хронологическому пласту относятся отдельные находки *фрагментов керамической посуды* из подъемных сборов 2000 и 2001 годов (рис. 6, 9; 18, 1), первого слоя в квадрате **Ж12** и второго слоя в квадратах **Е11**, **313**, **И12** и **Т13** (рис. 23, 162; 31, 139; 33, 190, 212; 38, 372) раскопа №1 2001 года. Эти артефакты внешне напоминают керамическую посуду, известную по материалам фоминской археологической культуры Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины начала I тыс. н.э. (Ширин Ю.В., 2003, с. 91-100). Необходимо отметить, что доля фоминских артефактов в общей массе незначительна, а объекты жизнедеятельности этого времени отсутствуют на все трех раскопах 2001 и 2002 годов.

В переходное время от бронзы к железу и эпоху раннего железного века, место расположения памятника Торопово-4, видимо, было востребовано дважды. Первый раз в переходное время от бронзы к раннему железному веку, не исключено, что с заходом в V в. до н.э., а второй раз уже накануне эпохи средневековья во II-IV вв. н.э. (фоминская археологическая культура). Стационарных жилищ этого времени не обнаружено, хотя 3 ямных очага были зафиксированы. Все они располагались на месте функционировавших ранее поселений, на левом высоком берегу р. Касьмы на мысовидной террасе близ устья сухого ручья (рис. 1, Б). В переходный период, вероятно, действовал небольшой стационарный поселок. Жилища представляли собой наземные срубные конструкции, отапливаемые углуб-

ленными в материк грунтовыми очагами. Для хозяйственных и производственных нужд могли использоваться грунтовые ямы. В фоминское время на том же месте проживал небольшой коллектив, вероятно, в небольшом хронологическом интервале.

4.3. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОБЪЕКТЫ И АРТЕФАКТЫ

Средневековые объекты и артефакты могут быть отнесены к двум хронологическим периодам этой эпохи – раннему и развитому средневековью. Они представлены предметами вооружения, одежды, труда и керамической посуды, а также поселениями, жилищами и грунтовыми хозяйственными ямами.

Костяной наконечник стрелы с ромбическим сечением и пазом удлиненно-треугольной формы, найденный в закрытом комплексе в заполнении жилища №1 раскопа №1 2001 года (рис. 41, 33), по аналогии из Кузнецкой котловины (городище Городок) может быть датирован концом I тыс. н.э. или X-XII вв. н.э. (Илюшин А.М., 2009, с. 23, рис. 2, 10; Ширин Ю.В., 2004б, с. 99).

Костяной наконечник стрелы с ромбическим сечением пера удлиненно-ромбической формы из второго слоя квадрата **O12** раскопа №1 2001 года (рис. 34, 243), на территории Кузнецкой котловины имеет аналогию в кургане №2 на могильнике Саратовка, который датируется X-XII вв. н.э. (Илюшин А.М., 1999, с. 51, рис. 11, 7; 2009, с. 23, рис. 2, 6).

Костяную пуговицу (застежку), найденную во втором слое квадрата **И6** раскопа №3 2001 года (рис. 55, 16), можно отнести к периоду развитого средневековья, как по всему комплексу находок на этом участке памятника, так и по аналогиям этому изделию на погребальных памятниках (Торопово-1, Беково и Конево) шандинской археологической культуры XI-XIV вв. н.э. в Кузнецкой котловине (Илюшин А.М., 1993, с. 39, рис. 52, 9-13; 1999а, с. 49, рис. 63, 2; 2005, табл. 18, 43; 2012, рис. 52, 4).

Отдельные находки *астрагалов* (игральные кости) на раскопе №1 в 2001 и 2002 годах могли использоваться в конце I и первой половине II тыс. н.э. В пользу этого предположения свидетельствуют факты находок таких изделий на датируемых в этих хронологических пределах археологических памятниках (Мостовая, Сапогово-2, Шабаново-3, Шабаново-5, Шабаново-10) в Кузнецкой котловине (Илюшин А.М., 1990, рис. 3, 10; 1997, с. 38, рис. 19, 2; 1998, рис. 11, 2-5; и др.).

Костяные проколки из жилища 1 (рис. 41, 35, 36) раскопа №1 2001 года являются культурными артефактами конца I тыс. н.э. В пользу этого свидетельствует практически весь комплекс находок из этого закрытого комплекса.

Каменные брусковидные точила из подъемных сборов 2001 года, первого слоя квадратов **З12**, **И12** и второго слоя квадратов **В9**, **Л13** раскопа

№1 2001 года (рис. 15, 77; 24, 226; 25, 295; 30, 33; 38, 377). Имеют широкий круг аналогий в материалах погребальных комплексов развитого средневековья XI-XIV вв. н.э. (Сапогово-1, Сапогово-2, Торопово-1, Мостовая, Коневы) в Касьминском археологическом микрорайоне и в Кузнецкой котловине (Илюшин А.М., 1990, рис. 2, 5; 1997, с. 38, рис. 18, 1; 2012, с. 45, рис. 47, 5; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996, с. 48, рис. 3, 7).

Коллекция средневековой *керамической посуды* на Торопово-4 зафиксирована как в подъемных сборах, так и на всех трех раскопах. По своим морфологическим характеристикам и орнаментации ее можно расчленить на три культурно-хронологических комплекса.

К первому комплексу относится раннесредневековая керамика V – первой половины VIII вв. н.э. Он представлен единичными артефактами, преимущественно круглодонными горшками с отогнутыми наружу венчиками, среди полевых сборов 2000 года (рис. 6, 9), в первом слое квадратов **Ж11** и **У11** (рис. 20, 76; 21, 83; 29, 520) и втором слое квадрата **313** (рис. 33, 199) раскопа №1 2001 года. Срез венчиков этой керамической посуды округлый, реже – плоский. Иногда венчик утолщен. Орнаментирована такая керамика рядом «жемчужин» по шейке, а также горизонтальными линиями и зигзагом, выполненными гребенчатым штампом. Срез венчиков такой посуды часто орнаментирован. Аналогии есть в раннесредневековых погребальных комплексах Кузнецкой котловины Юрты-2, Шабаново-1 и ранних комплексах Саратовки, датируемых концом V – первой половиной VIII вв. (Васютин А.С., 1997, рис. 4, 2, 4, 5; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1995, рис. 7, 1, 3; Илюшин А.М., 1999, рис. 25, 20, 21; 2005, с. 81-84).

Ко второму комплексу относится раннесредневековая керамика второй половины VIII-X вв. н.э. Он представлен преимущественно круглодонными горшками с отогнутыми наружу, прямыми и вогнутыми внутрь венчиками. Происходит из полевых сборов 1996, 2000-2002 годов (рис. 2, 14, 15; 6, 10; 8, 24; 13, 44; 17, 17), первого слоя в квадратах **Ж11**, **311**, **И13** и **У11** (рис. 20, 43, 44, 52, 60, 61, 64; 21, 91, 95, 96; 23, 172; 25, 306), второго слоя в квадратах **Е11**, **313**, **О12** и **Т13** (рис. 31, 118, 130; 33, 189; 34, 244, 245; 37, 359; 38, 375, 376), третьего слоя в квадрате **У14** (рис. 65, 70), в жилище 1 (рис. 40, 1-7; 41, 15-17, 23, 31; 42А, 29, 32), жилище 2 (рис. 42Б, 5) и жилище 4 (рис. 42-В, 3, 8) раскопа №1 в 2001 году. Срез венчиков этой керамической посуды округлый или плоский. Иногда венчик утолщен. Орнаментирована такая керамика рядом «жемчужин» (иногда двумя рядами) или ямок по шейке, а также горизонтальными линиями и зигзагом, выполненными гладким штампом. Срез венчиков такой посуды часто орнаментирован косыми насечками. Аналогии есть в раннесредневековых поселенческих и погребальных комплексах Кузнецкой котловины Курья-2, -4а, -7, Сосновка-3, Сапогово, Сапогово-1, Ваганово-1 и Саратовка, датируемых второй половиной VIII-X вв. (Окунева И.В., 1997, рис. 2, 6; 2, 8; 3, 1-3; Ва-

сютин А.С., 1997, рис. 6, 5, 8; Илюшин А.М. и др., 1992, рис. 23, 24; 24, 3; 25, 11; 34, 34; Илюшин А.М. и др., 1996, рис. 59, 1; Илюшин А.М., 1999, рис. 27, 10; Илюшин А.М., 2005, с. 84-90). К этому культурно-хронологическому пласту относится и керамика, орнаментированная рельефно-налепными остросереберными валиками (рис. 34, 244, 245). По наблюдению Ю.В. Ширина, средневековые поселения с керамикой валикового типа (Казанково-5, Подстрелка-1, Мундыбаш-1, Усть-Анзас-1, Ерунаково-3, Красулино-1, Васьково-1, Бардино-4, Кыргай-1, Глуховское) встречаются во всем Притомье и Горной Шории и датируются VIII-X вв. н.э., доживая, вероятно, до начала II тыс. (XI-XII вв. н.э.). Он считает, что у данной орнаментальной традиции отсутствуют местные истоки и практически нет преемственности в последующие эпохи. Истоки данной культурной традиции выводятся из Нижнего Приангарья и Красноярской лесостепи (Ширин Ю.В., 1997, с. 65-76; Ширин Ю.В., 1999, с. 26). Интересно, что комплекс поселений Торопово-4 является на данный момент самым западным памятником в Кузнецкой котловине, где выявлена посуда с рельефно-налепными остросереберными валиками. Он маркирует распространение населения лачиновской культуры по долине р. Ини и ее притокам. Вместе с тем, недавно выявлен еще один памятник, но уже в верхнем течении р. Чумыш (Алтайский край) – поселение Гробница-3. Он может свидетельствовать о проникновении лачиновского населения на территорию Верхнего Приобья (Ширин Ю.В., 2005, с. 207; рис. 1, 7, 8).

К третьему комплексу относится средневековая керамика, датируемая развитым средневековьем (XI-XIV вв. н.э.) или первой половиной II тыс. н.э. Он представлен преимущественно слабопрофилированными горшками и мисками из материалов полевых сборов 1996, 2001-2002 годов (рис. 2, 16-18; 12, 2, 11; 17, 26; 18А, 1, 2; 18Б, 1), в первом слое квадрата **312** (рис. 23, 214, 217, 218, 220; 24, 244, 261, 263), во втором слое квадратов **312** и **Т12** (рис. 32, 161, 162; 37, 346), яме 2 (рис. 45, 1), яме 3 (рис. 46, 1) и яме 10 (рис. 50, 1) раскопа №1 2001 года, третьем слое квадратов **Б11** и **В2** (рис. 53, 14-16, 46-48, 51) раскопа №2, втором слое квадратов **И4, И5, И6, И9, И10, 38, 310, Ж10, Е10, Д10, Г10, В10** (рис. 55, 3-5, 10, 15, 25-27, 30, 34-36, 40-44, 48, 53-57, 60, 70, 73, 74), третьем слое квадратов **И2, И3, И5, И8, 37** (рис. 56А, 1, 2, 15, 23, 25, 27, 28, 30, 36-39) и четвертом слое квадратов **И4** и **Ж10** (рис. 56Б, 1, 5) раскопа №3 2001 года.

Вся посуда этого культурно-хронологического комплекса лепная, круглодонная и преимущественно толстостенная. Срез венчика большинства сосудов был вывернут наружу и уплощен. По обрезу венчиков или их внешней кромке наносились ногтевые отпечатки, пальцевые вдавления, гладкие насечки, реже отпечатки печатной или пальчатой гребенки. Тулово сосудов орнаментировалось в зоне шейки ямками, редко рядами горизонтальной гребенки или наклонными насечками, образующими елочный узор. Иногда тулово не орнаментировалось вовсе. Аналогичная посуда на

территории Кузнецкой котловины известна на городищах Городок и Маяк, селищах Кузнецкий острог-2, Ильинка-5, Блиновское, Есауловское-2, могильниках Сапогово-1, Торопово-1, Сапогово-2 (Ширин Ю.В., 1992, рис. 3-6; Ширин Ю.В., 2004, рис. 2, 3; 5, 1, 10, 12, 14; 6, 2; Илюшин А.М. и др., 1996, рис. 11, 1, 2; Илюшин А.М., 1997, рис. 23, 2; 26, 2; Илюшин, 1999а, рис. 27, 5).

Из объектов жизнедеятельности эпохи средневековья фиксируется наличие нескольких жилищ, грунтовых ям и очагов.

Ко второму культурно-хронологическому пласту раннего средневековья (вторая половина VIII-X вв. н.э.) относятся жилища 1, 2 и 4 на раскопе №1 2001 года, в которых были зафиксированы закрытые комплексы артефактов, датируемые по находкам фрагментов керамической посуды (рис. 19В; 40, 1-7; 41, 15-17, 23, 31; 42А, 29, 32; 42Б, 5; 42В, 3, 8). Отсутствие очагов и малые размеры жилищ 2 и 4 позволяют предполагать, что эти полужемляные сооружения могли использоваться для хозяйственных нужд.

К развитому средневековью (XI-XIV вв. н.э.) по аналогиям орнаментированным фрагментам керамических сосудов можно отнести грунтовые хозяйственные ямы 2, 3 и 10, расположенные в квадратах **Ж13**, **З13**, **Л13**, **М13** и **Н13** в центральной части раскопа №1 2001 года (рис. 19В; 19Г; 45, А, 1; 46, А, 1; 50, А, 1).

Обобщая сведения о средневековом пласте археологических материалов на Торопово-4, сразу же обращаем внимание на то, что период раннего средневековья распадается на два самостоятельных культурно-хронологических комплекса. Материалы этих двух культурно-хронологических комплексов располагаются на том же месте, что и в предыдущие времена, на левом высоком берегу р. Касьмы на мысовидной террасе близ устья сухого ручья (рис. 1, Б). Это позволяет предполагать, что в период раннего средневековья поселение функционировало дважды через определенный интервал, величину которого можно оценивать в 100-200 лет. Поселения, судя по количеству материала, были небольшие. В конце I тыс. н.э., видимо, был стационарный поселок, где люди проживали в небольших полужемляных срубных жилищах.

Принципиально важным является то обстоятельство, что раскопы №2 и №3 2001 года являются однослойными и датируются развитым средневековьем – первой половиной II тыс. н.э. Культурный слой в этих раскопах залегает на достаточно низких точках и перекрыт более поздними отложениями ила, образовавшимися в позднее средневековье и в новое время. Это свидетельствует о том, что в период развитого средневековья произошло понижение уровня воды в реке. Это позволило населению проживать в легких переносных жилищах на обоих берегах, как на традиционно используемой высокой левобережной террасе, так и на пойменных террасах правого и левого берегов – напротив и близ устья сухой речки (рис. 1, Б). Площадь проживания значительно возросла. Вероятно, это был большой

4. Культурно-хронологический анализ археологических материалов

стационарный поселок, где кроме наземных жилищ были разнообразные хозяйственные постройки, сооруженные по такой же традиции. Отапливались жилища наземными очагами. Не исключено, что между берегами функционировал мост или переправа.

5. ТОРОПОВО-4 В КУЛЬТУРНОМ МИКРО- И МАКРОПРОСТРАНСТВЕ

Этот раздел монографии посвящен исследованию места, которое занимает комплекс поселений Торопово-4 в региональном и межрегиональном культурном пространстве. Культурная взаимосвязь артефактов и объектов жизнедеятельности будет рассматриваться на четырех пространственных величинах – Касьминский археологический микрорайон, Кузнецкая котловина, Верхнее Приобье, Западная и Средняя Сибирь. О том, что исследуемые материалы занимают свое определенное место в системе культурных ценностей этих территорий, указывают многочисленные аналогии, которые были выявлены при проведении сравнительно-исторического анализа для определения культурно-хронологических комплексов артефактов и объектов жизнедеятельности на комплексе поселений Торопово-4. Теперь выявленные на этом памятнике культурно-хронологические комплексы с разных позиций будут подвергнуты системному и историографическому анализу с целью изучения вопросов культурной динамики и причин, лежащих в ее основе.

5.1. КОМПЛЕКС ПОСЕЛЕНИЙ ТОРОПОВО-4 И КАСЬМИНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МИКРОРАЙОН

С 1988 года сначала Кузнецкий отряд Южно-Сибирской археологической экспедиции Кемеровского госуниверситета, а затем Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция (ККАЭЭ) сначала Кемеровского госуниверситета, а затем с 1998 года Кузбасского государственного технического университета каждый полевой сезон проводит систематические исследования по изучению древностей в долине р. Касьмы на территории Кузнецкой котловины. В 1994 году, основываясь на работах предшественников (А.Т. Кузнецова, Э.У. Эрдниев, А.И. Мартынов) и результатах собственных исследований, мы поставили вопрос о выделении Касьминского археологического микрорайона (АМК). Территориально этот АМК выделялся в пределах среднего и нижнего течения р. Касьмы, являющейся левым притоком р. Ини, а хронологический диапазон памятников, на тот момент, фиксировался с эпохи поздней бронзы до развитого средневековья (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1994, с. 39-43). За период с 1994 года и по настоящее время в этом АМК были открыты новые памятники, проведены аварийные раскопки на разрушаемых участках и объектах ранее известных археологических памятников. Это позволило рас-

ширить базу источников, их хронологию, сформировать представление о культурно-хронологической шкале древностей этого археологического микрорайона и обозначить его специфические черты в пределах культурного пространства Кузнецкой котловины (Илюшин А.М., 1997; 1997а, с. 153-162; 1998а, с. 23-28; 1999а; 2002а, с. 47-49; 2003а, с. 226-231; 2006, с. 208-211; 2009а, с. 50-55; 2010, с. 97-106; Илюшин А.М., Бутьян В.А., 2010, с. 175-184; Илюшин А.М., Гореев З.Ф., Рудаков А.Н., 1998, с. 29-31; 1998а, с. 5-14; Илюшин А.М., Иванова А.И., 2003, с. 222-223; 2004, с. 260-262; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1995, с. 36-43; 1996, с. 80-82; 1998, с. 110-112; 1998а, с. 15-53; 1998б, с.106-108; 2004, с. 44-48; 2005, с. 77-80; 2006, с. 6-14; 2009, с. 55-61; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А., 2001, с. 199-201; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1998, с.79-106; 2002, с. 67-72; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Мга В.В., 1998, с. 107-121; Ковалевский С.А., Илюшин А.М., 2006, с. 153-158; Мга В.В., 1997, с. 20-30; и др.).

За всю историю исследования Касьминского АМР в его границах было выявлено более 50 археологических памятников. На наиболее разрушаемых памятниках были проведены аварийные и плановые раскопки. В число полностью и частично раскопанных памятников входят: курганные могильники Сапогово, -1, Торопово-1, Шабаново, -1 и -4, курганные группы Шабаново-3, Мусохраново-1 и -3, одиночные курганы Сапогово-2, Шабаново-8 и -9, поселения Шаравинское, Красная горка, Мусохраново-6, Торопово-6, Шабаново-5, -6, -10 и комплекс поселений Торопово-4 и -7. Материалы этих раскопок полностью или частично введены в широкий научный оборот путем публикации сотрудниками ККАЭЭ четырех монографий и более двадцати статей в различных научных изданиях. Кроме этого практические и теоретические результаты исследований Касьминского АМР обсуждались на научных конференциях, организованных омскими коллегами, посвященных изучению практики и теории изучения археологических микрорайонов Западной Сибири и Северной Евразии (Татауров С.Ф. и др., 2011, с. 7). Знания, полученные на этих конференциях, и имеющийся опыт позволили нам в пределах Касьминского АМР наметить два куста (первый близ населенных пунктов Шабаново, Торопово и Мусохраново, а второй близ населенных пунктов Новопокасьма и Сапогово), отличающихся наибольшей концентрацией памятников в среднем и нижнем течении р. Касьмы, как две подсистемы единого природно-культурного явления. При изучении этого феномена вопрос об его возникновении напрямую сопряжен с существовавшей системой подпитки главной водной артерии археологического микрорайона р. Касьмы, многочисленными речушками, ручьями и родниками, а также наличием в этих кустах больших водоемов, наполняемых в периоды весенних разливов. Последние, вероятно, использовались для хозяйственных нужд, рыбной ловли и водопоя домашнего

скота, а небольшие речушки, ручьи и родники круглогодично выполняли функцию источников чистой питьевой воды для людей, селившихся здесь.

Из числа всех открытых и обследованных памятников в Касьминском АМР комплекс поселений Торопово-4 занимает особое место. Это был первый памятник, который был классифицирован как комплекс археологических поселений. Последнее обстоятельство легло в основу разработанной нами культурно-хронологической схемы Касьминского АМР (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 2009, с. 55-61), где материалы Торопово-4 занимают одну из ключевых позиций и имеют широкий круг аналогий с материалами других памятников долины среднего и нижнего течения р. Касьмы. Последнее позволяет наметить связи между археологическими памятниками Касьминского АМР и разными культурно-хронологическими комплексами из Торопово-4 и поставить вопрос о расшифровке этой информации на уровне моделирования взаимоотношений между конкретными этническими группами, проживавшими в этом регионе Кузнецкой котловины в различные исторические периоды.

Культурно-хронологический комплекс эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы, выявленный на Торопово-4, в Касьминском АМР имеет мало аналогий. Единичные каменные изделия, как правило, происходят из подъемных сборов и к конкретным археологическим памятникам долины р. Касьмы не привязаны. Чуть лучше обстоит дело с андроновскими материалами, отдельные фрагменты керамической посуды были зафиксированы при стационарных раскопках поселения Красная Горка-1 и при закладке шурфов на поселениях Торопово-7 и Сапогово-6 (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 110-112; Историко-культурное наследие..., 2007, с. 90). Отдельные фрагменты андроновской керамической посуды были зафиксированы в насыпях ирменских курганов могильника Сапогово-1 (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996). На такой малой базе археологических источников установить какие-либо связи в пределах Касьминского АМР практически невозможно. Можно лишь предполагать, что в эпоху энеолита и ранней бронзы эта территория была заселена частично, а в период развитой бронзы освоена андроновским населением полностью. Культурно-хронологический комплекс этого периода на Торопово-4 в настоящее время является самым большим в Касьминском АМР.

Период поздней бронзы в Касьминском АМР представлен большим количеством археологических памятников – курганных могильников (раскопаны Шабаново-1, -4, Сапогово-1) и поселений (раскопки, закладка шурфов и сбор подъемных материалов проводились на поселениях Красная Горка-1, Шаравинское, Торопово-4, -7, Мусохраново-6, -6А, Сапогово-4, -6 и Чкалово-2), которые отождествляются с ирменской археологической культурой (Историко-культурное наследие..., 2007; и др.). Среди раскопанных памятников этого периода Торопово-4 в Касьминском АМР занимает лидирующее положение по количеству выявленных артефактов,

относимых к ирменскому культурно-хронологическому комплексу. При этом наблюдается устойчивая культурная связь на уровне поддержания культурной традиции в технологии изготовления и орнаментации керамической посуды между всеми памятниками ирменской культуры Касьминского АМР. Вероятно, в этот период истории, культурно-хозяйственное освоение этническими группами ирменцев этой территории достигло максимально возможных пределов по уровню технологий периода поздней бронзы. Отмечается рациональное деление территорий, как между двумя кустами, которые впервые начинают отчетливо проявляться, так и всего Касьминского АМР в целом. Складывается впечатление, что в долине среднего и нижнего течения р. Касьмы в это время проживают две этнически и культурно близкие общины, поддерживающие родственные отношения и оберегающие свою культурно-природную среду.

Культурно-хронологический комплекс переходному времени от бронзы к железу (VII-VI вв. до н.э.) и раннему железному веку на Торопово-4 близких аналогий в Касьминском АМР не имеет, за исключением единичных фрагментов керамической посуды переходного времени на поселении Красная Горка-1. По сравнению с предшествующим историческим периодом налицо упадок культуры. Касьминский АМР не функционирует как единая природно-культурная территория, а используются лишь отдельные ее части, наиболее выгодные для проживания небольших этнических групп. Упадок фиксируется на протяжении всего раннего железного века вплоть до эпохи средневековья. В этот тысячелетний хронологический интервал в Касьминском АМР наряду с небольшой коллекцией артефактов на Торопово-4 попадают лишь единичные артефакты подъемных сборов и малочисленные материалы раскопок на поселениях Шабаново-6 и Шабаново-10, соотносимые с кругом древностей тагарской и кулайской археологических культур.

В эпоху средневековья в Касьминском АМР начинается новый цикл культурной динамики, который фиксируется в виде медленного волнообразного подъема в раннем средневековье (V-X вв. н.э.) и достигает своего пика в развитом средневековье (XI-XIV вв. н.э.), после чего вновь начинается культурный спад. Эта культурная динамика нашла свое отражение на Торопово-4, где эпоха средневековья представлены тремя культурно-хронологическими комплексами V – первой половины VIII вв. н.э., второй половины VIII-X вв. н.э. и первой половины II тыс. н.э. Самый ранний из них в Касьминском АМР имеет лишь единичные аналогии керамической посуде во впускном захоронении в ирменском кургане на Шабаново-1 (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1995), расположенном неподалеку от Торопово-4. Вероятно, население еще не воспринимает долину среднего и нижнего течения р. Касьмы как единое природно-культурное пространство. Культурно-хронологический комплекс последней четверти I тыс. н.э. уже имеет аналогии на поселении Торопово-7 и курганных могильниках Сапо-

гово, -1 (Илюшин А.М. и др., 1992; 1996), расположенных в разных кустах Касьминского АМР, но системности в расположении памятников еще нет. Фиксируются лишь единичные культурные связи на уровне артефактов. В развитии средневековье Касьминский АМР вновь приобретает системность, лишь внешне схожую с той, которая была в период поздней бронзы. Количество археологических памятников (поселений, погребально-поминальных и культовых комплексов) превышает два десятка наименований и достигает максимальных значений. Культурно-хозяйственное освоение территории ведется экстенсивно, небольшими этническими группами – носителями различных языковых и культурных традиций, находящимися в состоянии взаимной аккультурации. На этом фоне культурно-хронологический комплекс развитого средневековья на Торопово-4 воспринимается как место проживания большой этнической группы или крупный социально-экономический центр. По содержанию и внешнему облику этот культурно-хронологический пласт можно отождествлять с шандинской археологической культурой XI-XIV вв. н.э., носителями которой являлись тюркоязычные племена Восточного Дашт-и-Кыпчак (Илюшин А.М., 2005, с. 120-126).

5.2. ТОРОПОВО-4 В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЫ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Археологические материалы на комплексе поселений Торопово-4 представлены несколькими культурно-хронологическими комплексами находок и объектов жизнедеятельности. Насыщенность археологическими материалами выделенных нами культурно-хронологических комплексов не равнозначна. Проведенный анализ связей внутри микрокультурного пространства Касьминского АМР поставил вопросы об их наличии или отсутствии в региональном культурном пространстве Кузнецкой котловины и сопредельных с ней территориях Верхнего Приобья, Западной и Средней Сибири. Это обстоятельство заставляет расширить базу поиска культурных связей и дать оценку культурно-исторической ситуации в широком территориальном и хронологическом диапазоне для каждого из выделенных на Торопово-4 культурно-хронологического комплекса.

5.2.1. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПЕРИОД РАЗВИТОЙ БРОНЗЫ (АНДРОНОВСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ)

Культурно-хронологический анализ артефактов, проведенный нами в предыдущий главе, показал, что наиболее ранние материалы комплекса поселений Торопово-4 (каменные наконечники стрел, фрагмент лезвия ка-

менного кинжала, костяной наконечник стрелы) могут датироваться широко – от эпохи энеолита и до андроновской эпохи включительно. Причем наиболее ранняя керамическая посуда на поселении относится именно к андроновской эпохе. Это не исключает, что данное поселение использовалось для проживания в эпохи энеолита, ранней и развитой доандроновской бронзы. Однако достоверно известно, что Торопово-4 было освоено именно в андроновскую эпоху.

Во второй половине II тыс. до н.э. территория Кузнецкой котловины была освоена племенами андроновской культурно-исторической общности. К настоящему времени на территории Кузнецкой котловины исследованы преимущественно погребально-поминальные памятники андроновского населения. Как известно, андроновская культура была выделена в 1920-е гг. С.А. Теплоуховым (1927; 1928). Впоследствии специалисты выделили целый ряд взаимосвязанных культур, получивших название андроновской культурно-исторической общности (КИО). На территории Кузнецкой котловины исследование андроновских памятников началось в 1960-е годы. В 1961-1963 годах Ф.И. Александровым, М.Г. Елькиным был раскопан андроновский курганный могильник между селами Ур-Бедари и Дегтяревкой (Елькин М.Г., 1967, с. 89-95). На территории западной части Кузнецкой котловины (Тогучинский район Новосибирской области) В.А. Захом был частично раскопан могильник Заречное-1, в составе которого была исследована часть сепаратного андроновского детского кладбища (Зах В.А., 1986, с. 177-178; 1997, с. 13).

В последующие годы андроновские курганные могильники исследовались Кузбасским отрядом Южно-Сибирской археологической экспедиции КемГУ, под руководством В.В. Боброва. В 1984 и 1987 годах было раскопано 25 погребений у с. Титово Промышленновского района (Бобров В.В., 1986). Во второй половине 1980-х гг. было раскопано два кургана у с. Васьково и 2 кургана могильника Танай-1 (Бобров В.В., Кулемзин А.М., Новгородченкова И.В., 1988, с. 217-218; Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с. 5).

В 1990-е и 2000-е годы исследование андроновских курганов продолжилось на памятнике Танай-12 (Бобров В.В., Горяев В.С., 2000, с. 226-230; 2001, с. 240-243; 2003, с. 251-254; 2004, с. 189-193). Во второй половине 1990-х годов Гурьевский отряд ККАЭЭ под руководством А.М. Илюшина и В.А. Борисова исследовал и раскопал андроновский курганный могильник Чудиновка-1.

В меньшей степени на территории Кузнецкой котловины исследовались андроновские поселения. В большинстве случаев это были находки андроновской керамики, зафиксированные при изучении поселений других эпох. Так в 1966-1967 годах при раскопках поселения эпохи раннего средневековья на территории центральной усадьбы совхоза «Гурьевский» М.Г. Елькиным было обнаружено несколько фрагментов андроновской ке-

рамики (Елькин М.Г., 1974, с. 119-129). Сходная ситуация наблюдалась во время исследования поселения у пос. Школьный в Прокопьевском районе, где среди материалов самусьско-сейминской эпохи было найдено несколько десятков фрагментов андроновской посуды (Бобров В.В., Михайлов Ю.И., 1989, с. 5). Изучение андроновских поселений (преимущественно разведками) продолжилось в 1970-1980-е годы. Так В.В. Бобровым было открыто и обследовано поселение Лебеди-1 (Бобров В.В., 1990, с. 100; 1987, с. 70). В.В. Бобровым и Ю.И. Михайловым были осуществлены сборы и частично раскопано поселение Падунка-2 (Бобров В.В., Михайлов Ю.И., 1989, с. 6).

В Касьминском АМР андроновские материалы (преимущественно поселенческая керамика) были зафиксированы при обследовании поселений Красная Горка-1 и Сапогово-6 (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 110-112; Историко-культурное наследие..., 2007, с. 90). Встречена андроновская поселенческая керамика и в насыпях ирменских курганов могильника Сапогово-1 (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г., 1996).

Наиболее масштабные раскопки андроновских поселений были осуществлены в начале 1980-х годов В.А. Захом. На территории западной части Кузнецкой котловины (Тогучинский район Новосибирской области) специалистом были раскопаны поселения Куделька и Куделька-2. На однослойном поселении Куделька было вскрыто 630 кв. м площади и обнаружены котлован жилища и ямы. На двухслойном поселении Куделька-2 было вскрыто 290 кв. м площади (Зах В.А., 1986, с. 177-178; 1997, с. 13). В.А. Зах отмечает, что слабая изученность андроновских поселений на Верхней Оби объясняется их неправильным поиске. По его наблюдениям все андроновские поселения с долговременными жилищными комплексами находятся на низких гипсометрических отметках или перекрыты мощными аллювиальными отложениями, что и демонстрирует андроновское поселение Куделька. Фактически материалы Кудельки свидетельствуют о его долговременном оседлом характере при занятии населения скотоводством. Исследователь пишет, что, появившись в Приобье и Присалаирье, федоровцы (андроновцы) расселяются на этих территориях, занимая широкие и богатые травой поймы Оби и ее притоков (Зах В.А., 1997, с. 39-41). Авторы Свода археологических памятников Тогучинского района Новосибирской области считают, что зафиксированное В.А. Захом на поселении Куделька андроновское жилище является уникальным, а все остальные поселения, зафиксированные в Барабе, Приобье, Кузнецкой котловине и Среднем Енисее, были кратковременными со слабо выраженным культурным слоем, представленным преимущественно фрагментами посуды (Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., Колонцов С.В., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В., Соболев В.И., 2000, с. 81).

На основании изучения археологических материалов андроновского населения, населявшего Кузнецкую котловину, сегодня можно говорить о двух типах андроновских памятников (преимущественно погребально-поминальных), представленных на данной территории. Объяснений тому может быть несколько. Они могут принадлежать различным «волнам» андроновцев, различающихся как хронологически, так и этнически. Например, одна «волна» была представлена андроновцами-федоровцами, сохранившими традиционный обряд погребения (кремация на стороне) и традицию украшения керамических сосудов в нарядном «ковровом» стиле. Наиболее ярко данная традиция представлена в материалах курганного могильника Дегтяревка (Урский). Другая «волна» могла принадлежать уже смешанному населению, где сочетались традиции мигрантов (алакульско-федоровского населения) и местного аборигенного населения так называемой доандроновской бронзы (потомки елуинцев, кротовцев, самусьцев). Эта традиция хорошо прослеживается по материалам могильника Чудиновка-1. Другим объяснением разнородности андроновских памятников на ограниченной территории (порой разнотипные андроновские памятники находятся в одних и тех же микрорайонах) может быть внутреннее саморазвитие андроновской культуры, включающее неизбежную метисацию населения (Ковалевский С.А., 2006, с. 80-81). Материалы андроновских поселений, исследованных в Кузнецкой котловине, пока не позволяют делать далеко идущих выводов, поскольку малочисленны и слабо изучены. Можно лишь отметить, что поселенческие материалы дают как «нарядную» керамику, украшенную сложными меандровыми узорами, так и повседневную. Последняя категория представлена преимущественно сосудами баночной формы, украшенными простыми елочными узорами.

5.2.2. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (ПОСТАНДРОНОВСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ)

Несмотря на единичность фрагмента корчажкинского сосуда, зафиксированного на комплексе поселений Торопово-4, можно сделать вывод о том, что долина р. Касьмы входила в ареал расселения корчажкинского населения. Подтверждением этому является более представительное количество фрагментов корчажкинской посуды, зафиксированное на поселении Красная Горка-1, расположенном в долине нижнего течения р. Касьмы (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 110-112).

Корчажкинская археологическая культура была выделена для территории Барнаульско-Бийского Приобья Ю.Ф. Кирюшиным и А.Б. Шамшиным (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1987, с. 137-158). Для территории Новосибирского Приобья послеандроновские памятники А.В. Матвеевым были отнесены к переходному от андроновской к ирменской культуре ордын-

скому этапу и раннему быстровскому этапу ирменской культуры (Матвеев А.В., 1985).

На территории Кузнецкой котловины памятники андроновидной корчажкинской культуры были выделены и исследованы преимущественно Кузбасской археологической экспедицией под руководством В.В. Боброва (Бобров В.В., 1992, с. 16-17, 28, 35). Первоначально В.В. Бобров андроновидные материалы Кузнецкой котловины не атрибутировал с конкретной археологической культурой (Бобров В.В., 1985, с. 28-36). Однако впоследствии исследователь отнес их к корчажкинской культуре (Бобров В.В., 1992). В 1970-е – первой половине 1980-х годов изучением андроновидных памятников занимался В.А. Зах. Специалист исследовал ряд андроновидных памятников в Северном Присалаирье. В соответствии с периодизацией ирменской культуры, разработанной А.В. Матвеевым, он отнес исследованные памятники к переходному ордынскому этапу и раннему быстровскому этапу ирменской культуры (Зах В.А., 1997, с. 57-66). Разведки и изучение андроновидных корчажкинских памятников проводились также Ю.И. Михайловым, Ю.В. Шириным, А.М. Илюшиным и другими исследователями. К настоящему времени изучены поселения Танай-4, Танай-4а, Красная Горка-1, Саратовка-6 и Заречное-3, содержавшие материалы корчажкинской культуры (Бобров В.В., Касастикава Л.Ю., 1989; Бобров В.В., 1992, с. 16; Бобров В.В., Жаронкин В.Н., 1998; Бобров В.В., Умеренкова О.В., 1998; 1999; Бобров В.В. и др., 2006; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 110-112; Илюшин А.М. и др., 2001, с. 196-198; Зах В.А., 1997, с. 63-66). Исследованию подверглись и три могильника, содержащие корчажкинские погребения, – Танай-1, Танай-12 и Заречное-1 (Бобров В.В., 1995; Бобров В.В., Горяев В.С., 2000; 2004; Бобров В.В., Горяев В.С., Умеренкова О.В., 2002; Зах В.А., 1997, с. 62-63).

Среди исследованных корчажкинских поселений Кузнецкой котловины наиболее исследованными к настоящему времени являются Танай-4, Танай-4а, Саратовка-6 и Заречное-3.

Памятник Танай-4 был открыт в 1986 году В.В. Бобровым. С 1987 года памятник исследовался Кузбасским отрядом Южно-Сибирской археологической экспедиции под руководством В.В. Боброва. В 1990 году поселение исследовалось Ю.И. Михайловым. В ходе исследования выяснилось, что исследованные жилища и основной комплекс находок относятся к эпохам неолита-энеолита и поздней бронзы (корчажкинская культура). Культурный слой на площади и береговом склоне содержал материалы ранней бронзы (крохалевская культура), развитой (самусьская культура) и поздней бронзы (ирменская культура), раннего железа и средневековья (Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., Колонцов С.В., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В., Соболев В.И., 2000, с. 63-64). Материалы поселения частично опубликованы (Бобров В.В., Касастикава Л.Ю., 1989, с. 17-18; Бобров В.В., 1995, с. 36-38; Бобров В.В., Умеренкова О.В., 1998, с. 197-200; 1999, с. 263-

268; 2000, с. 241-244; 2010, с. 22-29). Как подчеркивают авторы раскопок поселения Танай-4, это единственный, полностью изученный памятник, содержащий остатки жилищ корчажкинской культуры. Среди исследованных сооружений специалистами отмечены не только остатки жилищ, но и сооружения культового характера, сооружения производственного и хозяйственного назначения (Бобров В.В., Умеренкова О.В., 2010, с. 22).

Другое поселение Танай-4а было открыто В.В. Бобровым в 1992 г. Начиная с 1995 года памятник исследовался Кузбасским отрядом Южно-Сибирской археологической экспедиции под руководством В.В. Боброва. Площадь его составила около 1500 кв. м. Памятник также оказался многослойным. Его культурный слой содержит материалы неолита-энеолита, ранней, развитой и поздней бронзы, среди которых есть и корчажкинские (Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., Колонцов С.В., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В., Соболев В.И., 2000, с. 63-64). Материалы поселения были также частично опубликованы (Бобров В.В., Жаронкин В.Н., 1998, с. 187-190; 2000, с. 237-240; 2001, с. 231-235).

Поселение Саратовка-6 было открыто и обследовано в 1960-х годах М.Г. Елькиным. В 1999 году поселение исследовалось Ю.В. Шириним, а в 2000 и 2003 годах – сотрудниками ККАЭЭ под руководством А.М. Илюшина. На поселении было заложено 4 раскопа. Общая площадь всех раскопов составила 420 кв. м. Материала раскопа №2 дали почти исключительно материалы корчажкинской культуры. Материалы раскопа №2 полностью опубликованы (Ковалевский С.А., Илюшин А.М., 2008, с. 18-32).

Поселение Заречное-3 было открыто и исследовано В.А. Захом во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. Раскопками вскрыто 180 кв. м. Выявлены хозяйственные ямы. На памятнике выявлены корчажкинские и ирменские материалы. Инвентарь представлен фрагментами керамической посуды, обломками каменных орудий (каменный пест, кремневый скребок, ножевидные пластины, глиняная льячка). В.А. Зах относит материалы к быстровскому этапу ирменской культуры (Зах В.А., 1997, с. 13-14). Кроме того, отдельные находки корчажкинской посуды известны на ирменских поселениях Присалаирья (Исток, Юрты-3, Красная Горка-1 и др.).

Таким образом, корчажкинские памятники локализуются на территории Кузнецкой котловины в предтаежных районах, прилегающих к Салаиру, преимущественно не распространяясь на лесостепную и степную ее части. Приуроченность корчажкинских памятников к предтаежным территориям Присалаирья объясняется комплексностью хозяйственно-культурного типа корчажкинцев, сочетавшего производящие и присваивающие формы.

Для сопредельной с Кузнецкой котловиной территории Верхнего Приобья барнаульские специалисты определили экологическую нишу существования корчажкинской культуры. Памятники этой культуры занима-

ли преимущественно территории правобережья Оби вдоль ленточных боров по берегам небольших старичных озер, проток, стариц, а также в устьях небольших рек (Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б., 1988, с. 138-142; Кирюшин Ю.Ф., 1992, с. 9; Шамшин А.Б., Цивцина О.А., 2001, с. 213-217). В.А. Могильников отмечал приуроченность в Верхнем Приобье еловских и корчажкинских памятников к правобережью Оби, полагая, что экологическая обстановка Приобского бора была благоприятна для ведения их комплексного хозяйства (Могильников В.А., 1988, с. 151-154).

Действительно, правобережье Оби и Присалаирье видятся на современном этапе изучения как территория обитания и хозяйственного природопользования населения корчажкинской культуры. Эта территория соответствует понятию «контактная зона», выделенному Ю.В. Шириным для юга Западной Сибири. Контактной зоной исследователь считает особый историко-культурный район, куда он относит подтаежную лесостепную полосу Западно-Сибирской равнины, приобские ленточные боры, гидроморфные ландшафты Оби и Томи, а также предгорья и низкогорья Северного Алтая и Кузнецко-Салаирской горной области. По его мнению, контактная зона отличалась полиэтничностью населения. Сюда стремились таежные группы. Здесь оседали экономически ослабевшие обитатели степей (Ширин Ю.В., 1997, с. 78-81). Объясняя культурную близость населения южных и северо-восточных предгорий Салаира, проживавшего здесь в раннем железном веке и раннем средневековье, Ю.В. Ширин опирается на этнографические данные. Согласно этим данным в новое время вокруг Салаирского кряжа традиционно проживали родственные этнические группы, для которых салаирская тайга была промысловой территорией. По его мнению, предгорья Салаира в эпоху железа представляли собой единую историко-культурную область (Ширин Ю.В., 2001, с. 305-306; 2005, с. 208). Думается, что данная модель хозяйственного освоения Присалаирья возникла еще в эпоху бронзы, что и подтверждают материалы корчажкинской культуры.

Происхождение корчажкинского населения В.В. Бобров связывает с процессом взаимодействия андроновцев с южносибирским населением носителем гребенчато-ямочной керамики (Бобров В.В., 1992, с. 28, 35). По мнению В.А. Заха, материалы ордынского типа формируются в Приобье и Присалаирье на основе федоровских при непосредственном участии гребенчато-ямочных (большеларьяжских) и крохалевских комплексов (Зах В.А., 1997, с. 63).

По материалам поселенческих и погребально-поминальных комплексов Присалаирья можно, на предварительном уровне, выделить несколько культурных компонентов, принявших участие в корчажкинском культурогенезе. Наиболее представительным является собственно *андроноидный корчажкинский компонент*. Выделяется нами по материалам корчажкин-

ских поселений Алтайского Приобья, где он представлен в наиболее «чистом» виде. В этот культурно-хронологический компонент входит керамическая посуда, преимущественно орнаментированная сочетаниями косопо-ставленных гребенчатых или резных линий, а также косых сеток с ямками. Орнаментальные пояса, разделенные рядами ямок, зачастую украшают со-суды целиком, включая дно. В.А. Зах считает, что орнаментация такой по-суды восходит к гребенчато-ямочному компоненту большеларьякской культуры (Зах В.А., 1997, с. 65).

Андроновский компонент представлен преимущественно так называе-мой ритуальной посудой. Такая посуда наиболее характерна для погре-бальных комплексов, но встречается и на поселениях. Для такой посуды характерно использование орнаментальных элементов и мотивов, восхо-дящих к андроновской традиции (каннелюры, треугольники, состоящие из вертикальных или каплевидных насечек, косые взаимопроникающие тре-угольники, треугольники вершинами вверх, меандр и др.).

Значимым является и *ирменский компонент*. В материалах ряда иссле-дованных корчажкинских поселений присутствует ирменская керамика, зачастую содержащая в орнаментации отдельные корчажкинские признаки. Данную керамику от классической ирменской отличают такие признаки, как утолщение венчика (воротничок), ряды косых насечек по тулову, ряды ямок с разделителями по шейке и тулову, неорнаментированный венчик, несколько рядов сетки по плечу. При ближайшем рассмотрении такую керамику можно назвать «смешанной» ирменско-корчажкинской. Она встречается в тех районах, где ирменское население контактировало с еловским, сузгунским и корчажкинским населением. Нам представляется, что наличие в материалах корчажкинских памятников посуды, орнамен-тированной в ирменской манере, может свидетельствовать о периоде со-существования корчажкинской и ирменской культур на территории северо-восточного и северного Присалаирья. В.В. Бобров и В.Н. Жаронкин, ис-следовавшие корчажкинское поселение Танай-4, тоже допускают сосуще-ствование на определенном промежутке времени этих культур. Это под-тверждается одновременным нахождением в некоторых ямах сооружения №30 керамики (включая венчики) обеих культур (Бобров В.В., Жаронкин В.Н., 2000, с. 238-239). В меньшей степени ощущается влияние *саргарин-ско-алексеевского и лугавского компонентов*, что объясняется удаленно-стью территорий распространения этих культурных образований. Немно-гочисленная посуда, вызывающая саргаринско-алексеевские ассоциации, представлена фрагментами слабопрофилированных сосудов с «воротнич-ками», орнаментированными елочными узорами и «гладкими» треуголь-никами, обрамленными насечками. Поверхность таких сосудов была пред-варительно ошершавлена, что связывается с влиянием степных культур. Наибольшее распространение «воротничковой» керамики связано с древ-ностями саргаринско-алексеевской культуры, распространенной на терри-

тории Степного Алтая и Северо-Восточного Казахстана. Проникновение степного населения ощущалось и в более позднее время, что подтверждается наличием немногочисленной посуды с валиками донгальского типа на ирменских поселениях Кузнецкой котловины (Ковалевский С.А., 2006, с. 234-239).

Лугавский компонент представлен фрагментами горшка с поселения Саратовка-6. Венчик и шейку сосуда украшали широкие каннелюры, поверхность которых были нанесены насечки. Венчик был украшен сплошным рядом вертикальных насечек. На шейке насечки располагались группами, иногда образуя «елочный» узор. Сосуды с похожей орнаментальной схемой использовало население лугавской культуры, проживавшее на территории Минусинских котловин, но проникавшее и на территорию Мариинско-Ачинской лесостепи и Притомья. Проникновение групп карасукского и лугавского населения на территорию Кузнецкой котловины имело место на протяжении всего позднего бронзового века, что отмечается в поселенческих и погребально-поминальных комплексах.

5.2.3. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПЕРИОД ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ (ИРМЕНСКАЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ)

Ирменская археологическая культура (в нашем понимании культурно-историческая общность) была выделена Н.Л. Членовой еще в 1955 году на основании поселенческих материалов позднего бронзового века Западной и Средней Сибири (Ирмень-1, Большой Лог, Каинское, Каменка, Самусь, Басандайка, Кузнецк, находки у д. Осинцевой и с горы Изых) (Членова Н.Л., 1955, с. 55). Начало изучения памятников ирменской культурно-исторической общности на территории Кузнецко-Салаирского региона (в пределах Кузнецкой котловины) связано с деятельностью организатора археологической науки в Кузбассе А.И. Мартынова, бывшего в те годы директором Кемеровского областного краеведческого музея. В 1958-1959 годах А.И. Мартынов провел археологическую разведку в Кузнецкой котловине (преимущественно в долине р. Ини и по ее притокам) с целью выявления новых археологических памятников. В ходе проведенных исследований А.И. Мартынова было открыто более 20 курганных могильников. Выборочно им были раскопаны курганы эпохи поздней бронзы у сел Иваново-Родионово, Пьяново и Тарасово. В раскопанных курганах было зафиксировано 49 погребений эпохи поздней бронзы. В 1964 и 1966 годах А.И. Мартынов ввел в научный оборот информацию об исследованиях Пьяновского, Иваново-Родионовского и Тарасовского курганных могильников, расположенных в среднем течении р. Ини на территории Кузнецкой котловины. Им был сделан вывод о том, что их следует отнести к инскому варианту карасукской культуры и датировать ранним периодом ее существования на основании

того, что вся посуда этих могильников относится к раннему гладкостенному типу (согласно схеме периодизации, предложенной М.П. Грязновым) (Мартынов А.И., 1964, с. 31-33; Мартынов А.И., 1966, с. 164-182). Долгое время погребальные памятники оставались единственным источником по истории эпохи поздней бронзы Кузнецкой котловины.

Изучение поселений ирменской культурно-исторической общности на территории Кузнецкой котловины началось только в 1970-е годы. В ходе археологических разведок, проведенных в северной части Присалаирья (в Тогучинском районе Новосибирской области) в разные годы В.В. Бобровым, В.С. Горяевым, С.В. Глинским, Т.А. Журба, В.А. Захом, А.М. Павловым, Т.Н. Троицкой, было открыто около 18 ирменских памятников (Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., Колонцов С.В., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В., Соболев В.И., 2000).

Целенаправленно их изучением в это время занимался новосибирский ученый В.А. Зах. С 1974 по 1984 год он проводил на этой территории широкомасштабные разведки и раскопки памятников эпохи неолита и бронзы. Им были открыты такие ирменские памятники, как Заречное-3, -3а, Златоуст-1, Куделька-2, Гришкина Рыбалка, Изылы-1, Иня-8, Линево-1, -5, Родниковое (Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И., 1980, с. 116; Зах В.А., 1986, с. 94-95; Зах В.А., 1997, с. 13-16, 19; Бобров В.В. и др., 2000, с. 33). Некоторые из них раскапывались (Куделька-2, Заречное-3, Линево-1). На поселениях Куделька-2 и Линево-1 были впервые для данного региона исследованы ирменские жилища.

На территории Кузнецкой котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи исследования памятников эпохи поздней бронзы в исследуемый период осуществлял Кузбасский отряд Южно-Сибирской археологической экспедиции КемГУ, возглавляемый В.В. Бобровым. С 1976 года Кузбасский отряд начинает систематические исследования в Кузнецкой котловине. В ходе археологических разведок, проведенных в 1970-1980-х годах кузбасскими исследователями (В.В. Бобровым, Ю.М. Бородкиным, В.Н. Добжанским, С.В. Маркиным и др.), стал известен целый ряд памятников, содержащих ирменские материалы. В Верхнем и Среднем Притомье были открыты поселения Сухово, Куртуково-1, Казанково-3, Кузедеево-4, городище Люскус. В центральной и западной части Кузнецкой котловины был выявлен целый ряд ирменских поселений (Васьково-1, -2, Портнягино, Промышленная-1, -2, Тарасово-1, Титово-3, Лебеди-1, -4, Усть-Каменка-2 и др.). По подсчетам В.В. Боброва, в ходе археологических разведок на территории Кузнецкой котловины было открыто около 30 поселений, содержащих ирменскую керамику. Однако значительных исследований этих поселений не проводилось. В 1982-1983 годах небольшие по масштабам работы были проведены В.Н. Добжанским на поселении Лебеди-4 и В.В. Бобровым на поселении Лебеди-1 (Бобров В.В., 1990, с. 99-100).

Первым крупным исследованным объектом стало городище Люскус, расположенное на правом берегу р. Томи, в устье р. Люскус. Памятник осматривался и исследовался в 1971-1975 годах А.И. Мартыновым, А.В. Циркиным, Г.А. Максименковым (Бобров В.В., Бородкин Ю.М., 1979; Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М., 1989). В 1976-1978 годах В.В. Бобровым на городище были проведены значительные раскопки (более 300 кв. м). Это было первое раскопанное городище эпохи поздней бронзы на территории Среднего Притомья, к тому же не содержащее инокультурных наслоений (Бобров В.В., 1979, с. 47-59; 2011, с. 65-68).

Исследование ирменских поселений продолжилось и в последующие десятилетия. Со второй половины 1980-х годов экспедиция КЛАиЭ КемГУ и ИАЭ СО РАН под руководством В.В. Боброва проводила исследования памятников эпохи бронзы в Танайском археологическом микрорайоне (АМР). Преимущественно раскапывались погребально-поминальные памятники различных эпох. Однако на территории этого же АМР в конце 1980-х – 1990-е годы началось изучение разновременных поселений Танай-4 и -4а. Часть материалов данных поселений была атрибутирована специалистами как ирменская (Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., Колонцов С.В., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В., Соболев В.И., 2000, с. 63-64; Бобров В.В., Касастика Л.Ю., 1989, с. 17-18; с. 36-38; Бобров В.В., 1995, с. 36-38; Бобров В.В., Умеренкова О.В., 1998, с. 197-200; 1999, с. 263-268; 2000, с. 241-244; 2010, с. 22-29; Бобров В.В., Жаронкин В.Н., 1998, с. 187-190; 2000, с. 237-240; 2001, с. 231-235). Вместе с тем, ирменские материалы на памятнике немногочисленны и представлены преимущественно фрагментами керамической посуды.

Однако исследованные поселения дали не столь количественно значимые ирменские материалы. В начале 2000-х гг. активные полевые исследования были проведены на другом поселении Исток, содержащем более репрезентативные ирменские материалы. Поселение было исследовано Кузбасской археологической экспедицией под руководством В.В. Боброва в 2005-2006 годах. Вскрыто 2 850 кв. м площади. Были исследованы зольник, 2 жилища, 47 объектов хозяйственного назначения, 9 погребений и культовое место. Материалы памятника относятся к нескольким культурно-хронологическим слоям: эпохе поздней бронзы, переходному времени от бронзы к железу, раннему железному веку и средневековью. Большая часть исследованных объектов (два жилища, основная часть материала зольника, большинство хозяйственных ям) и артефактов относится к ирменскому времени (Бобров В.В., Фрибус А.В., Марочкин А.Г., Соколов П.Г., Баштанник С.В., 2006, с. 274-279; Бобров В.В., 2010, с. 30-38). В настоящее время ведутся работы на других ирменских поселениях Медынино-I (Соколов П.Г., Савельева А.С., Фрибус А.В., 2009, с. 321-324) и Долгая-I (Бобров В.В., Ковтун И.В., Марочкин А.Г., 2009, с. 214-219; Марочкин А.Г., 2009, с. 86-91; Бобров В.В., Марочкин А.Г., 2010, с. 149-153).

Параллельно с Кузбасской археологической экспедицией изучением памятников эпохи бронзы на территории Кузнецкой котловины занималась также ККАЭЭ, руководимая А.М. Илюшиным. Сотрудники ККАЭЭ (А.М. Илюшин, В.А. Борисов, М.Г. Сулейменов, С.А. Ковалевский, В.С. Роговских, А.Н. Герасимов и др.) открыли, картографировали и исследовали погребальные и поселенческие памятники различных эпох, среди которых изучались и ирменские поселения в пределах двух археологических микрорайонов – Касьминского и Урского.

Наиболее насыщенным ирменскими археологическими памятниками является Касьминский АМР. История его исследования, а также отдельные аспекты изучения данного АМР были приведены в специальных статьях (Ковалевский С.А., 1998а, с. 31-33; 1998б, с. 106-108; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 2005, с. 77-80). Изучение памятников эпохи бронзы в Касьминском АМР, выделенном А.М. Илюшиным и М.Г. Сулейменовым в середине 1990-х годов в долине р. Касьмы (левый приток р. Ини на территории Кузнецкой котловины) (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1994, с. 39-43), началось во второй половине 1980-х годов и продолжается по настоящее время. В ходе археологических разведок, проводимых в эти годы, сотрудниками ККАЭЭ к эпохе поздней бронзы были отнесены поселения Красная Горка-1, Шаравинское, Торопово-4. В этом же Касьминском археологическом микрорайоне в результате разведки, проведенной Ю.В. Шириным в 2000 году, был выявлен целый ряд ранее неизвестных ирменских поселений (Мусохраново-6, Сапогово-4, -6, Торопово-7, Чкалово-2) (Историко-культурное наследие..., 2007).

Наиболее значительные работы были проведены на поселениях Красная Горка-1 и Торопово-4. В 1995 году на поселении Красная Горка-1 было исследовано одно крупное жилище, являвшееся по конструкции полуземлянкой подчетырехугольной формы, и межжилищное пространство (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 110-112). В 2001-2002 годах сотрудниками ККАЭЭ было исследовано многослойное поселение Торопово-4, содержащее многочисленные ирменские материалы и разрушенные жилища (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А., 2001б, с. 199-201; Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 2004, с. 44-48; Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Мга В.В., 1998, с. 107-121; Ковалевский С.А., Илюшин А.М., 2006, с. 6-14; Мга В.В., 1997, с. 20-30). В результате исследований было выяснено, что поселение Красная Горка-1 являлось крупным стационарным поселком с достаточно мощным культурным слоем и большими каркасно-столбовыми жилищами-полуземлянками, предназначенными для проживания и стойлового содержания животных в зимнее время (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1998, с. 110-112). Поселение Торопово-4, вероятно, выполняло роль сезонного поселка с небольшими жилищами, слабо углубленными в материк (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А., 2001, с. 199-201).

В Урском АМР зафиксированы пока только два объекта эпохи поздней бронзы – ирменское поселение Саратовка-5 и корчажкинское – Саратовка-6. Стационарные исследования проводились в 2000 и 2003 годах только на поселении Саратовка-6. Материалы раскопок, содержащие корчажкинские и синкретичные ирменско-корчажкинские материалы, опубликованы (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А., 2001а, с. 196-198; 2001в, с. 20-28; Ковалевский С.А., Илюшин А.М., 2008, с. 18-32).

В 1990-е годы – начале XXI века на юго-востоке Кузнецкой котловины в Томь-Кондомском предгорном районе планомерные разведки археологических памятников проводила археологическая экспедиция музея «Кузнецкая крепость», возглавляемая Ю.В. Шириным. Разведками был выявлен целый ряд ирменских поселений (Артышта-6, Бурлаки-1, Пашкино-1, Верх-Чумыш-4, Аба-1, Малиновое-1, Прорва-2). Однако небольшой раскоп был заложен только на поселении Аба-1 (Ширин Ю.В., 2004б, с. 170-184).

К настоящему времени полевые исследования археологических памятников эпохи поздней бронзы на территории Кузнецко-Салаирского региона сведены к минимуму. Однако за более чем полувековой период изучения памятников эпохи поздней бронзы на территории Кузнецко-Салаирского региона был накоплен достаточно репрезентативный источниковый фонд. В него входят материалы исследованных поселений и курганных могильников. Всего различными исследователями было разведано более 60 ирменских поселений. Стационарные исследования были проведены лишь на некоторых (Люскус, Лебеди-1, Куделька-2, Заречное-3, Линево-1, Танай-4 и 4а, Исток, Медынино-1, Аба-1, Красная Горка-1, Таропово-4).

Ирменские поселения неравнозначны в количественном и качественном отношении. Известны как крупные, стационарные поселения ирменской культурно-исторической общности, так и сезонные поселения и стоянки. Ирменские поселения «привязаны» к гидрографической системе Кузнецкой котловины, которая является составной частью Верхней Оби. На территории Кузнецкой котловины находятся истоки трех крупных правых притоков р. Оби – р. Чумыш, Томи и Ини. Ирменские памятники исследованы в долинах всех трех рек. Однако наибольшая их концентрация наблюдается в долинах р. Томи и Ини. Рассмотрение особенностей этих памятников позволяет выделить две территориальные группы – инскую и томскую.

Инская группа памятников. Река Иня является важной водной артерией Кузнецкой котловины. Она берет свое начало в центральной части Кузнецкой котловины, с Тарадановского увала и протекает преимущественно в западной части. Главные ее притоки: р. Бачат, Ур, Касьма и Тарсьма, берут свое начало в горах Салаирского кряжа. Эта река имеет типичные черты старости: медленное течение и большую ширину

долины. Кроме этих рек, на территории котловины имеется много мелких рек, ручьев и озер, но в гидросистеме этого региона они играют не такую большую роль. Долины всех рек широкие, изобилующие системами озер и заболоченными участками, как правило, богатые луговыми травами (Атлас Кемеровской..., 1996, с. 11).

В долине р. Ини и на ее притоках сосредоточено наибольшее количество ирменских памятников. Немало их насчитывается в долине р. Касьмы (в среднем и нижнем течении). Это связано, прежде всего, с систематическими исследованиями памятников Касьминского АМР, которые проводятся на протяжении более чем 20 лет. Поселения Красная Горка-1 и Торопово-4 были исследованы значительными площадями. В результате был получен достаточно репрезентативный фонд археологических источников по ирменской культурно-исторической общности долины р. Касьмы.

На других притоках р. Ини ирменских памятников выявлено не так много. Так в среднем течении р. Ур было открыто лишь одно ирменское поселение – Саратовка-5. Единичны ирменские поселения на Большом Бачате (Артышта-6, Шестаки-2), Тарсьме (Тарасово-1, Юрты-3), Изылы (Изылы-1). Наибольшее количество ирменских поселений (около 26) приурочено к долине самой р. Ини. Среди них выделяются как крупные стационарные поселки, так и сезонные стоянки. Несмотря на это исследованность ирменских поселений нельзя признать достаточной. Как правило, они изучены разведками, сборами и небольшими раскопками. Среди них наиболее исследованными являются поселения Куделька-2, Иня-9 (Ясашный Луг), Линево-1 (Зах В.А., 1997, с. 13-19, 66-67).

Концентрация ирменских поселений в долине р. Ини объясняется, на наш взгляд тремя основными причинами. Во-первых, долина р. Ини хорошо исследована археологами. Здесь неоднократно проводили разведки и систематические исследования археологических памятников У.Э. Эрдниева, А.И. Мартынова, В.В. Боброва, Ю.И. Михайлова, В.А. Заха и др. Во-вторых, долина р. Ини в древности представляла собой важную транспортную артерию, связывающую две части ирменского мира – Верхнее Приобье и Кузнецкую котловину. В-третьих, долина р. Ини с ее обширными луговыми террасами, используемыми до настоящего времени для покосов и выпасов скота, являлась удобной территорией для ведения животноводческого хозяйства.

Гораздо в меньшей степени известны в долине р. Ини погребально-поминальные комплексы ирменцев (Титовский, Васьково-5, Заречное-1). Часть их расположена на возвышенных надпойменных террасах левых притоков Ини – Камышлы (Иваново-Родионово), Тарсьмы (Пьяново, Тарасово), Касьмы (Шабаново-1, -4, Сапогово-1), Истока (Ваганово-2). Титовский могильник был изучен полностью (Савинов Д.Г., Бобров В.В., 1978; 1981). Значительные исследования были проведены и на могильнике Заречное-1 (Зах В.А., 1997, с. 72-86). Наибольшая концентрация погребаль-

но-поминальных комплексов эпохи развитой и поздней бронзы на территории Кузнецкой котловины наблюдается в долине оз. Танай, где был выделен Танайский АМР (Бобров В.В., 1994). Памятники Танайского АМР были исследованы сотрудниками Кузбасской археологической экспедиции под руководством В.В. Боброва. Здесь изучено, в разной степени, шесть ирменских курганных могильников (Журавлево-1, -3, -4, -5, Танай-2, -7), не считая впускных ирменских погребений в курганы других эпох (Танай-1, -12). Наиболее крупными среди исследованных могильников являются Журавлево-4 и Танай-7. Материалы этих некрополей введены в научный оборот (Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993; Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П., 2004). Все остальные раскопанные могильники были небольшими. Из них опубликованы только материалы могильника Журавлево-1 (Бобров В.В., 1996). Вместе с тем в Танайском археологическом микрорайоне, насыщенном погребально-поминальными комплексами ирменского времени, известно лишь одно крупное ирменское поселение на р. Исток (Бобров В.В. и др., 2006, с. 274-279). Другие же крупные поселенческие комплексы, исследованные здесь (Танай-4, Танай-4а), содержат лишь немногочисленные следы присутствия ирменского населения (Бобров В.В., Жаронкин В.Н., 2000, с. 237-240).

Инская группа ирменских памятников расположена в районах, прилегающих к восточному и северному Присалаирью. Территориально она тяготеет к Верхнему Приобью, с которым связана долиной р. Ини. Многочисленность памятников инской группы, наличие мощных долговременных поселений, больших некрополей говорит о том, что эта территория наряду с Верхним Приобьем, была одним из основных центров ирменского мира. Исследованные на данной территории памятники андроновской культурно-исторической общности и корчажкинской культуры позволяют актуализировать вопрос о территории формирования ирменской культурно-исторической общности.

Томская группа памятников. Часть ирменских поселений Кузнецкой котловины была открыта и изучена в долине р. Томи и на ее притоках. Достаточно долго единственным ирменским поселением, исследованным на этой территории, было городище Люскус, раскопанное в 1970-е годы Кузбасским отрядом Южно-Сибирской археологической экспедиции под руководством В.В. Боброва (Бобров В.В., 1979, с. 47-59). Лишь начиная с 1990-х годов в результате планомерных разведок и раскопок археологических памятников юга Кузнецкой котловины экспедицией историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» под руководством Ю.В. Ширина был выявлен целый ряд ирменских поселений (Ширин Ю.В., 2004а, с. 170-184). Ирменские поселения среднего Притомья были зафиксированы только в его левобережной остепненной части (исключением пока остается только городище Люскус), преимущественно в долинах небольших притоков.

По наблюдению Ю.В. Ширина, ирменские поселения, исследованные в южной части Кузнецкой котловины, тяготеют к наиболее остепненным ландшафтам. Исследователь фактически выделил два типа ирменских поселений. Поселения первого типа преимущественно располагались в широких долинах притоков второго и третьего порядков, где поселенческие площадки располагались на прислоненных террасах с южной экспозицией вблизи крупных родников. Для таких поселений характерны долговременные постройки с очагами и немного заглубленные в землю, а также мощные зольники. Поселения второго типа представляют собой временные стоянки с единичными находками, которые располагались на открытых площадках – как на притоках, так и в поймах крупных рек (Ширин Ю.В., 2004а, с. 174).

Приуроченность ирменских поселений к левобережью р. Томи, вероятно, связана с тем, что эта территория находилась на границе природных зон и была удобна для ведения комплексного хозяйства, сочетающего производящие и присваивающие формы. Долины рек и остепненные территории Томь-Кондомских предгорий были удобны для ведения производящего хозяйства. Речная сеть была богата рыбой. Неподалеку находились горнотаежные массивы Кузнецкого Алатау и Горной Шории, удобные для ведения присваивающих форм хозяйства. Кроме того, выгодное географическое расположение ирменских поселений давало возможность для ведения торгово-обменных операций с населением горнотаежных районов Горной Шории, Кузнецкого Алатау и более удаленных территорий. Так, археологически фиксируются связи ирменцев Притомья (поселения Аба-1, Красулино-5, Прорва-2) с населением лугавской культуры Минусинской котловины.

Периферийное положение ирменских поселений среднего Притомья на восточных и юго-восточных рубежах ирменского мира, с одной стороны изолированных горнотаежными массивами, а с другой находящихся в зоне контакта культур ЭПБ Западной и Средней Сибири, позволяет актуализировать вопрос об их хронологии и определенной культурно-территориальной специфике. Не случайно именно на этой территории к настоящему времени выявлено уже достаточно представительное количество памятников переходного времени от бронзы к железу и раннего железного века (Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, с. 3-24; Ширин Ю.В., 2004а, с. 174-184; Ширин Ю.В., 2004б, с. 5-40). И, вместе с тем, на территории центральной и западной части Кузнецкой котловины, несмотря на многолетние работы здесь археологов, памятники этих исторических периодов единичны (Зах В.А., 1986, с. 94-95; Бобров В.В. и др., 2006, с. 274-279; Ковалевский С.А., Илюшин А.М., 2006, с. 6-14). По мнению Ю.В. Ширина, исследованные на юге Кузнецкой котловины позднеирменские памятники позволяют проследить постепенное оседание степного населения в предгорной зоне с переходом от специализированного скотоводства степного типа к ком-

плексному сезонно и ландшафтно обусловленному типу хозяйства с увеличением доли присваивающей экономики (Ширина Ю.В., 2004, с. 184).

Территория Среднего Притомья, вероятно, не была территорией, где шло формирование ирменской культуры. В пользу этого предположения говорит отсутствие здесь андроновских и андронидных памятников. Это позволяет предполагать, что ирменское население освоило Томь-Кондомские предгорья на финальной стадии периода поздней бронзы. Одной из причин этого, возможно, стал экологический кризис, заставивший ирменское население искать сначала альтернативные ресурсы для существования, а впоследствии и переориентировать свой хозяйственно-культурный тип, что привело к формированию памятников так называемого позднеирменского типа. Интересно, что похожие процессы шли и на территории Верхнего Приобья, где в финале ЭПБ наблюдается оседание потомков ирменского и смешанного ирменско-корчажкинского населения в северных предгорьях Алтая, в междуречье Бии и Катуня. Следовательно, можно предположить, что ирменские поселения Томь-Кондомских предгорий должны занимать более позднюю хронологическую позицию по отношению к памятникам Кузнецкой котловины.

Существенным фактором, повлиявшим на процесс трансформации хозяйственной деятельности ирменского населения в Притомье, Ю.В. Ширин считает лугавский компонент, выявляемый в составе ирменских комплексов (Ширина Ю.В., 2004, с. 184). Фактически исследователь признает роль лугавского населения в процессе формирования на территории Притомья культурного образования переходного времени от бронзы к железу, получившего название позднеирменской культуры. Своеобразие памятников переходного времени от бронзы к железу на территории Притомья действительно очевидно. Так Д.В. Папин высказал идею о том, что на начальном этапе переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку можно говорить о существовании на юге Западной Сибири культурного образования, в котором выделяются три региональных варианта (барабинский, верхнеобский и среднетомский), соотносимые с позднеирменскими памятниками Барабы и средней Томи, завьяловскими и раннебольшереченскими Верхней Оби (Папин Д.В., 2004). В этом случае можно говорить о формировании культуры переходного времени от бронзы к железу на территории Притомья, выделяя в качестве компонентов, принявших участие в культурогенезе, ирменский, лугавский и, частично, северный (атлымский).

Культурно-территориальное своеобразие ирменских памятников Притомья действительно должно определяться влиянием лугавского компонента. Однако степень его еще предстоит выяснить. Смешанные ирменско-лугавские памятники известны на территории Ачинско-Мариинской лесостепи (пос. Шестаково-1а, Малый Берчикуль, Тамбарское водохранилище, Темра, Усть-Парная, мог. Устинкино), примыкающей к среднему

Притомью. Но характер присутствия лугавского компонента на ирменских поселениях Притомья пока не ясен. Предстоит определить, проживали ли здесь какие-то группы лугавского населения, либо лугавские инкорпоранты попадали сюда в результате производственных и брачных контактов.

Нам представляется, что ирменская культура (культурно-историческая общность) сложилась на территории Верхнего Приобья и Кузнецкой котловины в начале I тысячелетия до н.э. в результате синтеза позднееловского, корчажжинского и быстровского населения, с одной стороны, и карасукского населения – с другой. Вызревание отдельных ирменских признаков происходило еще в позднееловское время в результате притока на территорию Верхнего Приобья казахстанского бегазы-дандыбаевского населения (что хорошо фиксируется в материалах еловских могильников ЕК-1 и ЕК-2) и внутреннего саморазвития андроновидных культур. Однако катализатором ирменского культурогенеза стал именно приток карасукского населения, который привел к формированию новой культуры. Это, правда, не означает окончательного растворения андроновидного населения в ирменской среде. Отдельные группы андроновидного населения какое-то время продолжали сосуществовать с ирменцами на одной территории. Они имели различные хозяйственно-культурные типы и занимали разные экологические ниши, что благоприятствовало симбиозу культур.

В начале I тысячелетия до н.э. ирменское население начинает расселяться на широкой территории юга Западной Сибири. Складывается территориальное образование, названное ирменской культурно-исторической общностью. Причиной расселения «ирменцев» может являться ведение ирменцами производящего комплексного хозяйства, в котором ведущая роль принадлежала скотоводству и коневодству. Вспомогательную роль играло земледелие, а также присваивающие виды хозяйства. Сложившийся у ирменцев хозяйственно-культурный тип привел к росту прибавочного продукта и, как следствие, к росту численности населения, расселявшегося в степях и лесостепях юга Западной Сибири, включая и Кузнецкую котловину.

Это расселение диктовалось и потребностями ирменцев в новых пастбищах для лошадей и скота. В процессе расселения ирменцы взаимодействовали с отдельными группами населения андроновидных культур, переживавших заключительный этап своего развития. Как правило, более многочисленное ирменское население поглощало относительно небольшие группы андроновидного населения, продолжавшего вести менее продуктивное хозяйство, в котором преобладали охота и рыболовство. Однако известны и обратные примеры (Алтайское Приобье), когда ирменское население постепенно растворялось в среде аборигенов, формируя синкретичную большереченскую культуру переходного времени.

Таким образом, в начале I тысячелетия до н.э. на юге Западной Сибири сформировалась ирменская культурно-историческая общность, испы-

тавшая в процессе становления воздействие различных культурных образований, но сумевшая сформироваться как целостное явление в период поздней бронзы, обладающее узнаваемым набором универсальных ирменских признаков.

5.2.4. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ ОТ БРОНЗЫ К ЖЕЛЕЗУ И РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

На территории Кузнецкой котловины памятники переходного времени от бронзы к железу и раннего железного века исследованы пока недостаточно. Преимущественно поселения и могильники переходного времени и раннего железного века зафиксированы на территории Верхнего и Среднего Притомья. На территории же собственно Кузнецкой котловины памятники исследуемых эпох единичны, несмотря на активную деятельность археологов. Этому факту в специальной литературе приводятся различные объяснения (отток населения из остепненной Кузнецкой котловины, вызванный экологическими факторами или соображениями безопасности, нетипичное расположение памятников переходного времени и раннего железного века и др.).

Изучение поселенческих памятников на территории Кузнецкой котловины началось в 1920-е годы и было связано с деятельностью краеведов. Специалисты Кузнецкого (Сталинского) краеведческого музея в результате проведенных разведок выявили несколько археологических памятников. В 1927 году краеведом П.Г. Зенковым было открыто многослойное городище Маяк. Первое исследование памятника было осуществлено К.А. Евреиновым, который произвел на городище первые раскопки. Усилиями К.А. Евреинова в 1930-е годы были открыты также поселения Иванцевское, Томь-Кондомское, Казачьинское, Староабашевское (Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, с. 8). В 1950-1955 годы раскопки на городище Маяк вел У.Э. Эрдниев. Итоги этих исследований отражены в научно-популярной монографии (Эрдниев У.Э., 1960).

В 1960-е годы исследования археологических памятников переходного времени и раннего железного века осуществлялись лишь эпизодически. Так в результате проведенных археологических разведок в долине р. Томи А.И. Мартыновым было открыто поселение Ерунаково-1 (Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, с. 6).

Изучение поселений переходного времени от бронзы к железу и раннего железного века возобновилось в 1970-1980-е годы. В 1971-1973 годы ряд поселений был открыт на территории Среднего Притомья (восточная часть Кузнецкой котловины) при разведочных работах Кемеровского пединститута под руководством А.И. Мартынова. Как отмечает И.В. Окунева, особенностью этих памятников было то, что они были выявлены по подь-

емному материалу (Окунева И.В., 1990, с. 4). В 1976-1988 годы в связи с хозяйственным освоением Талдинского угольного разреза и Крапивинского гидроузла (хозтема «Волна») работы на территории среднего Притомья проводились группой археологов Кемеровского госуниверситета (Г.С. Мартыновой, А.Н. Садовым, В.М. Любченко, В.М. Коротаевым, М.Б. Абсалямовым, Н.М. Зиняковым, В.В. Иванчуком, А.В. Циркиным, И.В. Новгородченковой (Окуневой) и др.). Были исследованы поселения Лачиново-1, -2, Курья-1, -2, -4а, -6, Сосновка-4, Глинка, Красулино-1, Кыргай-1, -2, Казанково-3 и др. (Окунева И.В., 1990, с. 3-5; Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, с. 3-7).

В 1990-2000-е годы изучение поселений и могильников переходного времени и раннего железного века на территории Томь-Кондомского предгорного района осуществлялось Ю.В. Шириним и Н.А. Кузнецовым. Усилиями этих специалистов были обследованы поселения Казанково-3, -5, Бардино-3, Полосухино-1, Мамонтовка-1, Лучшево-2, Кузнецк-1/2, -2, Карлык, Тайменка, Николаевка-3 и др. (Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, с. 7-9; Ширин Ю.В., 1999, с. 25-44). Всего по данным И.В. Окуневой и Ю.В. Ширина на территории Томь-Кондомского предгорного района было исследовано 32 поселения, содержащих материалы переходного времени и раннего железного века (Окунева И.В., Ширин Ю.В., 1999, с. 3-24).

В центральной и западной части Кузнецкой котловины также были открыты и исследованы памятники переходного времени и раннего железного века. Вместе с тем стоит отметить единичность таких памятников. Среди исследованных на территории Кузнецкой котловины поселений переходного времени от бронзы к железу можно выделить Линево-1. Памятник открыт и исследован В.А. Захом в 1981 и 1984 годах. Информация о поселении опубликована (Зах В.А., 1986, с. 94-95). Материалы представлены, по информации В.А. Заха, археологическими комплексами ирменской и завьяловской культур, а также фрагментами керамики эпохи средневековья (Зах В.А., 1997, с. 19). В 2003-2005 годы работы на поселении Линево-1 велись Тогучинским археологическим отрядом ИАЭ СО РАН и Новосибирской археологической экспедицией НГПУ под руководством Л.Н. Мыльниковой. За три полевых сезона было вскрыто три жилища, хозяйственные строения и производственные площадки. Общая площадь раскопа за три года составила 2454 кв. м. Исследователи пересмотрели взгляд В.А. Заха на поселение как разновременный памятник (ирменский, раннезавьяловский). По убеждению авторов поселение следует полностью отнести к переходному времени от бронзы к железу и датировать VIII(VII)-VI вв. до н.э. (Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.Н., Мыльников В.П., Невзорова И.В., Савин А.Н., Паринов Р.О., 2003, с. 459-463; Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.Н., Кобелева Л.С., 2004, с. 390-393; Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.Н., Савин А.Н., Кобелева Л.С., Сяткин В.П., Паринов Р.О., 2005, с. 431-436; Мыльникова

Л.Н., Дураков И.А., 2010, с. 82-98). Кроме Линево-1 на данной территории были исследованы и другие памятники переходного времени и раннего железного века. Так в долине р. Ини В.И. Молодиным было открыто и исследовано поселение раннего железного века Боровое-2, отнесенное к бийскому этапу большеберченской культуры раннего железного века V-III вв. до н.э. По материалам данного поселения было отмечено, что оно позволяет говорить о домостроительстве «большеберченцев», которые обитали в обширных полуземлянках в довольно больших поселениях. Было отмечено и восточное влияние, которое оказали на «большеберченцев» долины р. Ини соседние культуры (Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., Колонцов С.В., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В., Соболев В.И., 2000, с. 29-31, 89). Были зафиксированы и другие поселения, датированные переходным временем от бронзы к железу и ранним железным веком: Старобачаты-1, Гурьевск, Елыкаево-1, -2, Верх-Чумыш-1, Титово, Титово-2, Усть-Тарсыма и др. (Археологические памятники..., 2007, с. 7, 8, 13, 14, 92). Ранее В.В. Бобров и В.Н. Добжанский, на основании немногочисленных материалов, предложили выделить восточный вариант большеберченской культуры, распространяющийся до предгорий Кузнецкого Алатау (Бобров В.В., Добжанский В.Н., 1986, с. 52-54). Различными исследователями культурная принадлежность населения, проживавшего на территории Кузнецкой котловины, определялась как большеберченская (Бобров В.В., Добжанский В.Н., 1986, с. 52-54), тагарская и большеберченская (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1999, с. 60-64). Ю.В. Ширин, на основании изучения прежде всего погребально-поминальных памятников раннего железного века Кузнецкой котловины (Кузнецк-1/4, 1/5, Казанково-10), сделал вывод, что данный регион попал в сферу влияния ранних кочевников степей Верхнего Приобья и Прииртышья (кочевников сакского круга). Это связывается исследователем с распространением на поселениях этого региона керамики и инвентаря, характерных для культур верхнего Приобья (староалейская, каменская). Встречающуюся на поселениях Кузнецкой котловины посуду с горизонтальными налепными валиками исследователь атрибутирует как быстрянскую (Ширин Ю.В., 2004, с. 38).

В 1990-е и начале 2000-х годов в долине р. Касьмы при проведении археологических разведок сотрудниками ККАЭЭ были открыты курганы Ракитный, -1 и -3, а при проведении раскопок разновременных поселений Красная Горка-1 и Шабаново-6 появились первые материалы изучаемой исторической эпохи. Информация об этих памятниках уже давалась нами в отдельной статье (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1999, с. 60-64). Раскопки ККАЭЭ на комплексе поселений Торопово-4 дополнили эту коллекцию, так как часть материалов относится к переходному времени от бронзы к железу (VII-VI вв. до н.э.) и раннему железному веку (V-III вв. до н.э.). Стоит упомянуть и об исследовании поселения переходного времени от бронзы к железу Усть-Канда-2 на территории Урского АМР.

Памятники переходного времени и раннего железного века в долине р. Касьмы (как и во всей центральной и западной Кузнецкой котловине в целом) единичны, что может указывать как на слабую заселенность этой территории, так и на нетипичность их расположения на местности. Причинами этого явления могут быть как экологические, так и хозяйственные факторы. Однако имеющиеся в нашем распоряжении наблюдения и материалы позволяют считать, что в переходное время и в раннем железном веке люди осваивали для жизни те же площадки, что и в другие эпохи. Селиться они предпочитали на левом, более возвышенном берегу р. Касьмы, выбирая высокие мысовидные террасы, продуваемые ветрами и с хорошим обзором. Обязательным условием являлось наличие рядом с поселениями Красная Горка-1, Шабаново-6 и Торопово-4 небольших ручьев, впадающих в р. Касьму. Ручьи, а иногда и ключи, бившие из-под земли, выполняли роль источников чистой воды. Места впадения ручьев в реку были пригодны и для рыбной ловли. Наиболее высокий мыс левобережья р. Касьмы, известный как поселение Шабаново-6, мог являться в эпоху раннего железного века и ритуальной площадкой. Об этом свидетельствует найденный на поселении бронзовый котел (Илюшин А.М., Ковалевский С.А., 1999, рис. 2, 1). Подобные находки, как правило, являются маркерами ритуальных комплексов раннего железного века (Плетнева Л.М., Мец Ф.И., 1999, с. 145). Погребально-поминальные памятники раннего железного века Ракитный, Ракитный-1 и Ракитный-3 находились на противоположном, правом берегу Касьмы, довольно далеко от реки – на водоразделе.

Имеющиеся в нашем распоряжении немногочисленные материалы переходного времени и раннего железного века долины р. Касьмы и Кузнецкой котловины позволяют реконструировать следующую картину исторического развития. На рубеже VIII-VII вв. до н.э. в результате пока не совсем ясных для нас причин нарушилось единство ирменской культурно-исторической общности. На территорию юга Западной Сибири началась инфильтрация инокультурных групп населения, которые, смешиваясь с потомками «ирменцев», формировали синкретичные культуры. Из Северо-Восточного Казахстана и Степного Алтая наблюдается инфильтрация постсаргаринского населения, что нашло отражение в появлении на поселениях этого времени валиковой керамики. Одновременно по р. Оби и ее притокам из Томско-Нарымского Приобья расселялись группы населения, использующие керамику с крестово-штамповой орнаментацией. Отмечается и проникновение из Минусинских котловин отдельных групп каменноложского (лугавского) населения. Материалы переходного времени долины р. Касьмы свидетельствуют о наличии здесь двух компонентов – местного позднеирменского и пришлого валикового. Второй компонент был выражен значительно слабее и, вероятно, не оказал заметного влияния.

Во второй половине I тыс. до н.э. на всех поселениях раннего железного века Кузнецкой котловины распространяются типы керамики и ин-

вентаря, характерные для культур Верхнего Приобья (староалейская, каменная) (Ширин Ю.В., 2004, с. 38). Керамика раннего железного века долины р. Касьмы в целом сходна с керамическими сериями других памятников Кузнецкой котловины, что может свидетельствовать об их принадлежности к одной культуре. Однако немногочисленность керамических серий раннего железного века не позволяет пока достоверно определить характер, особенности и хронологические рамки данного культурного образования.

5.2.5. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

На территории Кузнецкой котловины памятники эпохи средневековья исследуются уже более 100 лет. История этих исследований достаточно подробно описана в специальных работах (Илюшин А.М., 1999б; 2005, с. 15-24; и др.). В настоящее время накоплена достаточно большая база источников (подъемные сборы, закладка шурфов и раскопки проведены более чем на 100 археологических памятниках) для проведения углубленных исследований по средневековой археологии и истории культуры этого региона. Среди всего количества средневековых археологических памятников Кузнецкой котловины выделяются такие виды, как культовые места, места проживания (поселения) и погребальные памятники.

Процесс научного изучения материалов из средневековых археологических памятников Кузнецкой котловины тоже длится уже более 100 лет. Он исследован нами в специальной работе (Илюшин А.М., 1999б; 2005, с. 43-74; и др.), поэтому повторим лишь основные выводы, слегка их подкорректировав с учетом новой информации. Свой вклад в этот процесс внесли более 60 исследователей, которые опубликовали более 200 научных работ, где содержится разнообразная информация о результатах различных исследований. Из общего количества научных публикаций выделяется несколько блоков, содержание которых отражает изучение конкретных проблем и вопросов. Первый блок публикаций содержит косвенную или непосредственную информацию об истории изучения и историографии средневековой археологии Кузнецкой котловины. Второй большой блок связан с публикацией результатов полевых археологических исследований. Третий блок научных работ представлен исследованиями обобщающего характера, в которых наряду с публикацией материалов дается критическая оценка археологических источников и реконструируются разнообразные процессы этнокультурной истории Кузнецкой котловины. За все время изучения археологические памятники раннего средневековья в Кузнецкой котловине были интерпретированы как относящиеся к фоминской, релкинской, одицовской, лачиновской, кузнецкой, верхнеобской, сrostкинской и саратовской археологическим культурам, к фоминскому и сапоговскому типам

памятников, а также к археолого-этнографическим комплексам погребенных по обряду кремации на стороне и погребенных по обряду ингумации. Археологические материалы развитого средневековья интерпретировались как относящиеся к «самостоятельной культуре тюрок Кузбасса», сrostкинской, басандайской или саратовской археологическим культурам, археолого-этнографическим комплексам погребенных по обряду кремации на стороне, погребенных по обряду ингумации с тушей или шкурой коня и погребенных по обряду трупобожжения на месте захоронения с тушей или шкурой коня. При этом было предложено отождествлять археологические памятники с конкретными этнонимами бома, куштеми, теленгугами, верхнеобской и басандайской этнокультурными общностями и этноисторическими областями.

Наблюдаемые различия в суждениях, мнениях, гипотезах и концепциях объясняются тем, что авторы этих исследований применяли и применяют различные методы и подходы к изучению археологических источников. При этом сформировались два принципиальных подхода. Первый, археологический, заключается в характеристике источников с позиции специфических археологических категорий – археологическая культура или тип памятников, которые выделяются как системы, объединяющие различные по своему содержанию и количеству артефакты, ограниченные территориальными и хронологическими рамками. Второй, этноархеологический, воспринимает археологические источники как свидетельства жизнедеятельности не «безжизненных» археологических культур и типов памятников, а как этносоциальных организмов, представленных в артефактах, образующих различные комбинации классифицированных типологических признаков в материальной и духовной культуре. Второй подход, в отличие от первого, не ограничивается констатацией археологических культур как конечной цели изучения археологических источников, а продолжает «оживлять» их, сравнивая и наполняя разнообразной исторической информацией, двигаясь по направлению интеграции с другими историческими дисциплинами. Интеграция этих подходов к изучению средневековых археологических источников позволила сделать весомый качественный скачок в наших знаниях по средневековой археологии и этнокультурной истории Кузнецкой котловины. Публикация большого объема материалов в научной литературе стимулировала необходимость объяснения ранее сложившихся концептуальных утверждений и появление новых гипотез и концепций (Илюшин А.М., 2005, с. 74).

В русле последних открытий три культурно-хронологических комплекса эпохи средневековья на Торопово-4 можно оценивать и интерпретировать на различных уровнях обобщения. Раннесредневековые культурно-хронологические комплексы можно отождествлять с локальной саратовской археологической культурой, которая являлась составной частью верхнеобской культурно-исторической общности, функционировавшей на

территориях Кузнецкой котловины, Барнаульско-Бийского, Новосибирского и Томского Приобья в различные временные рамки периода раннего средневековья, и принадлежала самодийцам или угро-самодийским племенам (Беликова О.Б., Плетнева Л.М., 1983; Илюшин А.М., 1993а, с. 45-49; 2005, с. 110-119; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998; 2004, с.102-105; и др.). Культурно-хронологический комплекс развитого средневековья на Торопово-4 можно включать в круг материалов локальной шандинской археологической культуры, которая являлась составной частью басандайской культурно-исторической общности, созданной тюркоязычными племенами Восточного Дашт-и-Кыпчак и функционировавшей в различные временные рамки периода развитого средневековья на территории Верхнего Приобья (Адамов А.А., 2000; Илюшин А.М., 1998б, с. 91-94; 2005, с. 119-126; 2011, с. 130-132; 2012; Плетнева Л.М., 1997; Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г., 2008; и др.).

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги научного монографического исследования, посвященного всестороннему изучению комплекса археологических памятников Торопово-4, можно констатировать, что цель и задачи, поставленные в начале этой работы, выполнены. В широкий научный оборот введены новые ранее неизвестные материалы подъемных сборов и раскопок комплекса археологических памятников, расположенного у села Торопово в долине среднего течения р. Касьмы, а также результаты их аналитического исследования авторами книги.

В книге имеется полное описание результатов полевых исследований ККАЭЭ на этом памятнике в 1996 и 1999-2002 годах, а в иллюстративном приложении содержатся карты, чертежи раскопов и рисунки всех археологических материалов из подъемных сборов и раскопанных участков памятника по годам его обследования. Это позволило представить объект исследования в системном виде, как полноценный вещественный исторический источник и приступить к его изучению.

Весь археологический материал на разных стадиях исследования был подвергнут различным видам анализа. На начальной стадии была проведена типологическая классификация всех выявленных артефактов и объектов жизнедеятельности на комплексе поселений Торопово-4. Затем был проведен более сложный сравнительно-исторический анализ выделенных групп и типов артефактов и объектов жизнедеятельности. Была дана их культурная и хронологическая характеристика, на основании чего были выделены их совокупности как культурно-хронологические комплексы. Последние данные легли в основу более сложной аналитической работы по исследованию культурной динамики на комплексе поселений Торопово-4 в широком хронологическом диапазоне от эпохи энеолита и бронзы до границы развитого и позднего средневековья. Кроме этого был изучен вопрос о месте, которое занимает комплекс поселений Торопово-4 в микро- и макрокультурном пространстве. Исследовался вопрос о наличии, направленности и интенсивности культурно-исторических связей этого памятника в пределах четырех пространственно-географических территорий – долина р. Касьмы (Касьминский археологический микрорайон), Кузнецкая котловина, Верхнее Приобье, Западная и Средняя Сибирь в различные исторические периоды своего функционирования. Проведенное исследование археологических материалов комплекса поселений Торопово-4 в микрокультурном пространстве Касьминского археологического микрорайона позволило сделать вывод о том, что эта территория была обитаема в различные исторические эпохи (энеолит, эпоха ранней, развитой и поздней бронзы, переходное время от бронзы к железу, ранний железный век, раннее и раз-

6. Заключение

витое средневековье). Наибольшее количество артефактов относится к эпохам поздней бронзы (ирменская культура) и средневековья (саратовская и шандинская археологические культуры). Это указывает на то, что именно в эти эпохи данная территория активно осваивалась людьми и служила местом их постоянного проживания. Эта культурная динамика во многом отражает культурно-историческую ситуацию, которая имела место в Кузнецкой котловине и на сопредельных территориях в различные исторические периоды.

7. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. – Тобольск-Омск: Изд-во ОГПУ, 2000. – 256 с.

Атлас Кемеровской области. – Кемерово-Новосибирск, 1996. – 32 с.

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V-VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – 240 с.

Бобров В.В. Поселение на р. Люскус // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1979. – С. 47-59.

Бобров В.В. Эпоха поздней бронзы Обь-Чулымского междуречья // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КемГУ, 1985. – С. 28-36.

Бобров В.В. Раскопки памятников эпохи бронзы в Кемеровской области // Археологические открытия 1984 года. – М.: Наука, 1986. – С. 167.

Бобров В.В. Раскопки поселения эпохи бронзы в Обь-Чулымском междуречье // Исследование памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 67-70.

Бобров В.В. История археологического изучения эпохи бронзы в Обь-Чулымском междуречье // История археологических исследований Сибири. – Омск: ОмГУ, 1990. – С. 91-105.

Бобров В.В. Кузнецко-Салаирская горная область в эпоху бронзы: дис. д-ра ист. наук в форме научного доклада. – Новосибирск, 1992. – 41 с.

Бобров В.В. АМР и общие проблемы Западносибирской археологии (на примере Танайского археологического микрорайона) // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1994. – С. 17-19.

Бобров В.В. Танай-1 – могильник корчажкинской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: Тез. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. – С. 75-78.

Бобров В.В. Комплекс бронзолитейного производства из поселения Танай-4 (по результатам раскопок 1993 г.) // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1995а. – С. 36-38.

Бобров В.В. Охранные раскопки могильника поздней бронзы Журавлево-1 // Археология, антропология, этнография Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. – С. 64-81.

Бобров В.В. Лапчатые подвески ирменской культуры // Евразия сквозь века. – СПб., 2001. – С. 204-207.

Бобров В.В. Ирменский комплекс памятника Исток // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. – С. 30-39.

Бобров В.В. Кинжал с городища эпохи поздней бронзы на реке Люскус // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – №1. – С. 65-68.

Бобров В.В., Бородкин Ю.М. Разведка в Кемеровской области // Археологические открытия 1978 года. – М.: Наука, 1979. – С. 210-211.

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., Ермоленко Л.Н. Новые материалы ирменской культуры (по раскопкам могильника Ваганово-2) // Проблемы архео-

7. Библиографический список

логии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. Т. VI. – С. 217-220.

Бобров В.В., Горяев В.С. Танай-12 – новый памятник эпохи бронзы в Кузнецкой котловине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. Т. VI. – С. 226-230.

Бобров В.В., Горяев В.С. Андроновские погребения могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001. Т. VII. – С. 240-243.

Бобров В.В., Горяев В.С. Организация сакрального пространства в андроновских курганах могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. Т. IX. Ч. I. – С. 251-254.

Бобров В.В., Горяев В.С. Итоги полевых исследований памятника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. Т. X. – С. 189-193.

Бобров В.В., Горяев В.С., Умеренкова О.А. Планиграфические особенности памятника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2002. Т. VIII. – С. 229-233.

Бобров В.В., Жаронкин В.Н. Новые материалы из раскопок поселения Танай-4а // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. Т. IV. – С. 187-190.

Бобров В.В., Жаронкин В.Н. О новом типе сооружений ирменской культуры (по материалам полевых исследований поселения Танай-4а) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. Т. VI. – С. 237-240.

Бобров В.В., Жаронкин В.Н. Новые материалы поселения Танай-4а // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001. Т. VII. 2001. – С. 231-235.

Бобров В.В., Касастикова Л.Ю. Культурная принадлежность поселения Танай-4 // Археологические исследования в Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1989. – С. 17-18.

Бобров В.В., Ковтун И.В., Марочкин А.Г. Археологические комплексы в нижнетомском очаге наскального искусства // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2009. Т. XV. – С. 214-219.

Бобров В.В., Кулемзин А.М., Новгородченкова И.В. Работы Южно-Сибирской экспедиции Кемеровского университета // Археологические открытия 1986 года. – М.: Наука, 1988. – С. 217-219.

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Раскопки у Новоромановской писаницы (южные районы нижнего Притомья) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2010. Т. XVI. – С. 149-153.

Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья. Рукопись депонир. в ИНИОН № 38518. – Кемерово, 1989. – 198 с.

Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., Колонцов С.В., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В., Соболев В.И. Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 2000. – 101 с.

7. Библиографический список

Бобров В.В., Мыльникова Л.Н., Мыльников В.П. К вопросу об ирменской культуре Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – С. 4-34.

Бобров В.В., Умеренкова О.В. Исследование поселения Танай-4 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. Т. IV. – С. 197-200.

Бобров В.В., Умеренкова О.В. Новые источники постандроновского времени из Кузнецкой котловины (по результатам раскопок поселения Танай-4 в 1999 г.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1999. Т. V. – С. 263-268.

Бобров В.В., Умеренкова О.В. Результаты полевых исследований поселения Танай-4 в 2000 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. Т. VI. – С. 241-244.

Бобров В.В., Умеренкова О.А. Украшения в социально-пространственной структуре археологических культур // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Материалы XII ЗСАЭК. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 137-138.

Бобров В.В., Умеренкова О.В. Набор украшений эпохи поздней бронзы из могильника Танай-12 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. Т. IX. – С. 260-263.

Бобров В.В., Умеренкова О.В. Жилища культуры постандроновского времени Кузнецкой котловины // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. – С. 22-29.

Бобров В.В., Фрибус А.В., Марочкин А.Г., Соколов П.Г., Баштанник С.В. Итоги полевых исследований памятника Исток (предварительное сообщение по материалам керамических комплексов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2006. Т. XII. Ч. I. – С. 274-279.

Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, 1993. – 157 с.

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 178 с.

Васильев С.А. Поздние комплексы стоянок майнинской группы и проблемы развития древних культур в голоцене на Верхнем Енисее // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – С. 72-74.

Васютин А.С. Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 5-35.

Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. – Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. – 138 с.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье-1, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург, 1993. – С. 67-111.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ. – М.: Изд-во Наука, 1971. – Вып. 3-12. – 90 с.

7. Библиографический список

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии. – М.-Л., 1956. – № 48. – 256 с.

Демин М.А., Ситников С.М. Поселение Чекановский Лог-1 в системе относительной хронологии саргаринско-алексеевских древностей Кулунды // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – С. 29-36.

Дэвлет М.А. Погребение эпохи поздней бронзы в Туве // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1988. – С. 121-123.

Елькин М.Г. Памятники андроновской культуры на юге Кузбасса // ИЛАИ. Вып. 1. – Кемерово, 1967. – С. 89-95.

Елькин М.Г. Поселения позднего железного века у г. Гурьевска // ИЛАИ. Вып. 5. – Кемерово, 1974. – С. 119-129.

Зах В.А. Линево-1 – памятник переходного времени от бронзы к железу // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1986. – С. 94-95.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). – Новосибирск: «Наука»; Сибирское предприятие РАН, 1997. – 132 с.

Зяблин Л.П. Карасукский могильник Малые Копены-3. – М.: Наука, 1977. – 141 с.

Илюшин А.М. Погребения по обряду кремации на могильнике Ур-Бедари (по раскопкам М.Г. Елькина в 1965 году) // Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1990. – С. 46-61.

Илюшин А.М. Курганы средневековых кочевников долины реки Бачат. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1993. – 116 с.

Илюшин А.М. Курганы-кладбища средневековых самодийцев Кузнецкой котловины // Проблемы этнической истории самодийских народов: Сб. докл. науч. конф. Ч. 1. – Омск: ОмГУ, 1993а. – С. 45-49.

Илюшин А.М. Курган-кладбище в долине р. Касьмы как источник по средневековой истории Кузнецкой котловины // Тр. Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. 2. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 119 с.

Илюшин А.М. О сходстве погребальных комплексов ирменской культуры и средневековья в Кузнецкой котловине (новые аспекты метода исследования археологических микрорайонов) // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: ОмГУ, 1997а. – С. 153-162.

Илюшин А.М. Курганная группа Шабаново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. – С. 54-78.

Илюшин А.М. Средневековые поминально-погребальные комплексы в Касьминском археологическом микрорайоне // Археологические микрорайоны Западной Сибири: Материалы науч. конф. – Омск: ОмГУ, 1998а. – С. 23-28.

Илюшин А.М. Басандайская этнокультурная общность на территории Верхнего Приобья в период развитого средневековья (по материалам Кузнецкой котловины) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск: ОмГУ, 1998б. – С. 91-94.

Илюшин А.М. Население Кузнецкой котловины в эпоху развитого средневековья (по материалам раскопок курганного могильника Торопово-1). – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999. – 208 с.

7. Библиографический список

Илюшин А.М. Могильник Саратовка: Публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999а. – 160 с.

Илюшин А.М. История и историография исследований по средневековой археологии Кузнецкой котловины: учеб. пособие. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 1999б. – 74 с.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2000 году на территории Кемеровской области. – Кемерово, 2001. – 115 с.

Илюшин А.М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2001 году. – Кемерово, 2002. – 183 с.

Илюшин А.М. Древности эпохи бронзы в урском и касьминском археологических микрорайонах Кузнецкой котловины (сравнительно-исторический метод) // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002а. – С. 47-49.

Илюшин А.М. Отчет об аварийных археологических раскопках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2002 году. – Кемерово, 2003. – 113 с.

Илюшин А.М. Позднесредневековые древности в долине нижнего течения р. Касьмы // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. – Новосибирск: ООО «РТФ», 2003а. – С. 226-231.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2005. – 240 с.

Илюшин А.М. Опыт по консервации раскопов поселений на обрывах террас, размываемых реками // Методика археологических исследований Западной Сибири. – Омск: Изд-во «Фаворит», 2005а. – С. 33-37.

Илюшин А.М. Картографирование и раскопки археологических памятников в окрестностях села Шабаново // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края (Материалы Всерос. науч.-практ. конф.). Вып. XV. – Барнаул: Азбука, 2006. – С. 208-211.

Илюшин А.М. Костяные наконечники стрел у средневекового населения Кузнецкой котловины // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2009. №32. Вып. 35. – С. 21-28.

Илюшин А.М. Исследование касьминского археологического микрорайона в практике Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические микрорайоны северной Евразии: Материалы науч. конф. – Омск: Изд-во «Апельсин», 2009а. – С. 50-54.

Илюшин А.М. К вопросу о кыпчакском компоненте в культуре средневекового населения Кузнецкой котловины (по материалам раскопок Шабаново-9) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. №1. – С. 97-106.

Илюшин А.М. Басандайская этнокультурная общность как Верхнеобская орда восточного Дешт-и-Кыпчак // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. – С. 130-132.

Илюшин А.М. Курганы поздних кочевников близ устья Ура. – Кемерово: Изд-во КузГТУ, 2012. – 188 с.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А., Rogovskikh В.Г., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 1997 года. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 278-280.

7. Библиографический список

Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 1999 года. – М.: ИА РАН, 2001. – С. 248-250.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2000 года. – М.: ИА РАН, 2001а. – С. 229-231.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Ковалевский С.А. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2001 года. – М.: ИА РАН, 2002. – С. 418-419.

Илюшин А.М., Бутьян В.А. Раскопки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции 2009 года на курганной группе Мусохраново-1 // Вестн. Кузбас. гос. ун-та. 2010. №4. – С. 175-184.

Илюшин А.М., Гореев З.Ф., Рудаков А.Н. Новые открытия в Касьминском археологическом микрорайоне // Археологические микрорайоны Западной Сибири: Материалы науч. конф. – Омск, ОмГУ, 1998. – С. 29-31.

Илюшин А.М., Гореев З.Ф., Рудаков А.Н. Новые материалы к археологии Касьминского микрорайона // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998а. – С. 5-14.

Илюшин А.М., Иванова А.И. Скифские древности на территории с. Шабаново в долине р. Касьмы // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: Материалы Всерос. (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конф. молодых ученых. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 222-223.

Илюшин А.М., Иванова А.И. К вопросу о датировке курганной группы Шабаново-3 // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности: Материалы XLIV Региональной (с международным участием) археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. – Кемерово: КемГУ, 2004. – С. 260-262.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс вооружения из памятников эпохи бронзы касьминского археологического микрорайона // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 36-43.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Классификационно-статистические характеристики керамики из ирменских курганов долины реки Касьмы // Керамика как исторический источник: Тез. докл. и материалы конф. – Тобольск, 1996. – С. 80-82.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Жилище поздней бронзы на поселении Красная Горка-1 (предварительное сообщение) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. – С. 110-112.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Курганный могильник Шабаново-4 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998а. – С. 15-53.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Система жизнеобеспечения населения долины реки Касьмы в эпоху поздней бронзы // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика. Материалы XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. – Томск: Изд-во ТГУ, 1998б. – С. 106-108.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Итоги исследования древностей раннего железного века Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедицией // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территории. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 60-64.

7. Библиографический список

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Полевые исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции // Археологические открытия 2002 года. – М.: ИА РАН, 2003. – С. 366-367.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Ирменская керамика на археологическом комплексе памятников Торопово-4 (Касьминский археологический микрорайон) // Археологические микрорайоны Северной Азии. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. – С. 44-48.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Ирменские памятники в долине реки Касьмы // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – С. 77-80.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Материалы переходного времени и раннего железного века из комплекса поселений Торопово-4 // Кузнецкая старина. Вып. 8. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2006. – С. 6-14.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Культурно-хронологическая шкала Касьминского археологического микрорайона (по материалам раскопок комплекса археологических памятников Торопово-4) // Археологические микрорайоны северной Евразии: Материалы науч. конф. – Омск: Изд-во «Апельсин», 2009. – С. 55-61.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А. Поселение Торопово-4 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001. – С. 199-201.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А. Поселение Саратовка-6 – новый памятник эпохи поздней бронзы в Кузнецкой котловине // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 12. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001. – С. 196-198.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А. Поселение Саратовка-6 // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001а. – С. 20-28.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Сулейменов М.Г. Аварийные раскопки курганов близ с. Сапогово. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – 206 с.

Илюшин А.М., Ковтун И.В. Аварийные раскопки ирменских курганов у с. Шабаново // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: Изд-во БГПИ, 1992. – С. 11-17.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Комплекс археологических памятников в долине реки Касьмы // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: ОмГУ, 1994. – С. 39-43.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Впускные погребения Шабаново-1 // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. – С. 79-106.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Курганная группа Мусохраново-3 // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. – С. 79-106.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Поселение Шабаново-6 как источник по истории нового времени Кузнецкой котловины // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. – С. 67-72.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Мга В.В. Древности Касьминского археологического микрорайона в Кузнецкой котловине (по полевым сборам) // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. – С. 107-121.

7. Библиографический список

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. – 126 с.

Историко-культурное наследие Кузбасса: сборник нормативных актов / Сост. Т.Л. Баранова, Ю.Ю. Гизей, В.Н. Жаронкин, И.В. Захарова. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 2007. – 227 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 248 с.

Кирюшин Ю.Ф. Вклад М.П. Грязнова в изучение древней истории Алтая // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 1. – Омск: ОмГУ, 1992. – С. 6-9.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – 294 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – 295 с.

Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Удодов В.С., Шамшин А.Б. Хозяйственно-культурные типы поздней бронзы лесостепного Алтая // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1988. – С. 138-142.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. К вопросу о соотношении елунинской и кротовской археологических культур // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С. 33-42.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – 333 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири в эпоху металла. – Барнаул: Изд-во БГПИ, 1992. – С. 125-130, 222-226.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1987. – С. 137-158.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Елунинское культовое место // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – С. 161-180.

Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – С. 76-79.

Ковалевский С.А. Система жизнеобеспечения населения долины реки Касьмы в эпоху поздней бронзы // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Теория, методология, практика: Материалы XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. – Томск: ТГУ, 1998. – С. 106-108.

7. Библиографический список

Ковалевский С.А. Касьминский археологический микрорайон (история изучения памятников эпохи бронзы) // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1998а. – С. 31-33.

Ковалевский С.А. К вопросу о локальных особенностях ирменских памятников Касьминского археологического микрорайона // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 159-160.

Ковалевский С.А. К вопросу о происхождении и территории распространения бронзовых ножей с монетовидными навершиями // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С. 268-270.

Ковалевский С.А. Ирменская керамика из погребально-поминальных памятников Кузнецкой котловины как исторический источник // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура: Сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – С. 65-67.

Ковалевский С.А. Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. – 2-е изд., доп. и испр. – Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2006. – 111 с.

Ковалевский С.А. Валиковая керамика из комплекса поселений Торопово-4 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул: Изд-во «Азбука», 2006а. – С. 234-239.

Ковалевский С.А. Конские черепа и камни-обелиски в системе погребально-поминальной обрядности ирменской культуры // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2007. – С. 85-89.

Ковалевский С.А., Илюшин А.М. Материалы переходного времени и раннего железного века из комплекса поселений Торопово-4 // Вест. Кузбас. гос. техн. ун-та. – 2006. – № 1. – С. 153-158.

Ковалевский С.А., Илюшин А.М. Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Саратовка-6 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. – Барнаул: Концепт, 2008. – С. 18-32.

Косарев М.Ф. Западная Сибирь в переходное время от неолита к бронзовому веку // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Изд-во «Наука», 1987. – С. 252-267.

Косарев М.Ф. Первый период развитого бронзового века Западной Сибири (самусьско-сейминская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Изд-во «Наука», 1987а. – С. 268-275.

Косарев М.Ф. Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха) // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Изд-во «Наука», 1987б. – С. 276-288.

Косарев М.Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Изд-во «Наука», 1987в. – С. 289-304.

Кулемзин А.М. Тагарские костяные наконечники стрел // ИЛАИ. – Кемерово: КемГУ, 1976. – Вып. 7. – С. 30-38.

Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. – Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1989. – 158 с.

7. Библиографический список

Кунгурова Н.Ю., Удодов В.С. Орудия металлообработки эпохи бронзы // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – С. 76-79.

Кызласов Л.Р. Древняя Тува. – М.: Наука, 1979. – 207 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 363 с.

Марочкин А.Г. О связи петроглифических комплексов Нижнего Притомья с близлежащими археологическими памятниками // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2009. – С. 86-91.

Мартынов А.И. Новый район карасукской культуры // Советская археология. 1964. № 2. – С. 122-133.

Матвеев А.В. Ирменские поселения лесостепного Приобья: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1985. – 21 с.

Мартынов А.И. Карасукская эпоха в Обь-Чулымском междуречье // Сибирский археологический сборник. – Новосибирск: Наука, 1966. – С. 164-182.

Матвеев А.В. Ирменская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. – 182 с.

Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Еловско-ирменская культура // Из истории Сибири. – Томск, 1974. Вып. 12. – 196 с.

Матющенко В.И., Игольникова Л.Г. Поселение Еловка – памятник второго этапа бронзового века Средней Оби // Древняя Сибирь. Сибирский археологический сборник. Вып. 2. – Новосибирск, 1966.

Мга В.В. Хронологические лакуны Касьминского археологического микрорайона в Кузнецкой котловине по полевым сборам 1996 года // Материалы Сибирской региональной археолого-этнографической конф. учащихся. – Красноярск, 1997. – С. 20-30.

Михайлов Ю.И. Мироззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. – 363 с.

Могильников В.А. Исследование курганной группы эпохи раннего железного века Калачевка-II // Краткие сообщения института археологии. – М.: Наука, 1968. – Вып. 114. – С. 94-98.

Могильников В.А. Эпоха поздней бронзы Верхнего Приобья и проблема происхождения большереченской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1988. – С. 151-154.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 128 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С. Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 300-309.

Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка-3 – памятник культуры эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125-206.

7. Библиографический список

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Линево-1 – поселение переходного времени от бронзового к железному веку лесостепной зоны Западной Сибири // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею проф. Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. – С. 82-99.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.Н., Кобелева Л.С. Археологическое изучение поселения Линево-1 (Новосибирская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. X. Ч. I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. – С. 390-393.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.Н., Мыльников В.П., Невзорова И.В., Савин А.Н., Паринов Р.О. Исследование поселения Линево-1 переходного времени от бронзового к железному веку // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IX. Ч. I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. – С. 459-463.

Мыльникова Л.Н., Дураков И.А., Мжельская Т.Н., Савин А.Н., Кобелева Л.С., Сяткин В.П., Паринов Р.О. Работы на поселении Линево-1 в 2005 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XI. Ч. I. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. – С. 431-436.

Новикова О.И. Эволюция декоративно-морфологических типов керамики ирменской культуры (по материалам поселения Милованово-3): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1998. – 21 с.

Окунева И.В. Поселения Среднего Приобья (ранний железный век и средневековье): Автореф. дис. канд. ист. наук. – Кемерово, 1990. – 19 с.

Окунева И.В. Лачиновская культура // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – С. 36-64.

Окунева И.В., Ширин Ю.В. Поселения эпохи раннего железа в Томь-Кондомском предгорном районе // Кузнецкая старина. Вып. 4. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1999. – С. 3-24.

Памятники истории и культуры Северо-Западного Алтая. – Барнаул, 1990. – 131 с.

Папин Д.В. Лесостепное Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку: Автореф. дис. канд. ист. наук. – Барнаул, 2004. – 22 с.

Папин Д.В., Шамишин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – 202 с.

Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во ТГУ, 1997. – 350 с.

Плетнева Л.М., Мец Ф.И. Ритуальный комплекс раннего железного века в Томском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 145.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Титовский могильник эпохи поздней бронзы на реке Ине // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 122-135.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 424 с.

Сидоров Е.А. Присваиваемые виды хозяйственной деятельности населения лесостепного Приобья в I тыс. до н.э. // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 41-45.

7. Библиографический список

Сидоров Е.А., Новикова О.И. Очаги ирменского поселения Милованово-3 // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. – С. 83-89.

Сидоров Е.А., Новикова О.И. Неопубликованные материалы поселения Милованово-3 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – С. 104-124.

Сулейменов М.Г. Отчет об археологической разведке в Ленинске-Кузнецком районе Кемеровской области в 1996 году. – Кемерово, 1997. – 12 с.

Соколов П.Г., Савельева А.С., Фрибус А.В. Бронзолитовая площадка на поселении ирменской культуры Медынино-1 в Кузнецкой котловине (предварительное сообщение) // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. – С. 321-324.

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Тихонов С.С., Шерстобитова О.С., Гаркуша М.А. Археологические микрорайоны Западной Сибири: теория и практика исследований. – Омск: Издательский дом «Наука», 2011. – 196 с.

Теплоухов С.А. Древние погребения в Минусинском крае // Материалы по этнографии. Т. 3. Вып. 2. – Л., 1927. – С. 57-112.

Теплоухов С.А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // Материалы по этнографии. Т. 4. Вып. 2. – Л., 1929. – С. 41-61.

Троицкая Т.Н. Новосибирское Приобье в VII-IV вв. до н.э. // Вопросы археологии Сибири: Науч. тр. НГПИ. – Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1972. – Вып. 38. – С. 3-35.

Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в Новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Древняя Сибирь. – Новосибирск: Изд-во «Наука» Сибирское отделение, 1974. Вып. 4. – С. 32-46.

Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: ВО «Наука», 1994. – 182 с.

Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Керамический комплекс городища Завьялово-5 // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – С. 145-154.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 184 с.

Троицкая Т.Н., Назарова О.Е. Еще раз о кижировской культуре // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территории. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 199-202.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998. – 152 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины: учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – 136 с.

Троицкая Т.Н., Сумин В.А. Городище Красная Горка-1 – памятник X-XII вв. // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово-Гурьевск: Изд-во КузГТУ, 1998. – С. 153-159.

Ураев Р.А., Косарев М.Ф. Памятник карасукской эпохи // Тр. Томского областного краеведческого музея. Т. VI. Вып. 2. – Томск: Томское книжное изд-во, 1963. – С. 54-62.

Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников датируемых VI-V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территории. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 211-219.

7. Библиографический список

Фролов Я.В., Ведянин С.Д., Изоткин С.Л. Комплекс древних поселений – Горелый Кордон // Михайловский район: Очерки истории и культуры. – Барнаул, 1999. – С. 66-69.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 219-226.

Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Горелый Кордон-I – первое поселение переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на юге Кулунды // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2002. – С. 135-139.

Цивцина О.А. Лапчатые привески и ножи карасукского типа из памятников Барнаульско-Бийского Приобья // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул, 2001. – С. 265.

Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // Советская археология. № 23. – М., 1955. – С. 38-57.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972. – 248 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. – М., 1994. – 170 с.

Шамшин А.Б. Комплекс эпохи поздней бронзы с поселения Казенная Заимка в Барнауле // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – С. 91-98.

Шамшин А.Б. Заковряшино-I – поселение эпохи поздней бронзы на Обском море // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1991. – С. 135-147.

Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Валиковая керамика с поселений ирменской культуры лесостепного Алтая // История, археология и этнография Павлодарского Прииртышья: Материалы науч.-практ. конф. – Павлодар, 1999. – С. 50-52.

Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Бронзовые ирменские украшения лесостепного Барнаульско-Бийского Приобья // Вопросы истории, археологии и этнографии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар, 2000. – С. 88-92.

Шамшин А.Б., Цивцина О.А. Взаимодействие носителей культур эпохи поздней бронзы в Алтайском Приобье (по материалам поселения Фирсово XVIII) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 213-217.

Ширин Ю.В. Археологическая разведка в городе Новокузнецке // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1986. – С. 102-105.

Ширин Ю.В. Орнаментация средневековой керамики Южного Кузбасса // Орнамент народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1992. – С. 36-50.

Ширин Ю.В. Поселения конца I тыс. н.э. в предгорьях Кузнецкого Алатау // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 1997. – С. 65-76.

Ширин Ю.В. Контактная зона в маргинальном районе: особый путь развития или историческая судьба // Социальная организация и социогенез первобытных об-

7. Библиографический список

ществ: теория, методология, интерпретация: Материалы Всерос. конф. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997а. – С. 78-81.

Ширин Ю.В. Многослойное поселение Казанково-5 // Кузнецкая старина. Вып. 4. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 1999. – С. 25-44.

Ширин Ю.В. Кондомо-Томские предгорья в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западно-Сибирской археолого-этнографической конф. – Томск: Изд-во ТГУ, 2001. – С. 305-306.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тысячелетия н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2003. – 288 с.

Ширин Ю.В. Типы поселений эпохи поздней бронзы и «переходного периода» на юге Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. – С. 170-184.

Ширин Ю.В. Погребальные памятники эпохи раннего железа на юге Кузнецкой котловины // Кузнецкая старина. Вып. 6. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004а. – С. 5-40.

Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Вып. 6. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004б. – С. 69-112.

Ширин Ю.В. Типы поселений эпохи поздней бронзы и «переходного периода» на юге Кузнецкой котловины // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2004в. – С. 170-184.

Ширин Ю.В. Новое в археологии Ельцовского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая Вып. XIV. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – С. 206-209.

Шмидт А.В. Неолитические-энеолитические материалы разведки В.Б. Бородаева и А.Л. Кунгурова с протоки Заломная 1977-1978 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая Вып. XI. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2000. – С. 88-91.

Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог-1 // Известия лаборатории археологии № 2. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 73-84.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2009. – 329 с.

Эрдниева У.Э. Городище Маяк: Научно-популярный очерк. – Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1960. – 68 с.

8. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГУ – Алтайский государственный университет
БГПУ – Барнаульский государственный педагогический университет
ЗСАЭК – Западно-Сибирская археолого-этнографическая конференция
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
Российской академии наук
ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии
Сибирского отделения академии наук СССР
ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований
КГПИ – Кемеровский государственный педагогический институт
КемГУ – Кемеровский государственный университет
ККАЭЭ – Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция
КузГТУ – Кузбасский государственный технический университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАН РК – Национальная Академия наук Республики Казахстан
НГУ – Новосибирский государственный университет
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет
ОГПУ – Омский государственный педагогический университет
ОмГУ – Омский государственный университет
ТГУ – Томский государственный университет
ТюмГУ – Тюменский государственный университет

9. ПРИЛОЖЕНИЕ

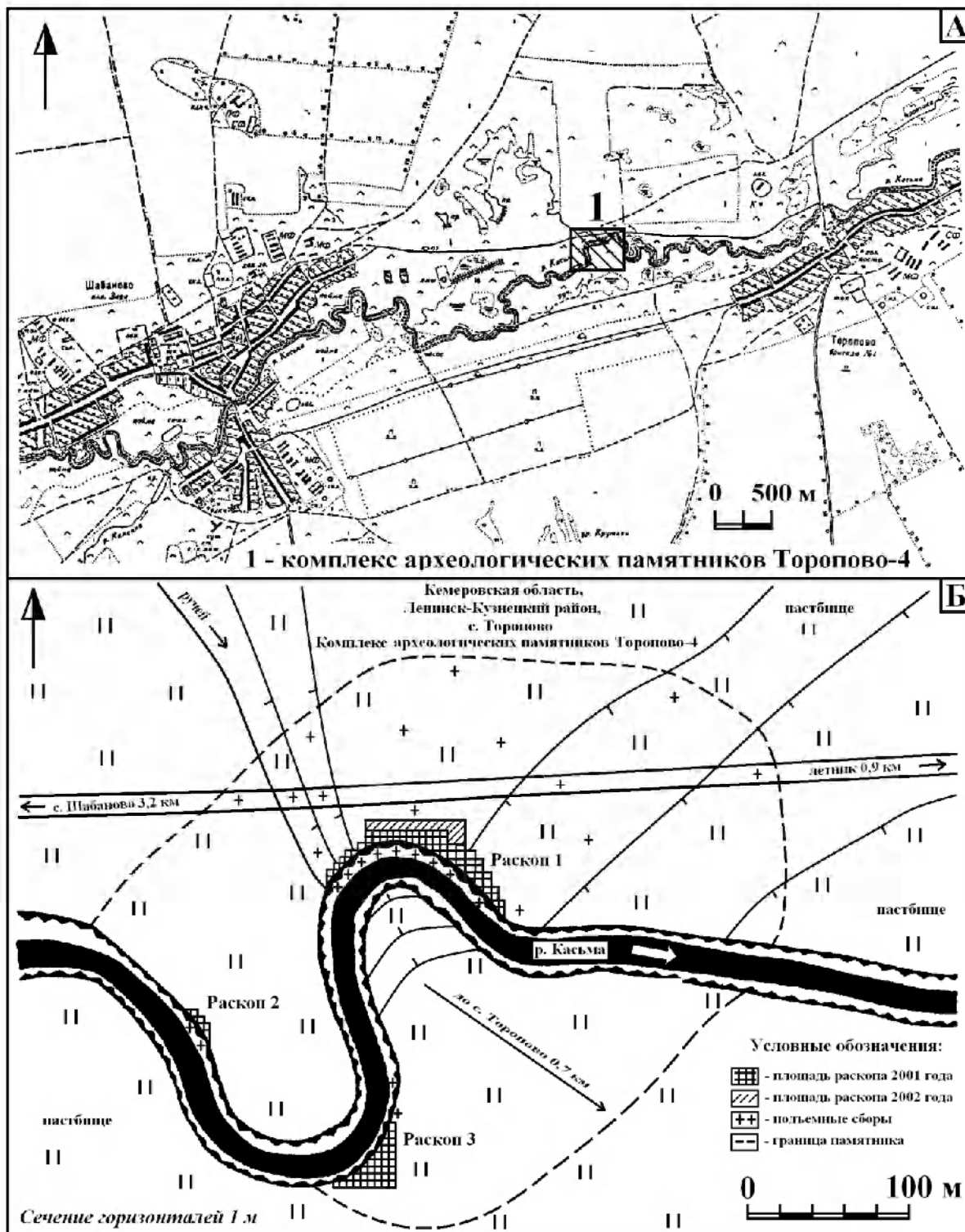

Рис. 1. А – фрагмент карты землепользования колхоза «Заря» Ленинска-Кузнецкого района Кемеровской области с обозначением месторасположения комплекса археологических памятников Торопово-4; Б – план комплекса археологических памятников Торопово-4 с обозначением месторасположения раскопов и подъемных сборов

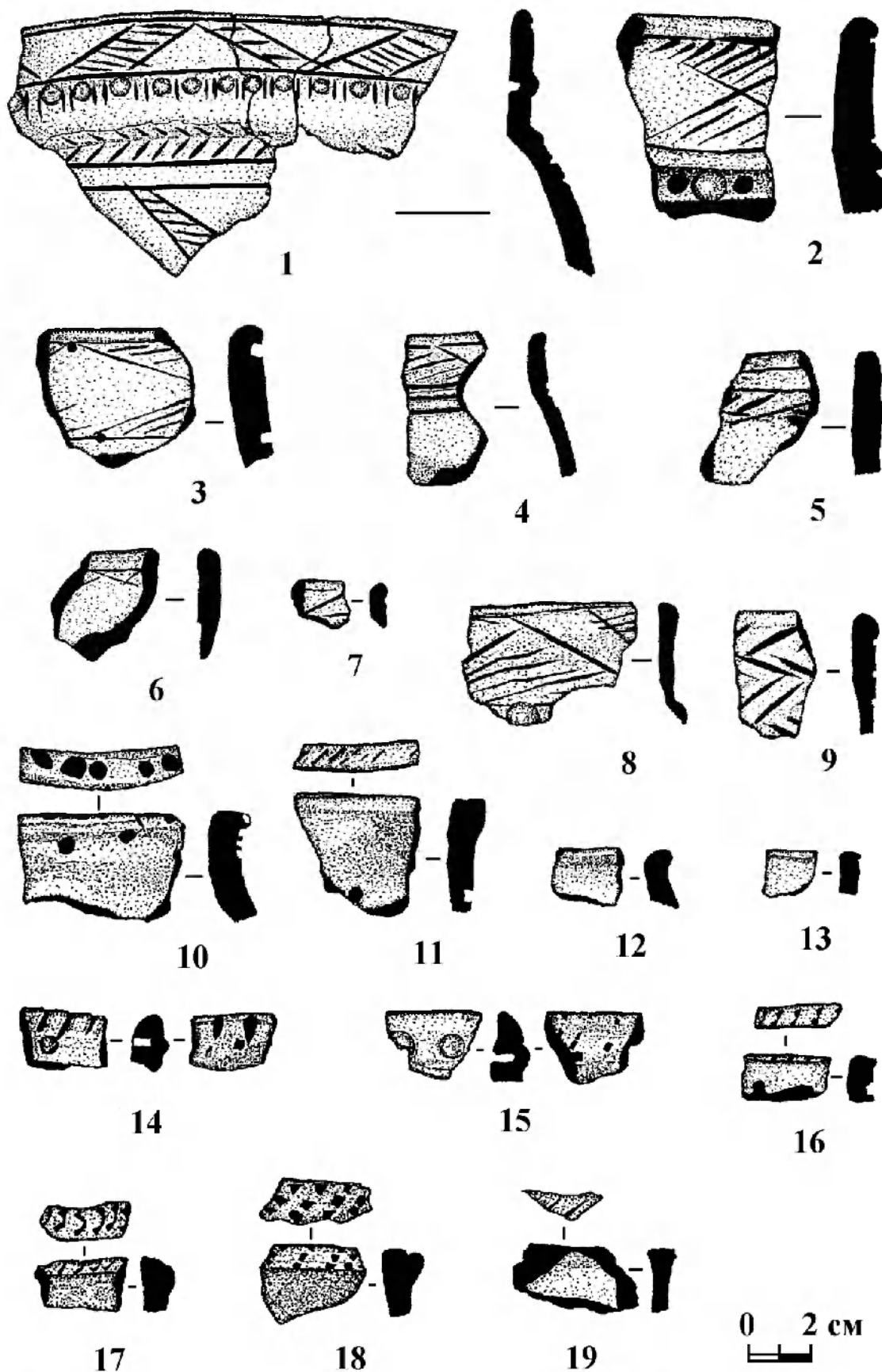

Рис. 2. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 1996 года: 1-19 – фрагменты керамической посуды

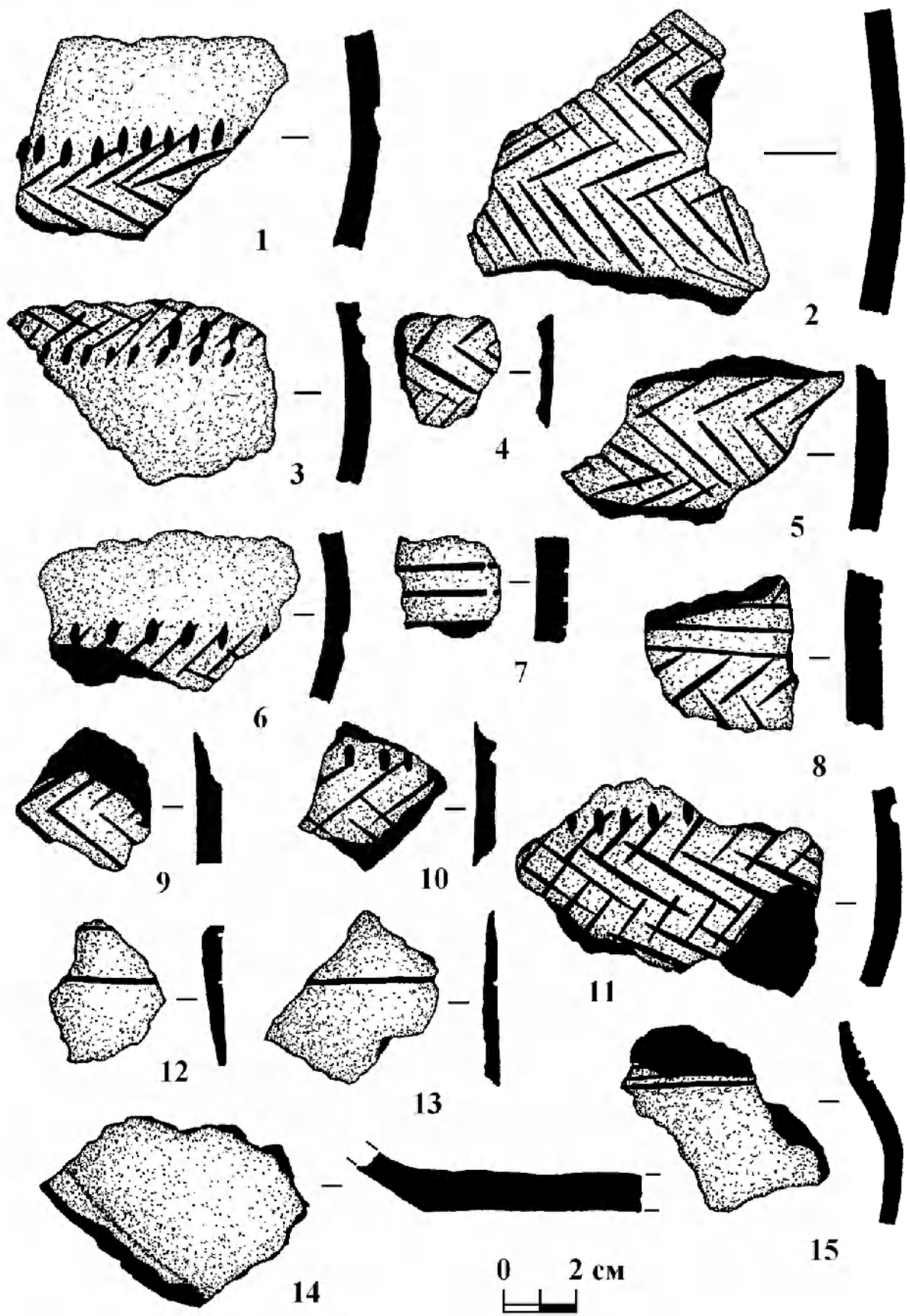

Рис. 3. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 1999 года: 1-15 – фрагменты керамической посуды

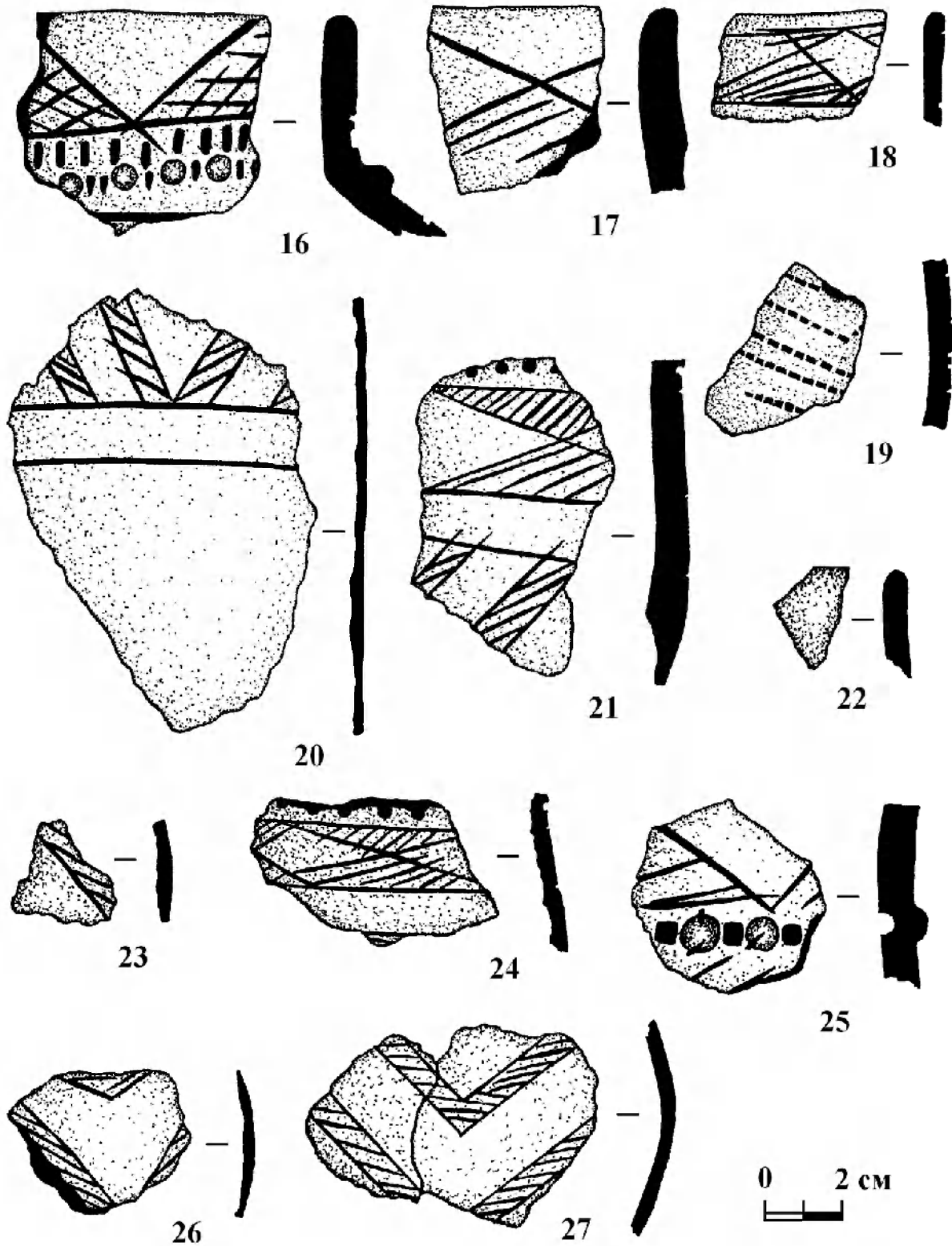

Рис. 4. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 1995 года: 16-27 – фрагменты керамической посуды

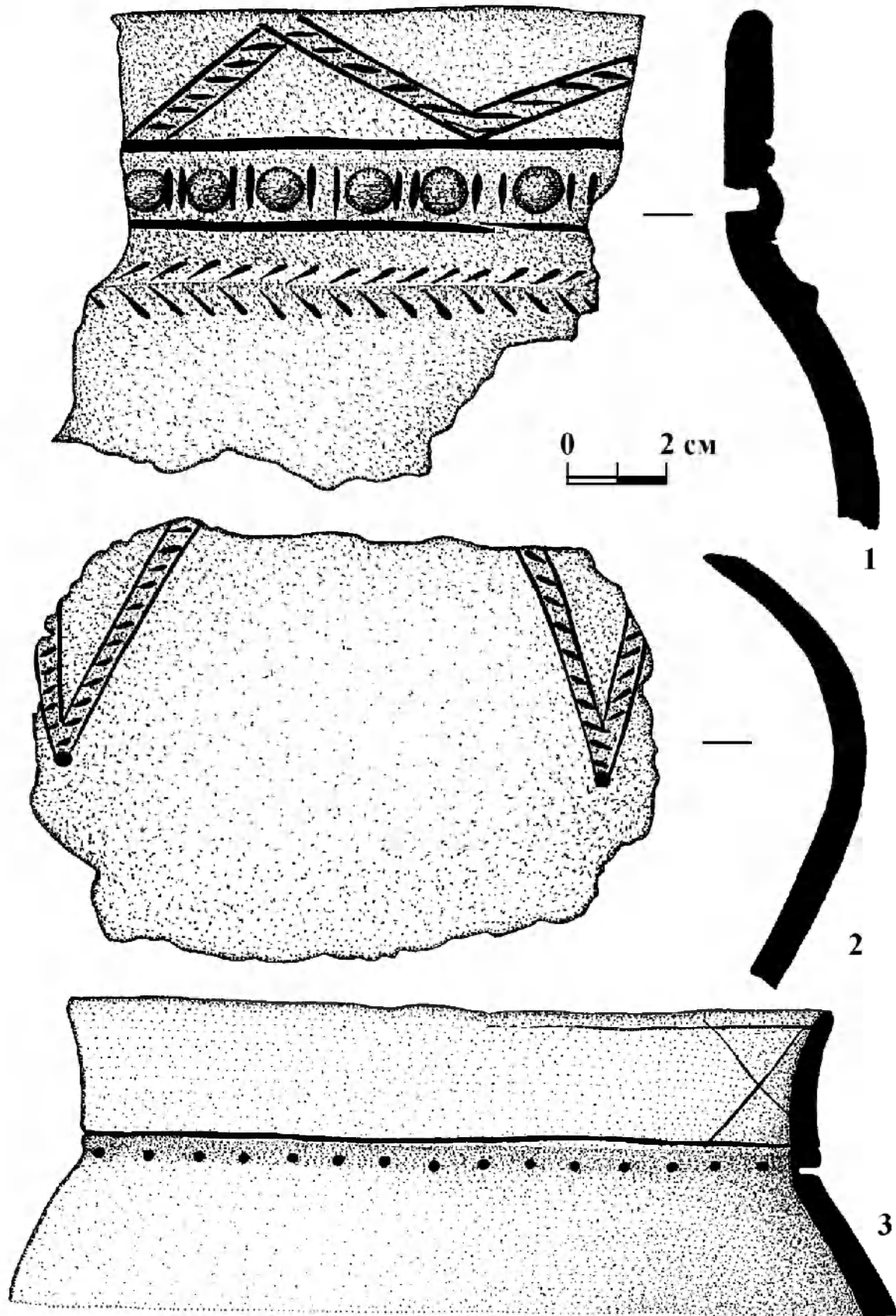

Рис. 5. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2000 года: 1-3 – фрагменты керамической посуды

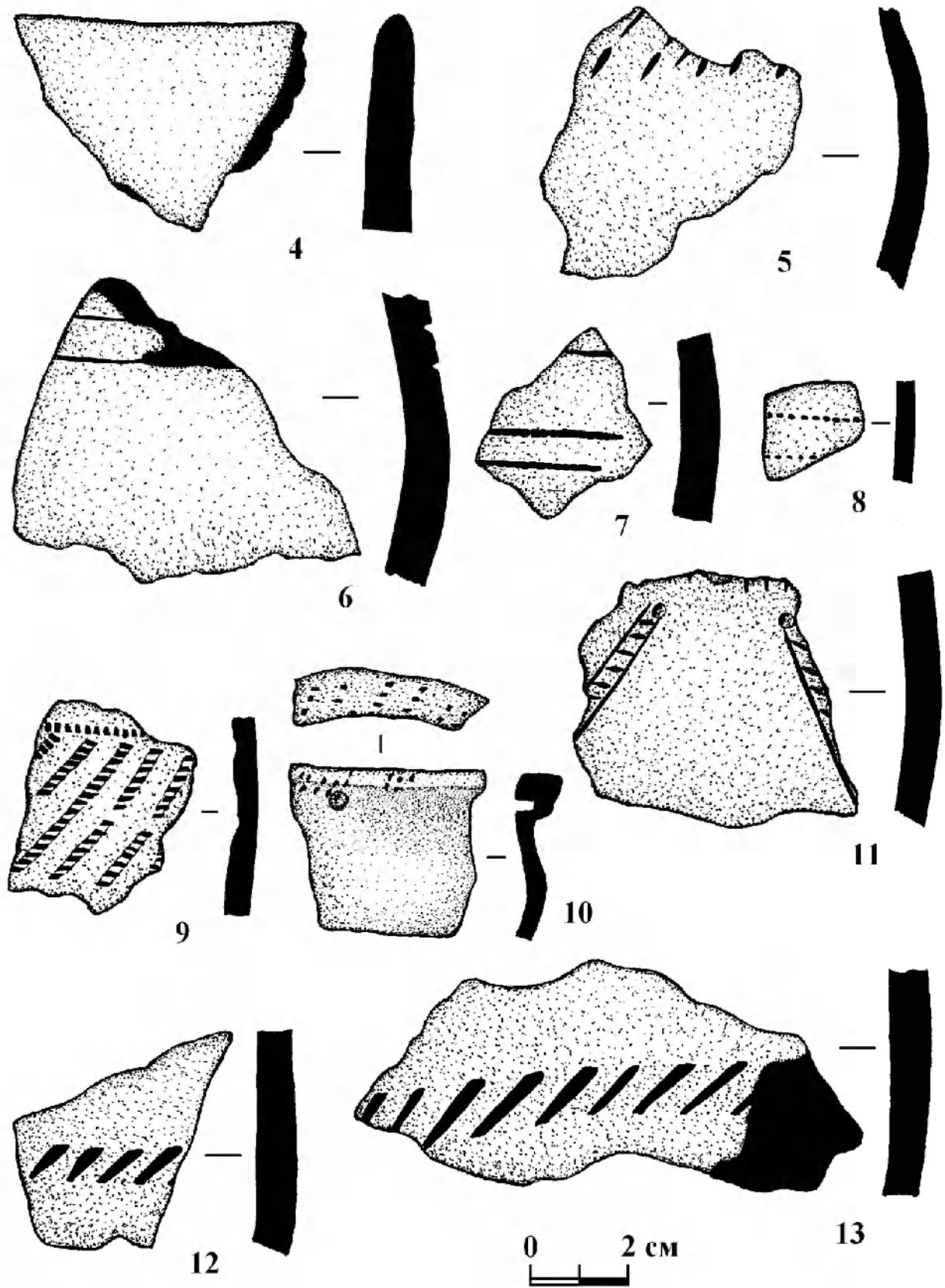

Рис. 5. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2000 года: 4-13 – фрагменты керамической посуды

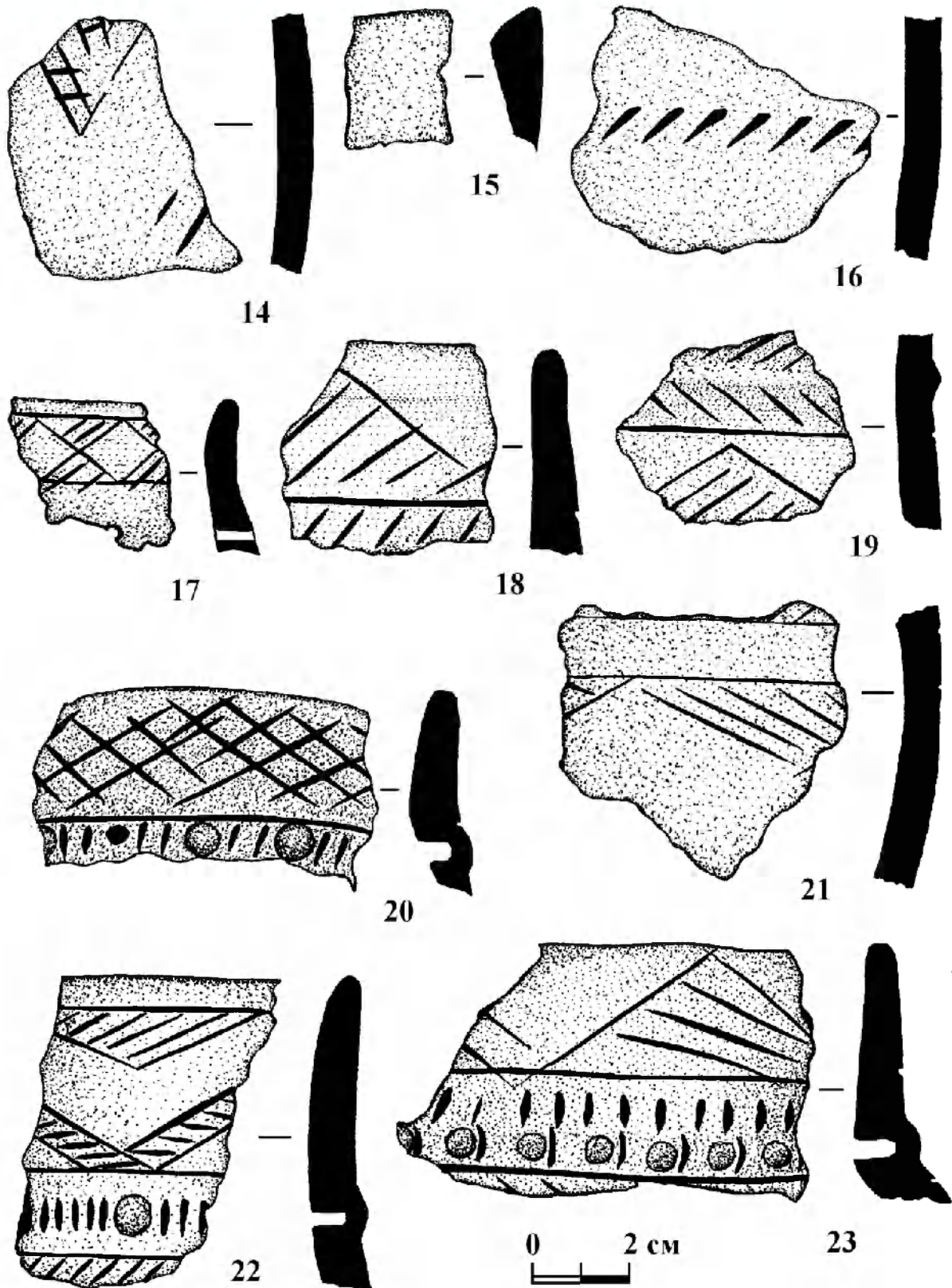

Рис. 7. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2000 года: 14-23 – фрагменты керамической посуды

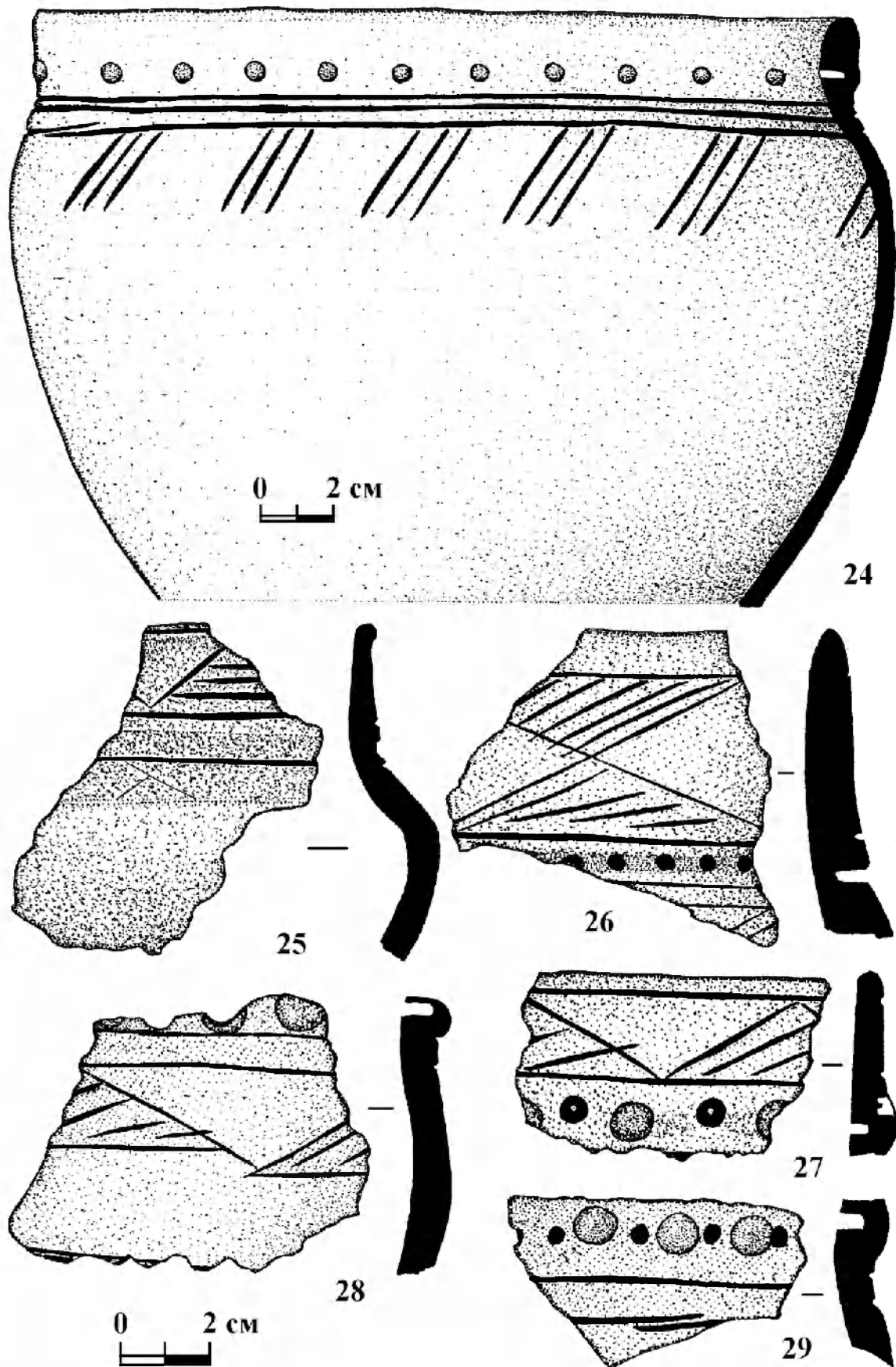

Рис. 3. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2000 года: 24-29 – фрагменты керамической посуды

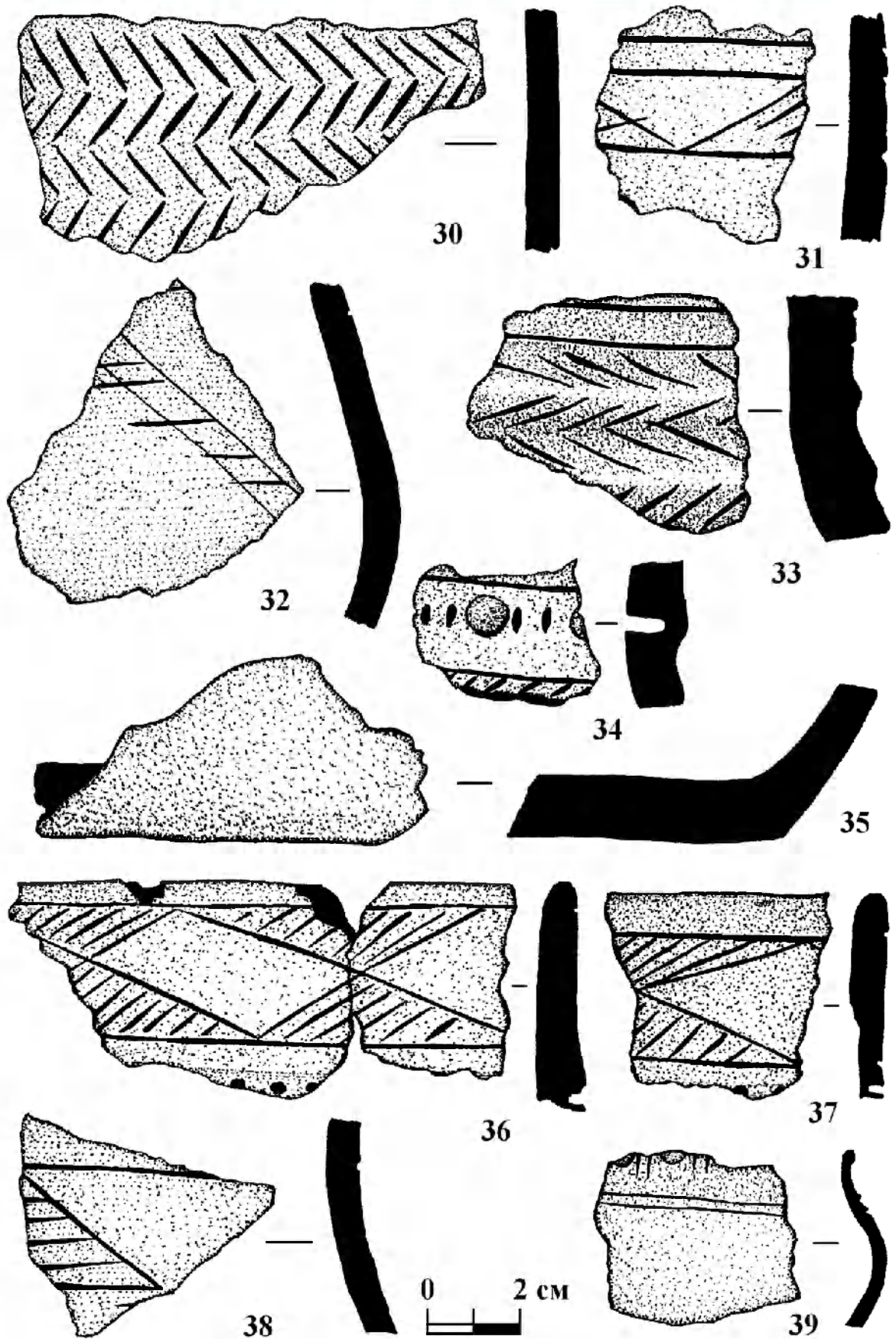

Рис. 9. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2000 года: 30-39 – фрагменты керамической посуды

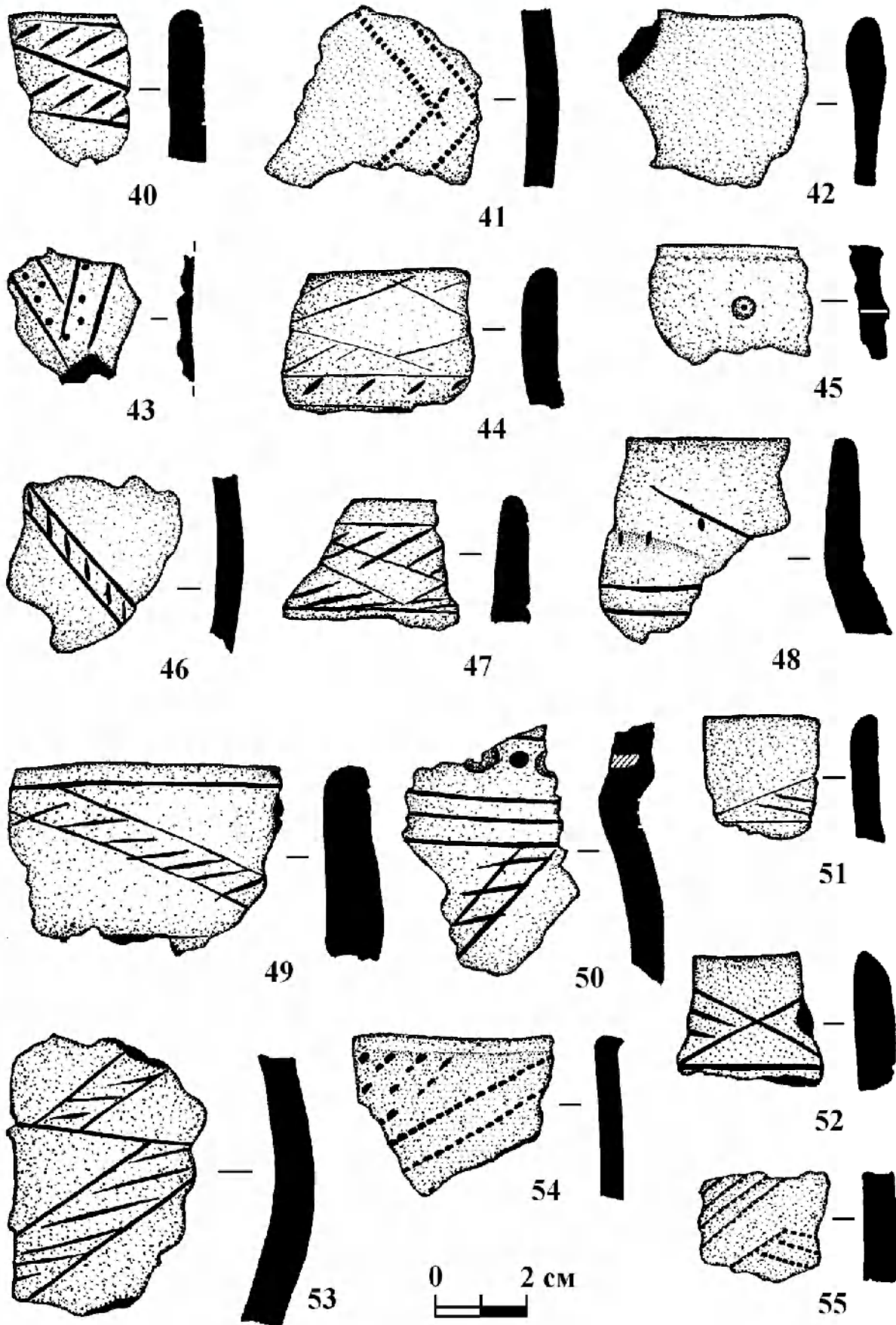

Рис. 10. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2000 года: 40-55 – фрагменты керамической посуды

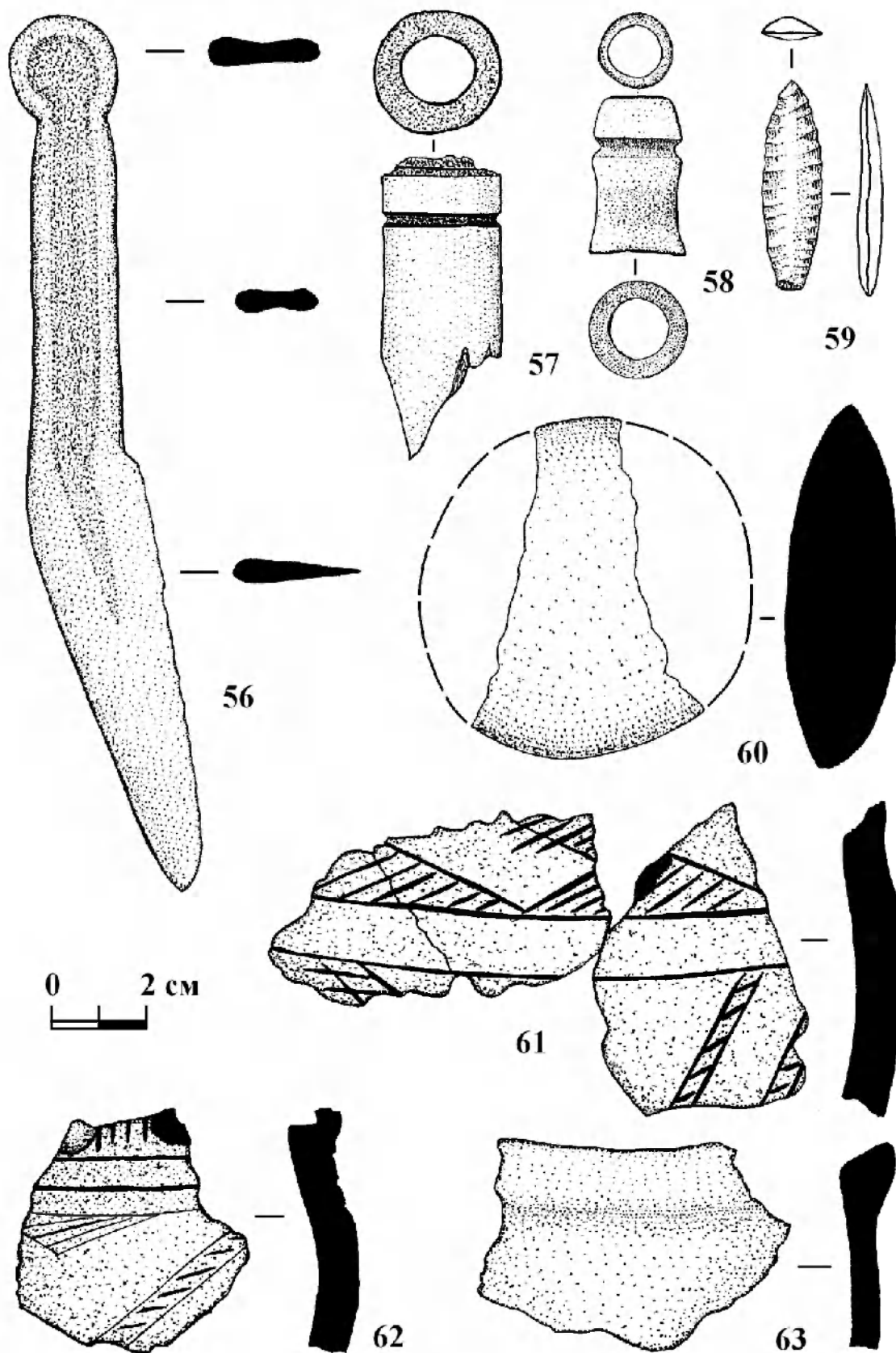

Рис. 11. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2000 года: 56 – бронзовый нож, 57, 58 – костяные изделия, 59 – каменный наконечник стрелы, 60 – фрагмент каменного изделия, 61-63 – фрагменты керамической посуды

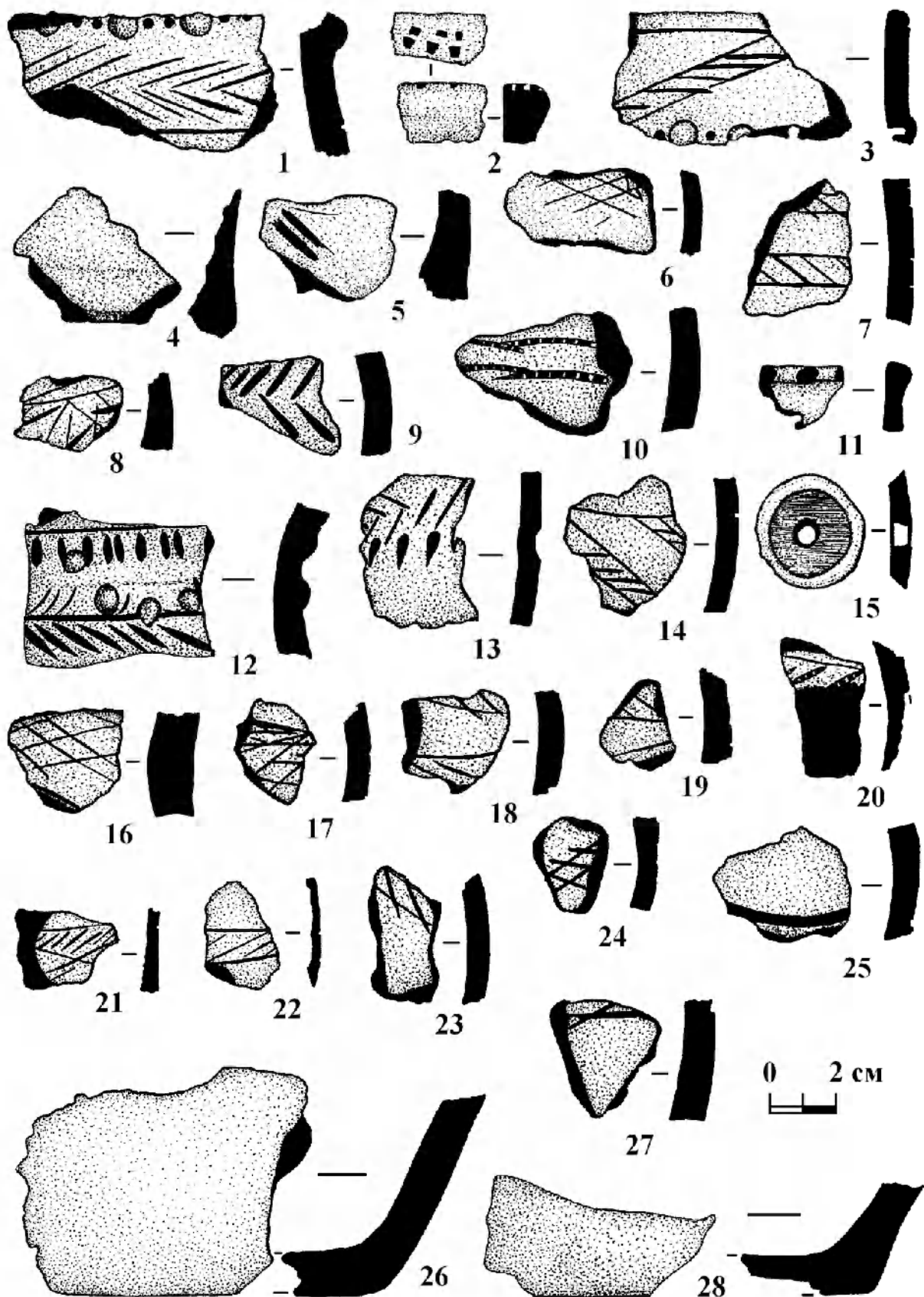

Рис. 12. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2001 года близ раскопа №1: 1-14, 16-28 – фрагменты керамической посуды, 15 – костяное изделие

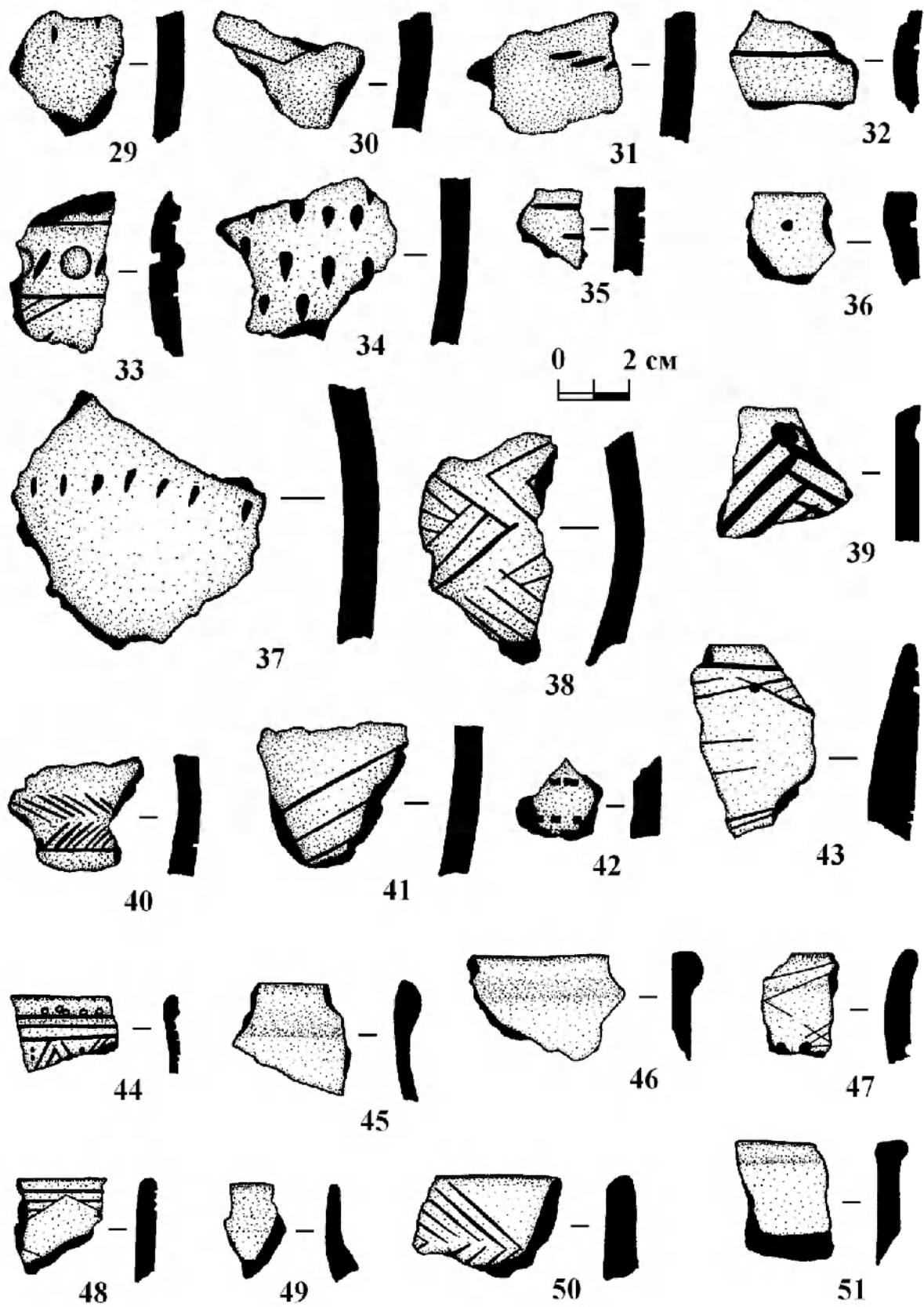

Рис. 13. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2001 года близ раскопа №1: 29-51 – фрагменты керамической посуды

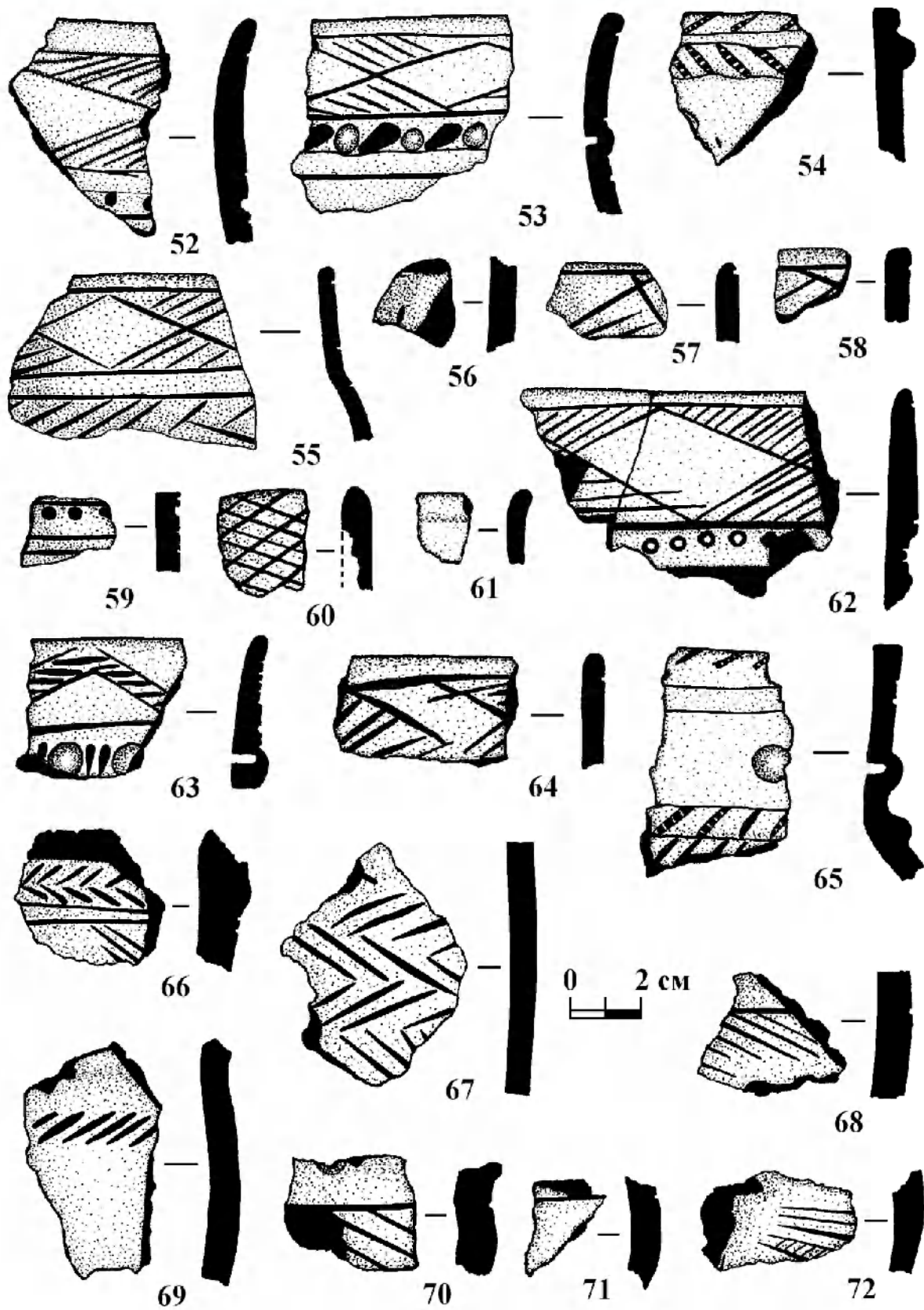

Рис. 14. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2001 года близ раскопа №1: 52-72 – фрагменты керамической посуды

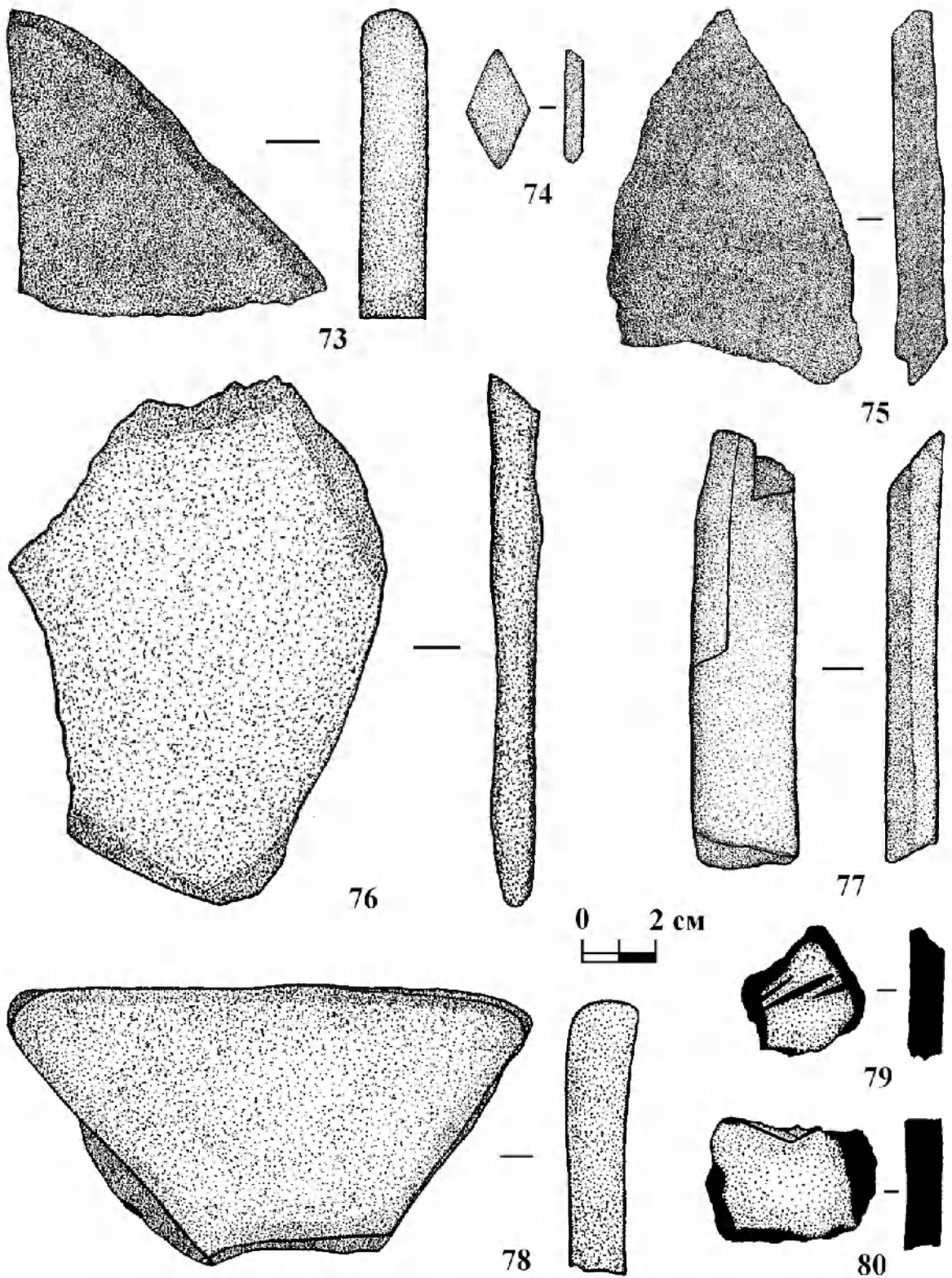

Рис. 15. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2001 года близ раскопа №1: 73-78 – фрагменты каменных изделий, 79, 80 – фрагменты керамической посуды

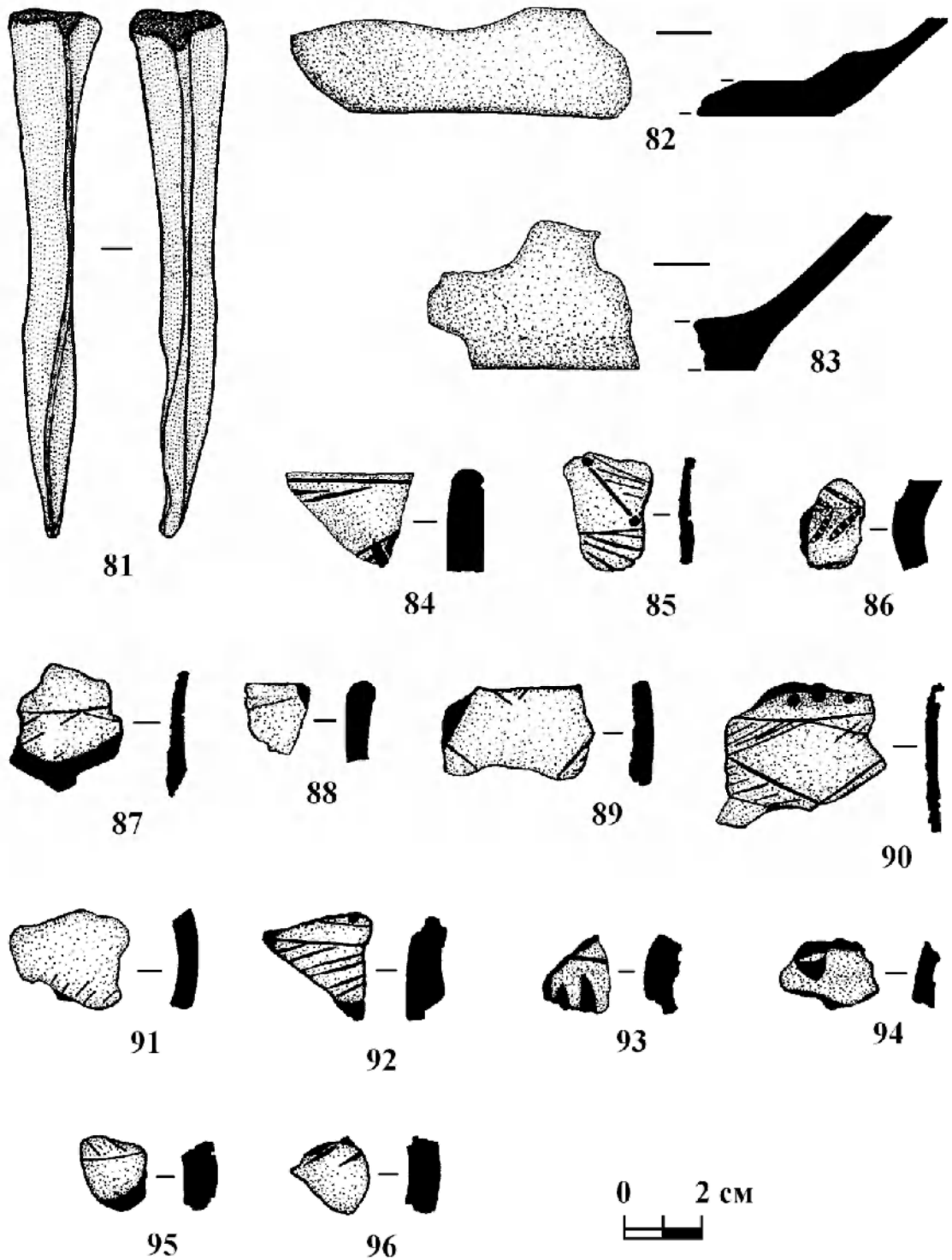

Рис. 16. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2001 года близ раскопа №1: 81 – костяное изделие, 82-96 – фрагменты керамической посуды

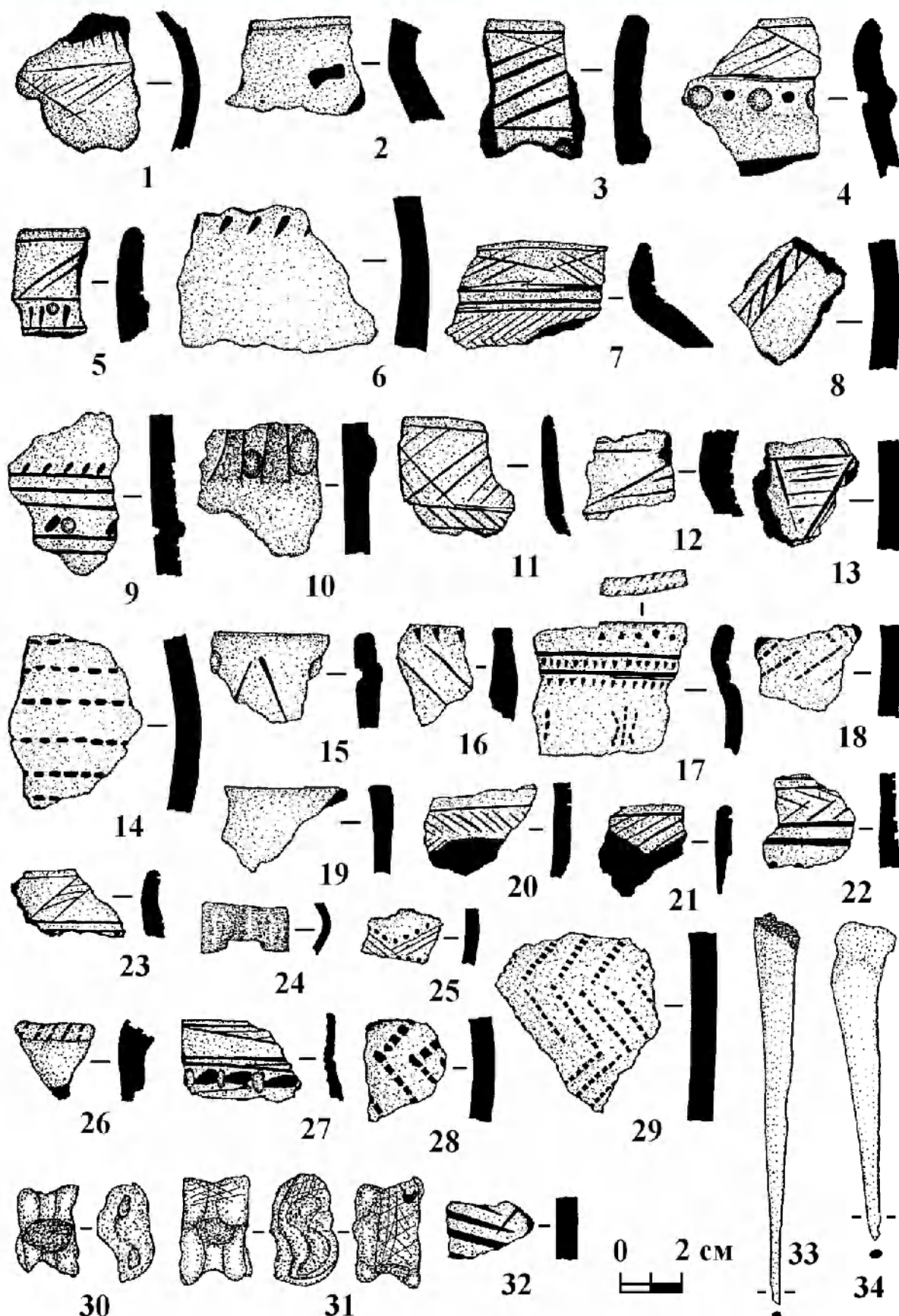

Рис. 17. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2002 года близ раскопа №1: 1-29, 32 – фрагменты керамической посуды, 30, 31 – игральные кости (альчики), 33, 34 – костяные изделия (проколки)

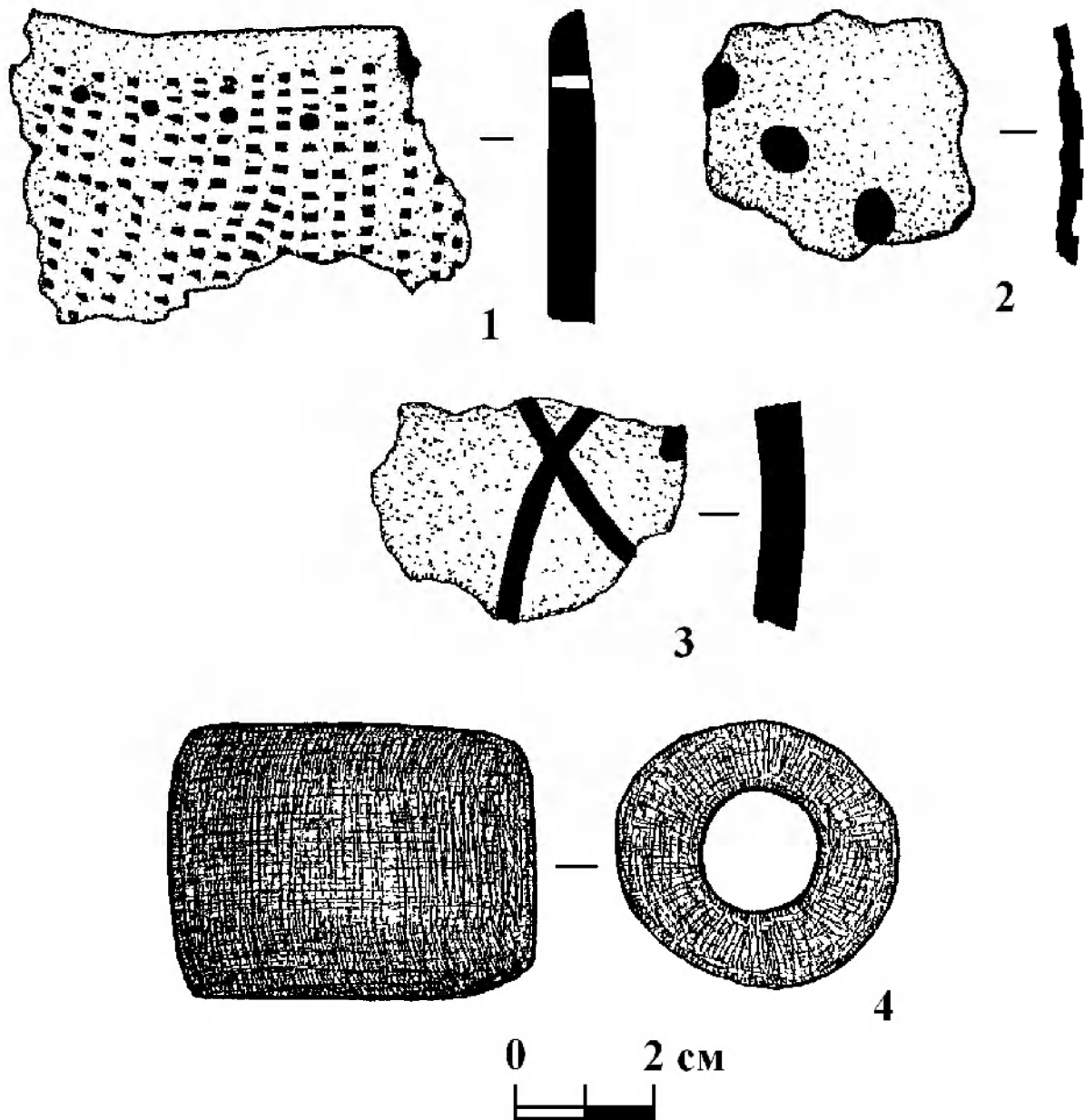

Рис. 18. Комплекс поселений Торопово-4. Подъемные сборы 2001 (1, 2) и 2002 (3, 4) года близ раскопа №3: 1-3 – фрагменты керамической посуды, 4 – деревянное изделие (поплавок)

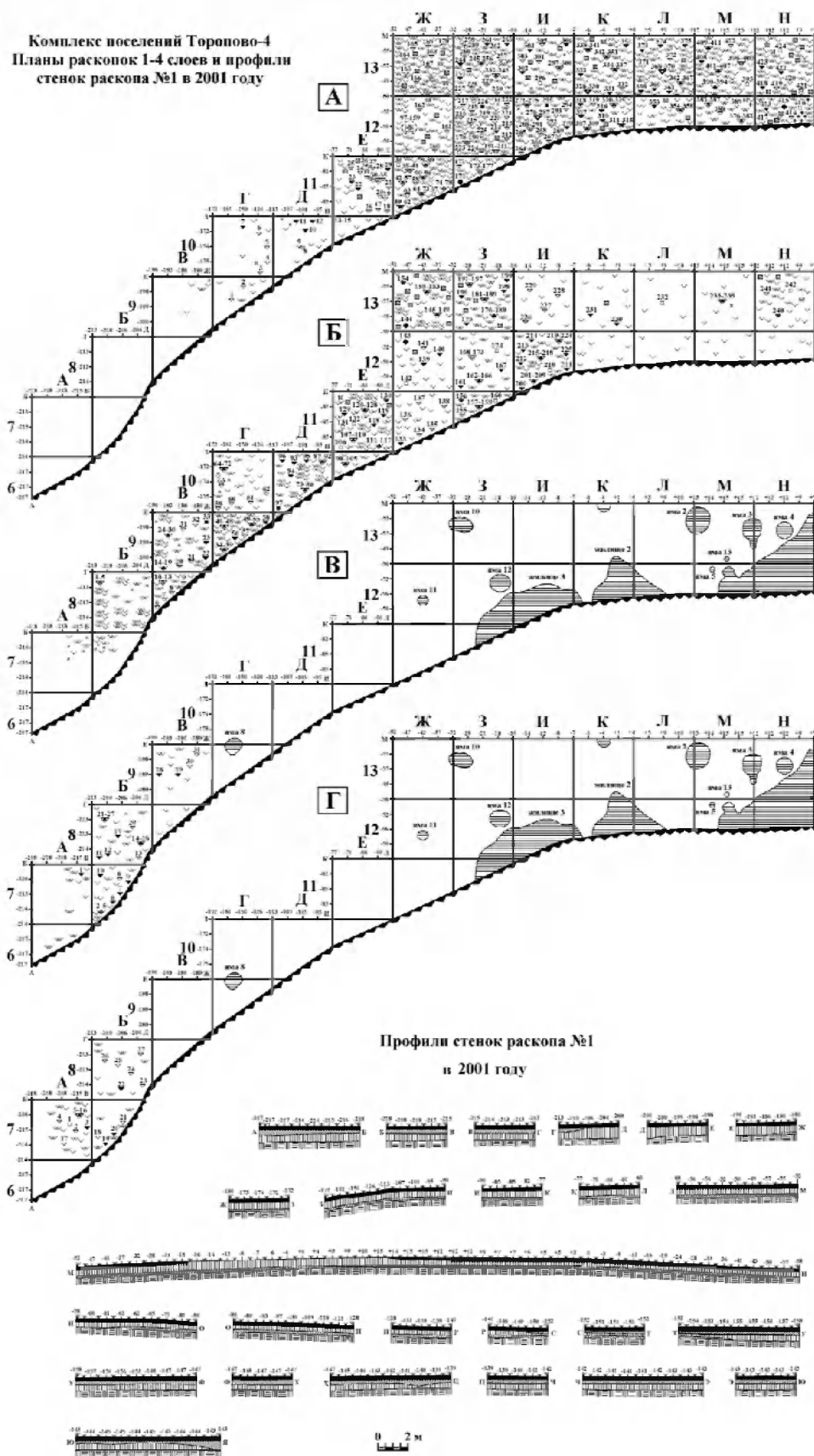

Рис. 19. Комплекс поселений Торопово-4. Раскоп №1 в 2001 году. Планы 1 (А), 2 (Б), 3 (В) и 4 (Г) слоев, профили стенок и бровок

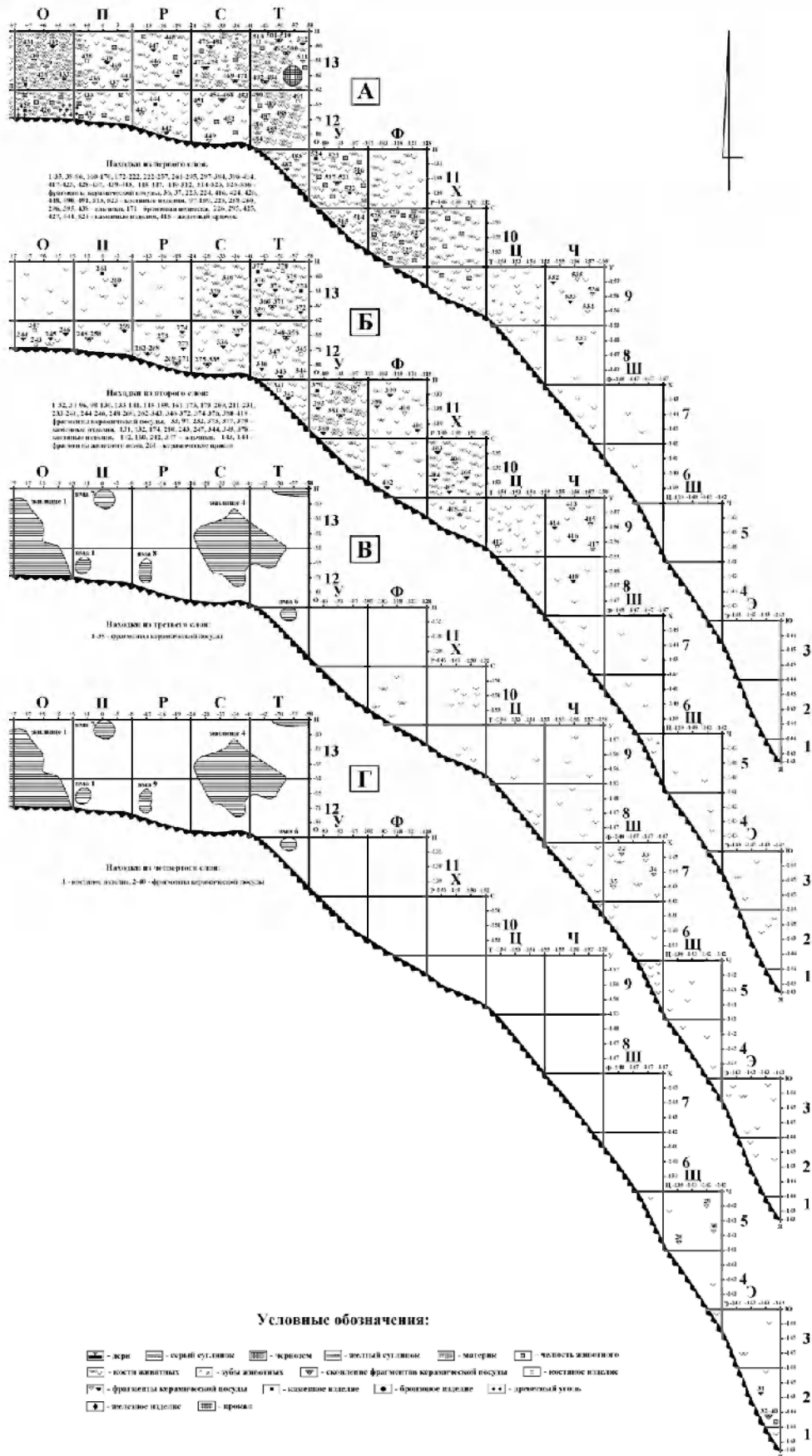

Рис. 19 (продолжение). Комплекс поселений Торопово-4. Раскоп №1 в 2001 году. Планы 1 (А), 2 (Б), 3 (В) и 4 (Г) слоев, профили стенок и бровок

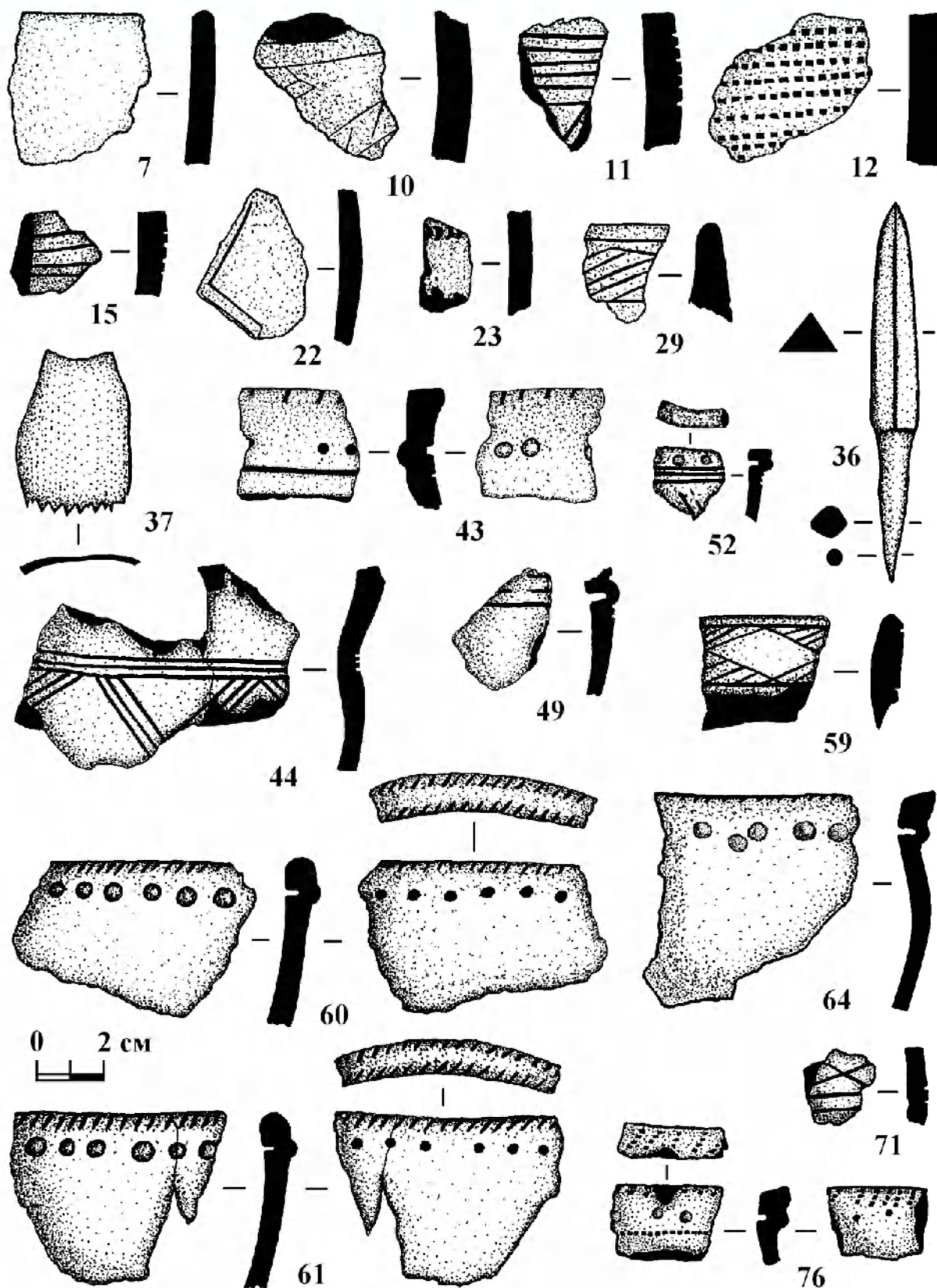

Рис. 20. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из первого слоя раскопа №1: 7, 10, 11, 12, 15, 22, 23, 29, 43, 44, 49, 52, 59-61, 64, 71, 76 – фрагменты керамической посуды, 36 – костяной наконечник стрелы, 37 – костяное изделие для орнамента-ции керамической посуды

Рис. 21. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из первого слоя раскопа №1: 83, 90, 91, 95, 96 – фрагменты керамической посуды, 97-122 – альчики (игральные кости)

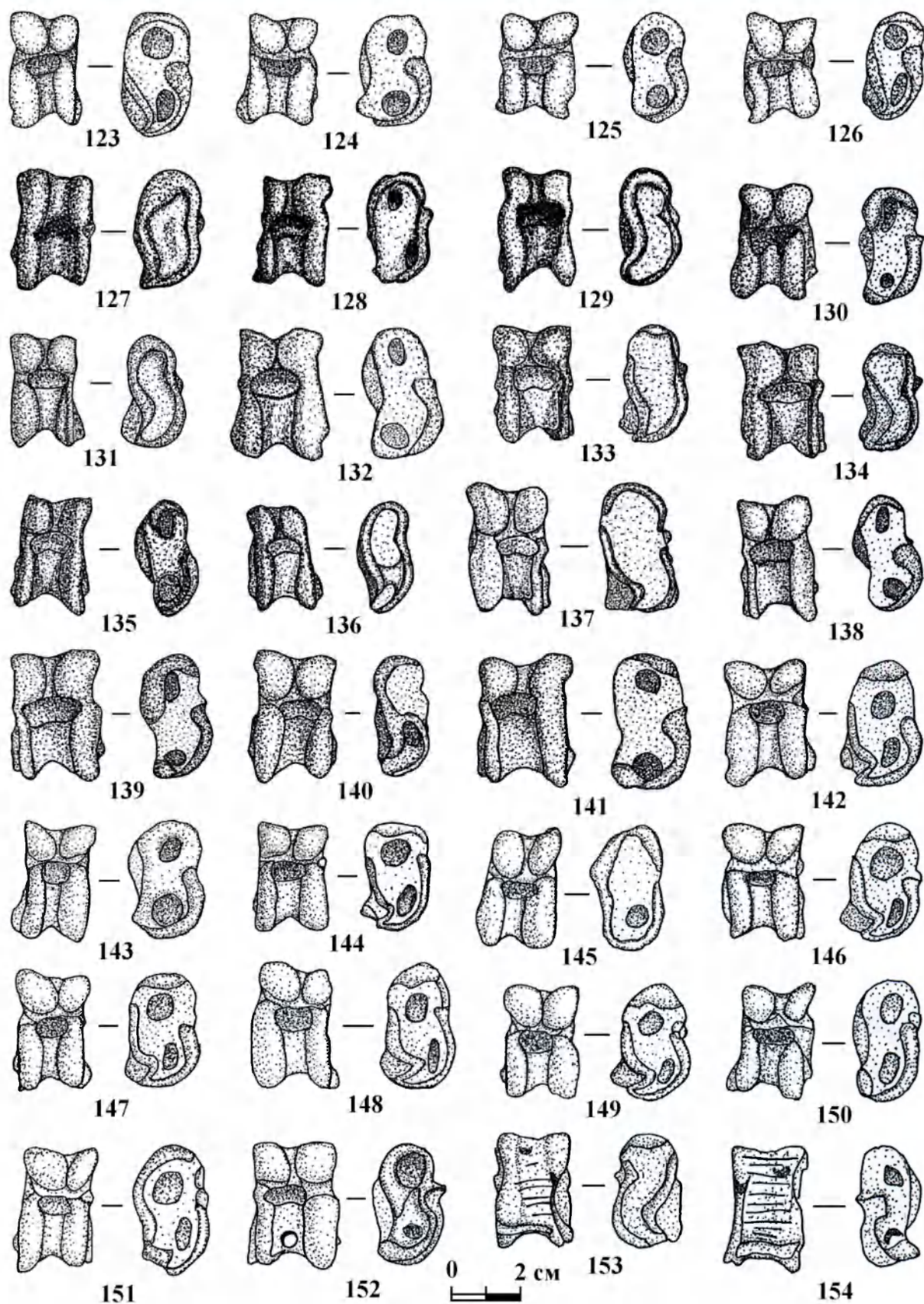

Рис. 22. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из первого слоя раскопа №1: 123-154 – альчики (игральные кости)

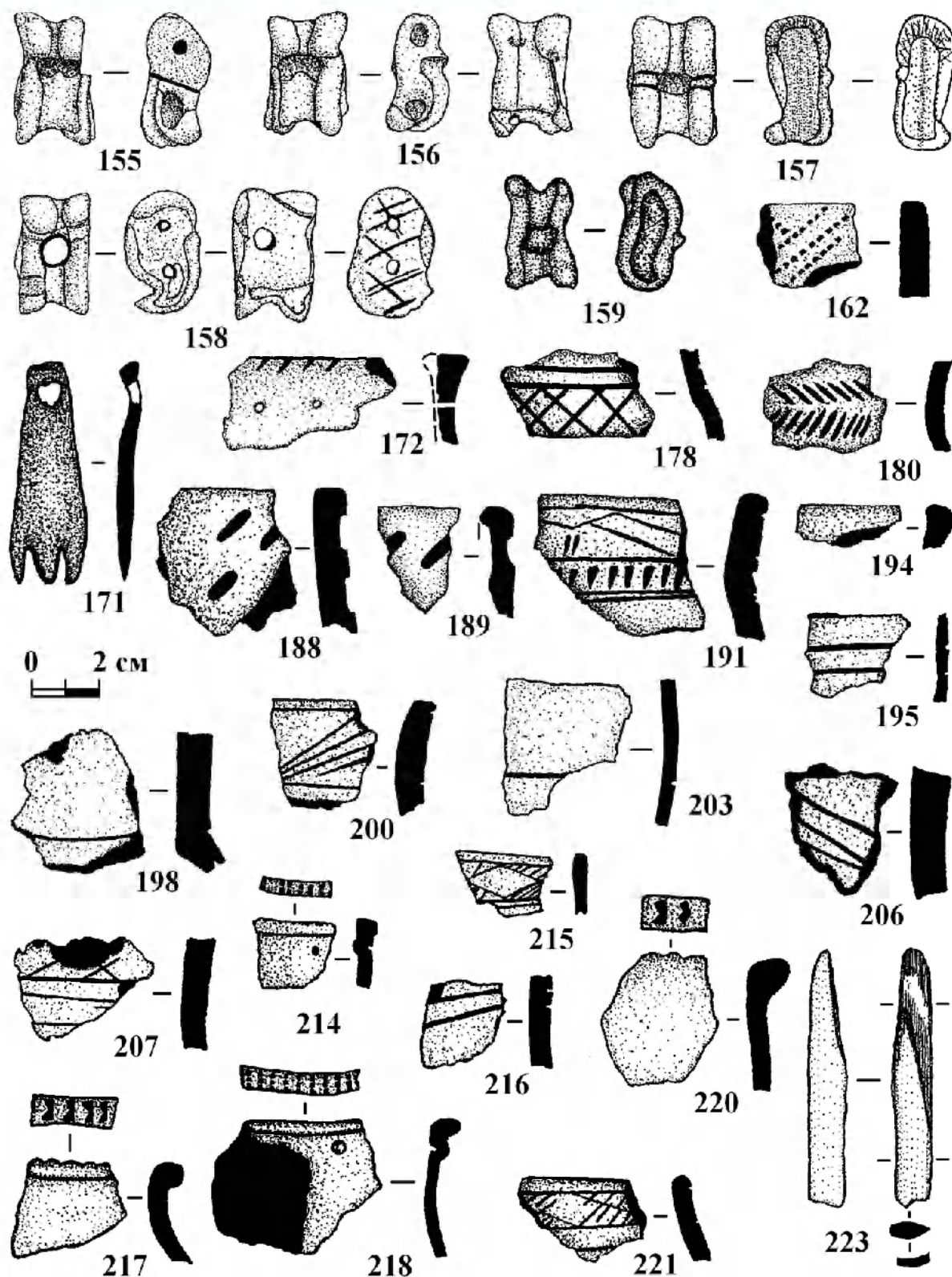

Рис. 23. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из первого слоя раскопа №1: 155-159 – альчики (игральные кости), 162, 172, 178, 180, 188, 189, 191, 194, 195, 198, 200, 203, 206, 207, 214-218, 220, 221 – фрагменты керамической посуды, 171 – бронзовая «лапчатая» подвеска, 223 – фрагмент костяного изделия (орудие орнамента-ции керамической посуды)

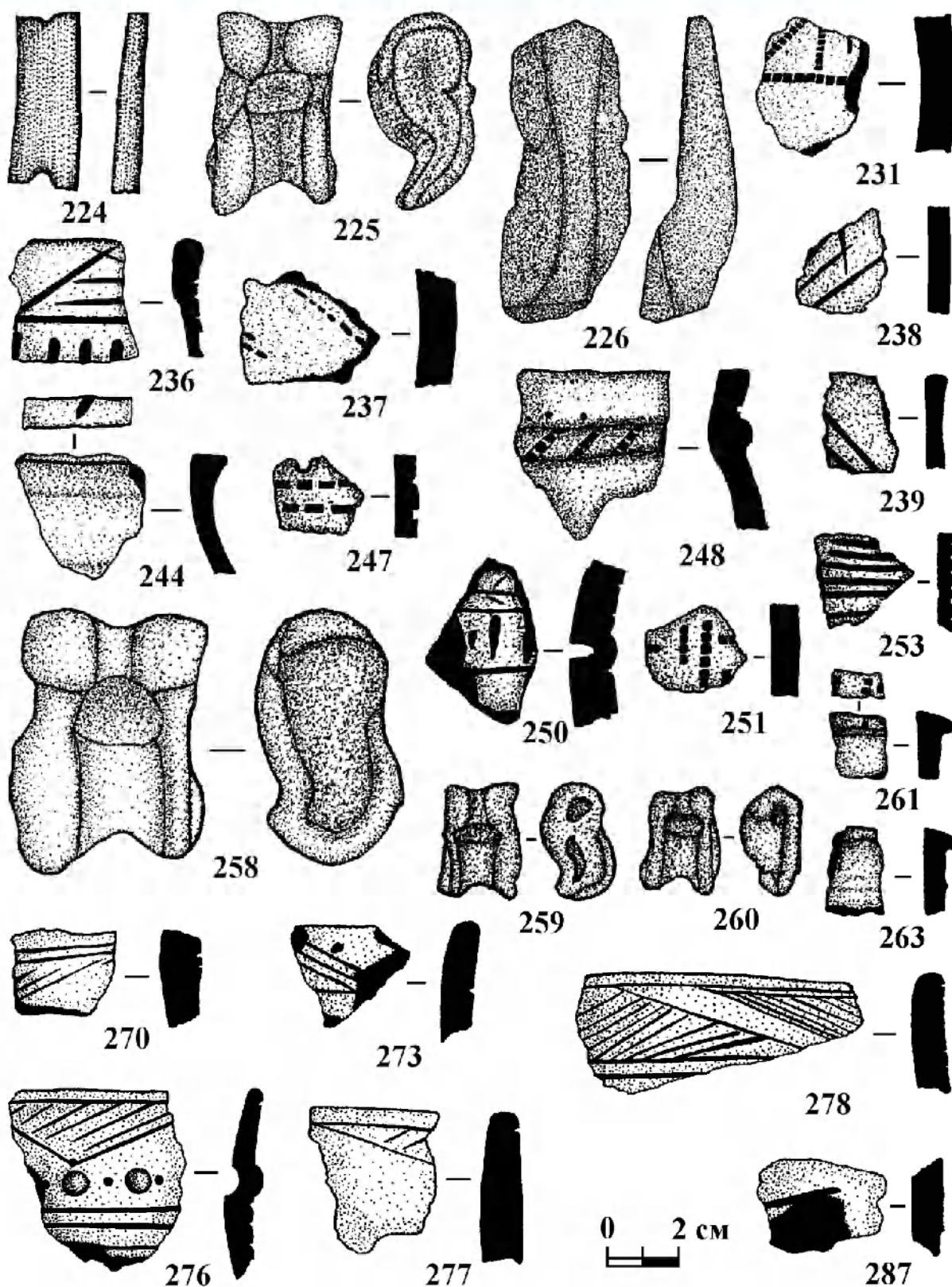

Рис. 24. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из первого слоя раскопа №1: 224 – фрагмент костяного изделия, 225, 258, 259, 260 – альчики (игральные кости), 226 – каменное изделие (скребло), 231, 236-239, 244, 247, 248, 250, 251, 253, 258-261, 263, 270, 273, 276-278, 287 – фрагменты керамической посуды, 171 – бронзовая «лапчатая» подвеска

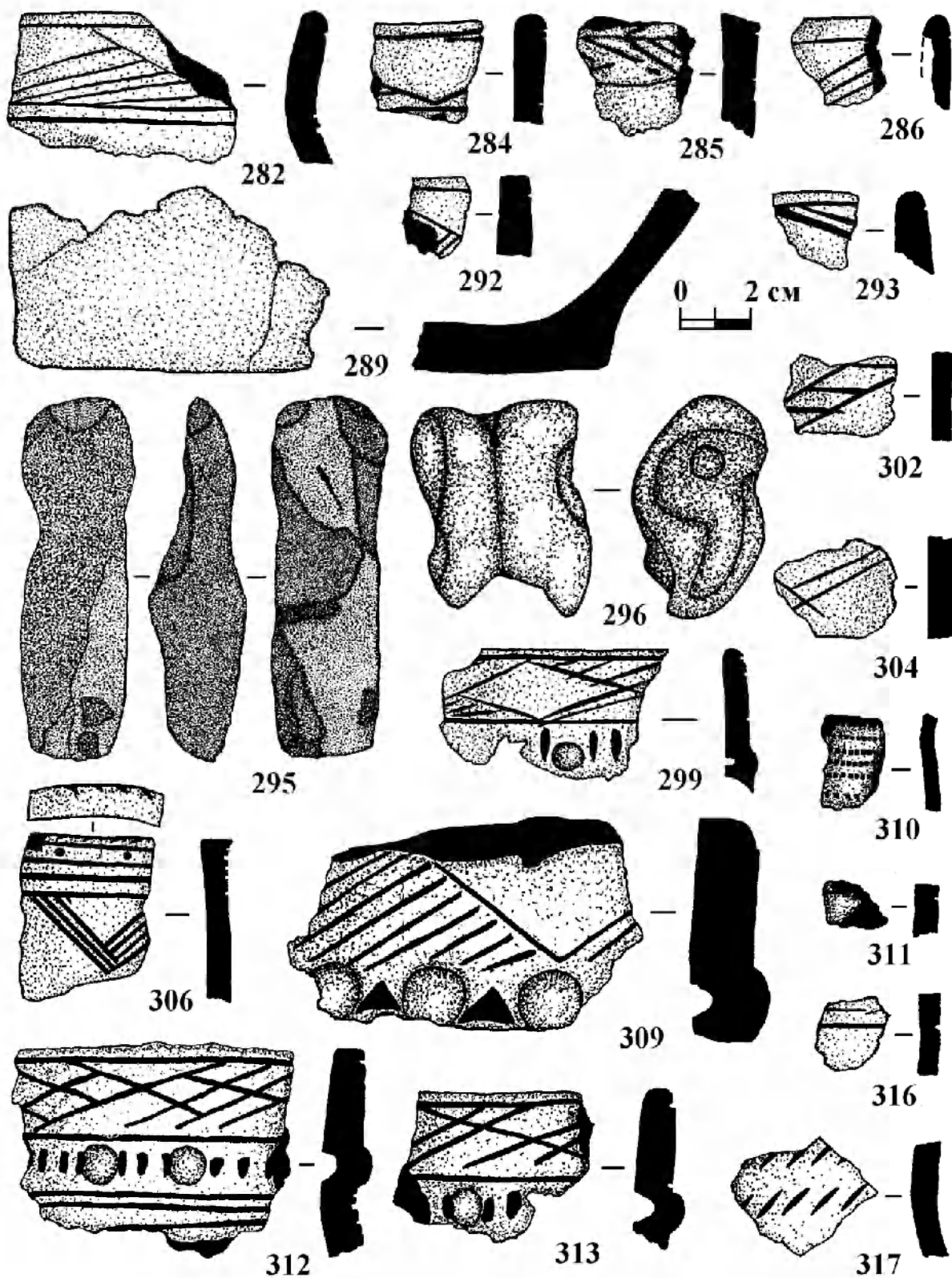

Рис. 25. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из первого слоя раскопа №1: 282, 284, 285, 286, 289, 292, 293, 299, 302, 304, 306, 309-313, 316, 317 – фрагменты керамической посуды, 295 – каменное изделие (скребло), 296 – альчик (игральная кость)

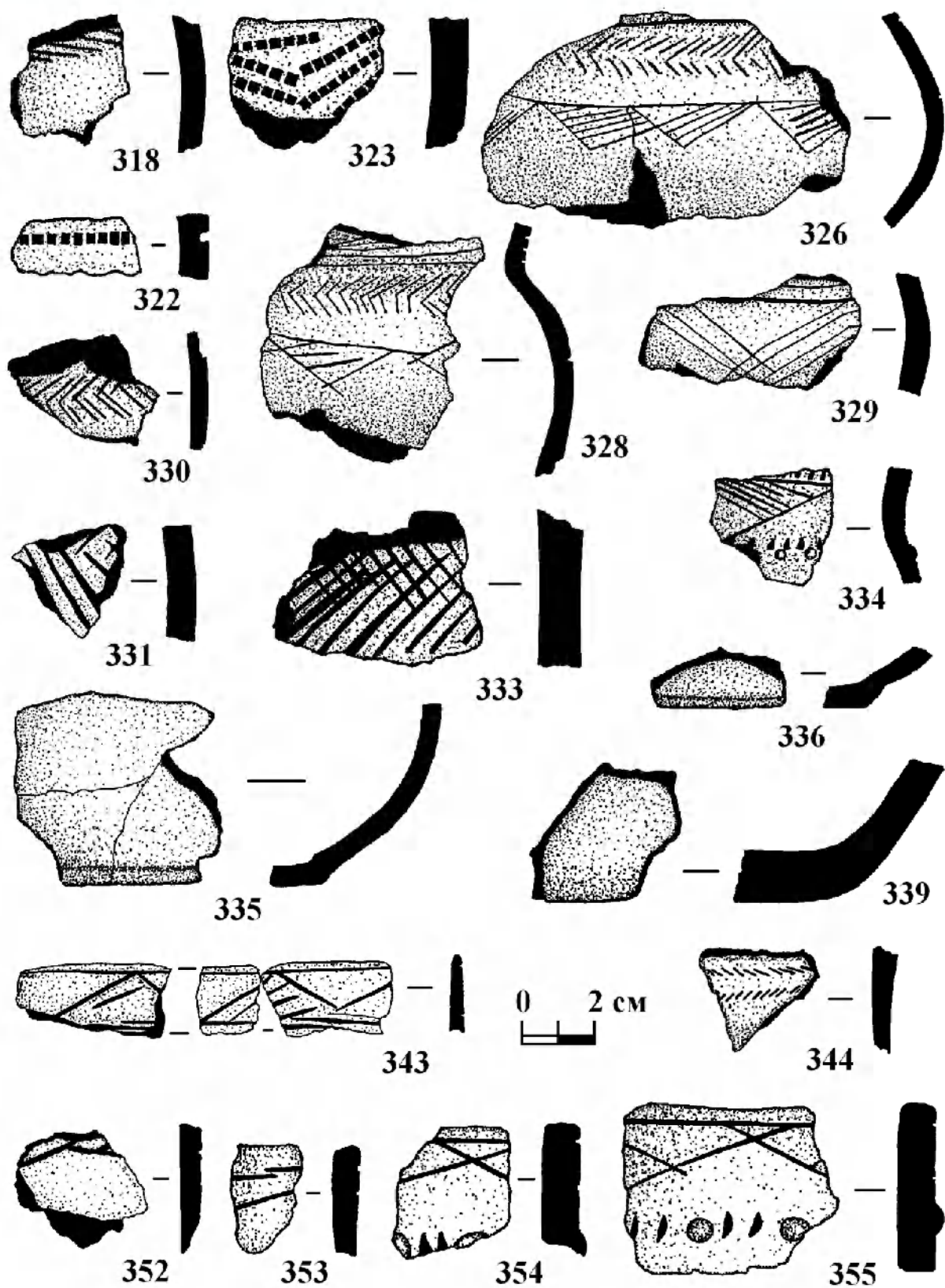

Рис. 26. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из первого слоя раскопа №1: 318, 322, 323, 326, 328-331, 333-336, 339, 343, 344, 352-355 – фрагменты керамической посуды

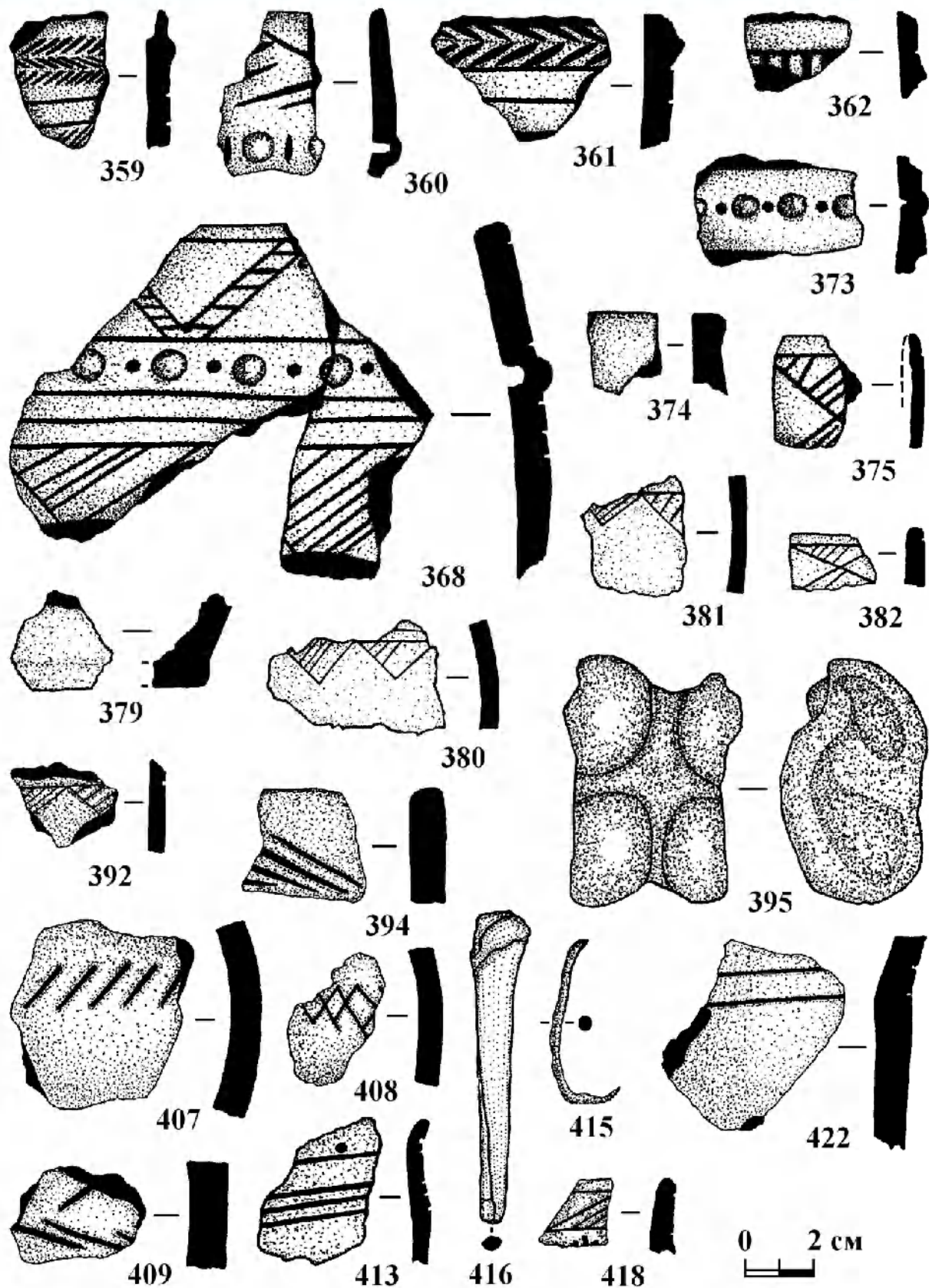

Рис. 27. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из первого слоя раскопа №1: 359-362, 368, 373-375, 379-382, 392, 394, 407-409, 413, 418, 422 – фрагменты керамической посуды, 415 – железный крючок, 416 – фрагмент костяного изделия (прокол-ка), 395 – альчик (игральная кость)

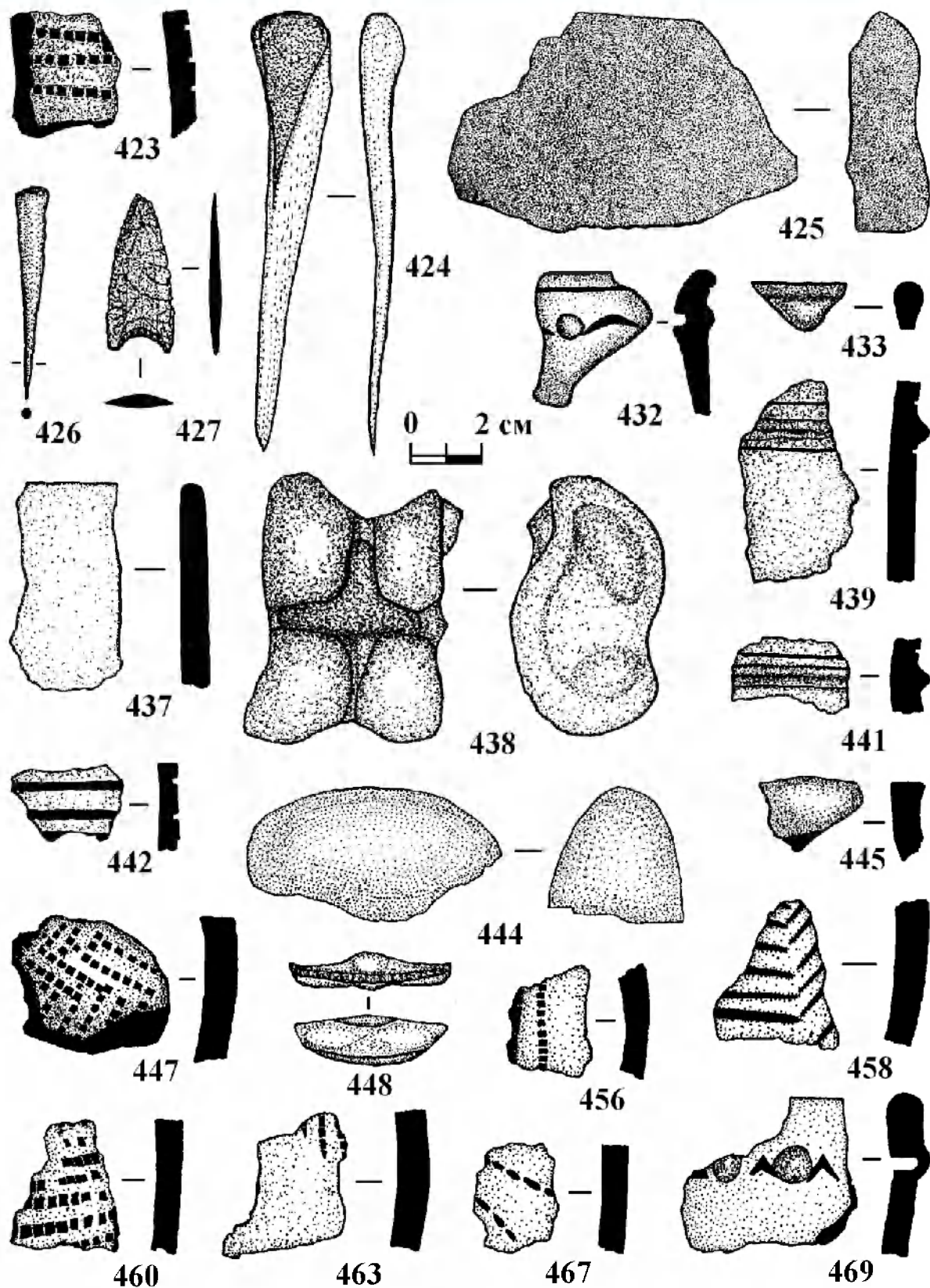

Рис. 28. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из первого слоя раскопа №1: 423, 432, 433, 437, 441, 442, 445, 447, 456, 458, 460, 463, 467, 469 – фрагменты керамической посуды, 424, 426 – костяные проколки, 425, 444 – фрагменты каменных изделий, 427 – каменный наконечник стрелы, 438 – альчик (игральная кость), 448 – костяная застежка

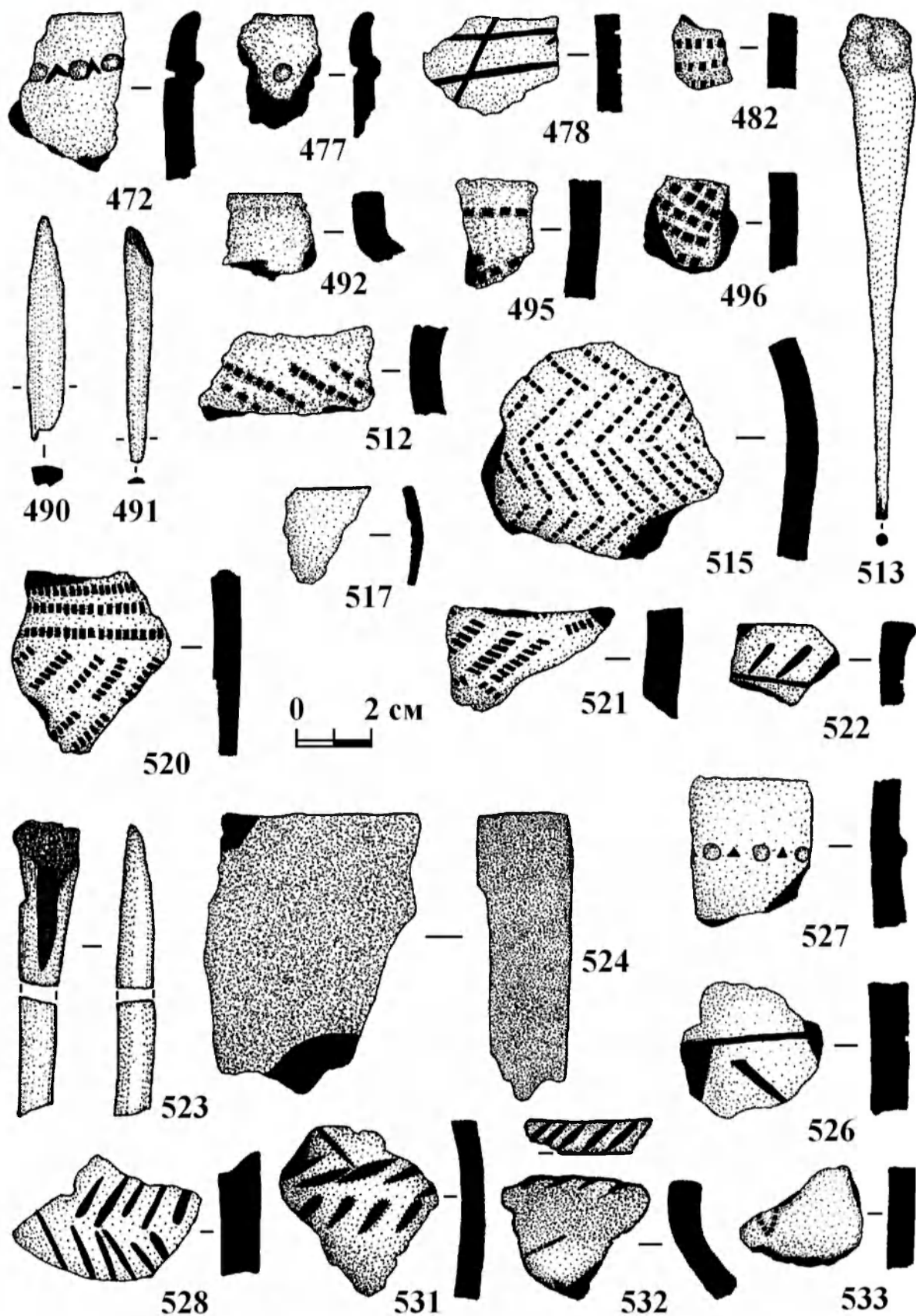

Рис. 29. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из первого слоя раскопа №1: 472, 477, 478, 482, 492, 495, 496, 512, 515, 517, 520, 521, 522, 527-528, 531-533 – фрагменты керамической посуды, 490, 491, 523 – фрагменты костяных изделий, 513 – костяная проколка, 524 – фрагмент каменного изделия

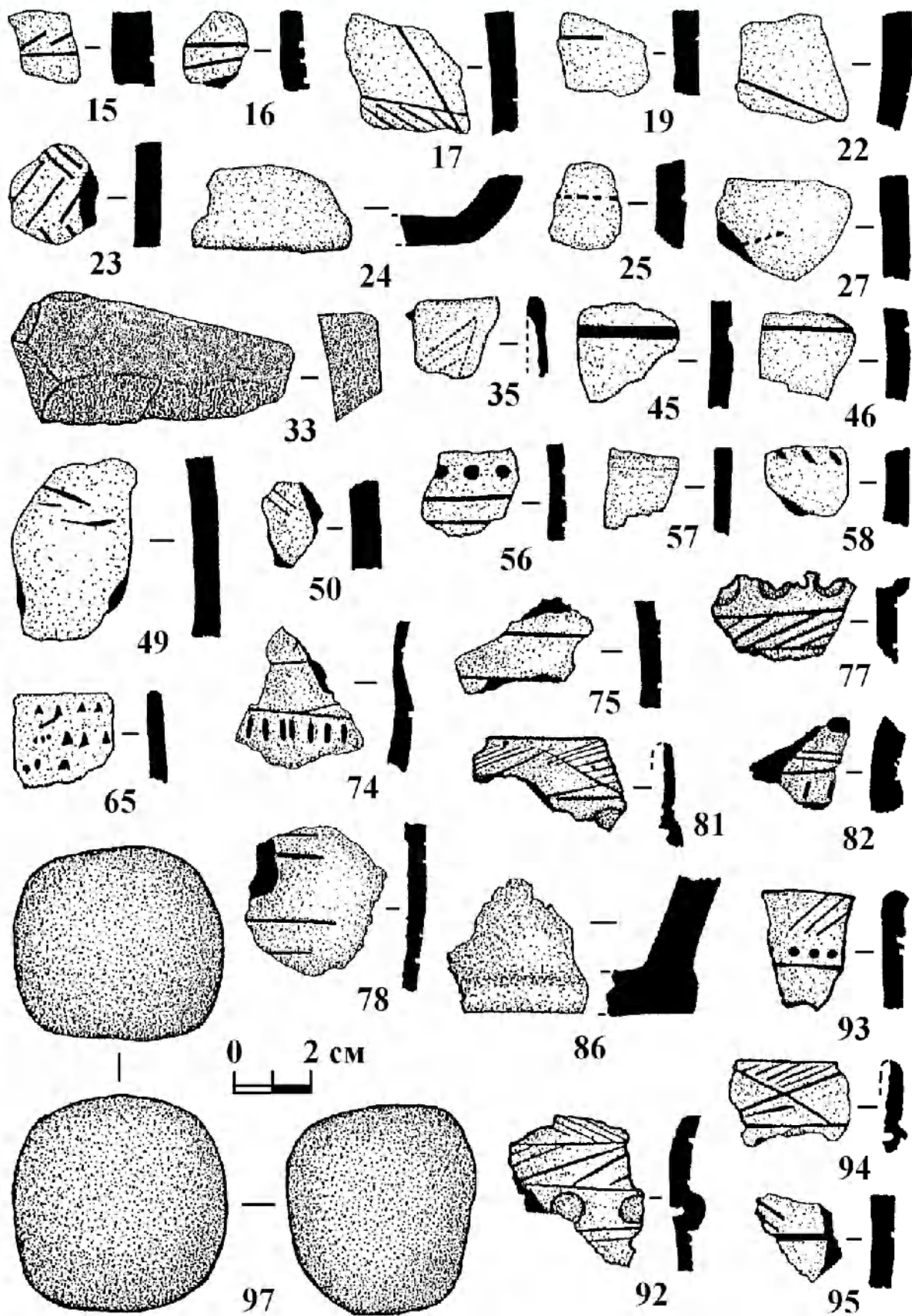

Рис. 30. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из второго слоя раскопа №1: 15-17, 19, 22-25, 27, 35, 44, 46, 49, 50, 56-58, 65, 74, 75, 77, 78, 81, 82, 86, 92-95 – фрагменты керамической посуды, 33, 97 – каменные изделия

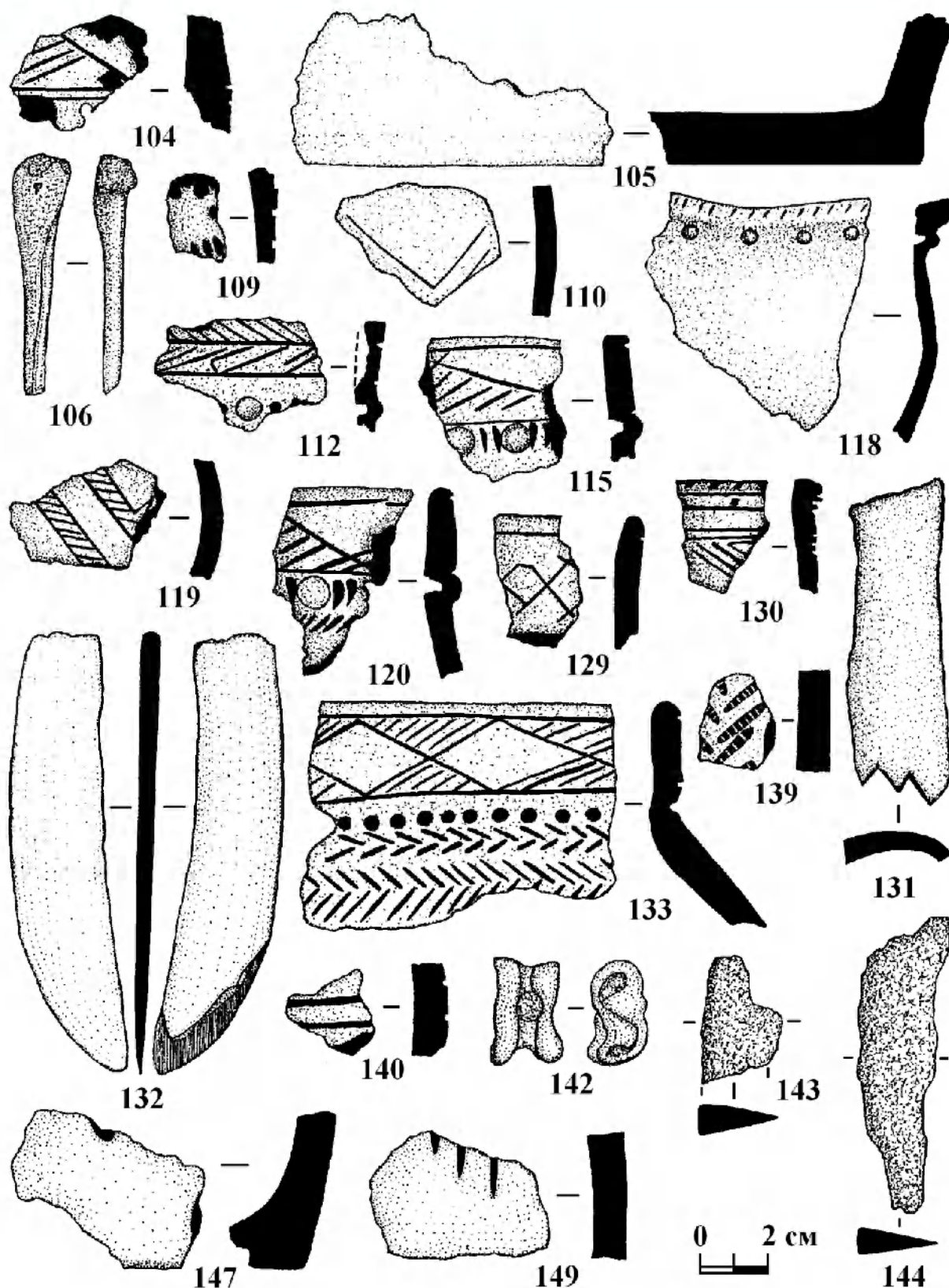

Рис. 31. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из второго слоя раскопа №1: 104, 105, 109, 110, 112, 115, 118-120, 129, 130, 133, 139, 140, 147, 149 – фрагменты керамической посуды, 106 – фрагмент костяного изделия, 131, 132 – костяные изделия для орнамента керамической посуды, 142 – альчик (игральная кость), 143, 144 – фрагменты железных ножей

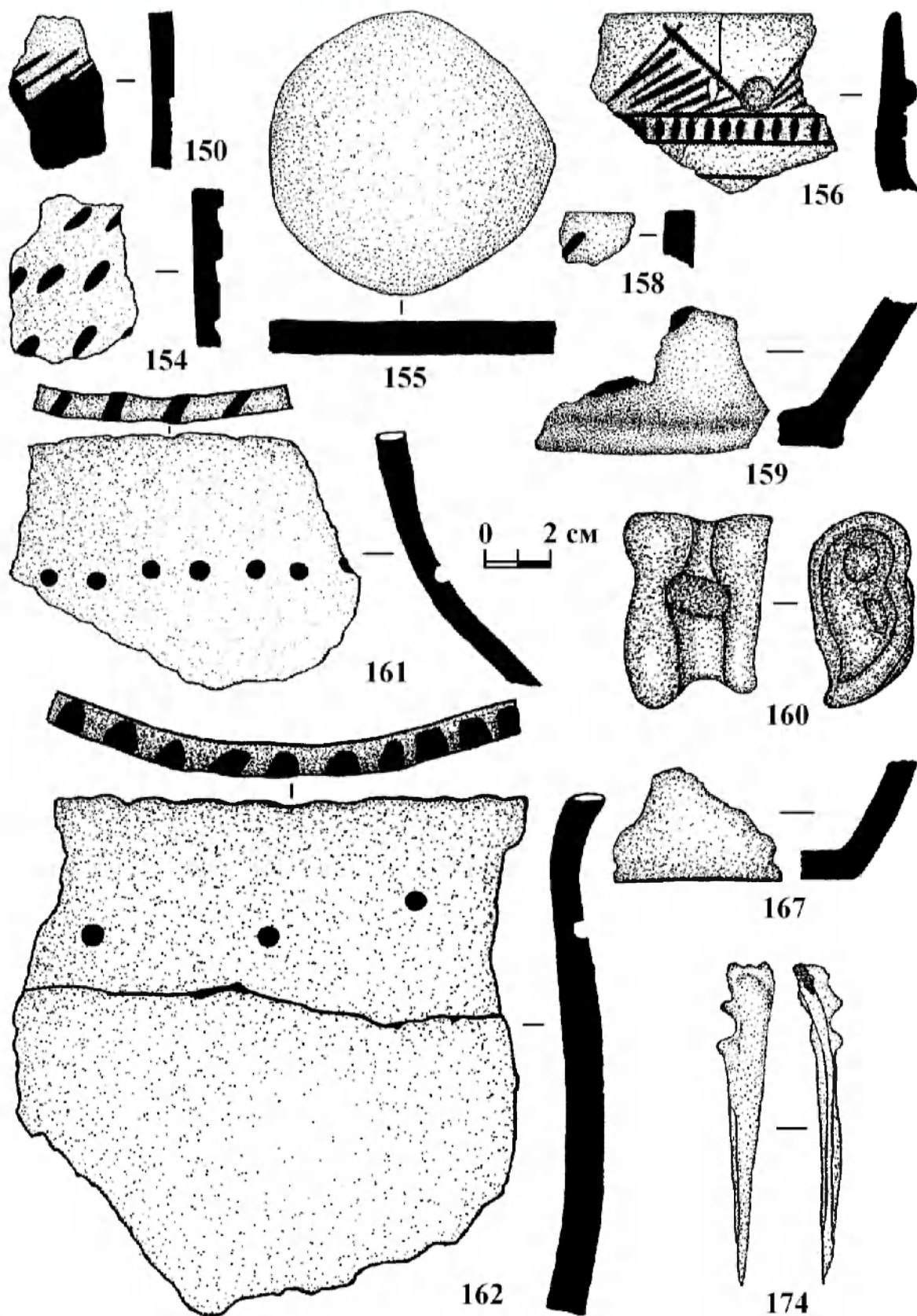

Рис. 32. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из второго слоя раскопа №1: 150, 154-156, 158, 159, 161, 162, 167 – фрагменты керамической посуды, 160 – альчик (игральная кость), 174 – костяная проколка

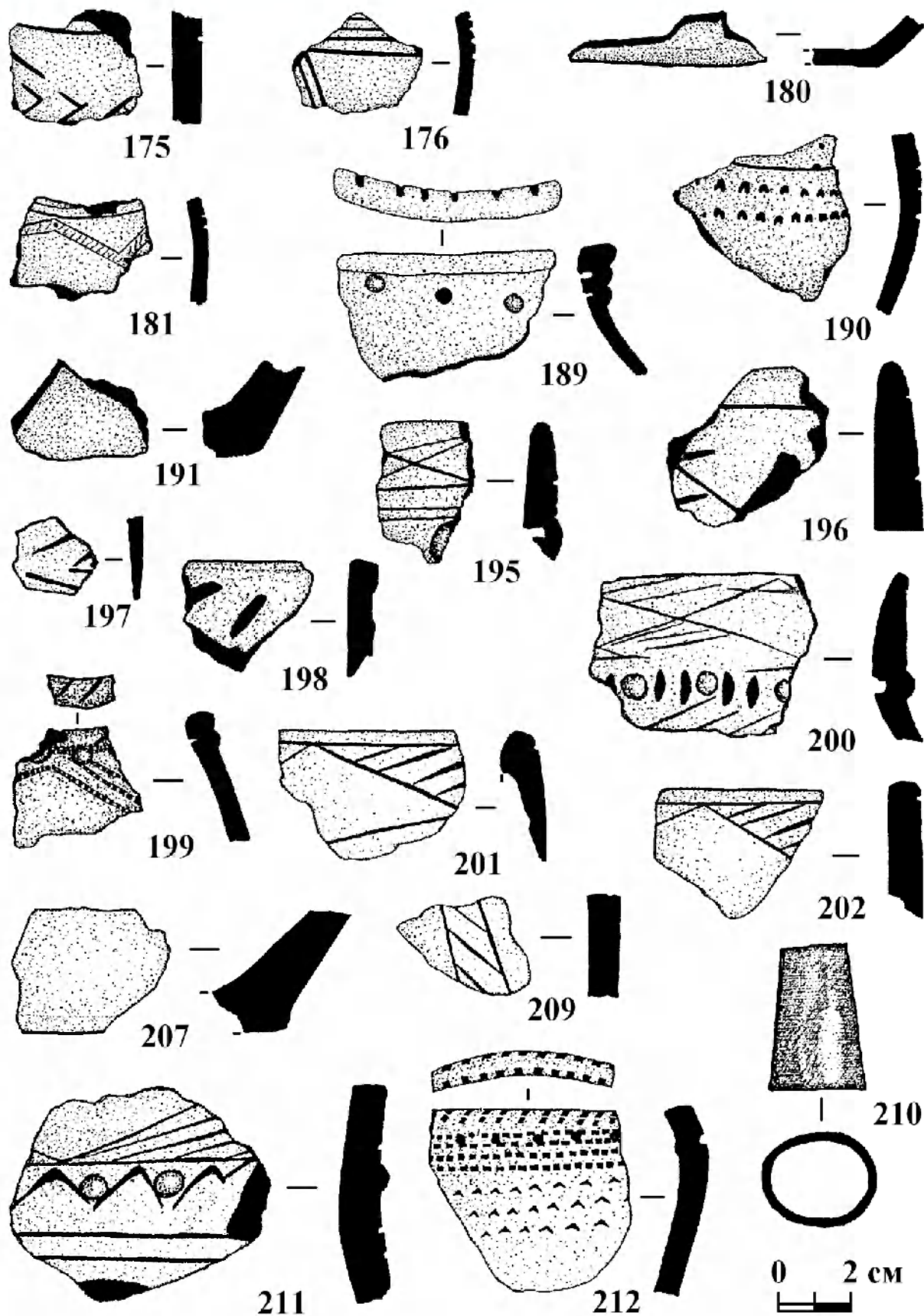

Рис. 33. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из второго слоя раскопа №1: 175, 176, 180, 181, 189-191, 195-202, 207, 209, 211, 212 – фрагменты керамической посуды, 210 – костяное изделие (накосница)

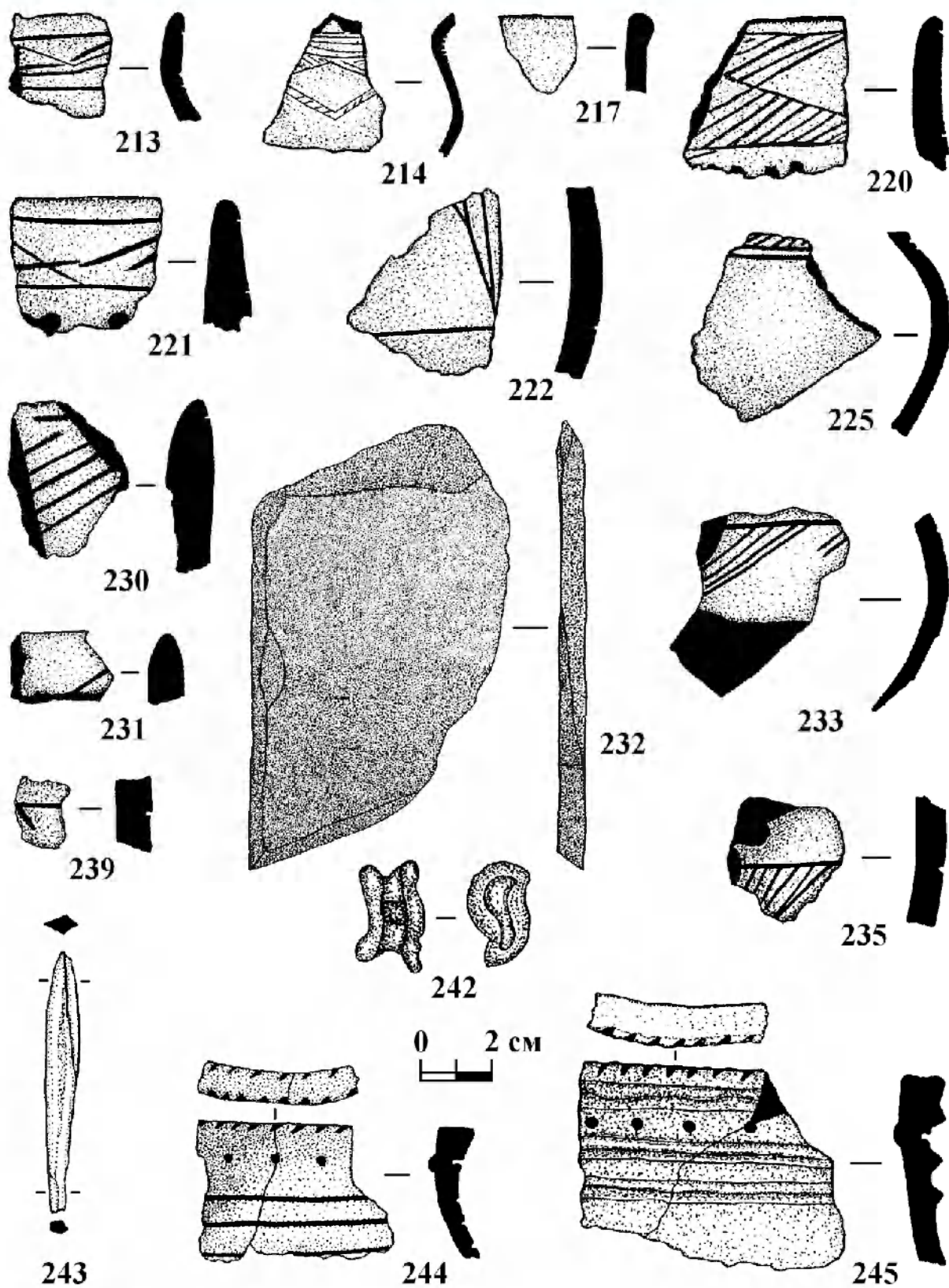

Рис. 34. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из второго слоя раскопа №1: 213, 214, 217, 220-222, 225, 230, 231, 233, 235, 239, 244, 245 – фрагменты керамической посуды, 232 – фрагмент каменного изделия, 242 – альчик (игральная кость), 243 – костяной наконечник стрелы

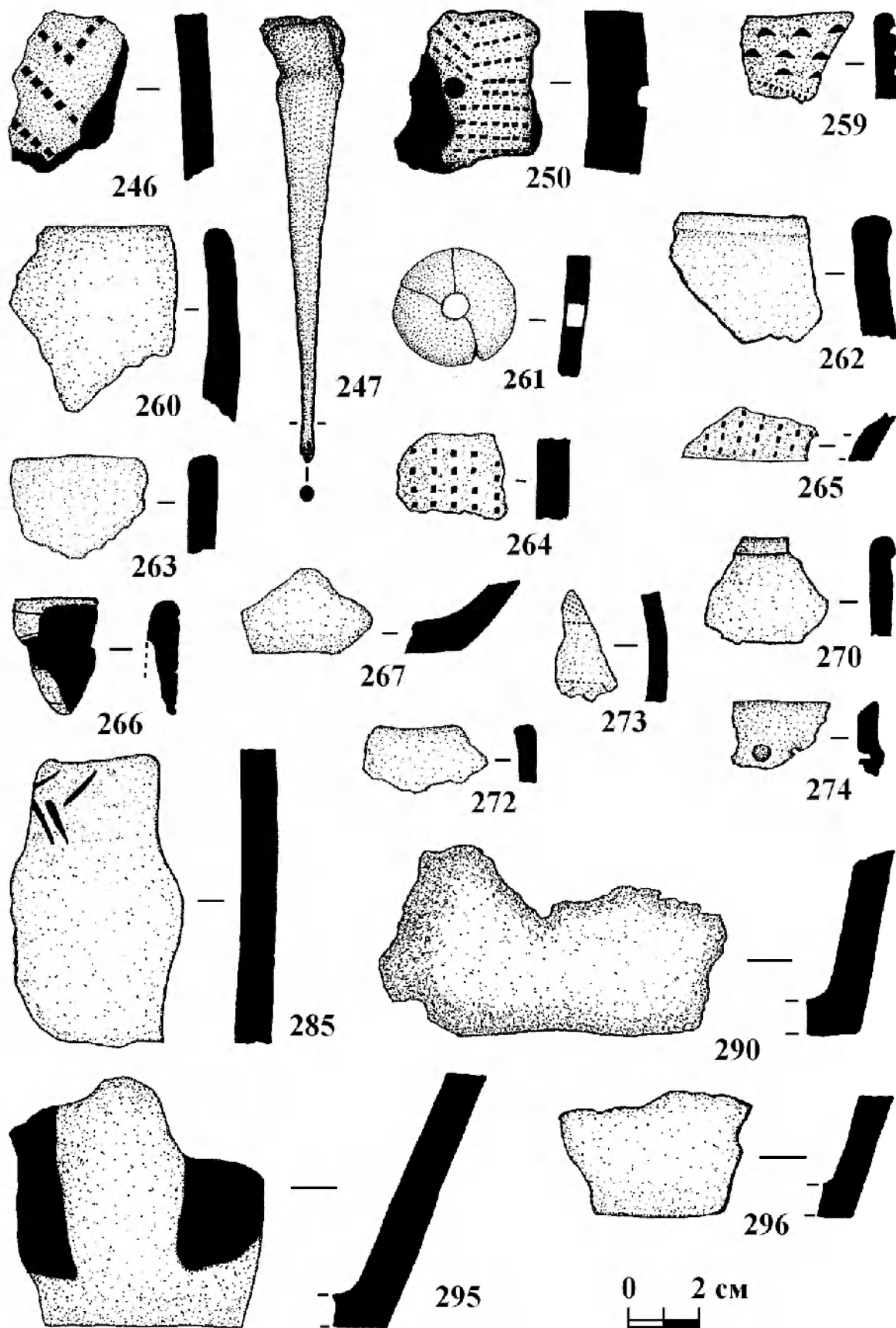

Рис. 35. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из второго слоя раскопа №1: 246, 250, 259, 260, 262-267, 270, 272-274, 285, 290, 295, 296 – фрагменты керамической посуды, 247 – костяная проколка, 261 – керамическое прясло

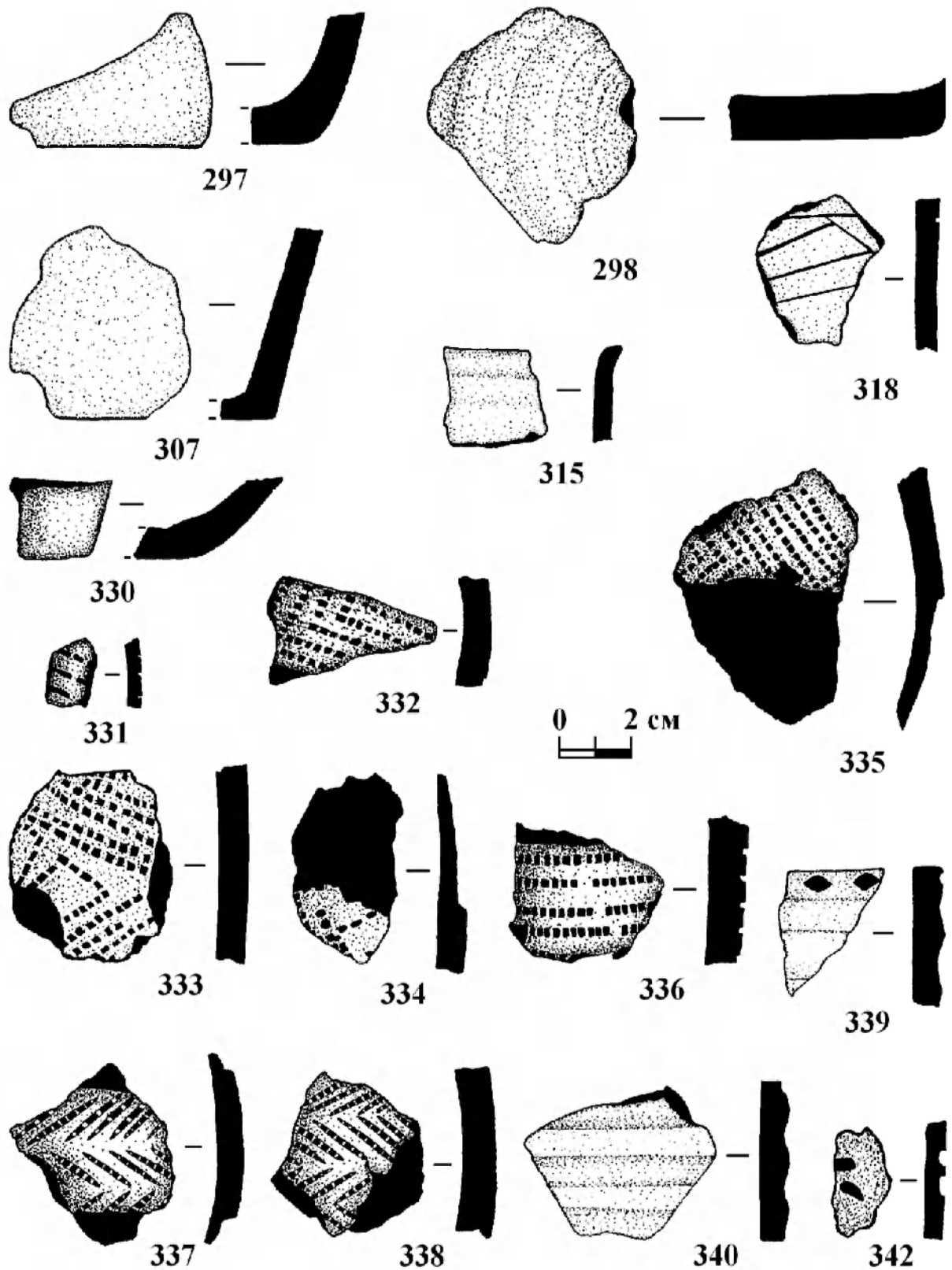

Рис. 36. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из второго слоя раскопа №1: 297, 298, 307, 315, 318, 330-340, 342 – фрагменты керамической посуды

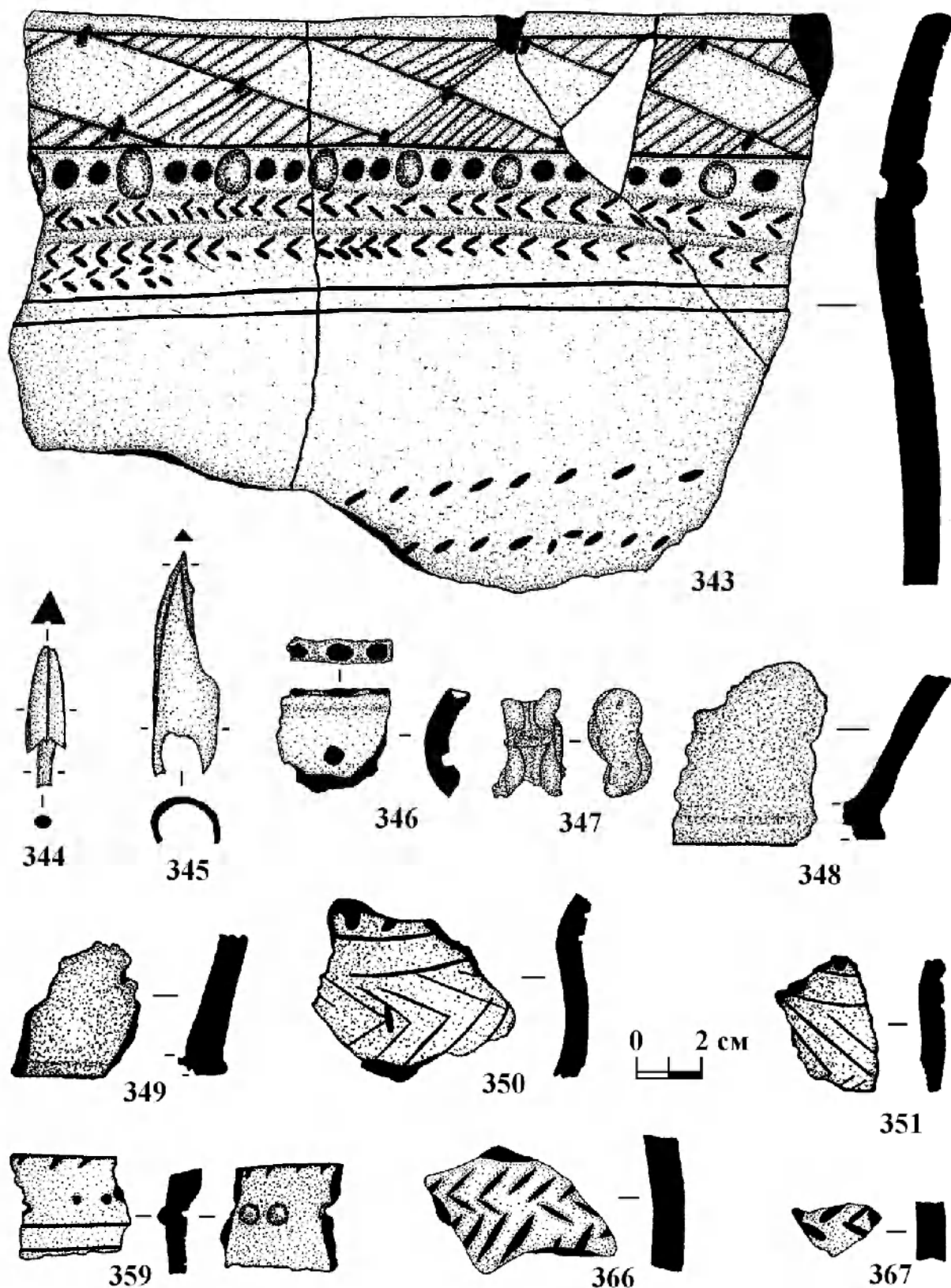

Рис. 37. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из второго слоя раскопа №1: 343, 346, 348-351, 359, 366, 367 – фрагменты керамической посуды, 344 – костяной наконечник стрелы, 345 – костяное изделие (проколка), 347 – альчик (игральная кость)

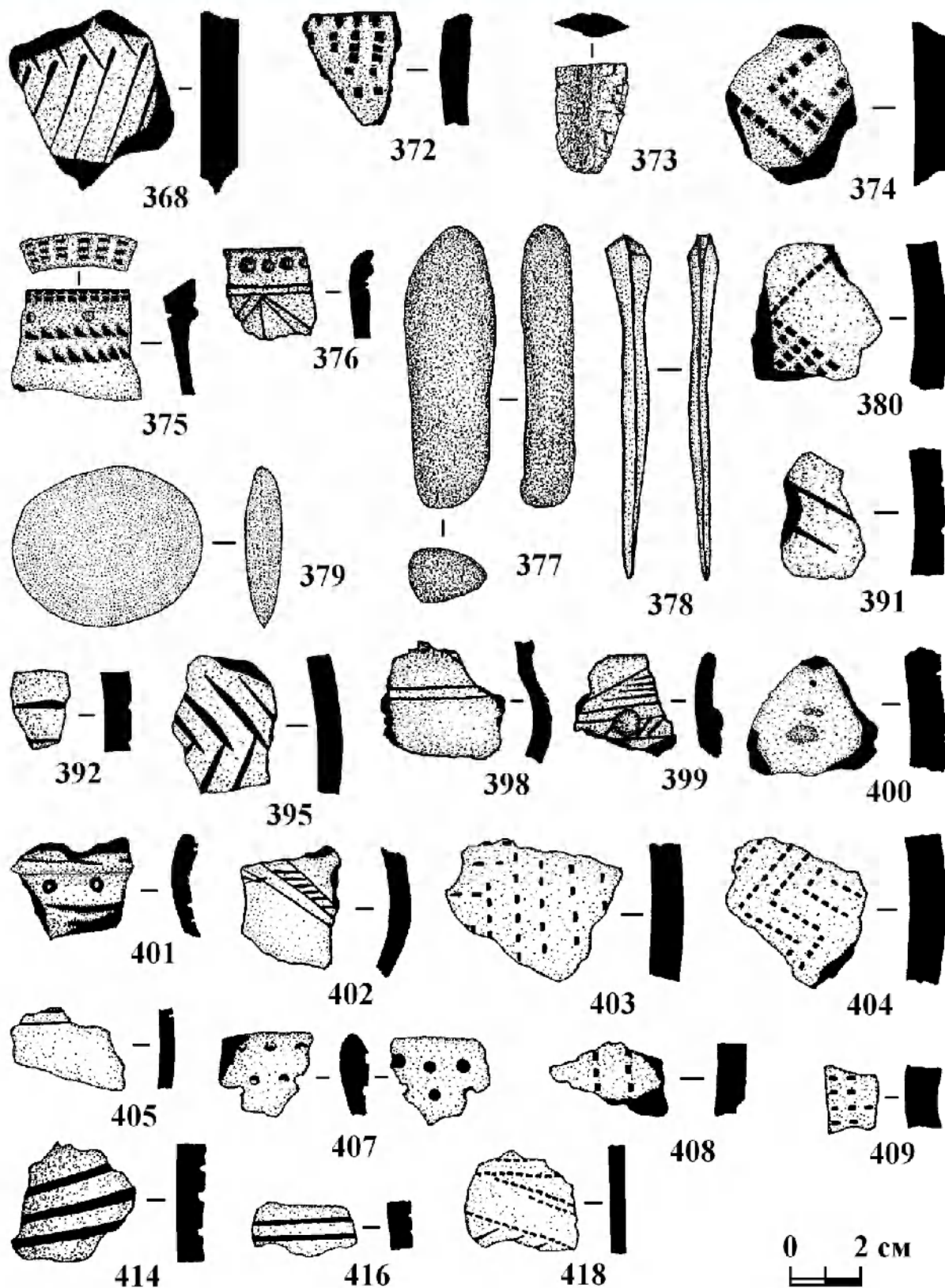

Рис. 38. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из второго слоя раскопа №1: 368, 372, 374-376, 380, 391, 392, 395, 398-405, 407-409, 414, 416, 418 – фрагменты керамической посуды, 373 – фрагмент каменного изделия (наконечника стрелы), 377, 379 – каменные изделия, 378 – костяная проколка

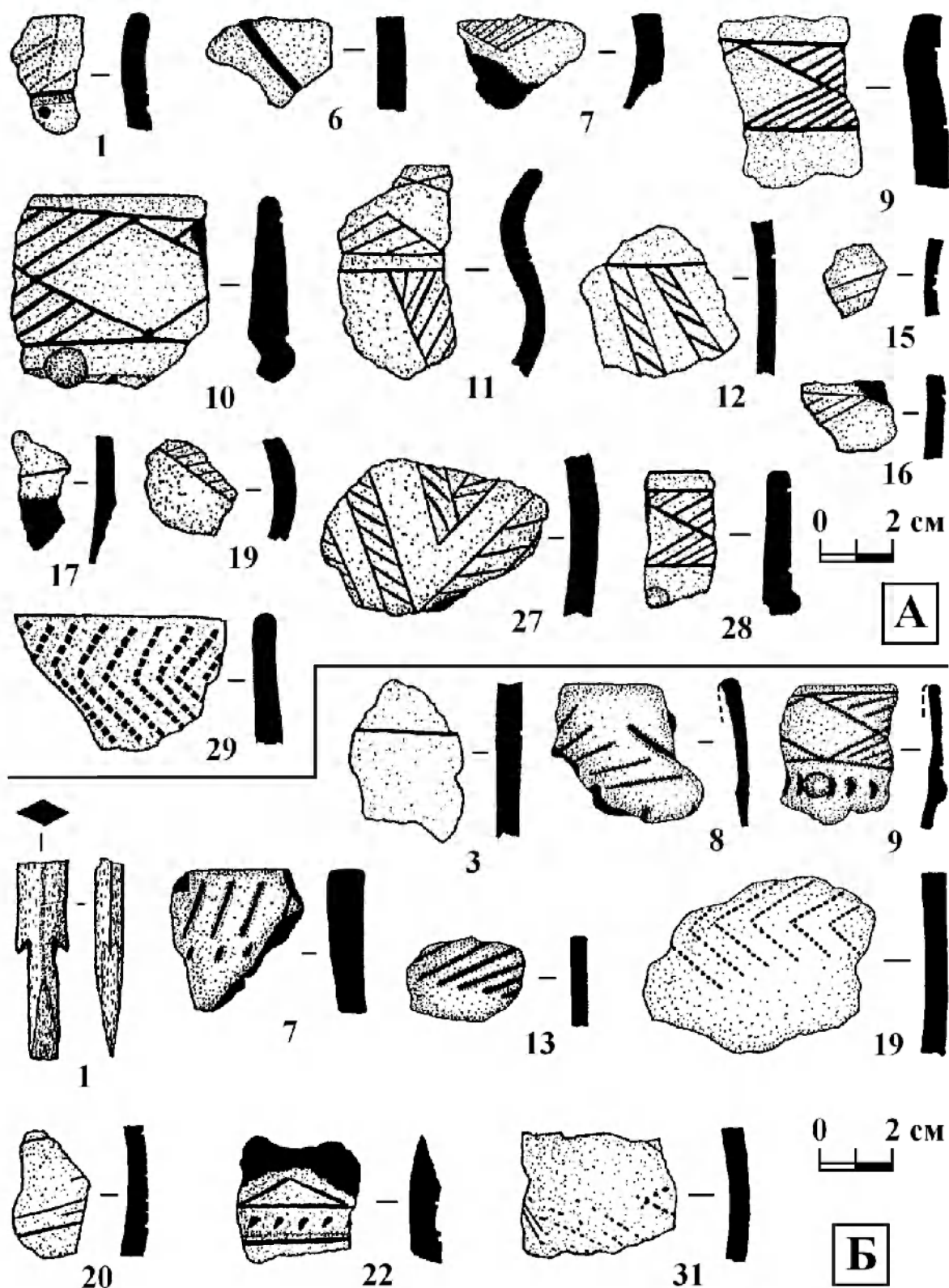

Рис. 39. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из третьего (А) и четвертого (Б) слоев раскопа №1. А: 1, 6, 7, 9-12, 15-17, 19, 27-29 – фрагменты керамической посуды. Б: 1 – фрагмент костяного наконечника стрелы, 3, 7-9, 13, 19, 20, 22, 31 – фрагменты керамической посуды

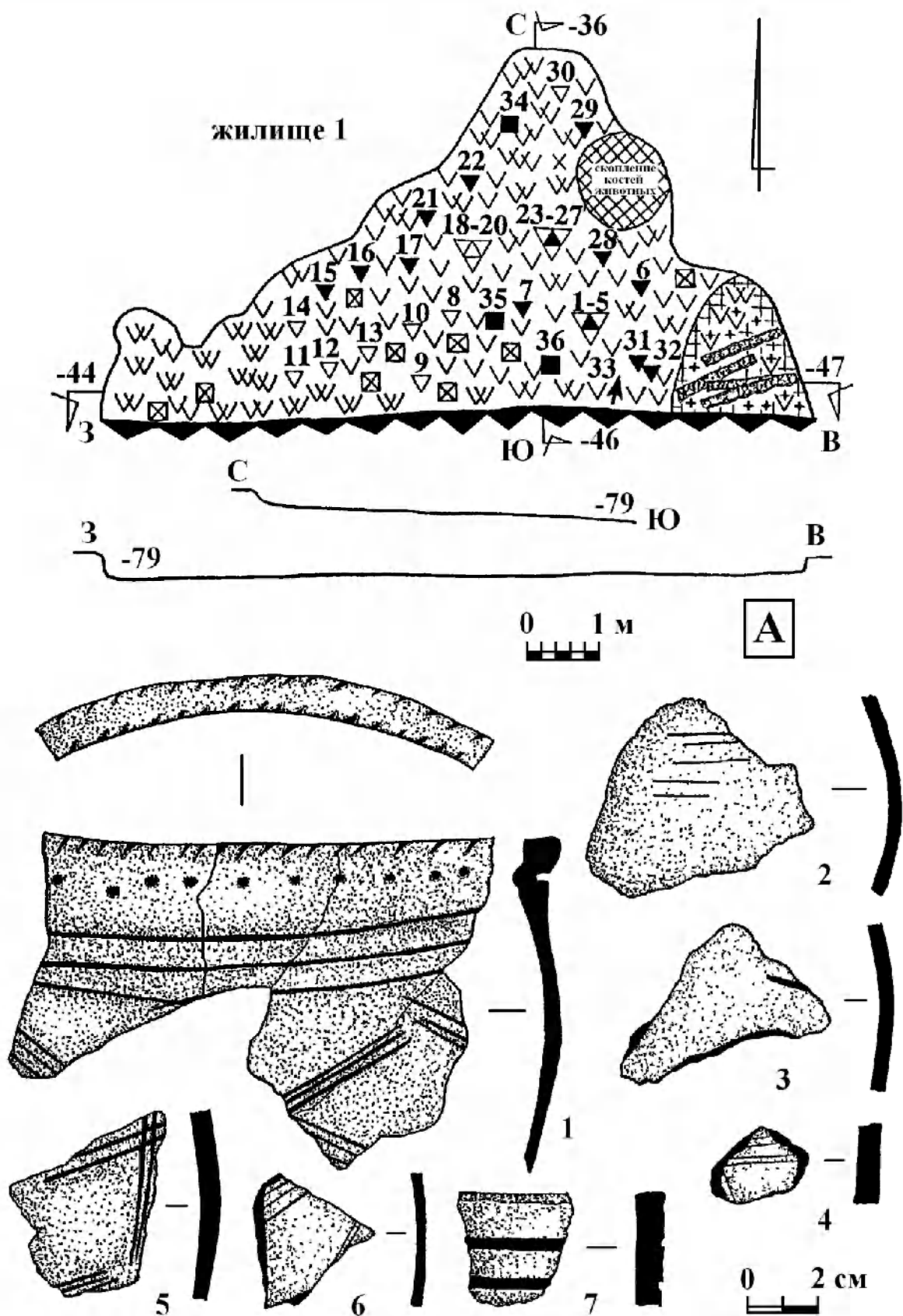

Рис. 40. Комплекс поселений Торопово-4. План и разрез жилища 1 (А) и находки из него в раскопе №1 2001 года: 1-7 – фрагменты керамической посуды

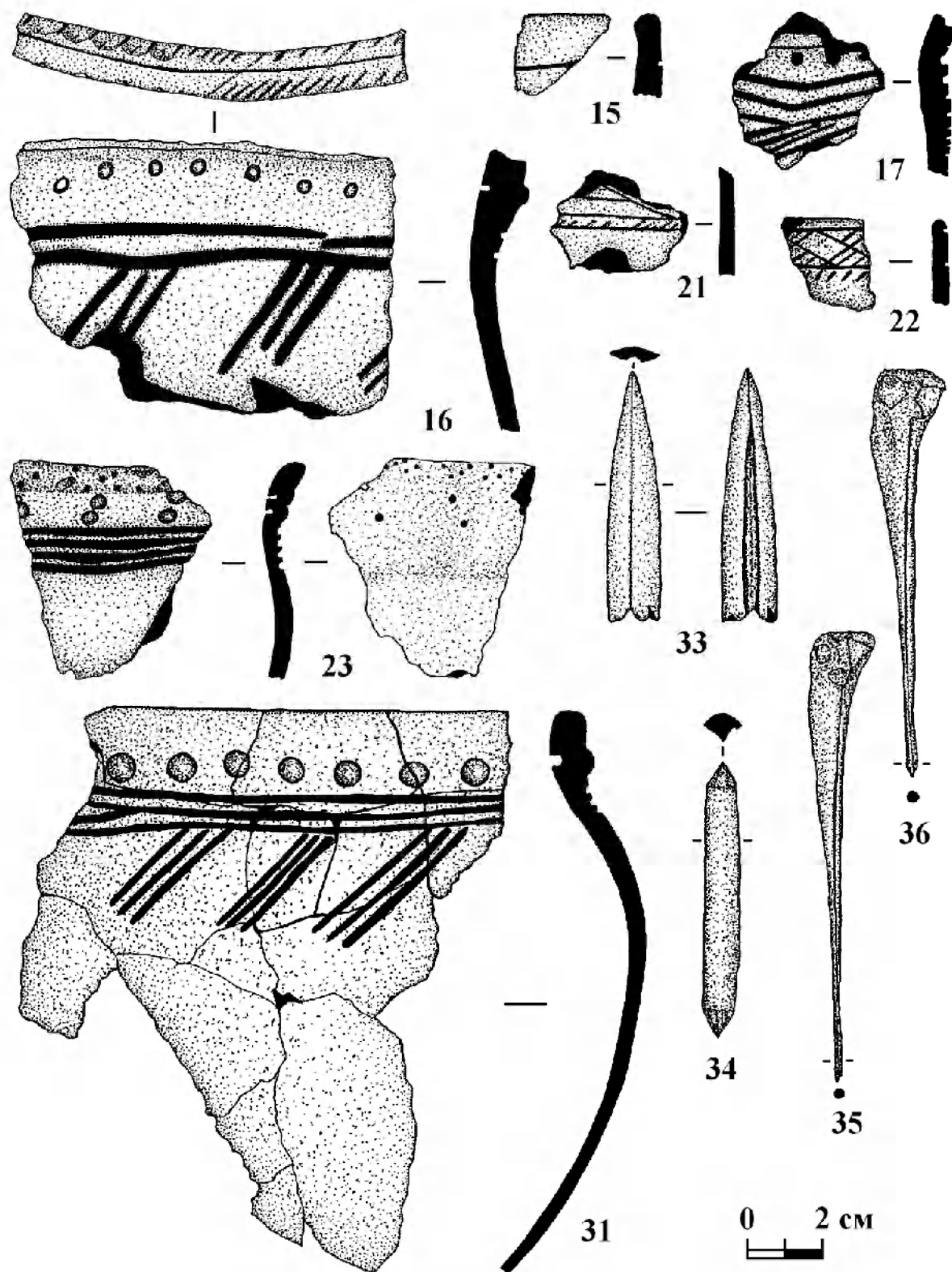

Рис. 41. Комплекс поселений Торопово-4. Находки из жилища 1 в раскопе №1 2001 года: 15-17, 21-23, 31 – фрагменты керамической посуды, 33 – костяной наконечник стрелы, 34 – фрагмент костяного изделия, 35, 36 – костяные проколки

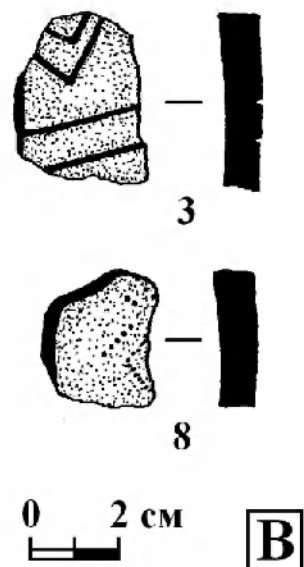
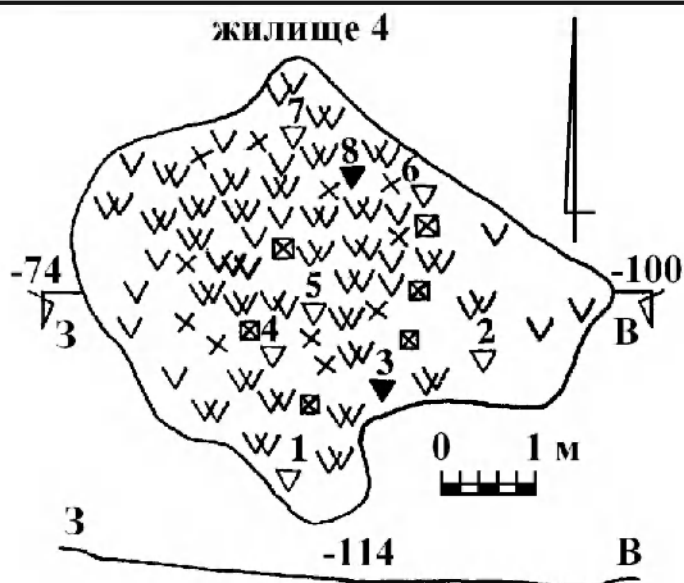
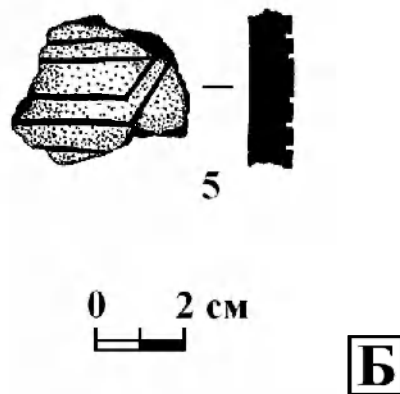
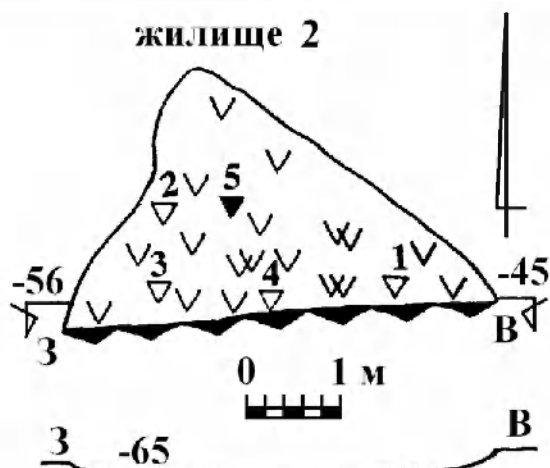
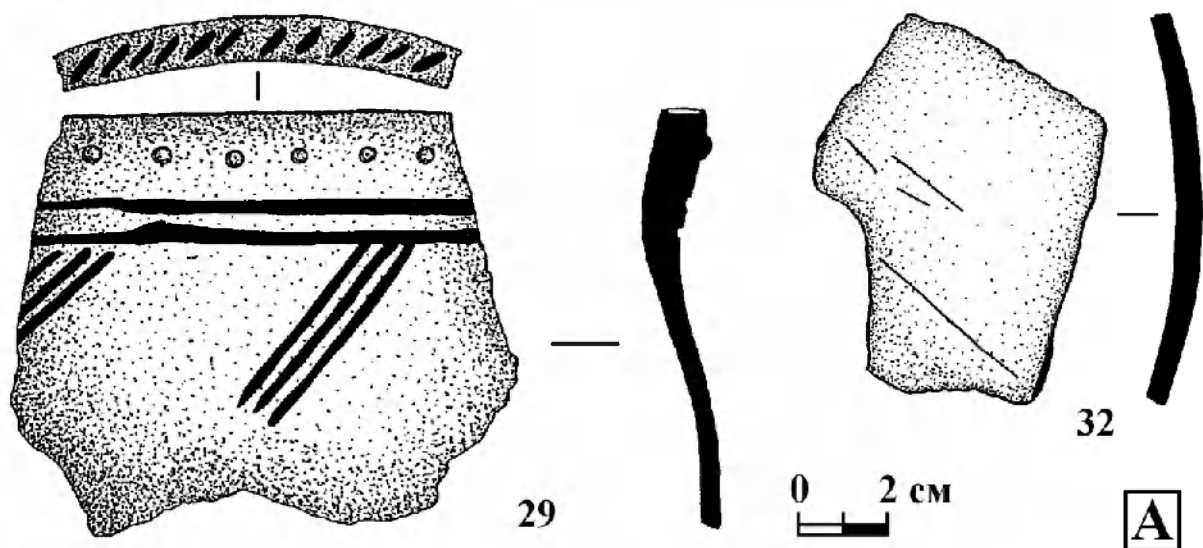

Рис. 42. Комплекс поселений Торопово-4. Находки из жилища 1 (А), планы и разрезы жилищ 2 (Б) и 4 (В) и находки из них в раскопе №1 2001 года. А: 29, 32 – фрагменты керамической посуды; Б: 5 – фрагмент керамического сосуда; В: 3, 8 – фрагменты керамической посуды

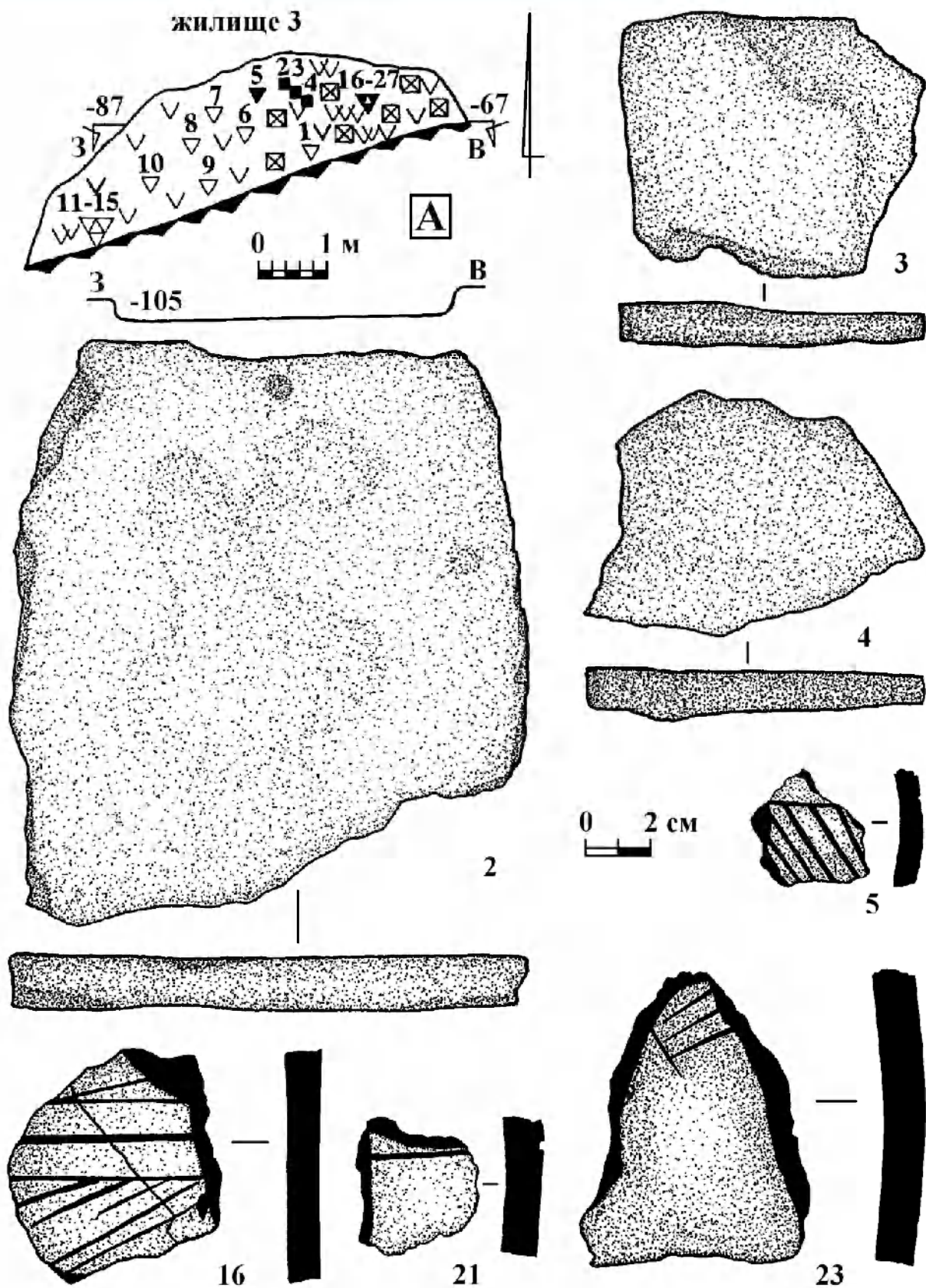

Рис. 43. Комплекс поселений Торопово-4. План и разрез жилища 3 (А) и находки из него (1-7) в раскопе №1 2001 года: 2-4 – фрагменты каменных изделий, 5, 16, 21, 23 – фрагменты керамической посуды

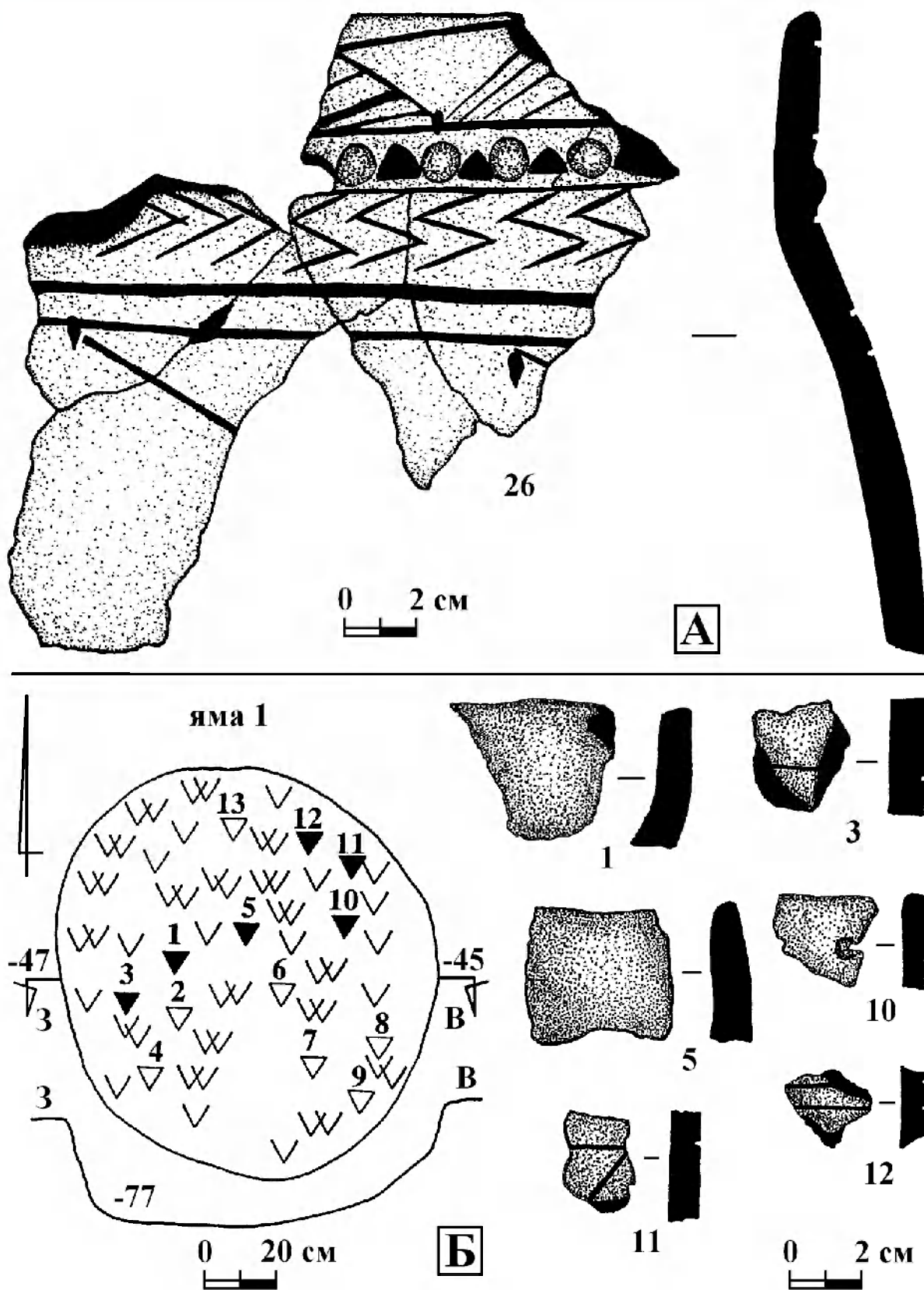

Рис. 44. Комплекс поселений Торопово-4. Находка из жилища 3 (А), план и разрез ямы 1 и находки из нее (Б) в раскопе №1 2001 года. А: 26 – фрагмент керамического сосуда. Б: 1, 3, 5, 10-12 – фрагменты керамической посуды

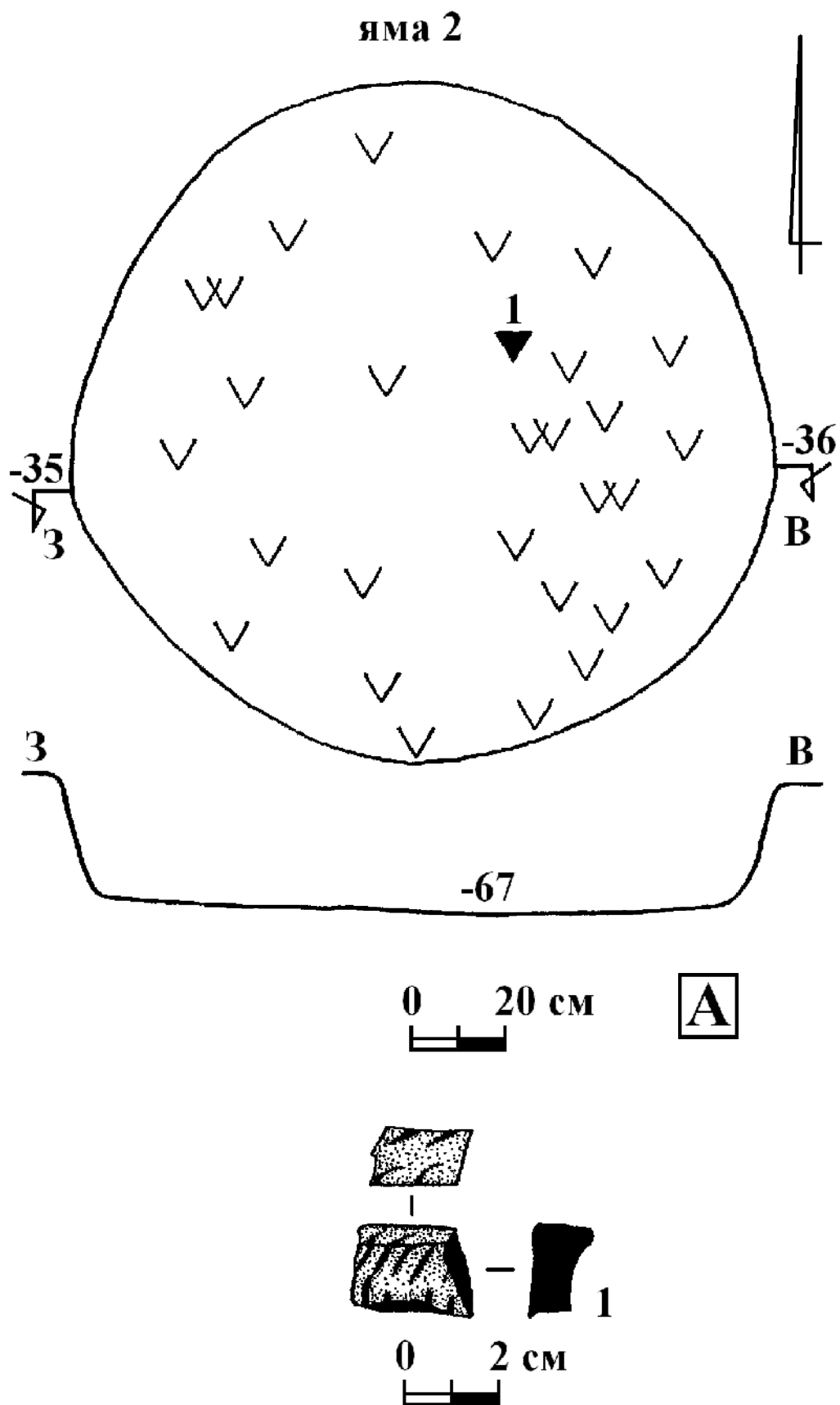

Рис. 45. Комплекс поселений Торопово-4. План и разрез ямы 2 (А) и находка из нее в раскопе №1 2001 года: 1 – фрагмент керамического сосуда

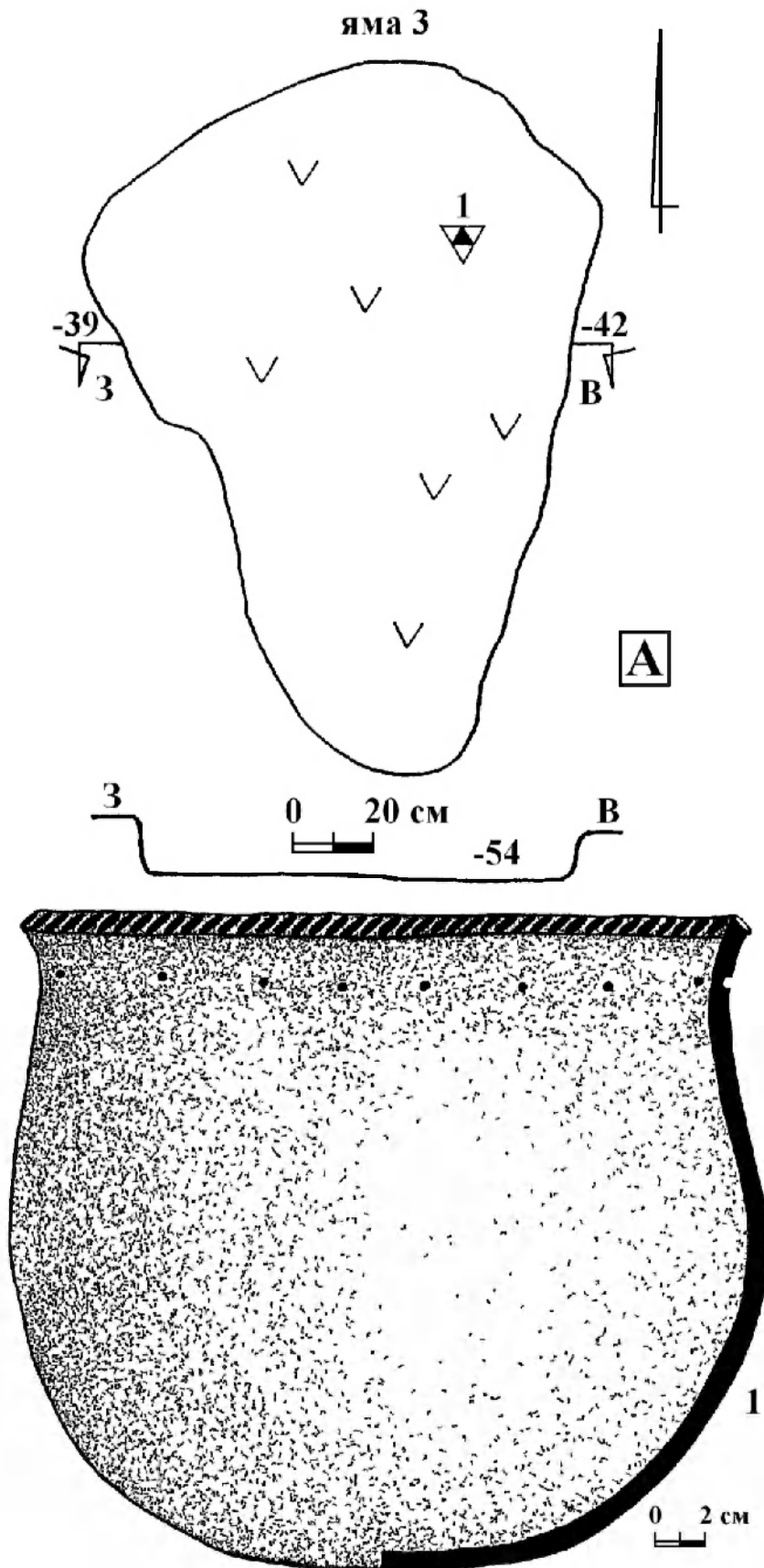

Рис. 46. Комплекс поселений Торопово-4. План и разрез ямы 2 (А) и находка из нее в раскопе №1 2001 года: 1 – фрагмент керамического сосуда

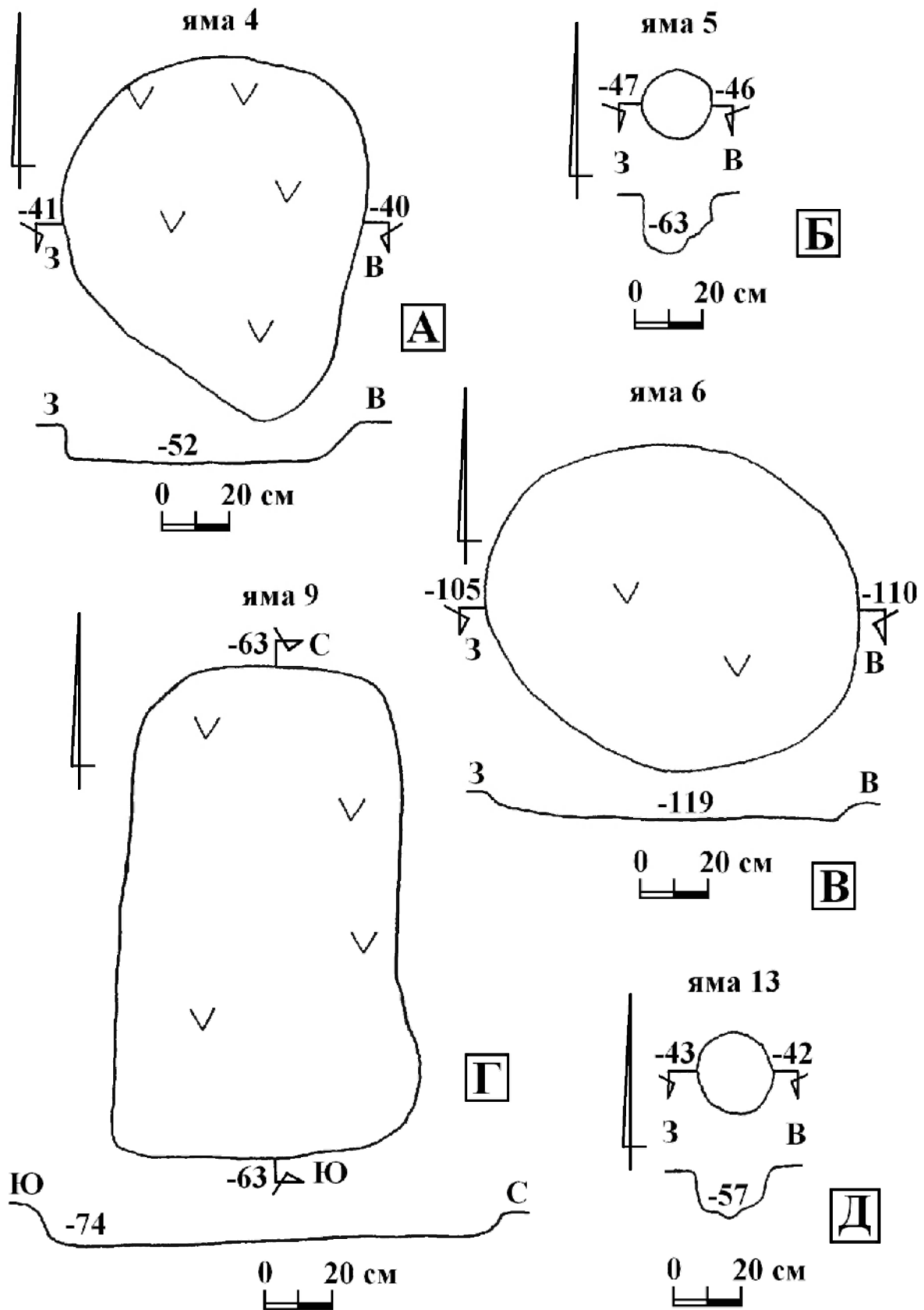

Рис. 47. Комплекс поселений Торопово-4. Планы и разрезы ям 4 (А), 5 (Б), 6 (В), 9 (Г) и 13 (Д) в раскопе №1 2001 года

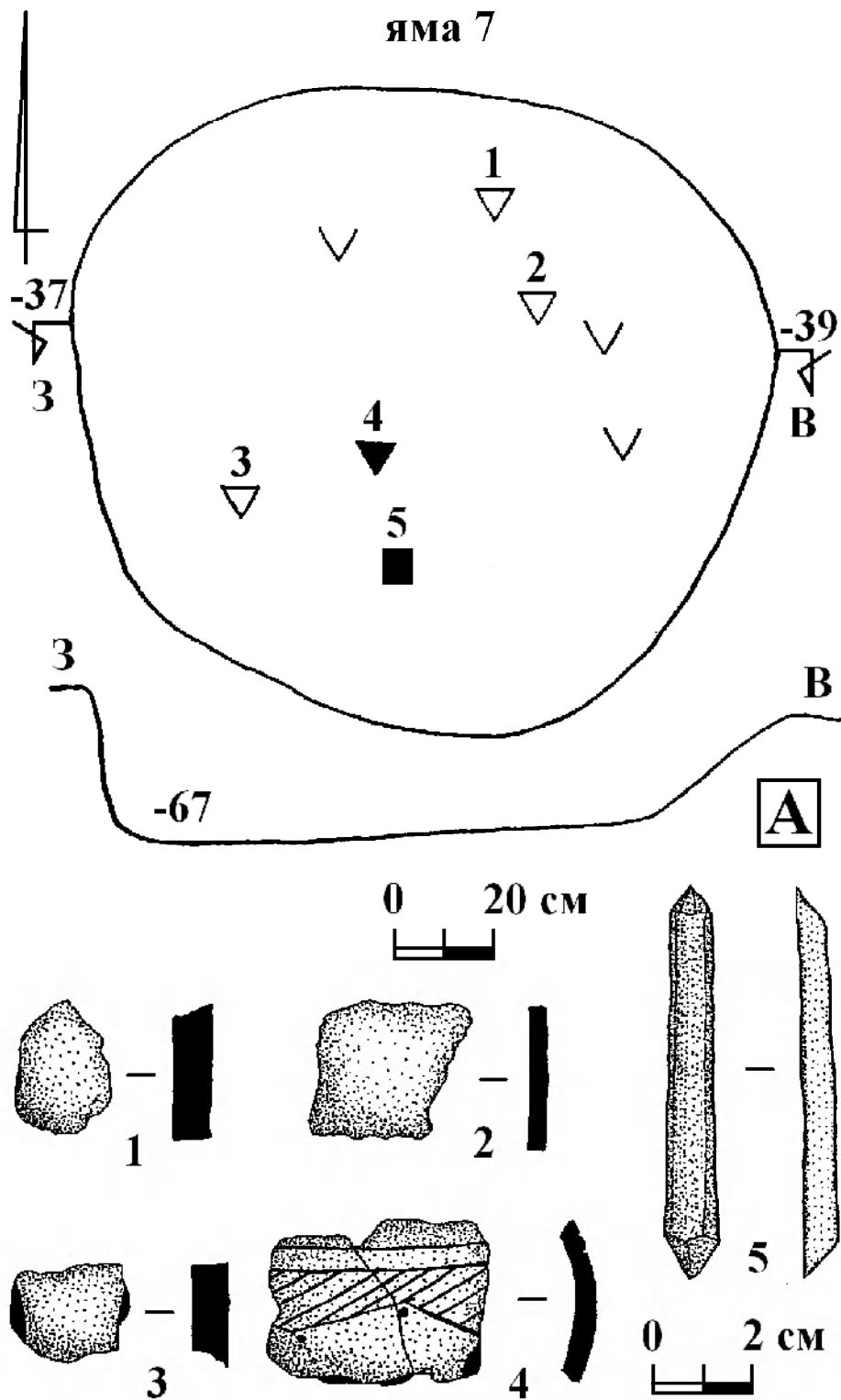

Рис. 48. Комплекс поселений Торопово-4. План и разрез ямы 7 (А) и находки из нее в раскопе №1 2001 года: 1-4 – фрагменты керамической посуды, 5 – фрагмент костяного изделия

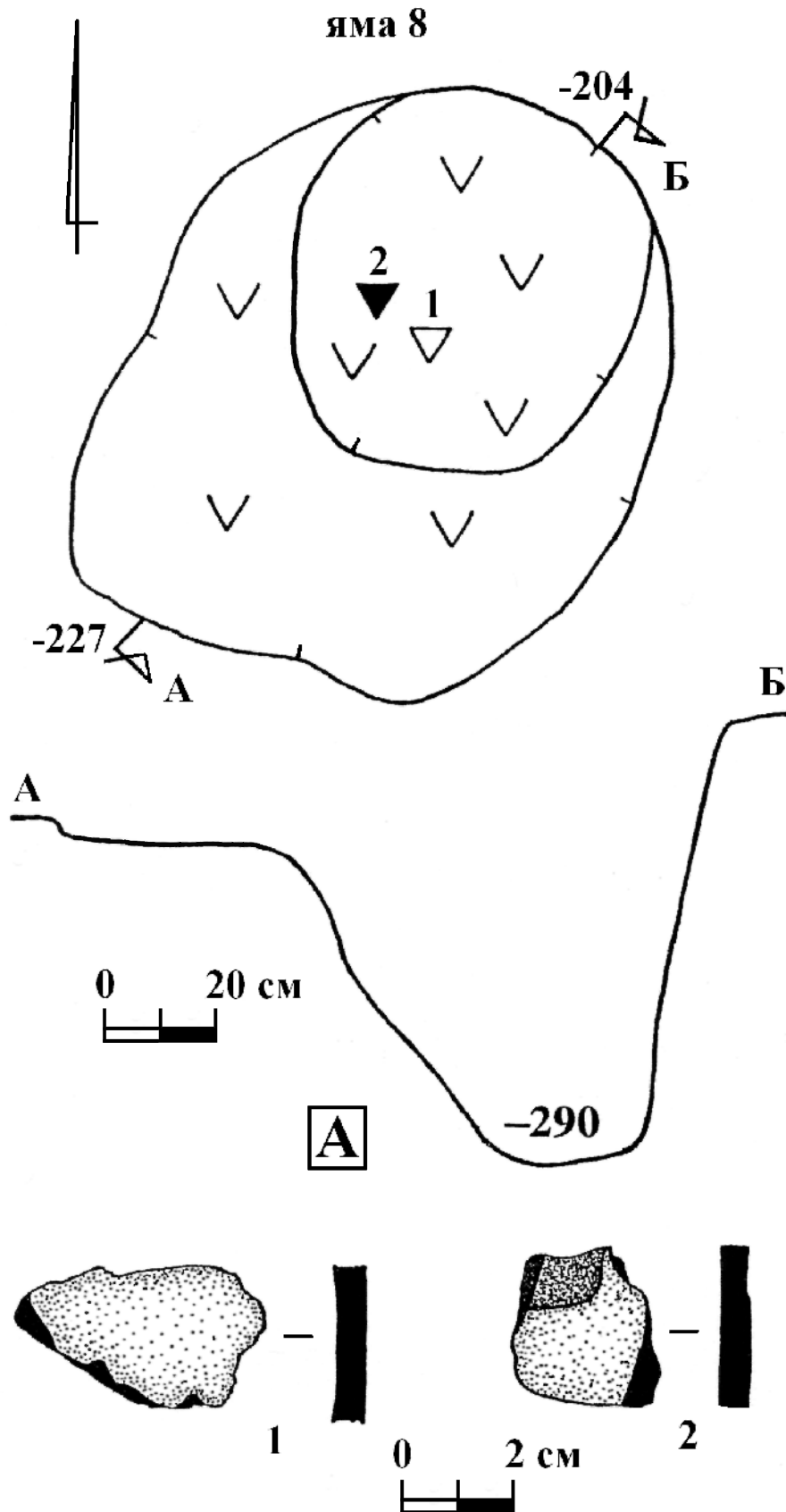

Рис. 49. Комплекс поселений Торопово-4. План и разрез ямы 8 (А) и находки из нее в раскопе №1 2001 года: 1, 2 – фрагменты керамической посуды

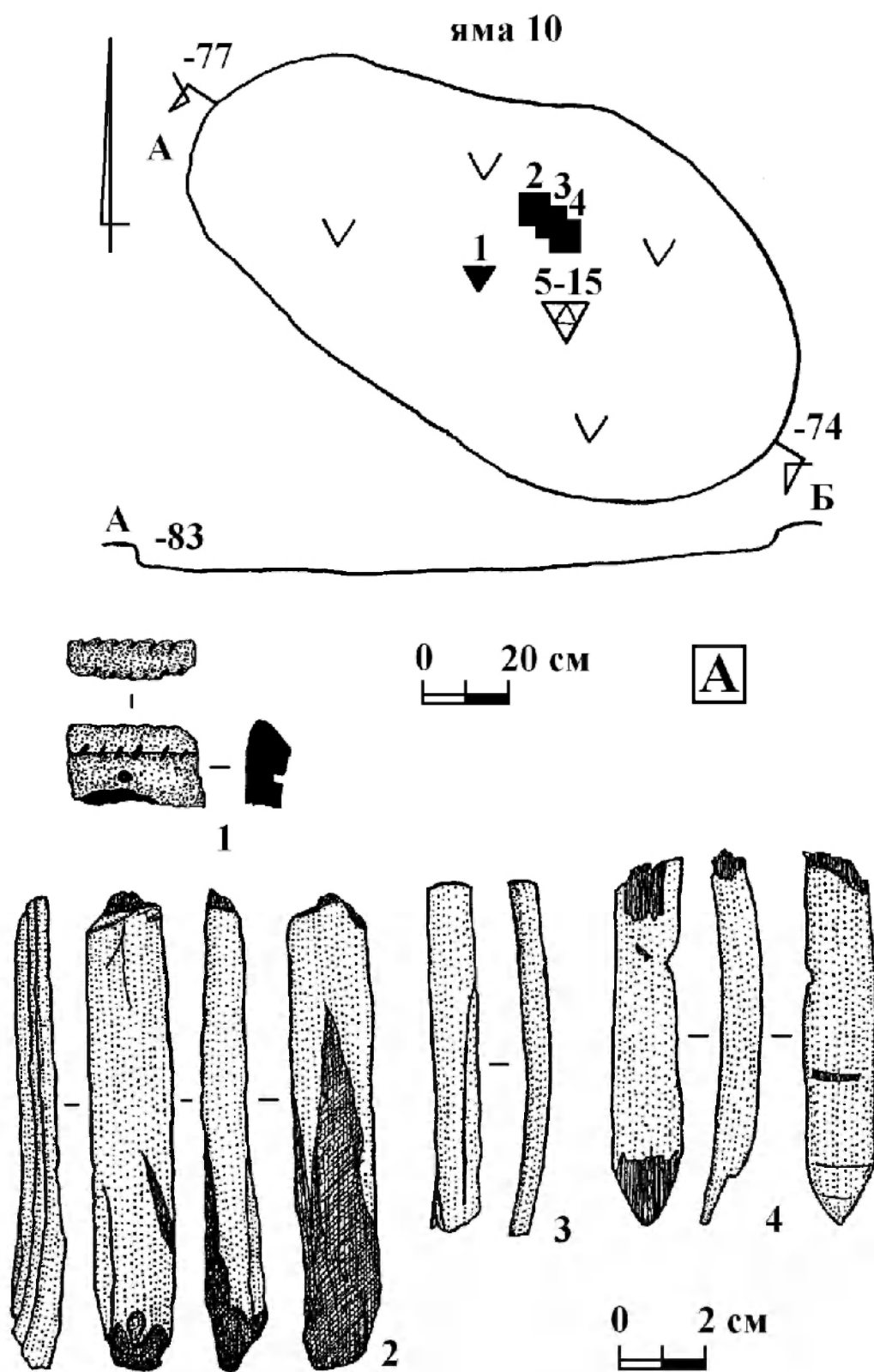

Рис. 50. Комплекс поселений Торопово-4. План и разрез ямы 10 (А) и находки из нее в раскопе №1 2001 года: 1 – фрагмент керамического сосуда, 2-4 – костяные изделия

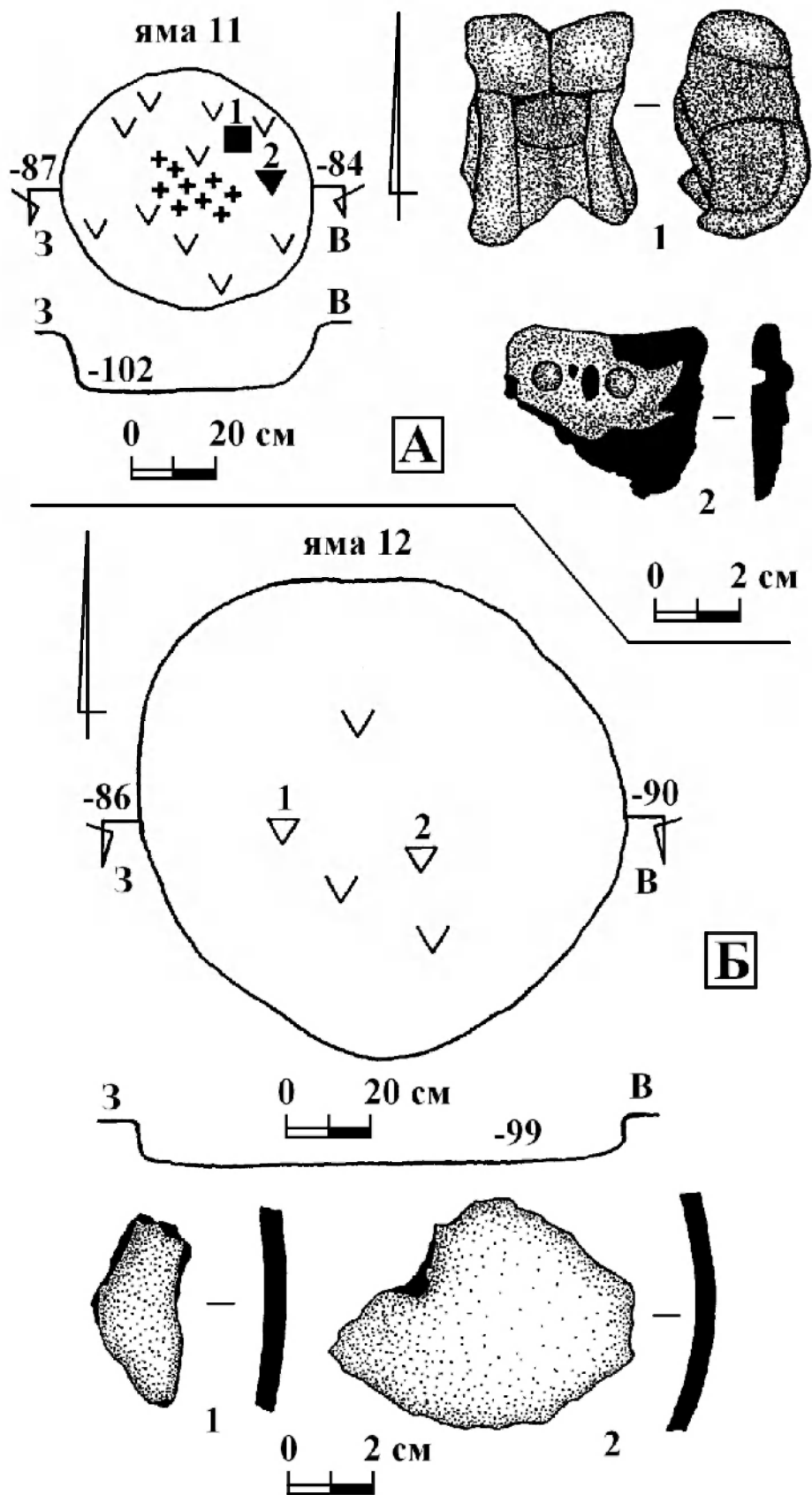

Рис. 51. Комплекс поселений Торопово-4. Планы и разрезы ям 11 (А) и 12 (Б) и находки из них в раскопе №1 2001 года. А: 1 – альчик (игральная кость), 2 – фрагмент керамического сосуда; Б: 1, 2 – фрагменты керамической посуды

Комплекс археологических поселений Торопово-4
Планы и профили стенок раскопа №2 в 2001 году

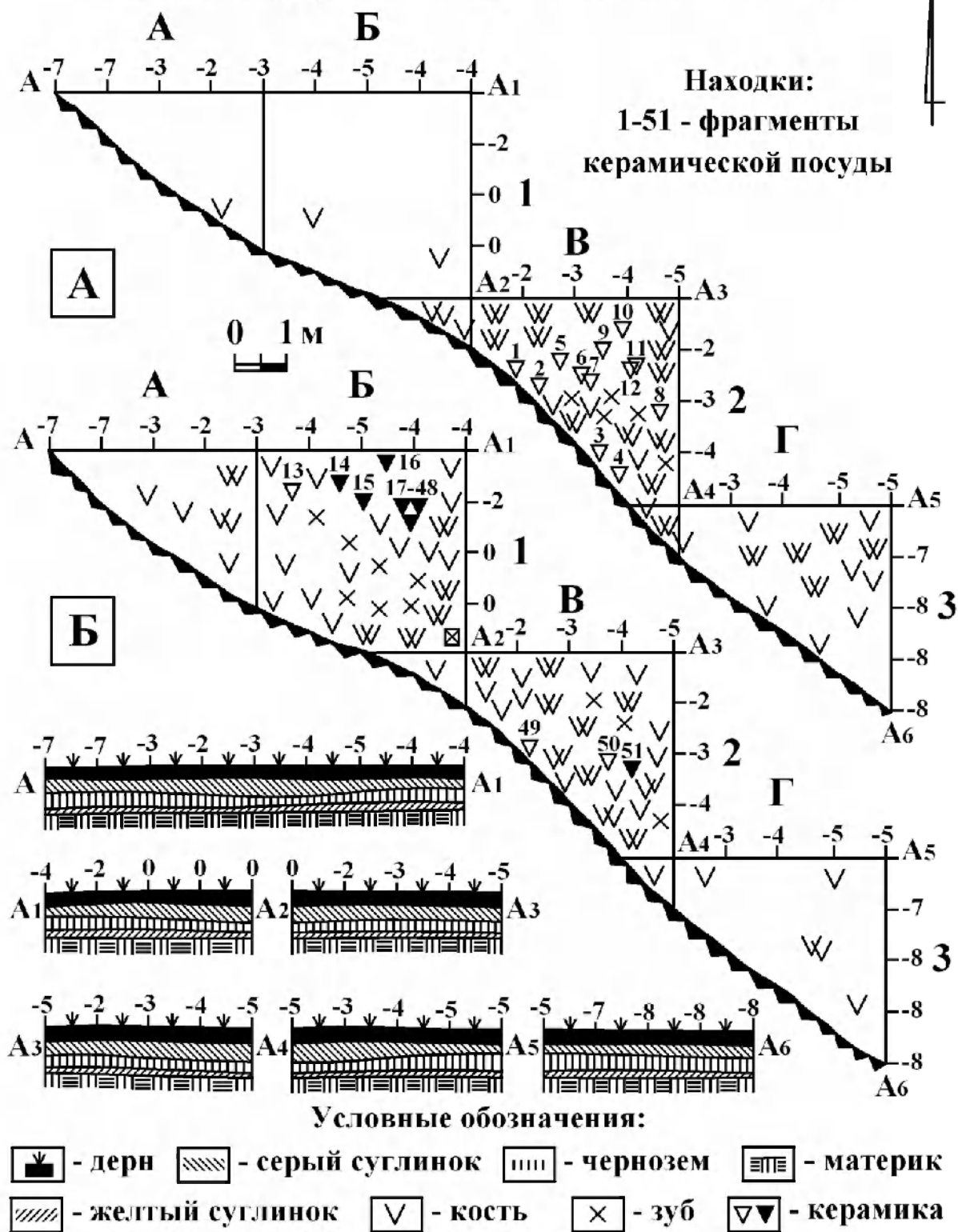

Рис. 52. Комплекс поселений Торопово-4. Раскоп №2 в 2001 году. Планы 2 (А) и 3 (Б) слоев и профили стенок

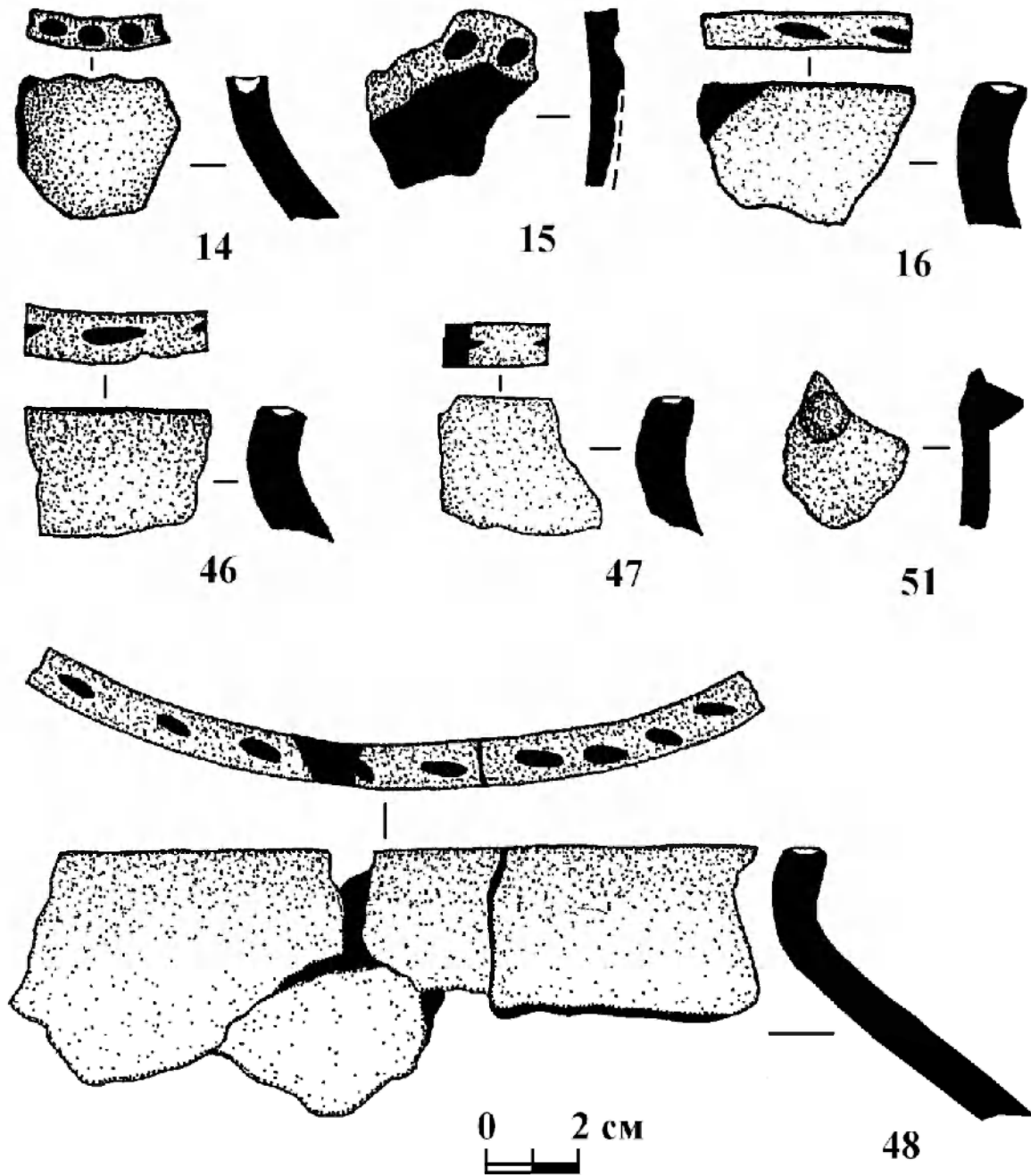

Рис. 53. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из третьего слоя раскопа №2: 14-16, 46-48, 51 – фрагменты керамической посуды

Комплекс археологических поселений Торопово-4

Планы и профили стенок раскопа №3 в 2001 году:

А - второй слой, Б - третий слой, В - четвертый слой

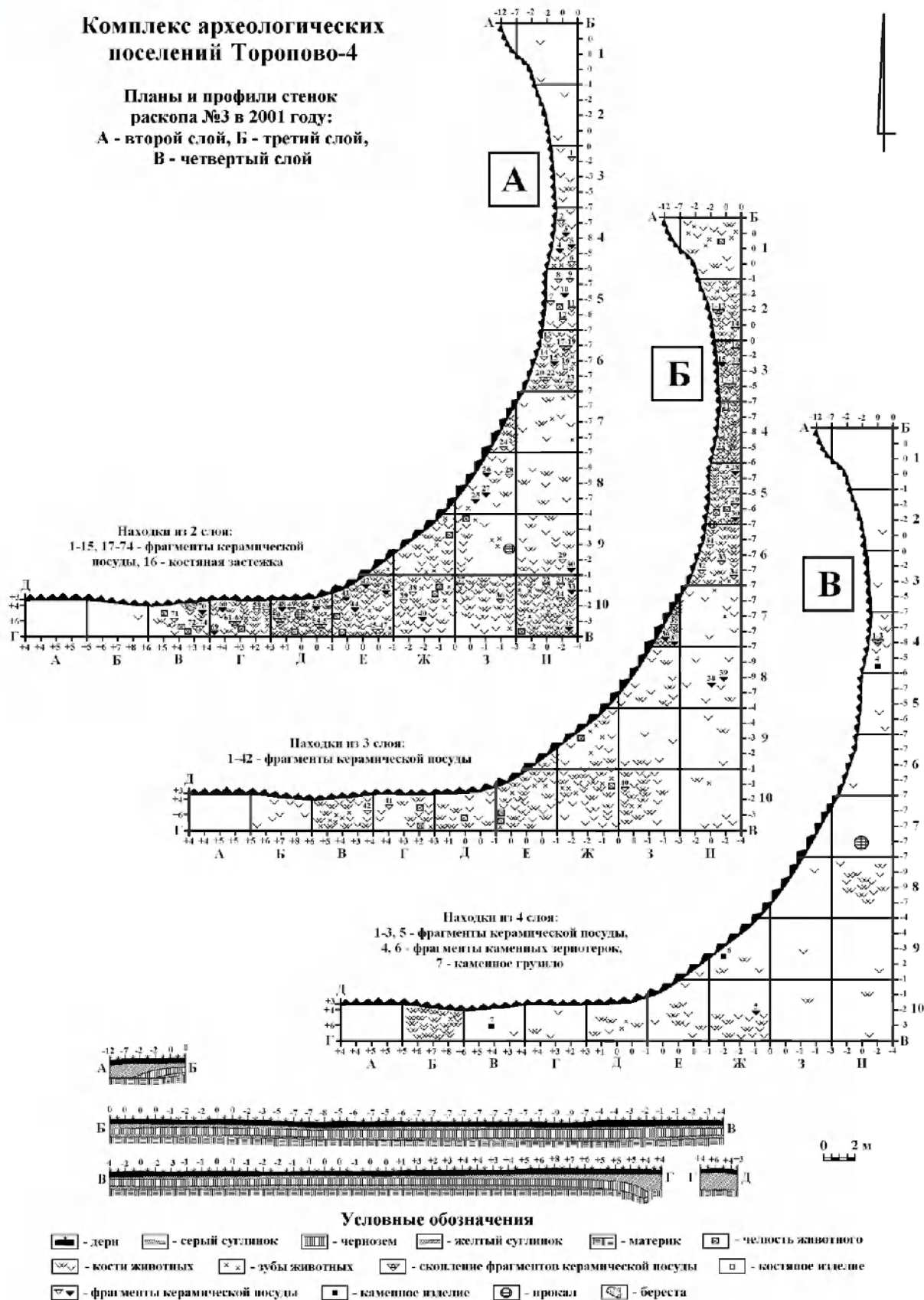

Рис. 54. Комплекс поселений Торопово-4. Раскоп №3 в 2001 году. Планы 2 (А), 3 (Б) и 4-го (В) слоев и профили стенок

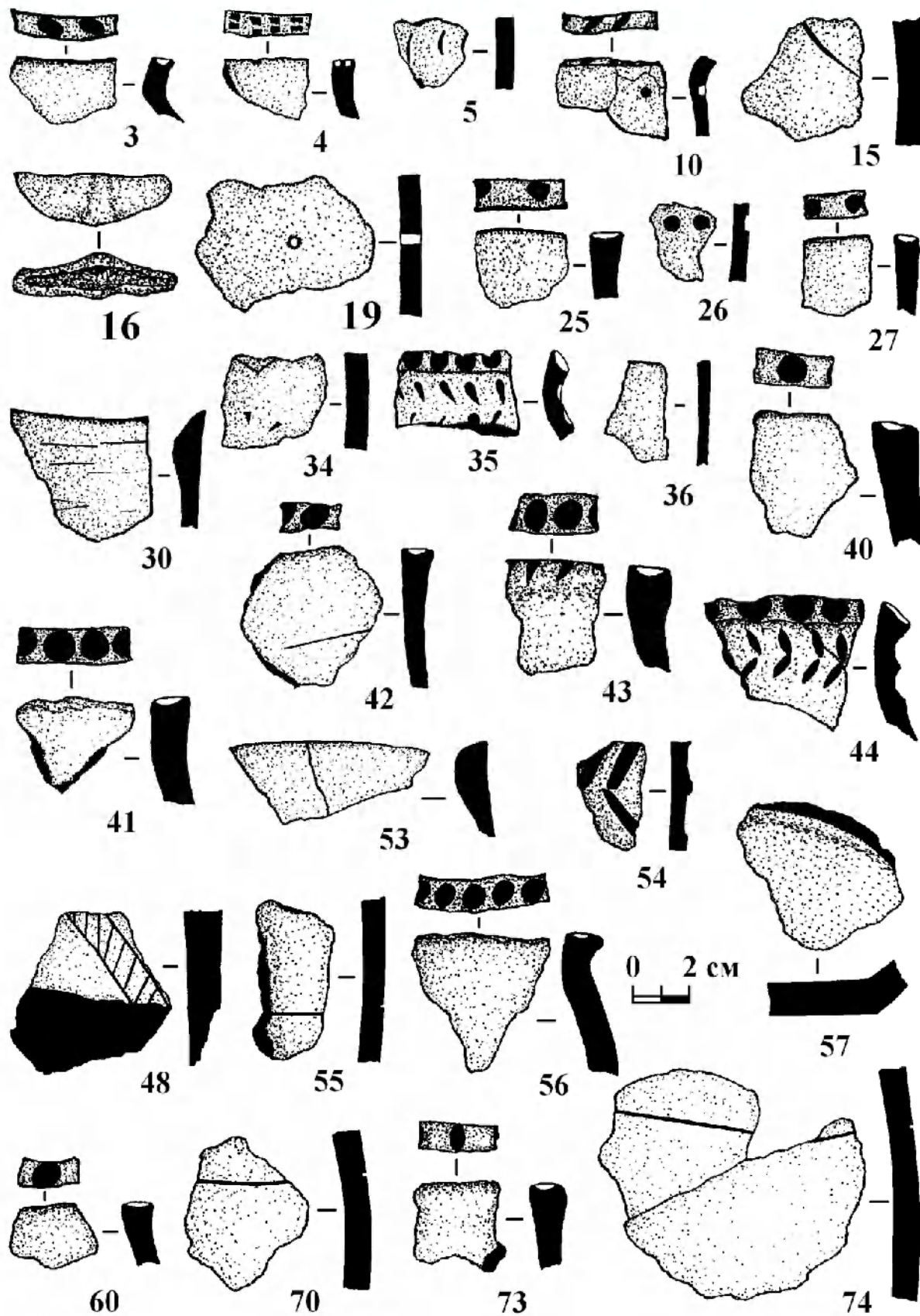

Рис. 55. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из второго слоя раскопа №3: 3-5, 10, 15, 16, 19, 25-27, 30, 34-36, 40-44, 48, 53-57, 60, 70, 73, 74 – фрагменты керамической посуды

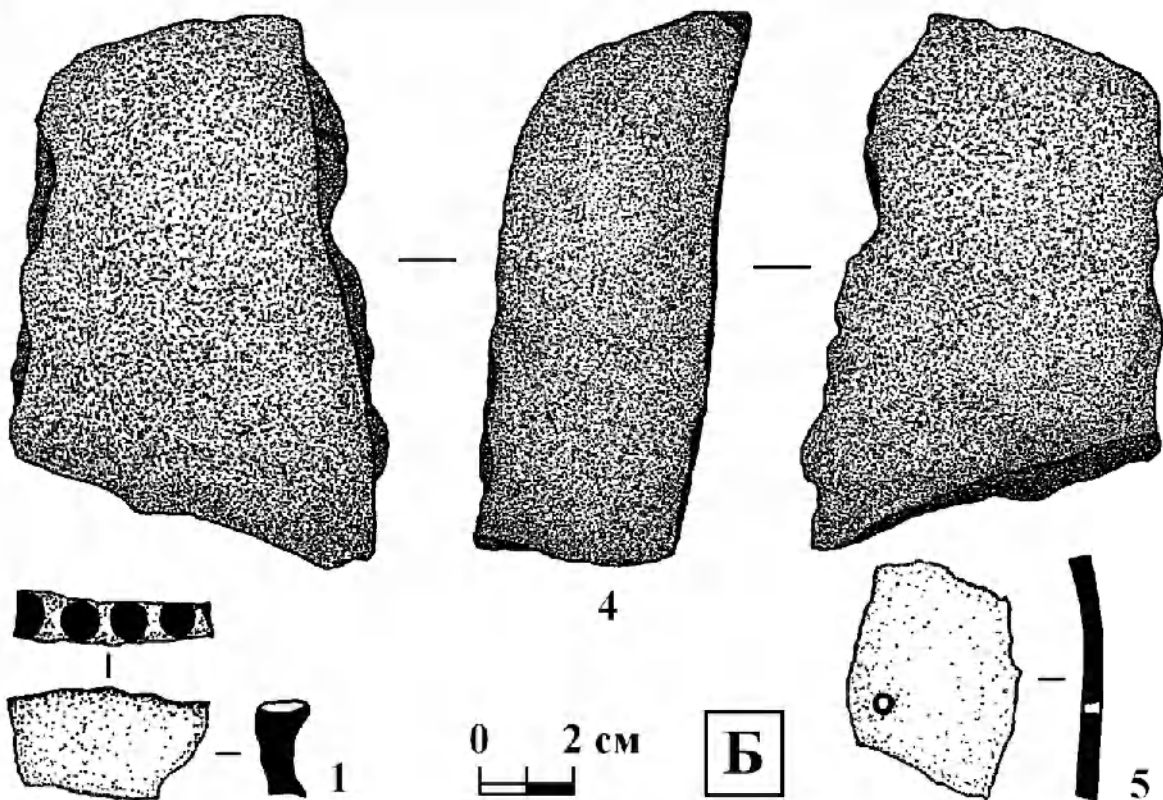
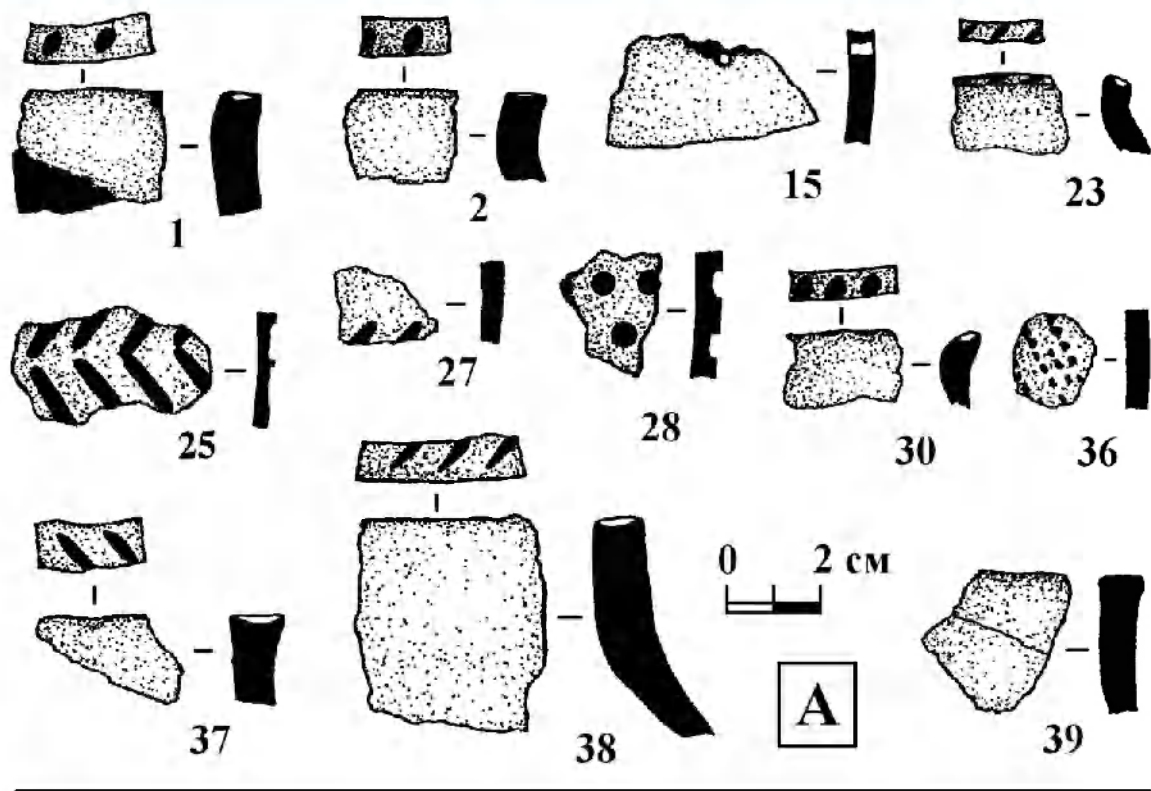

Рис. 56. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из третьего (А) и четвертого (Б) слоев раскопа №3. А: 1, 2, 15, 23, 25, 27, 28, 30, 36-39 – фрагменты керамической посуды; Б: 1, 5 – фрагменты керамической посуды, 4 – фрагмент каменного изделия

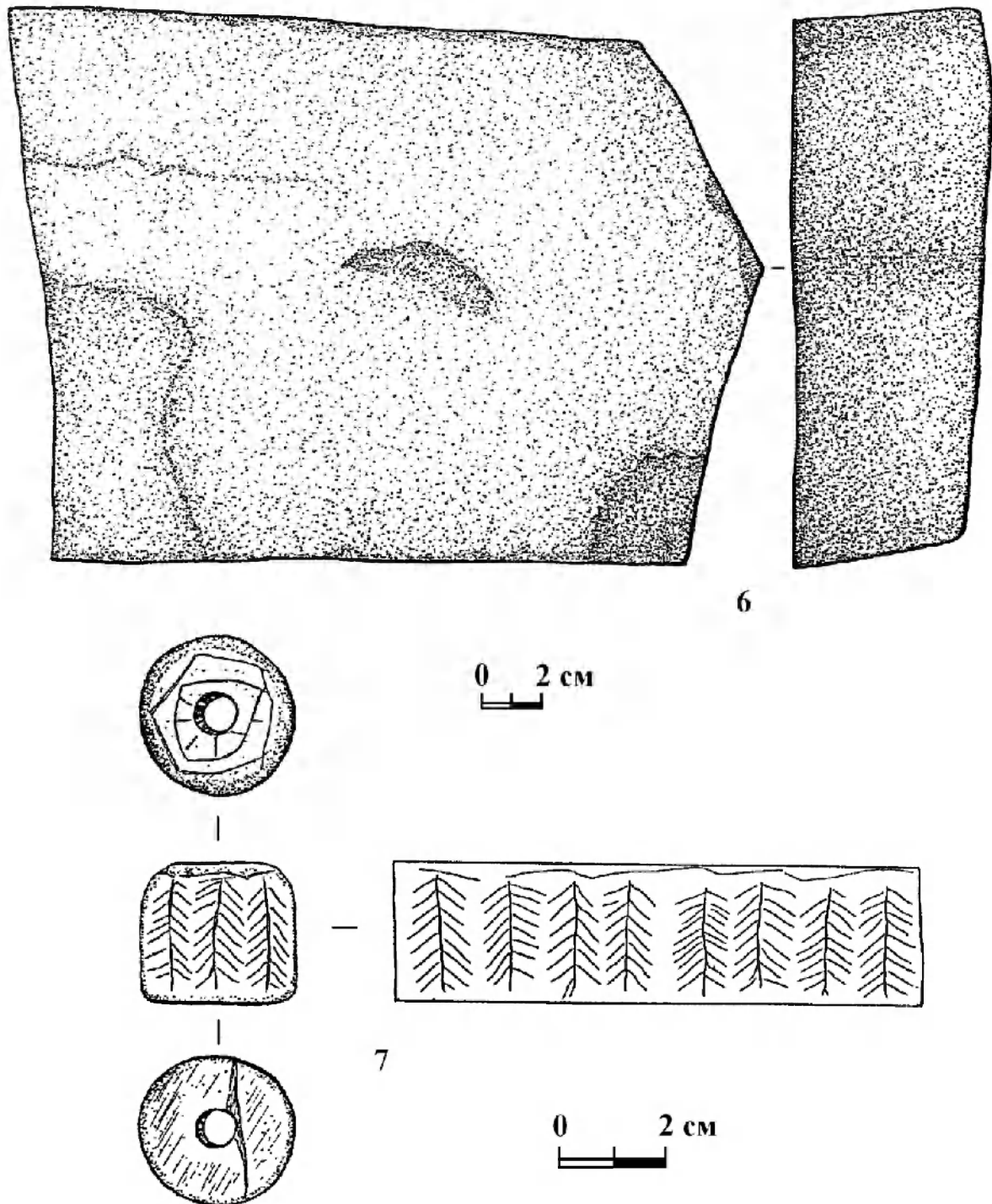

Рис. 57. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2001 года из четвертого слоя раскопа №3: 6 – фрагмент каменного изделия (зернотерка), 7 – каменное изделие (грузило) и развертка гравировки на нем

9. Приложение

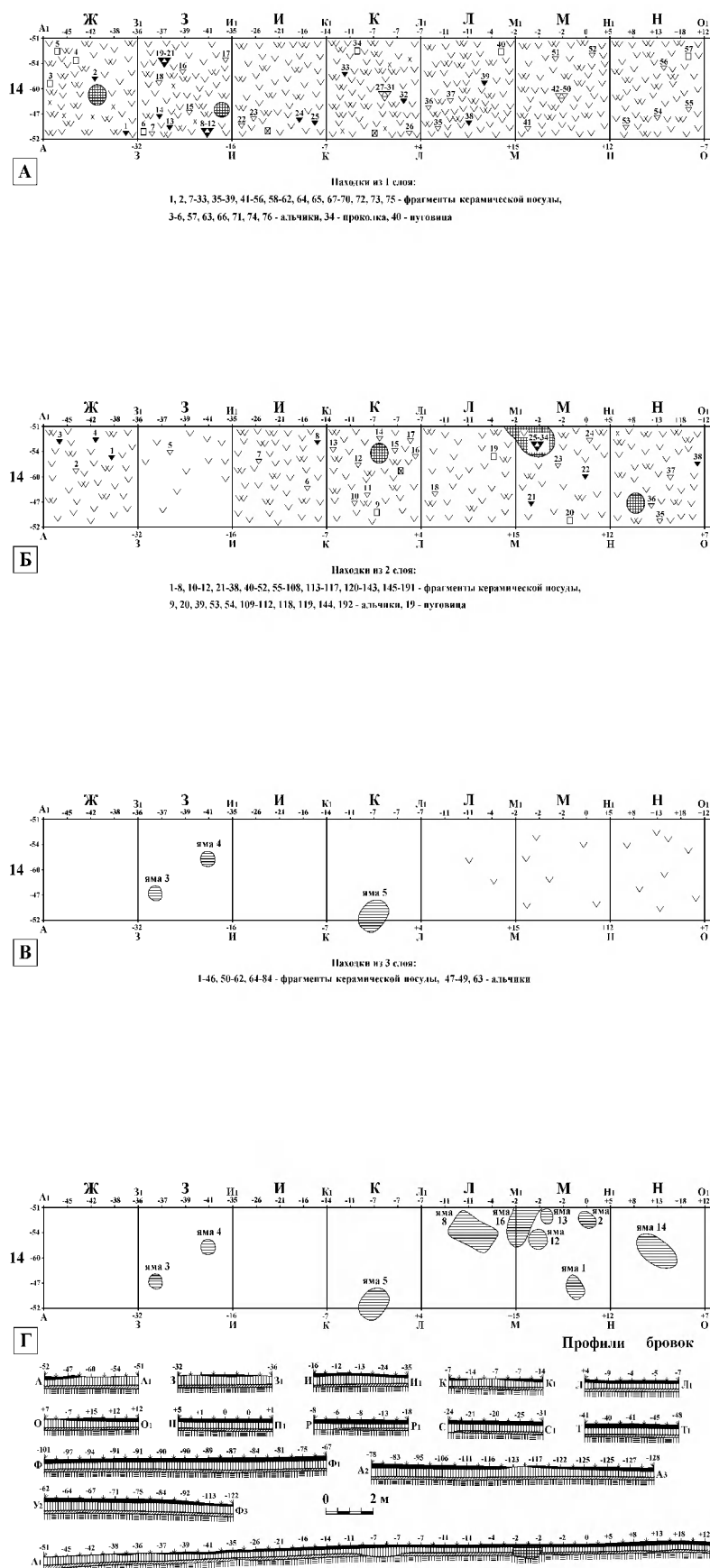

Рис. 58. Комплекс поселений Торопово-4. Раскоп №1 в 2002 году. Планы 1 (А), 2 (Б), 3 (В) и 4 (Г) слоев, профили стенок и бровок

9. Приложение

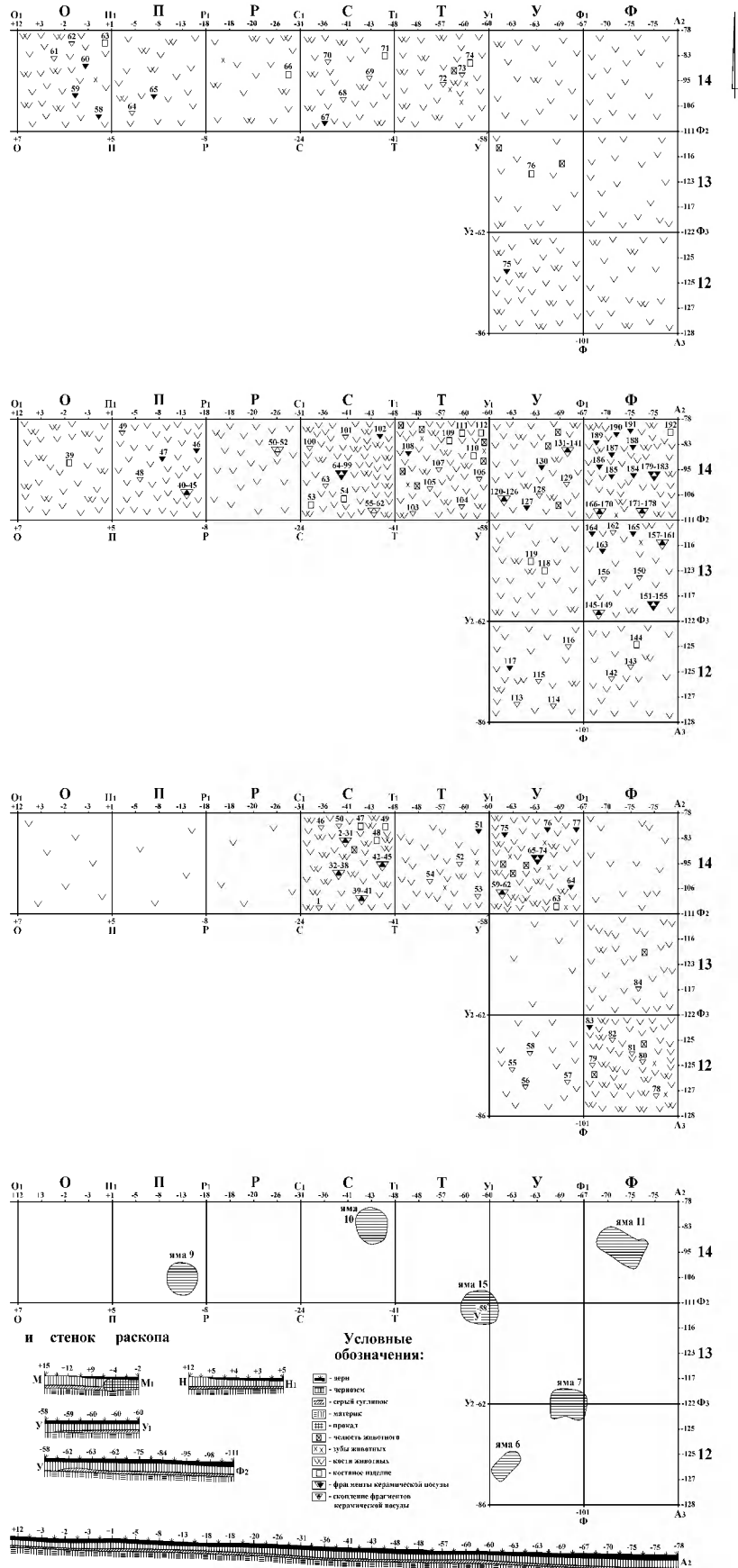

Рис. 58 (продолжение). Комплекс поселений Горопово-4. Раскоп №1 в 2002 году. Планы 1 (А), 2 (Б), 3 (В) и 4 (Г) слоев, профили стенок и бровок

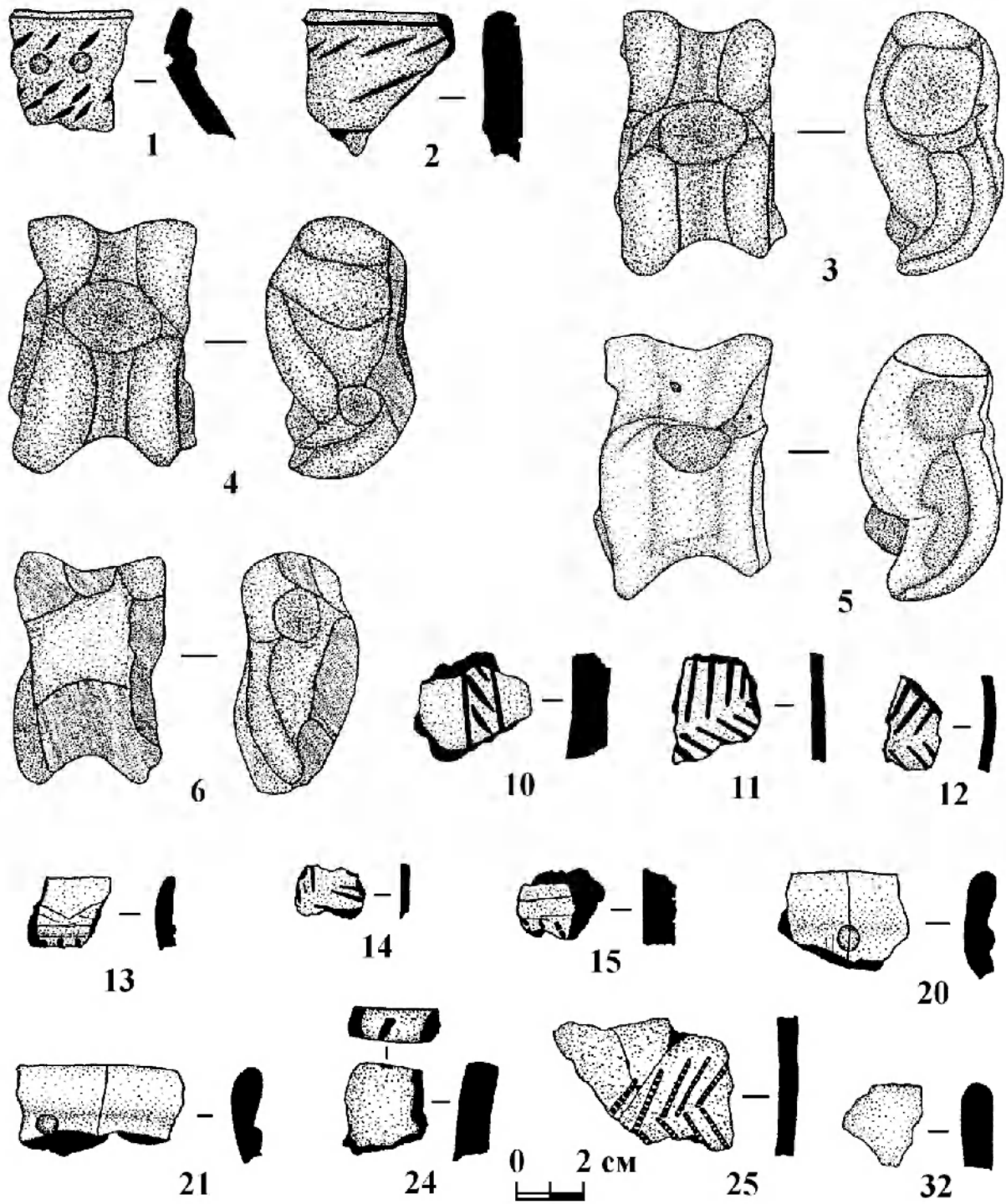

Рис. 59. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2002 года из первого слоя раскопа №1: 1, 2, 10-15, 20, 21, 24, 25, 32 – фрагменты керамической посуды, 3-6 – альчики (игральные кости)

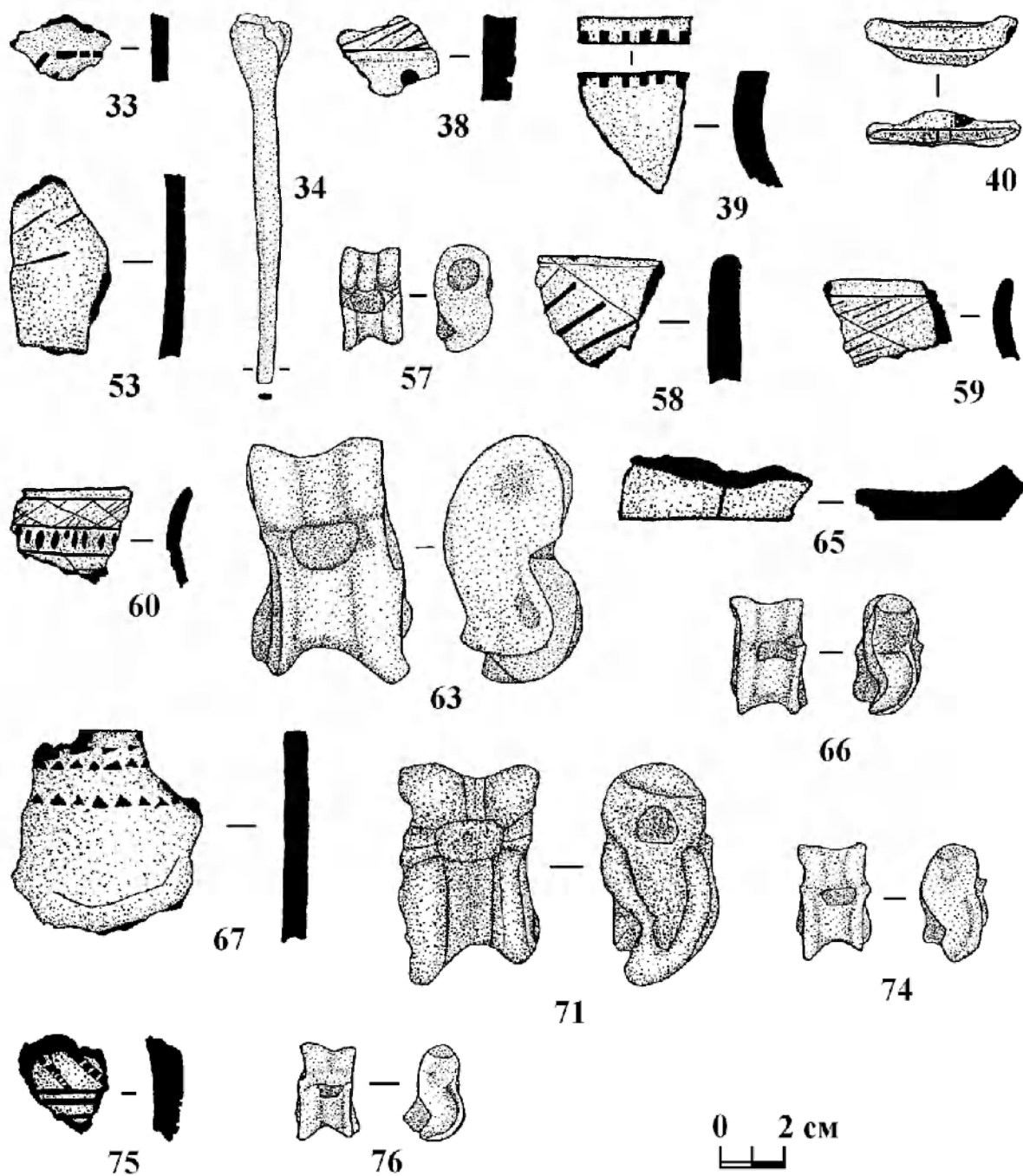

Рис. 60. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2002 года из первого слоя раскопа №1: 33, 38, 39, 53, 58-60, 65, 67, 75 – фрагменты керамической посуды, 34 – фрагмент костяного изделия (проколка), 40 – костяная пуговица, 57, 63, 66, 71, 74, 76 – альчики (игральные кости)

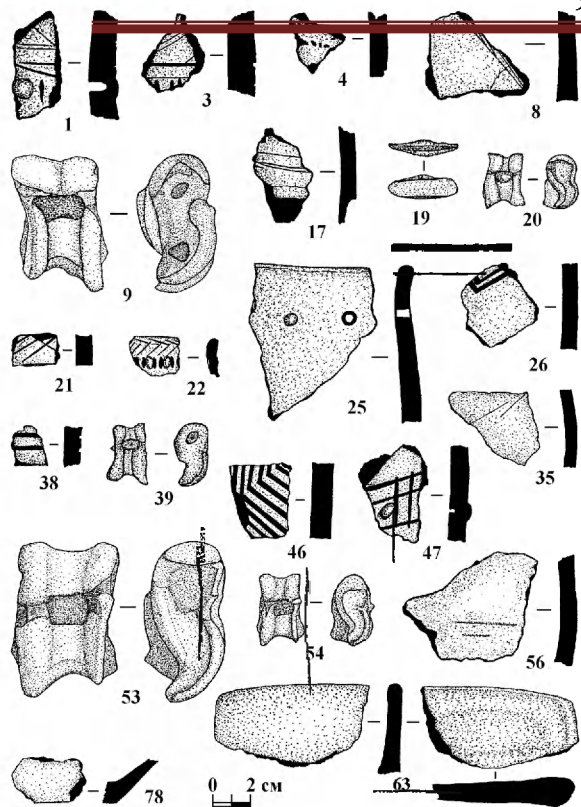

Рис. 61. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2002 года из второго слоя раскопа №1: 1, 3, 4, 8, 17, 21, 22, 25, 26, 35, 38, 46, 47, 56, 63, 78 – фрагменты керамической посуды, 9, 20, 39, 53, 54 – альчики (игральные кости), 19 – костяная пуговица

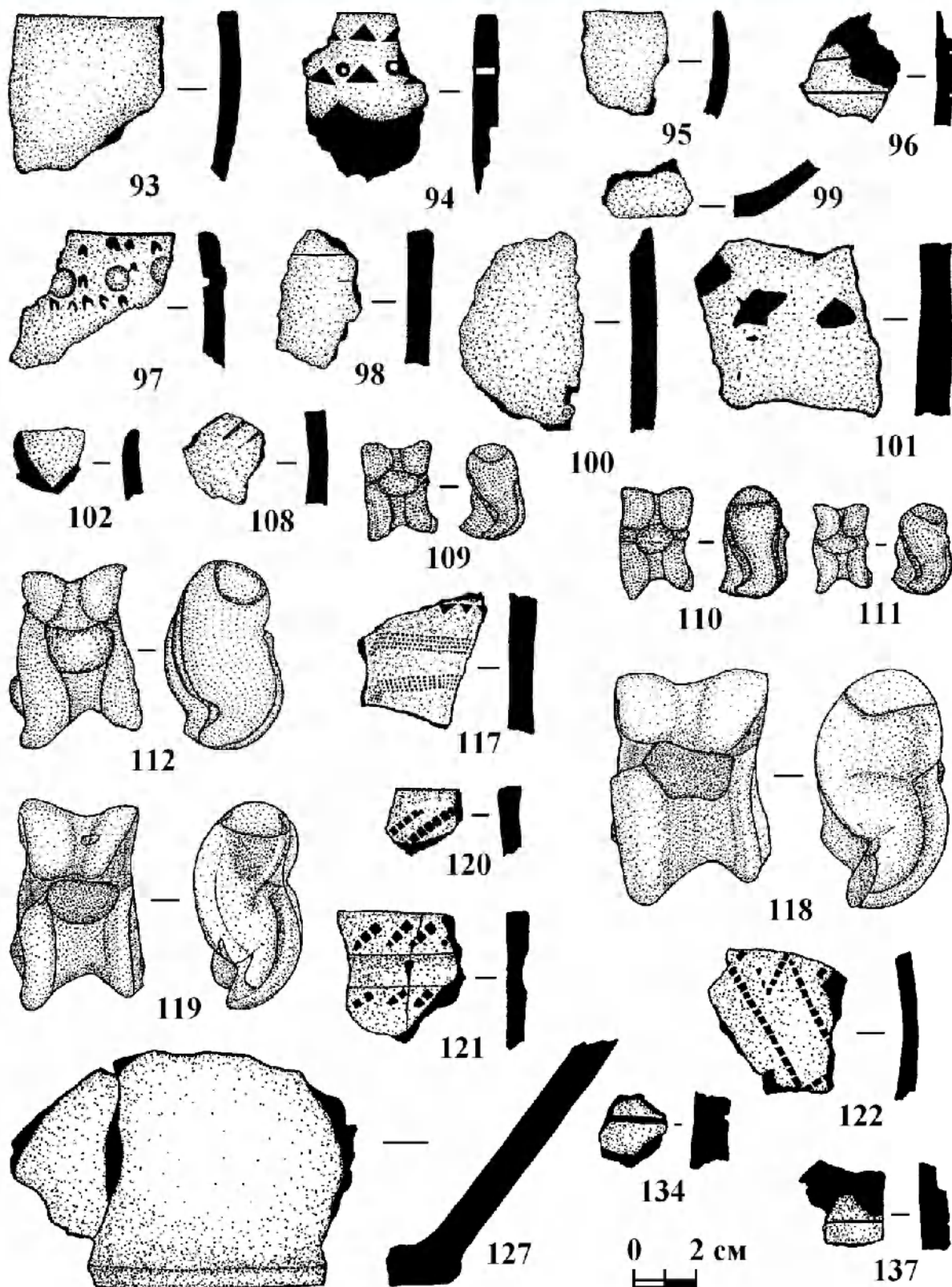

Рис. 62. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2002 года из второго слоя раскопа №1: 93-102, 108, 117, 120-122, 127, 134, 137 – фрагменты керамической посуды, 109-112, 118, 119 – альчики (игральные кости)

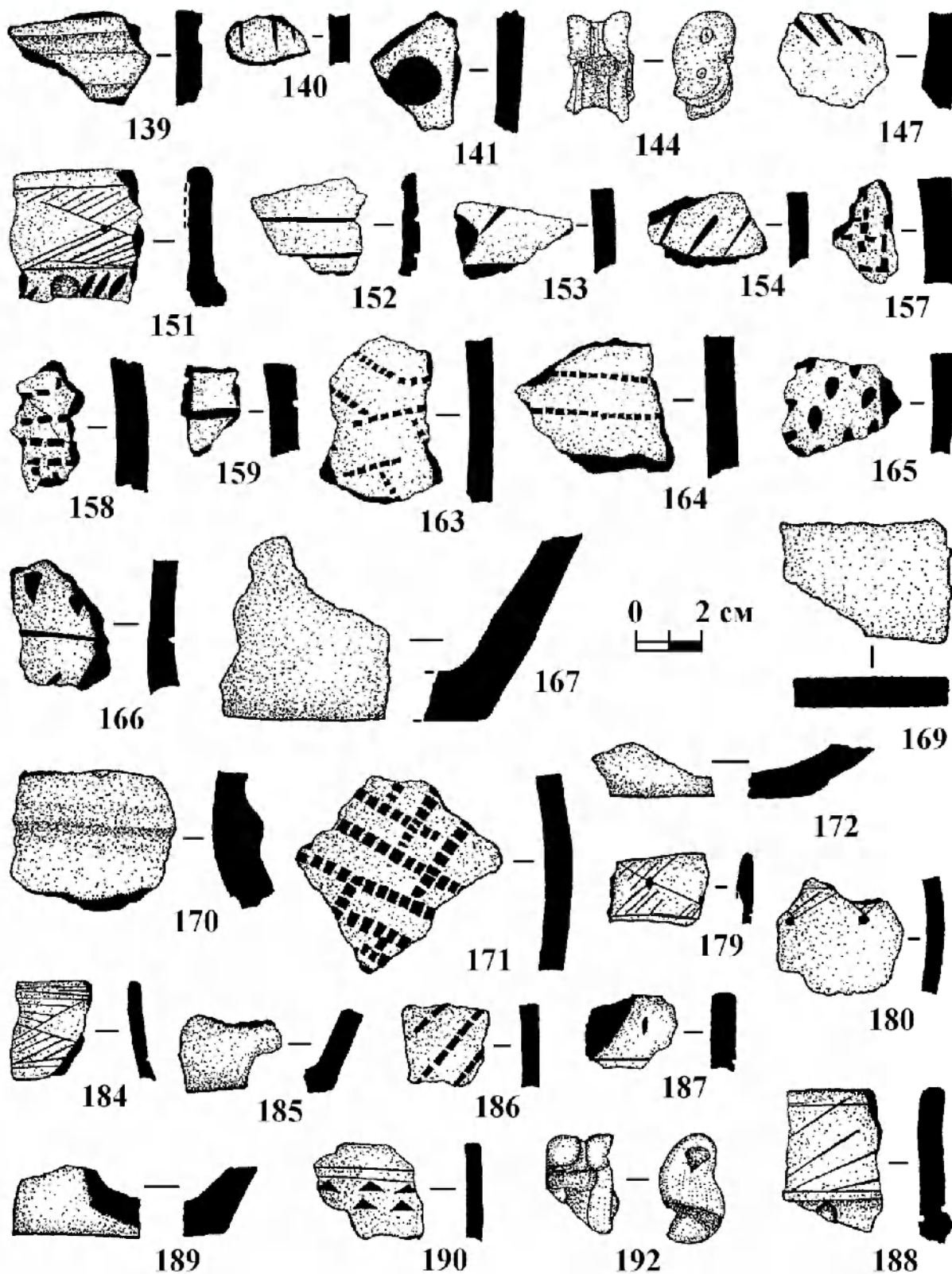

Рис. 63. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2002 года из второго слоя раскопа №1: 139-141, 144, 147, 151-154, 157-159, 163-167, 169-172, 179, 180, 184-190 – фрагменты керамической посуды, 144, 192 – альчики (игральные кости)

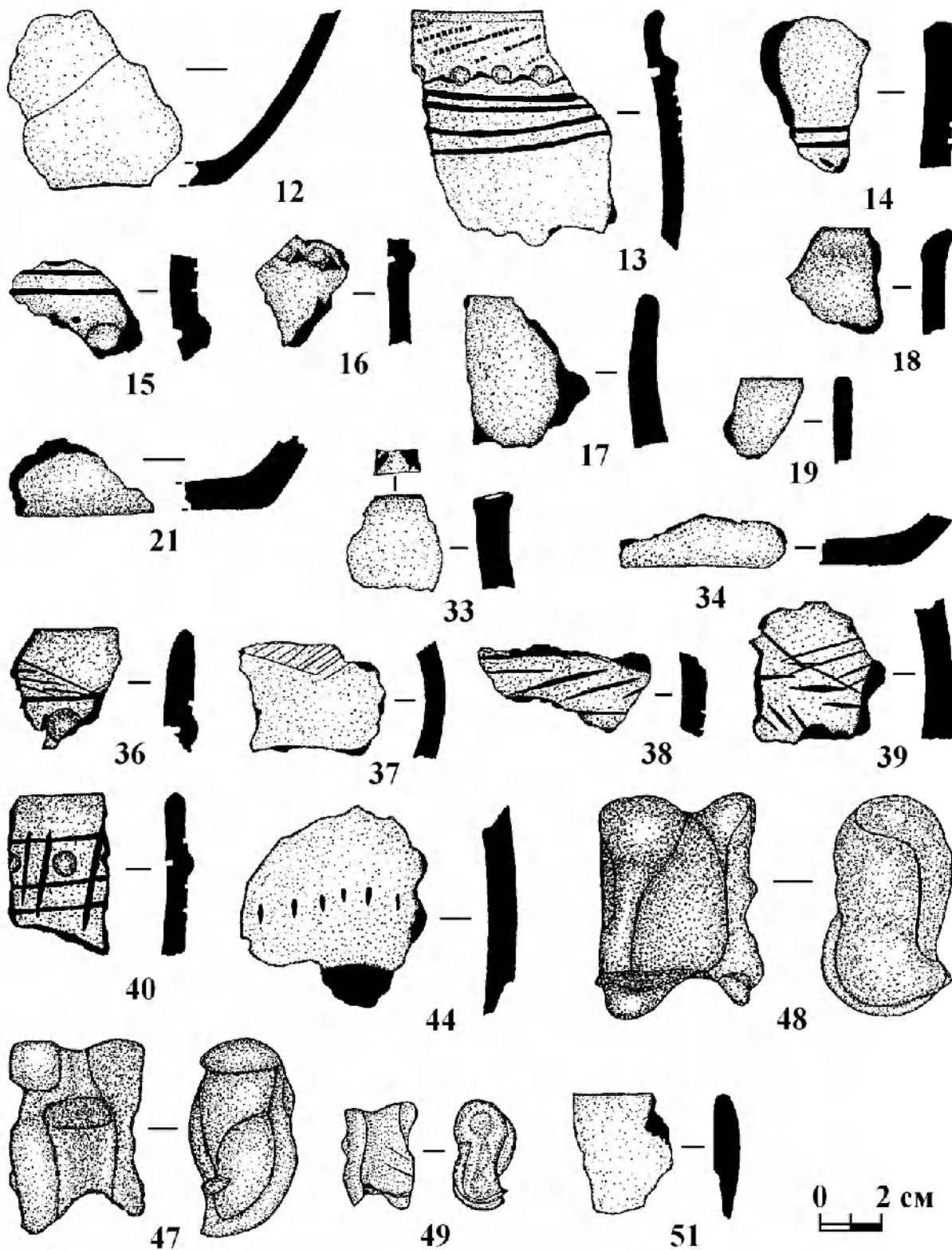

Рис. 64. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2002 года из третьего слоя раскопа №1: 12-19, 21, 33, 34, 36, 37-40, 44, 51 – фрагменты керамической посуды, 47-49 – альчики (игральные кости)

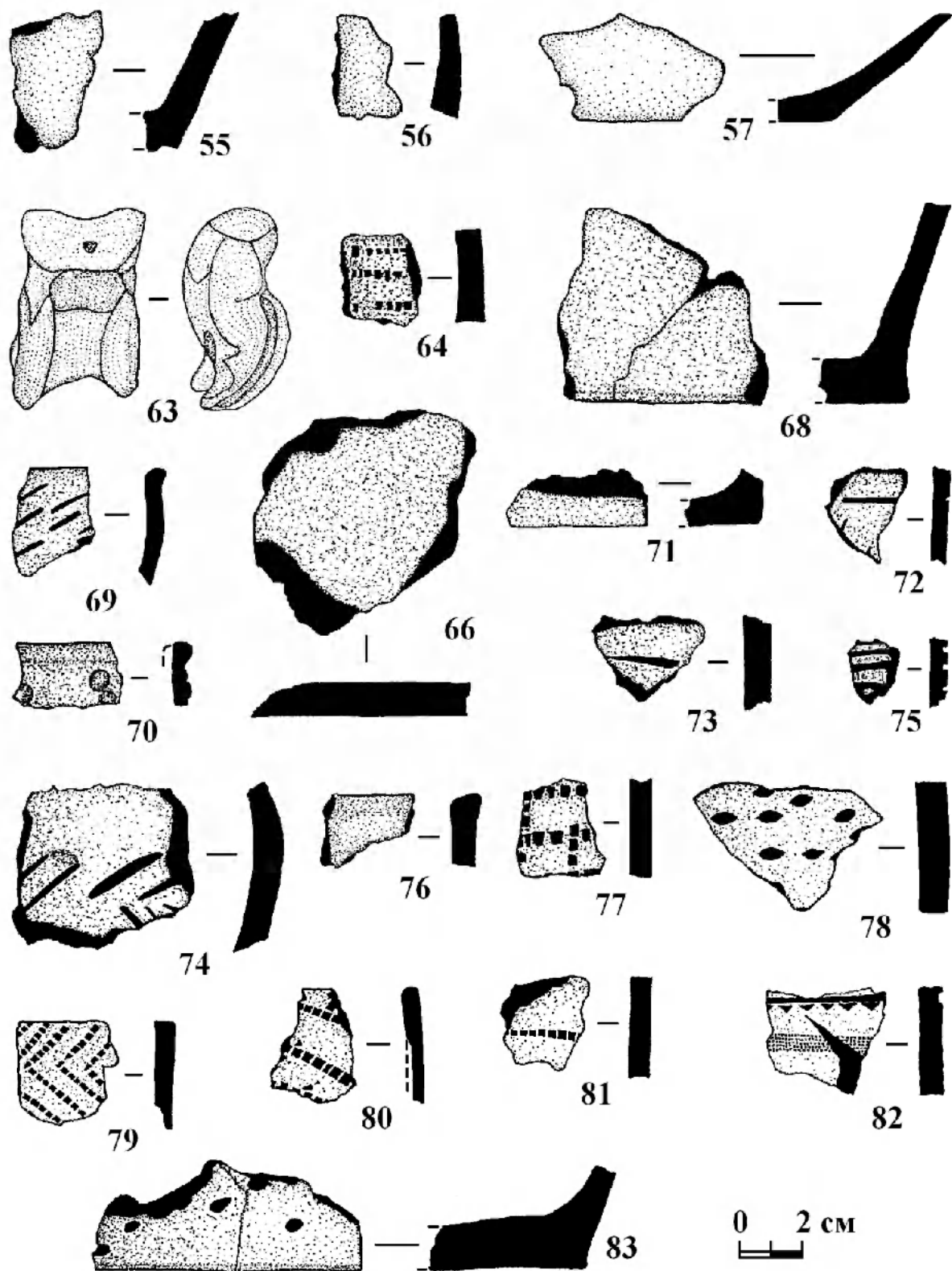

Рис. 65. Комплекс поселений Торопово-4. Находки 2002 года из второго слоя раскопа №1: 55-57, 64, 66, 68-83 – фрагменты керамической посуды, 63 – альчик (игральная кость)

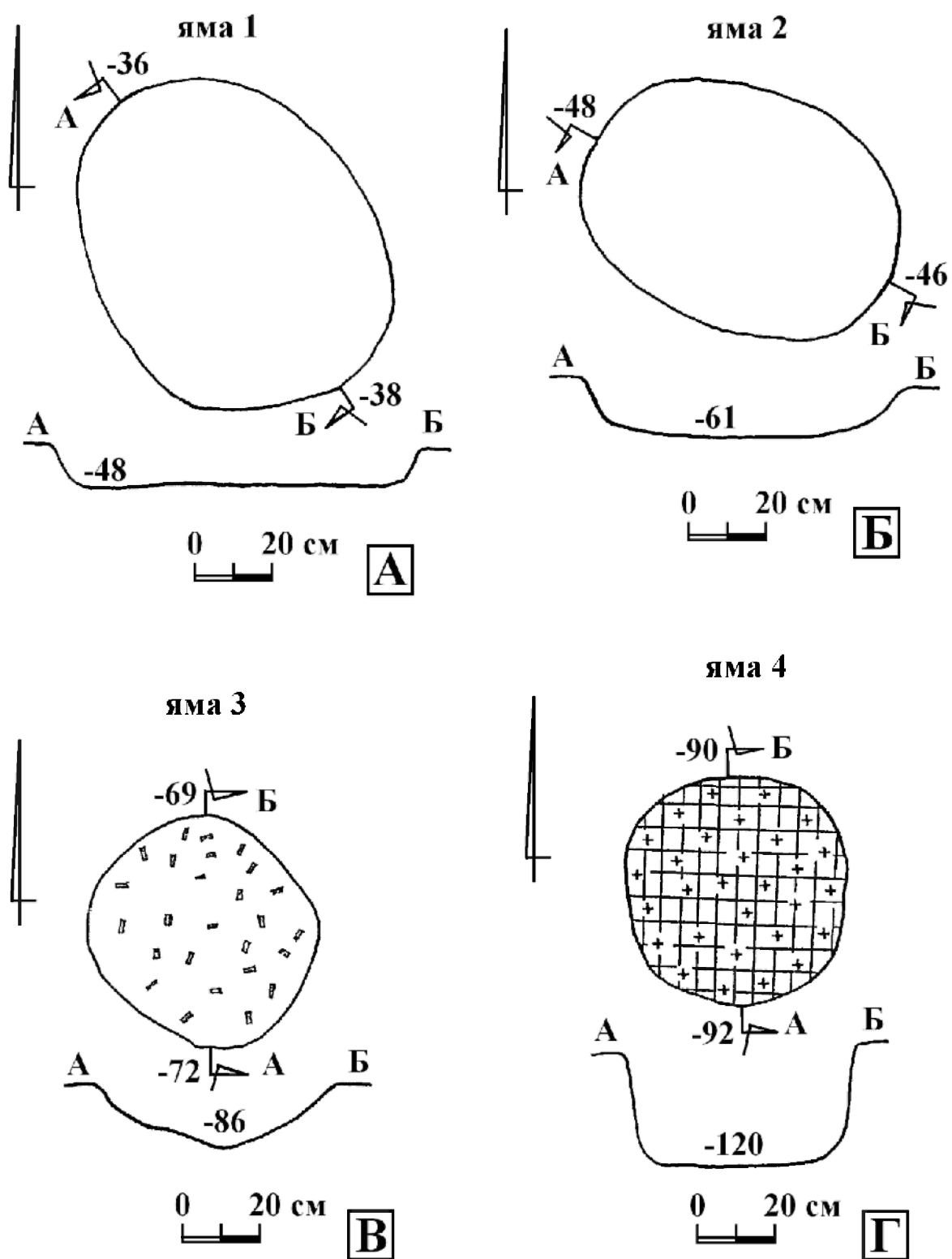

Рис. 66. Комплекс поселений Торопово-4. Планы и разрезы ям 1 (А), 2 (Б), 3 (В) и 4 (Г) в раскопе №1 2002 года

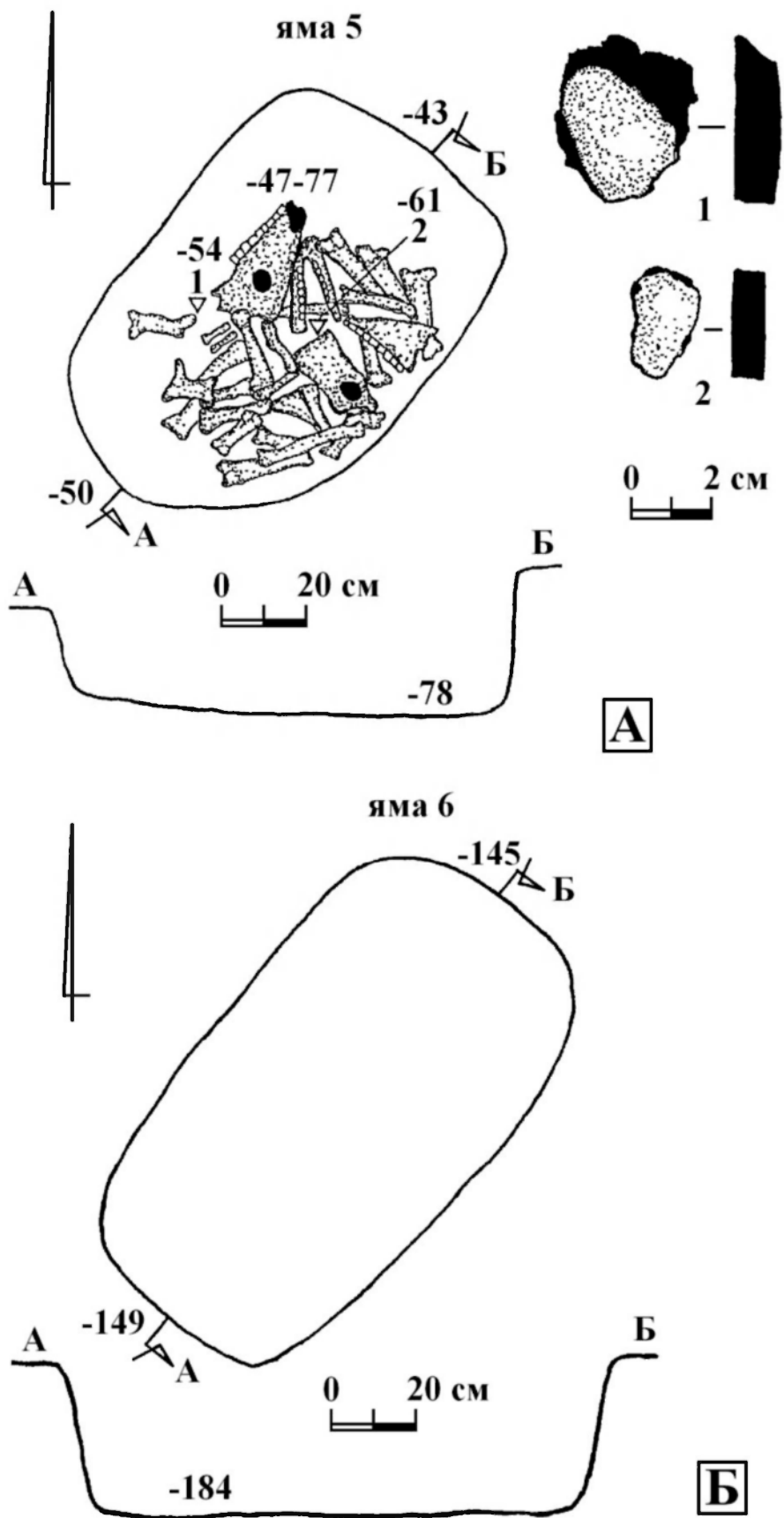

Рис. 67. Комплекс поселений Торопово-4. Планы и разрез ям 5 (А) и 6 (Б) и находки из ямы 5 в раскопе №1 2002 года. А: 1, 2 – фрагменты керамической посуды

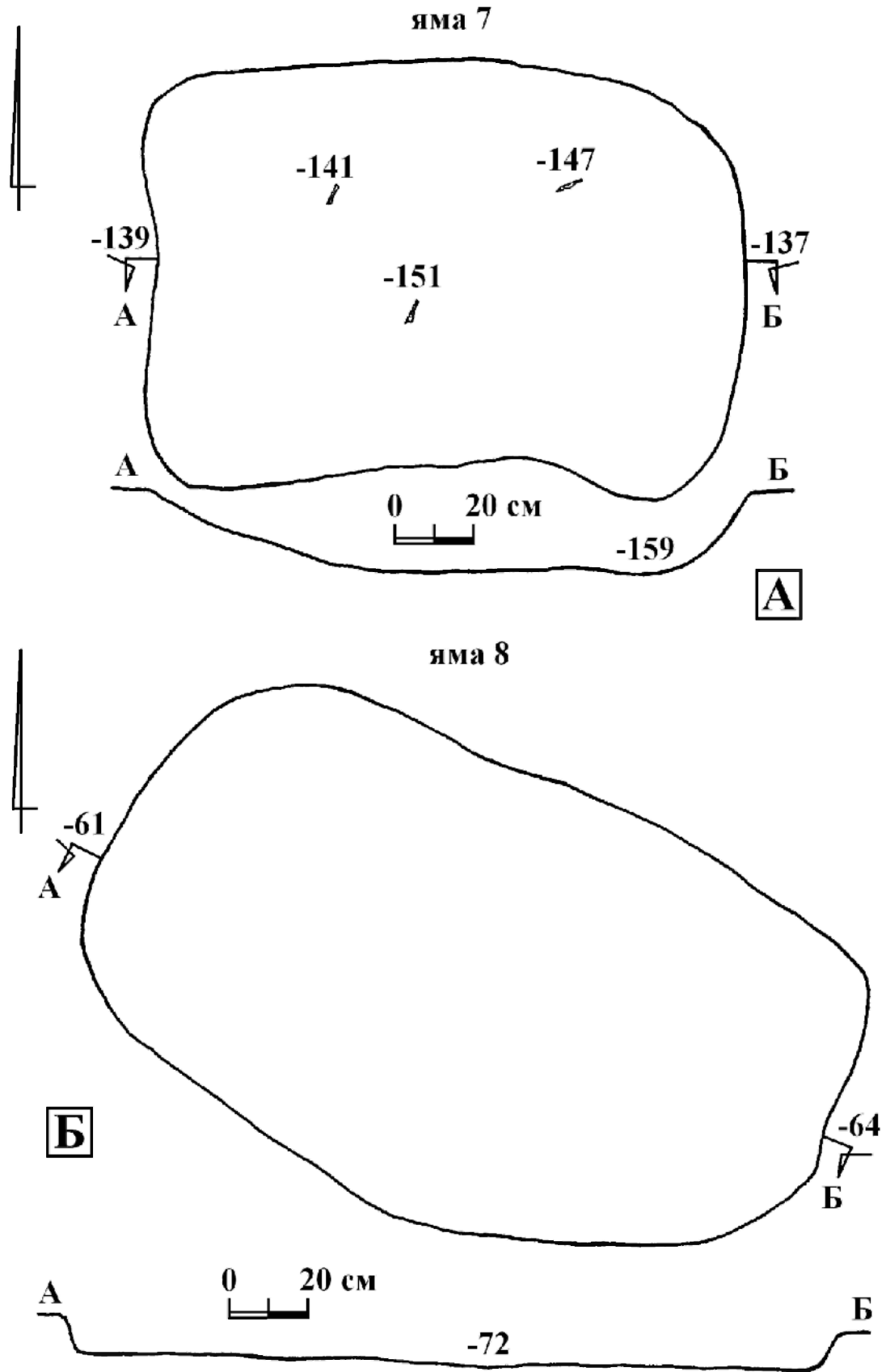

Рис. 68. Комплекс поселений Торопово-4. Планы и разрезы ям 7 (А) и 8 (Б) в раскопе №1 2002 года

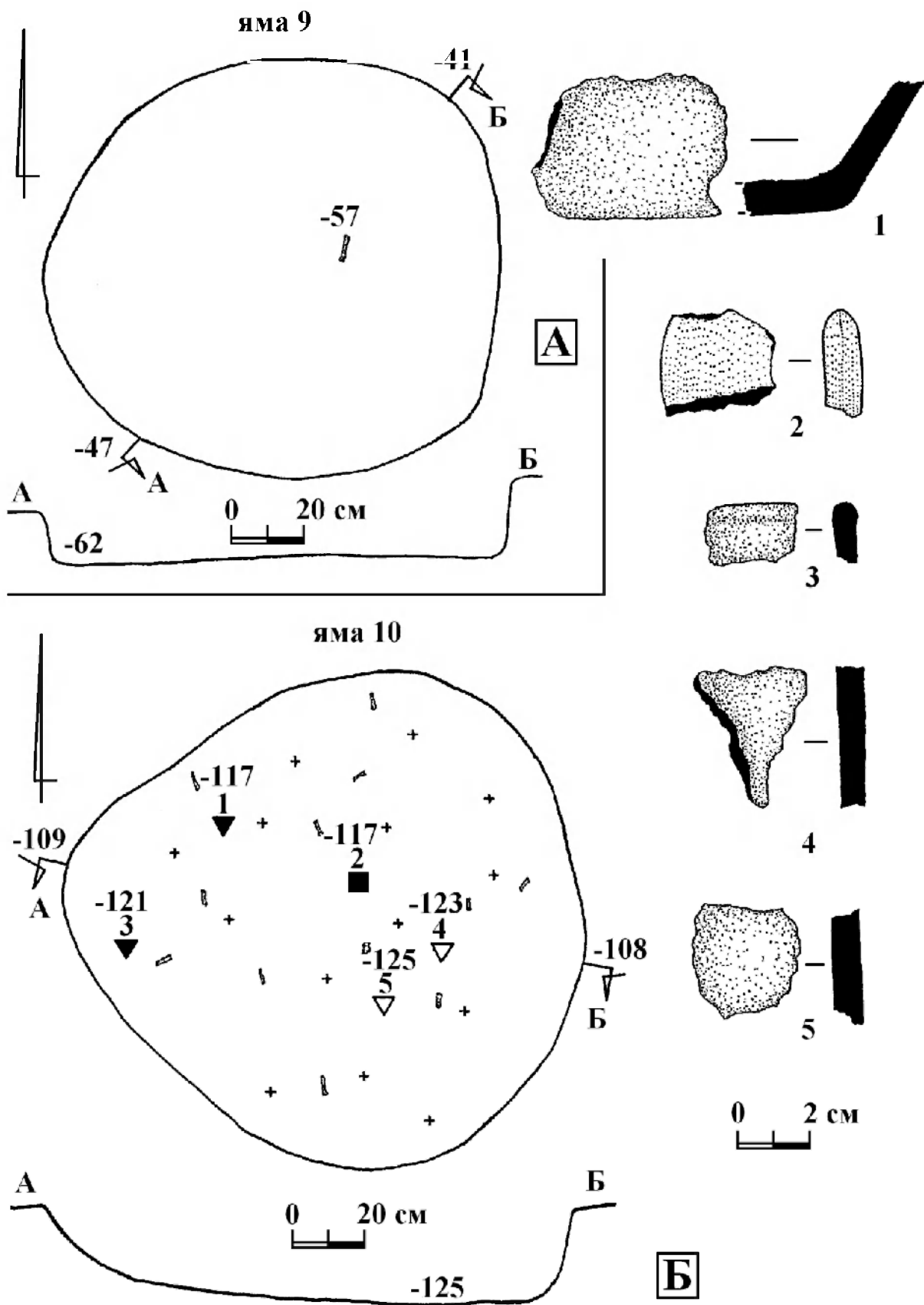

Рис. 69. Комплекс поселений Торопово-4. Планы и разрезы ям 9 (А) и 10 (Б) и находки из ямы 10 в раскопе №1 2002 года. Б: 1, 3-5 – фрагменты керамической посуды, 2 – фрагмент каменного изделия

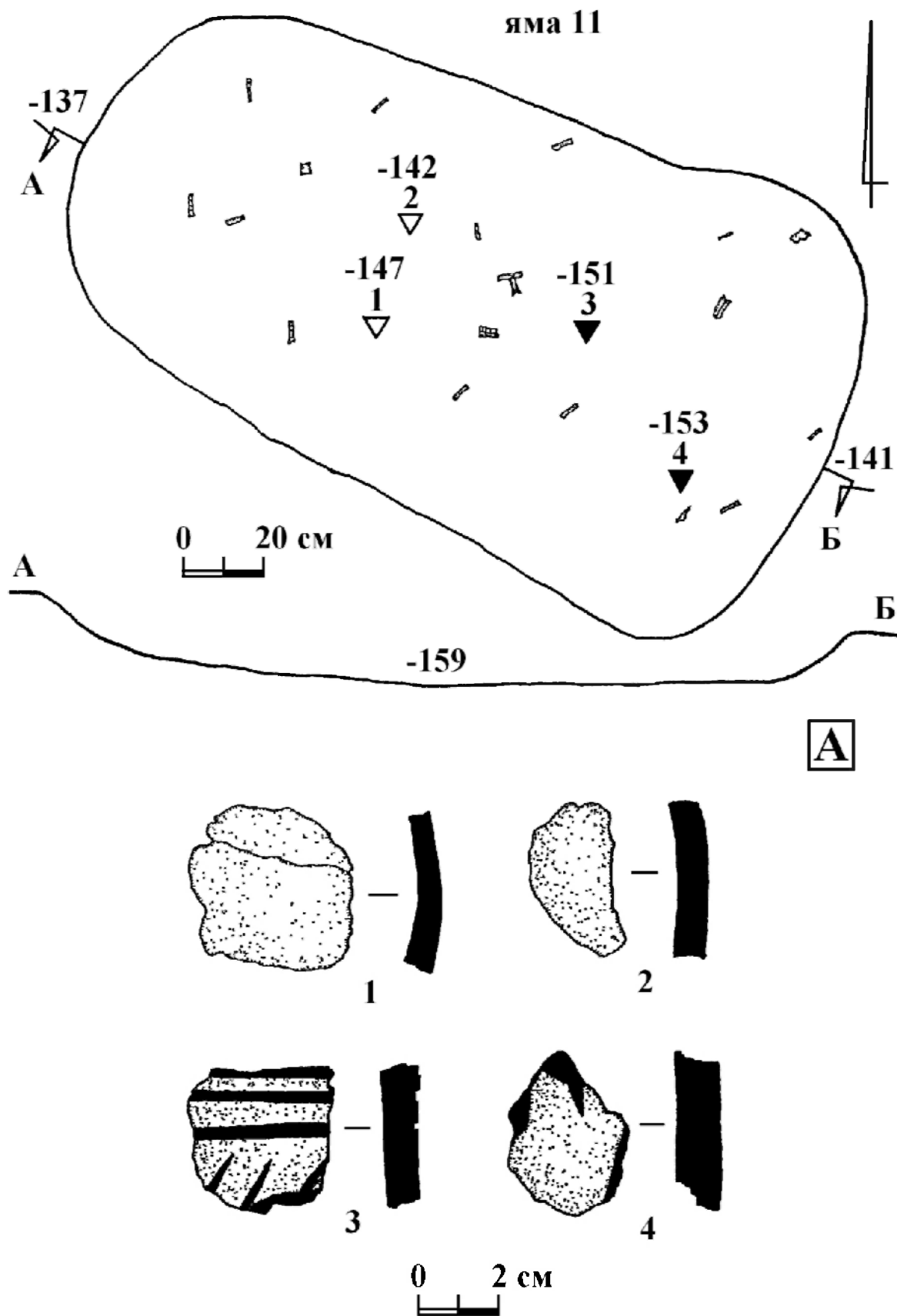

Рис. 70. Комплекс поселений Торопово-4. План и разрез ямы 11 (А) и находки из нее в раскопе №1 2002 года: 1-4 – фрагменты керамической посуды

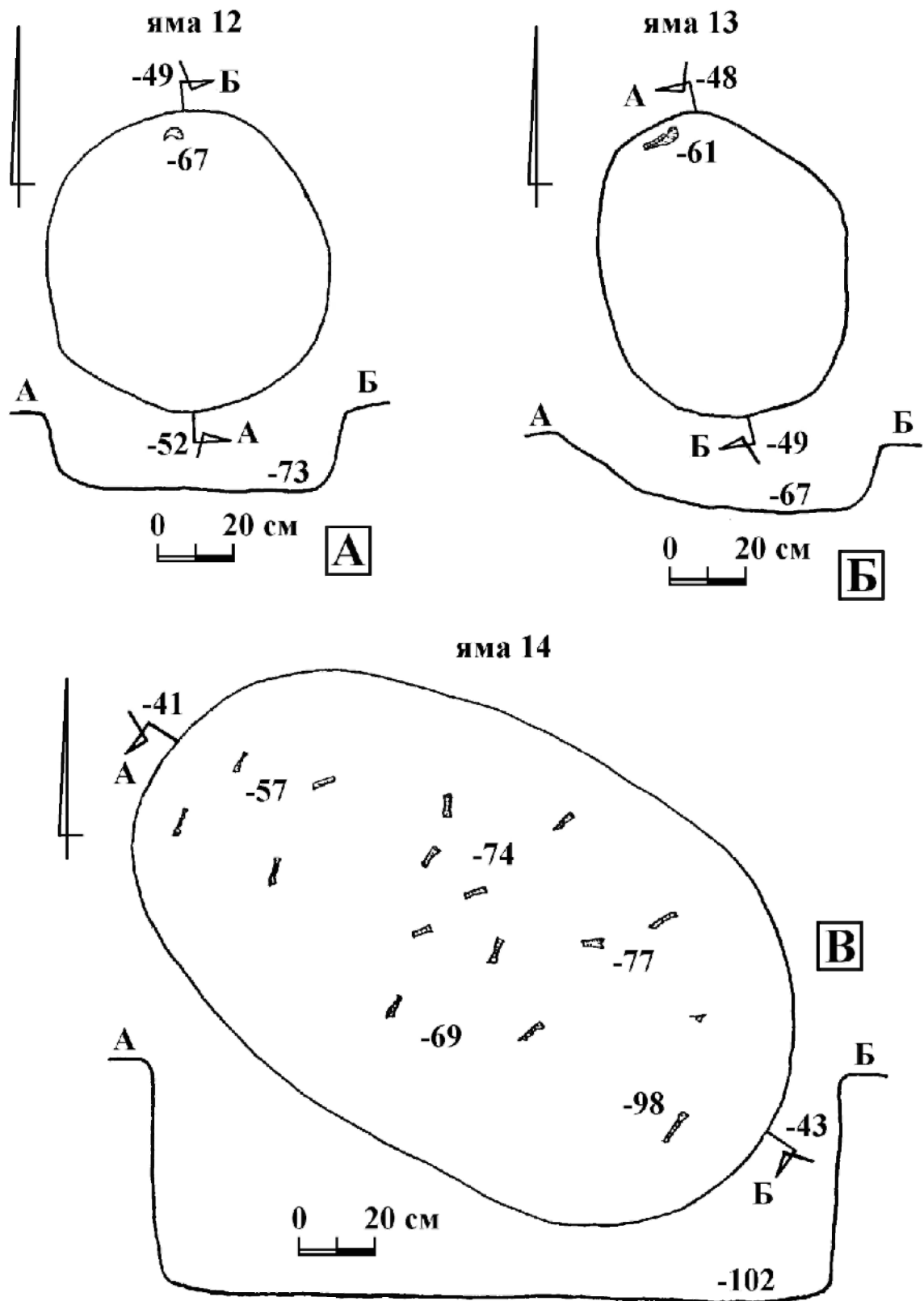

Рис. 71. Комплекс поселений Торопово-4. Планы и разрезы ям 12 (А), 13 (Б) и 14 (В) в раскопе №1 2002 года

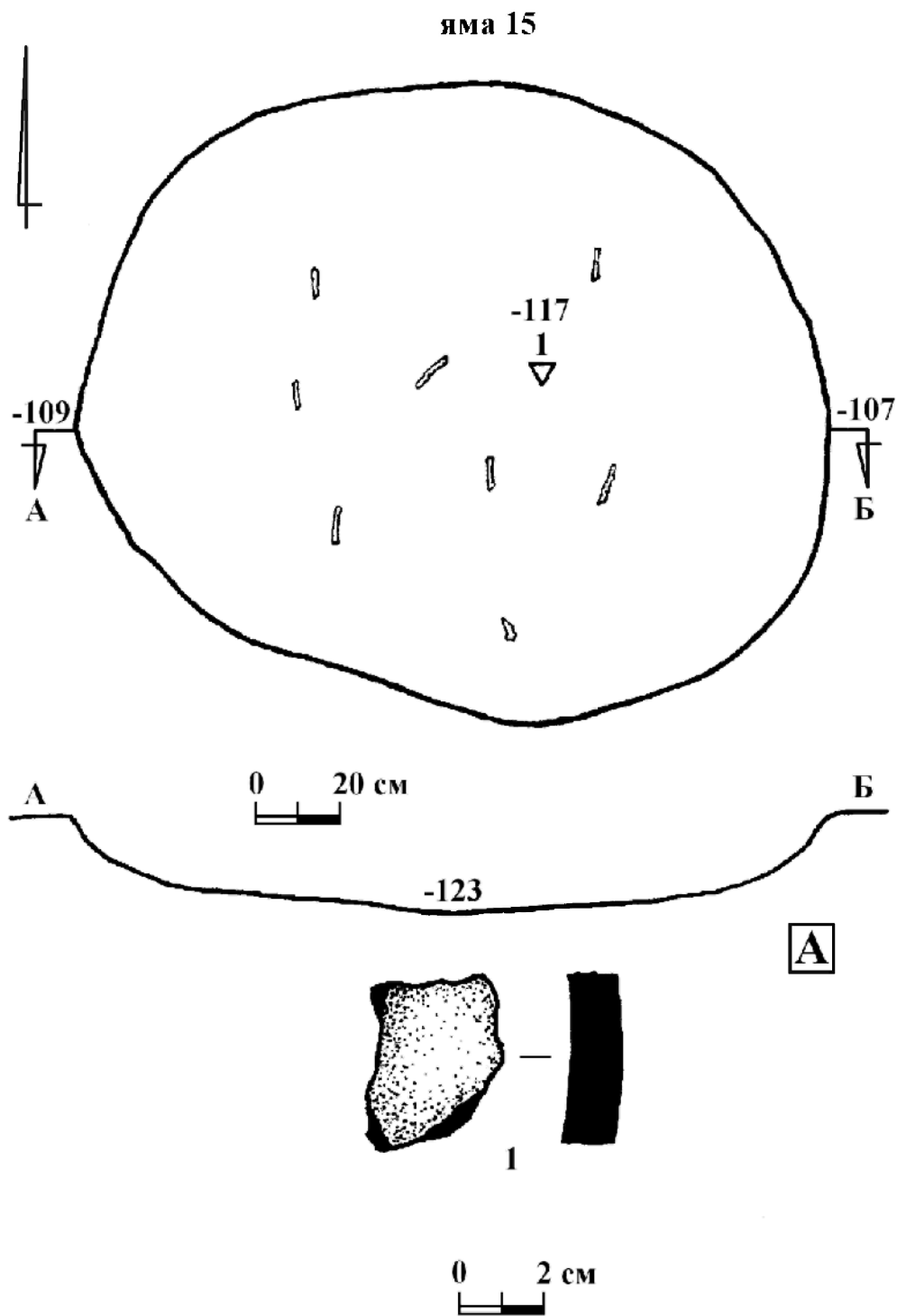

Рис. 72. Комплекс поселений Торопово-4. План и разрез ямы 15 (А) и находки из нее в раскопе №1 2002 года: 1 – фрагмент керамического сосуда

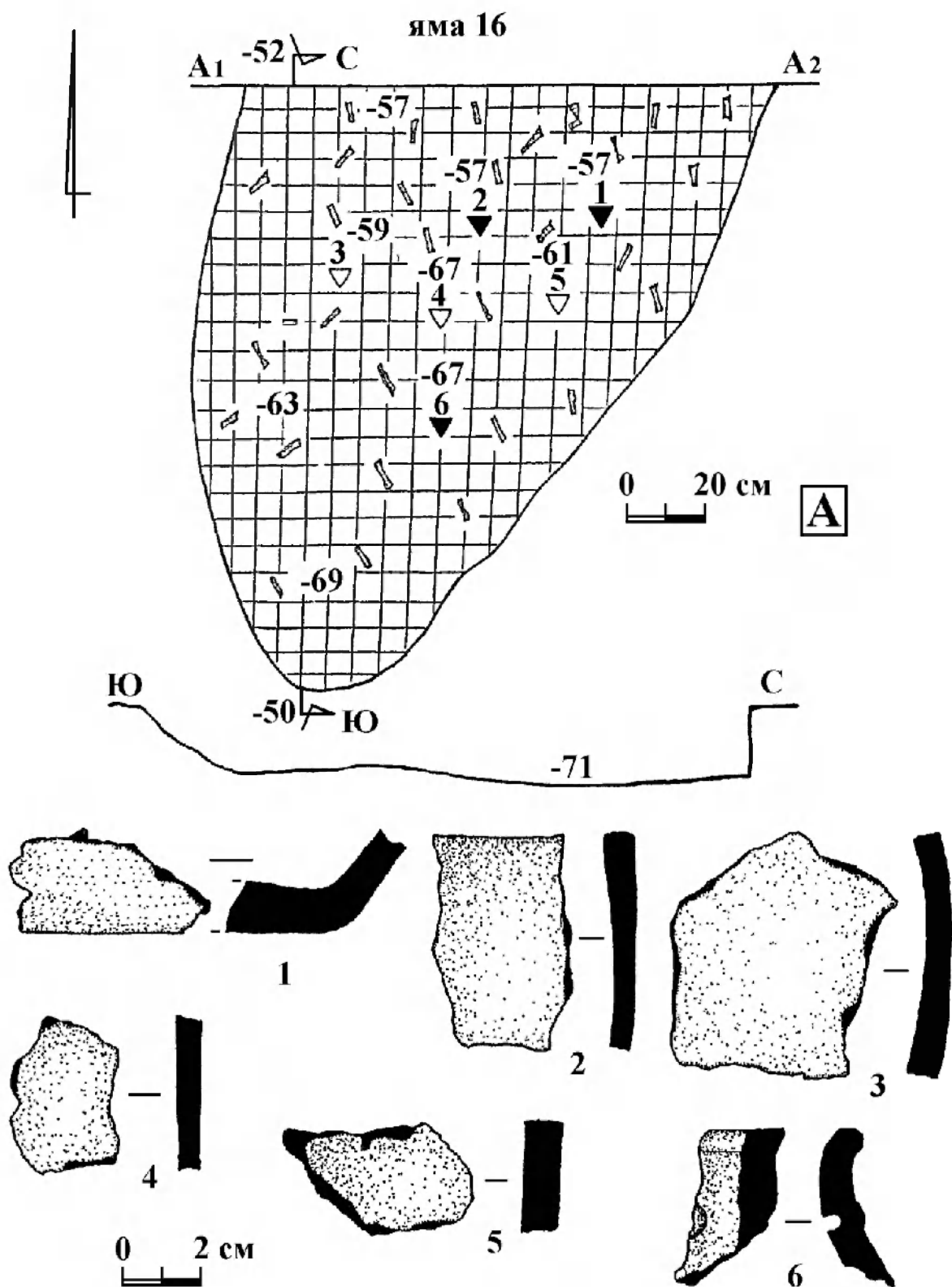

Рис. 73. Комплекс поселений Торопово-4. План и разрез ямы 16 (А) и находки из нее в раскопе №1 2002 года: 1-6 – фрагменты керамической посуды

10. SUMMARY

In monographies new materials of archeological excavations for the first time are published and entered into a wide scientific turn on a complex of archaeological settlements Toropovo-4 which represents object of a historical and cultural heritage of the ancient and medieval population which lived in a valley of the river of Kasmy in territory of the Kuznetsk hollow. Materials from elevating gathering and field archeological excavations 1996 and on this unique monument are described 1999-2002 in chapter 1 and presented in the appendix. The information on results of excavation by a total area of 1254 sq. m, collections of artifacts of material culture (1843 copies), about the revealed objects of ability to live of people (12 centers, 4 housing foundation ditches and 29 soil holes) is resulted.

New materials have been subjected analytical research. At a primary stage of the analysis classification of the found artifacts and the objects of ability to live opened on a monument has been spent. Therefore their big typological variety has been revealed. The comparative analysis of all set of this data has allowed to investigate a question on their chronology and a cultural accessory and to allocate steady cultural-chronological complexes of archaeological materials on a studied monument. In total it has been revealed six cultural-chronological complexes: epoch of a eneolith, the early and developed bronze; epoch of late bronze; transitive time from bronze to iron and the early Iron Age; the early Middle Ages (V – first half VIII centuries AD); the early Middle Ages (second half VIII-X centuries AD); the developed Middle Ages (or first half II thousand AD).

Dating of an occupation layer occurring at different times on Toropovo-4 and an arrangement of cultural-chronological complexes have allowed to interpret a monument as a complex of settlements occurring at different times. Research of quantitative characteristics of cultural-chronological complexes has allowed to draw a conclusion that the monument has the specific cyclic dynamics of functioning. Peaks of cultural cycles have been fixed for an epoch of late bronze and the developed Middle Ages.

The question on a place which occupies a complex of settlements Toropovo-4 in micro and macro cultural space, within Kasminsky archaeological microdistrict, the Kuznetsk hollow, the Western and Average Siberia, during the various historical periods of functioning has undergone to special studying. Communications of the cultural-chronological groups allocated for Toropovo-4 with such cultural formations, as have been investigated: andronovskay (fedorovskay) culture or andronovskay a cultural-historical generality of the developed bronze; korhagskinskay and irmenskay archaeological culture or irmenskay a cultural-historical generality of late

10. Summary

bronze; monuments of transitive time from bronze to the early Iron Age; the fominskay archaeological culture; the saratovsray archaeological culture verhneobskoj a cultural-historical generality of the early Middle Ages; the handinskay archaeological culture basandajskoj a cultural-historical generality of the developed Middle Ages.

On the basis of historiographic studying of a wide range of archaeological materials of different historical epoch and the periods of Kasminsky archaeological microdistrict, the Kuznetsk hollow, the Western and Average Siberia, having on Toropovo-4, the place was possible to designate analogies it is a monument on cultural-chronological schemes of different level

As a whole, estimating special value of new materials entered into a wide scientific turn, it is necessary to notice that they allow to observe cultural changes passing in a wide chronological interval on the same place. Thus quantitative characteristics of archaeological materials allow to study questions of cultural dynamics, its sources and factors.

Оглавление

1. Введение.	3
2. История исследования и результаты раскопок комплекса археологических поселений Торопово-4.	7
2.1. Открытие памятника и первые подъемные сборы.	7
2.2. Подъемные сборы и раскопки 2001 года.	8
2.2.1. Раскоп №1.	9
2.2.2. Раскоп №2.	23
2.2.3. Раскоп №3.	25
2.3. Подъемные сборы и раскопки 2002 года.	31
2.3.1. Раскоп №1.	32
2.4. Итоги обследований и раскопок.	40
3. Классификация артефактов и раскопанных объектов.	42
3.1. Типологическая классификация артефактов.	42
3.1.1. Вооружение.	42
3.1.2. Принадлежности одежды и украшения.	44
3.1.3. Орудия труда и бытовые предметы.	44
3.1.4. Посуда.	47
3.2. Типологическая классификация объектов жизнедеятельности.	54
3.2.1. Поселения и жилища.	54
3.2.2. Прокалы от кострищ.	55
3.3.3. Грунтовые ямы.	56
4. Культурно-хронологический анализ археологических материалов.	58
4.1. Древности энеолита и эпохи бронзы.	58
4.1.1. Артефакты эпохи энеолита, ранней и развитой бронзы.	58
4.1.2. Артефакты и объекты жизнедеятельности поздней бронзы.	61
4.2. Материалы переходного времени от бронзы к железу и раннего железного века.	74
4.3. Средневековые объекты и артефакты.	82
5. Торопово-4 в культурном микро- и макропространстве.	87
5.1. Комплекс поселений Торопово-4 и Касьминский археологический микрорайон.	87
5.2. Торопово-4 в культурном пространстве Кузнецкой котловины и сопредельных территорий.	91
5.2.1. Культурно-историческая ситуация в период развитой бронзы (Андроновская культурно-историческая общность).	91
5.2.2. Культурно-историческая ситуация в период поздней бронзы (Постандроновские археологические культуры).	94
5.2.3. Культурно-историческая ситуация в период поздней бронзы (Ирменская культурно-историческая общность).	99
5.2.4. Культурно-историческая ситуация в переходное время от бронзы к железу и раннем железном веке.	109
5.2.5. Культурно-историческая ситуация в эпоху средневековья.	113
6. Заключение.	116
7. Библиографический список.	118
8. Список сокращений.	132
9. Приложение.	133
10. Summary.	209

Научное издание

**СЕРИЯ: ТРУДЫ КУЗНЕЦКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ
АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКПЕДИЦИИ**

ТОМ 5

**Илюшин Андрей Михайлович
Ковалевский Сергей Алексеевич**

**КОМПЛЕКС ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЙ
В ДОЛИНЕ РЕКИ КАСЬМЫ**

Монография

Редактор О.А. Вейс

Подписано в печать 10.12.2012. Формат 60×84/8
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная
Усл. печ. л. 24,64. Уч.-изд. л. 28,00 Тираж 500 экз. Заказ 67

КузГТУ. 650000, Кемерово, ул. Весенняя, 28
Типография КузГТУ. 650000, Кемерово, ул. Д. Бедного, 4а